

архитектурная
археология

architectural archeology

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Вл. В. Седов

№ 7

УДК 72.025.4:902/904(051)

ББК 85.11Я5+85.118Я5

А87

Учредитель: Институт археологии РАН

Редакционная коллегия: *Седов Владимир Валентинович*, член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, Институт археологии РАН, главный редактор (Россия); *Вдовиченко Марина Викторовна*, кандидат искусствоведения, Институт археологии РАН, заместитель главного редактора (Россия); *Антипов Илья Владимирович*, кандидат искусствоведения, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Баталов Андрей Леонидович*, доктор искусствоведения, Музеи Московского Кремля (Россия); *Беляев Леонид Андреевич*, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Богданович Елена*, Ph. D. по специальности «Искусствоведение», Вандербильтский университет (США), доктор искусствоведения (Сербия); *Гайдуков Пётр Григорьевич*, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Гиппиус Алексей Алексеевич*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт славяноведения (Россия); *Джумлиа-Маир Алессандра*, Ph. D. по специальности «Археология», Лаборатория AGM Archeoanalisi (Италия); *Ёлшин Денис Дмитриевич*, кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж (Россия); *Зыков Пётр Леонидович*, Государственный Эрмитаж (Россия); *Казарян Армен Юрьевич*, академик РААСН, доктор искусствоведения (Россия); *Макаров Николай Андреевич*, академик РАН, доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Ситдииков Айрат Габитович*, академик АН РТ, доктор исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия); *Терещенко Елена Юрьевна*, кандидат физико-математических наук, НИЦ «Курчатовский институт» (Россия); *Торшин Евгений Николаевич*, кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж (Россия), *Царевская Татьяна Юрьевна*, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания (Россия); *Этингоф Ольга Евгеньевна*, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ (Россия)

Editorial board: *Sedov Vladimir Valentinovich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Art Studies, Institute of Archaeology RAS, Editor-in-Chief (Russia); *Vdovichenko Marina Viktorovna*, Candidate of Art Studies, Institute of Archaeology RAS, Deputy Editor-in-Chief (Russia); *Antipov Ilya Vladimirovich*, Candidate of Art Studies, St. Petersburg State University (Russia); *Batalov Andrey Leonidovich*, Doctor of Art Studies, Moscow Kremlin Museums (Russia); *Belyaev Leonid Andreevich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Bogdanovich Elena*, Ph. D. in Art History, Vanderbilt University (USA), Doctor of Art Studies (Serbia); *Etinhof Olga Evgenievna*, Doctor of Art Studies, Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts (Russia); *Gaydukov Pyotr Grigoryevich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Gippius Aleksey Alekseevich*, Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Institute of Slavic Studies RAS, (Russia); *Giumlia-Mair Alessandra*, PhD in Archaeology, AGM Archeoanalisi lab (Italy); *Jolshin Denis Dmitrievich*, Candidate of History, State Hermitage Museum (Russia); *Kazaryan Armen Yuryevich*, Academician of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Doctor of Art Studies (Russia); *Makarov Nikolay Andreevich*, Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Sitdikov Ayrat Gabitovich*, Academician of Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of History, Kazan Federal University (Russia); *Tereschenko Elena Yurievna*, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, National Research Center "Kurchatov Institute" (Russia); *Torshin Evgeniy Nikolaevich*, Candidate of History, State Hermitage Museum (Russia); *Tsarevskaya Tatyana Yurievna*, Doctor of Art Studies, State Institute for Art Studies (Russia); *Zykov Pyotr Leonidovich*, State Hermitage Museum (Russia)

ISSN 2686-6900

ISBN 978-5-94375-483-8

DOI: 10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8

© Авторы статей, 2025

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

История 7

К. Л. Синцера. Сырцовокирпичные конструкции в домостроительной традиции сельской территории Боспора 8

Вл. В. Седов, Ю. С. Фомичёва. Новгородская форма окон второй половины XII в. 22

Вл. В. Седов. Материалы по архитектуре церкви Михаила Архангела на Сковородке 32

Объект 43

А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. Северный храм города на плато Эски-Кермен 44

И. А. Стерлигова. К атрибуции крылатой бронзовой фигурки, найденной во владимирском Успенском соборе 54

Вл. В. Седов, И. А. Мельникова. Аркатура на средней абсиде церкви Успения в Мелётове 62

И. С. Румянцев. Церковь Жен Мироносиц на Почайне: у истоков посадской архитектурной школы Нижнего Новгорода XVII в. 69

Проект 80

А. А. Малышев, А. С. Клемешов, А. М. Корженков, А. Н. Овсяченко, А. С. Ларьков, Д. Е. Едемский. Комплексное исследование монументальных сооружений Верхнегостагаевского городища 81

В. Н. Матвеев. Маркировка древнерусских керамических плиток 92

А. А. Кудрявцев, В. П. Макарова. Церковь Георгия на Торгу в Великом Новгороде: история реставрации и архитектурно-археологические исследования 2023 г. 102

Естественно-научное измерение 117

Е. Я. Зубавичус. К вопросу о мастерах князя Владимира Мономаха и его сына: результаты технологического исследования фрагментов стенового письма из раскопок в Суздальском кремле **118**

И. А. Шалина, Д. Г. Пейчев. Новгородская икона Богоматери Умиление (Старорусская): опыт художественного, технико-технологического и «археологического» изучения **137**

Коллекция 155

С. Н. Вахтанов. Белый камень в экспозициях Суздальского музея **156**

Т. К. Федоренко, А. Н. Ельпантифорова. Фрагменты неизвестной композиции, найденные в 1959 г. «перед входом» в храм № 1 Довмонтова города **165**

Н. В. Гормина. Предметы из погребения в Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора **176**

Н. И. Иорданская. К вопросу об атрибуции неизвестного предмета из коллекции архитектурной керамики Государственного исторического музея **184**

Архив 190

А. А. Оксенюк. Исследование П. Д. Барановским памятников г. Владимира в 1920-1940-е гг. **191**

В. В. Майко. Архитектурно-археологические раскопки византийского храма в округе Сугдеи, проведенные Б. Н. фон Эдингом в 1910 г. **198**

Т. А. Акимова. Обзор материалов из домашнего архива Н. Н. Воронина, поступивших в Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник **207**

Список сокращений 211

Авторам 213

CONTENTS

History 7

- K. L. Sintserova.* Adobe brick constructions in the house-building tradition of the rural territory of the Bosphorus 8
- Vi. V. Sedov, Yu. S. Fomicheva.* Window forms in Novgorodian architecture of the second half of the 12th century 22
- Vi. V. Sedov.* On the architecture of the Church of the Archangel Michael at Skovorodka 32

Object 43

- A. I. Aybabin, E. A. Khayredinova.* The Northern Church of the city on the Eski-Kermen plateau 44
- I. A. Sterligova.* Preliminary attribution of a winged bronze figurine from the Dormition Cathedral in Vladimir 54
- Vi. V. Sedov, I. A. Melnikova.* Arcature on the central apse of the Church of the Dormition in Melyotovo 62
- I. S. Rumyantsev.* The Church of the Myrrh-Bearing Women on the Pochayna: the origins of the 17th-century Nizhny Novgorod posad school of architecture 69

Project 80

- A. A. Malyshev, A. S. Klemeshov, A. M. Korzhenkov, A. N. Ovsyuchenko, A. S. Larkov, D. E. Edemskiy.* A comprehensive study of the monumental structures of the Verkhnegostagaevskoe settlement 81
- V. N. Matveev.* Marking of Old Russian ceramic tiles 92
- A. A. Kudryavtsev, V. P. Makarova.* The Church of St. George on the Marketplace in Veliky Novgorod: history of restoration and architectural-archaeological research in 2023 102

Natural science dimension 117

E. Ya. Zubavichus. On the painters of Prince Vladimir Monomakh and his son: results of a technological study of wall painting fragments from excavations in the Suzdal Kremlin **118**

I. A. Shalina, D. G. Peychev. The Novgorod icon of the Mother of God Eleousa (Starorusskaya): artistic, technical and 'archaeological' analyses **137**

Collection 155

S. N. Vakhtanov. White stone in the exhibitions of the Suzdal Museum **156**

T. K. Fedorenko, A. N. Elpantiforova. Fragments of an unknown composition found in 1959 'in front of the entrance' to Church No. 1 in Dovmont Fortress **165**

N. V. Gormina. Items from the burial in the Martyrievskaya porch of the St. Sophia Cathedral in Novgorod **176**

N. I. Iordanskaya. On the attribution of an unknown artefact from the architectural ceramics collection of the State Historical Museum **184**

Archive 190

A. A. Oksenyuk, P. D. Baranovsky's study of monuments in the city of Vladimir from the 1920s to the 1940s **191**

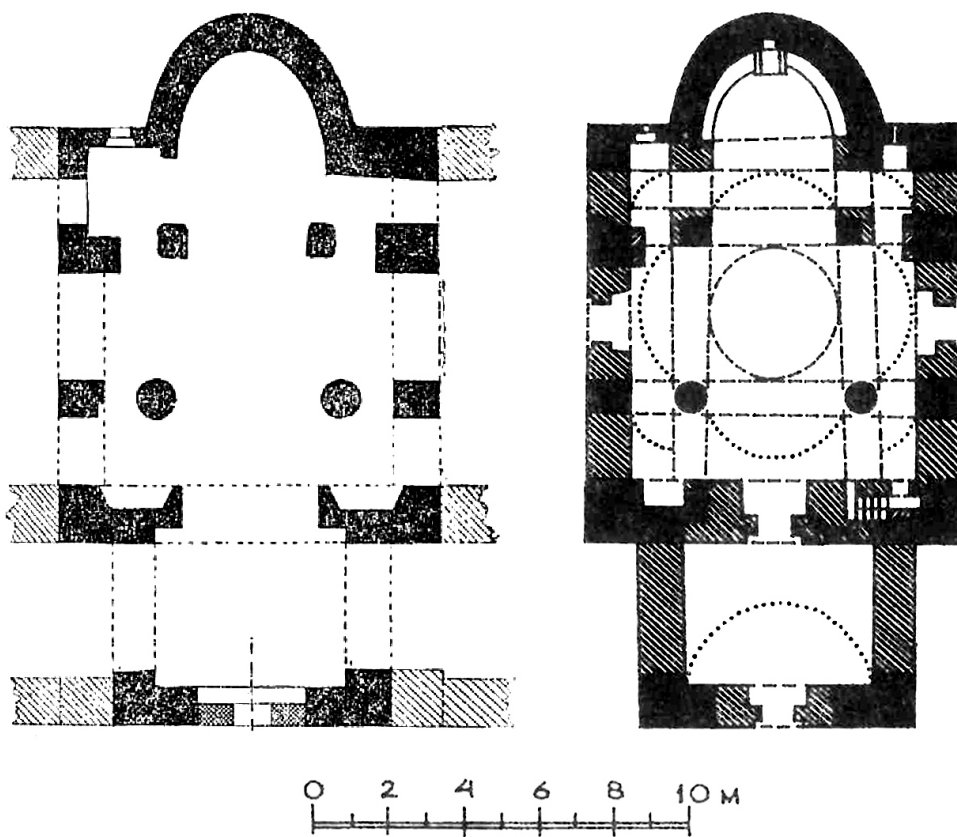
V. V. Maiko. Architectural and archaeological excavations of B. N. von Eding of a church in the surroundings of Sugdeja in 1910 **198**

T. A. Akimova. A review of materials from the private archive of N. N. Voronin, acquired by the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve **207**

List of Abbreviations 211

About 213

ИСТОРИЯ

К. Л. СИНЦЕРОВА

ШИРОКОЕ применение сырцового кирпича в эллинской строительной практике было обусловлено несколькими факторами: во-первых, отсутствием или недостатком камня в некоторых областях греческого мира; во-вторых, экономичностью такого рода материала: доступностью и дешевизной сырья, инструментов и пр.; в-третьих, относительно незначительными трудозатратами при его изготовлении (Кузнецов, 2015. С. 284). Постройки с сырцовокирпичными стенами известны как в колониях, так и в метрополии: и в городах, и на сельской территории. Не только множество письменных источников (Orlandos, 1966. Р. 51–52), но и значительный массив археологических данных дают нам представление об особенностях изготовления и применения этого универсального материала. Именно ему, как неотъемлемой части жилой и погребальной архитектуры Азиатского Боспора, посвящены работы В. Д. Кузнецова (о Фанагории) и А. В. Иванова и Н. И. Сударева (о некрополях) (Кузнецов, 2015; Иванов, Сударев, 2023). Небезынтересным дополнением представляется исследование сырцовых построек на сельской территории Боспора.

Как известно, сырцовый кирпич — это изделие в форме параллелепипеда, изготовленное из глины и высушенное в тени или на мягком солнце. Для его приготовления глина сначала «фильтровалась», после чего смешивалась с водой и отощителями (соломой, сухой травой и т. д.). Существует

Аннотация. Сырцовый кирпич, один из маркирующих признаков греческой архитектуры, получил широкое распространение на Боспоре. С целью выявить специфику его формы и применения в строительной практике были рассмотрены образцы, найденные при раскопках сельских поселений. Эти данные дополнялись материалами из боспорских и средиземноморских античных городов. Среди особенностей боспорского кирпича можно назвать его значительные параметры, а также форму, приближающуюся к квадратной или адаптирующуюся к определенным конструктивным условиям. Техника армирования сырцовой стены деревянными балками, а также некоторые варианты выкладки кирпича известны не только на Боспоре, но и в других областях греческого мира. Не исключено, что при строительстве сети крепостей Фонталовского полуострова функционировала мастерская, изготавливавшая стандартизированные сырцовые кирпичи.

Ключевые слова: сырцовый кирпич, сельские поселения Боспора, домостроительство.

Синцорова Ксения Леонидовна — аспирант, отдел классической археологии, Институт археологии РАН, ул. Кржижановского, 14, корп. 2, Москва, Российская Федерация, 117218, kseniasincero@gmail.com.

два способа фабриковки кирпича-сырца: моделирование (придание формы вручную) и формовка (в пресс-форме или деревянной матрице). В последнем случае полученную глиняную массу распределяли по деревянной раме и сушили. Такие опалубки зафиксированы в письменных источниках. Согласно надписи из Олимона, они размещались в пределах земельного участка, на котором проводились строительные работы (Orlandos, 1966. Р. 55–56; Ginouvès, Martin, 1985. Р. 53; Hellmann, 1994. Р. 143). Исчерпывающее описание того, как правильно подобрать сырье, каким образом высушивать кирпичи и какие существуют «сорта» или виды кирпича-сырца, содержится в трактате Витрувия (Vitr. De arch. II. 3).

Сырцовый кирпич обладает целым рядом технических преимуществ: высокая скорость изготовления и экономия времени при строительстве; доступность сырья и возможность возведения стен на большую высоту; «адаптивность» сырцового теста, перспектива создания сложных архитектурных форм (Chazelles, 2010. Р. 314).

Главным же недостатком этого изделия является его влагопоглощающая способность, которая устранялась путем нанесения на сырцовокирпичные стены известкового раствора. В эллинистическое время в Греции использовалась простая обмазка из глины и песка. Изнутри стены покрывались штукатуркой — раствором из извести с песком и толченым камнем или гипсом (Эллинистическая техника, 1948. С. 47). Каменный цоколь, на котором, как правило, стояла надстройка из сырцового кирпича, приподнимал стены над землей, предотвращая размывание их основания (Nevett, 2023. Р. 5–6).

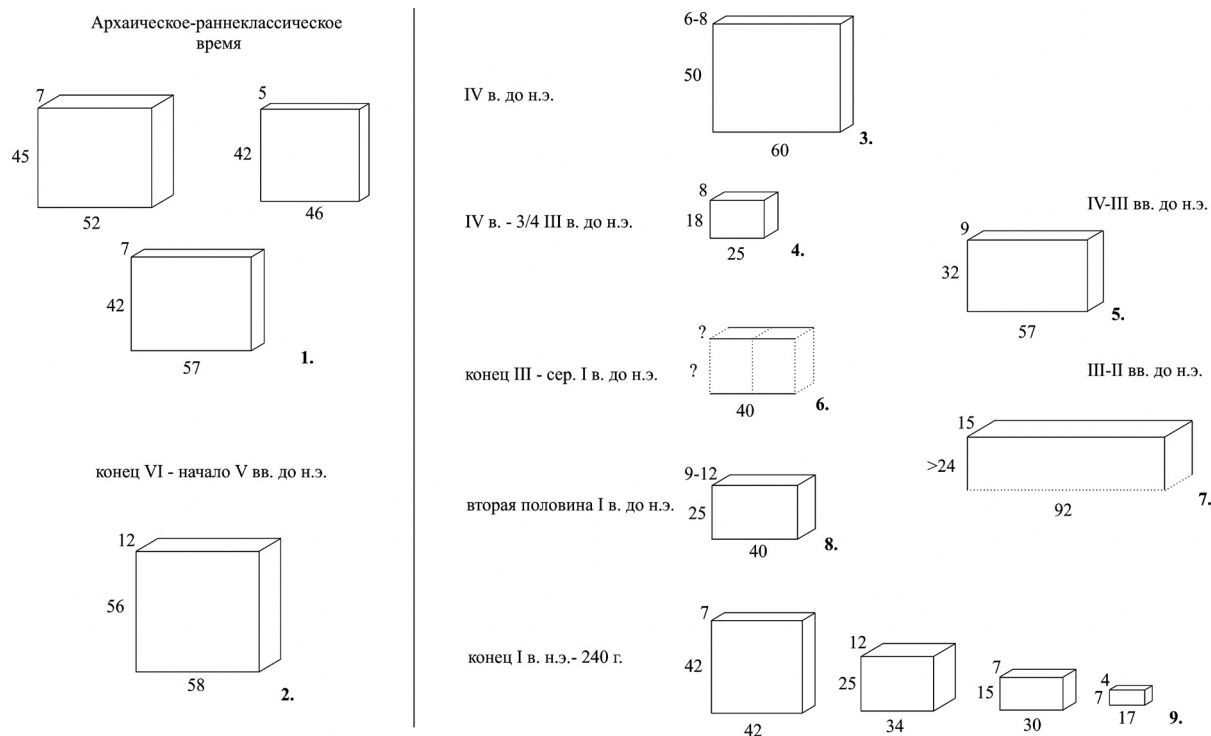
Косвенным свидетельством того, что сырцовый кирпич пользовался спросом и имел определенный стандарт качества, во всяком случае в городах, является то, что в трактате Витрувия упомянуты должностные лица, контролирующие их качество (Vitr. De arch. II. 3, 2), а в надписях Делоса, Элевсина и Дельф содержатся сведения о стоимости таких изделий (Orlandos, 1966. Р. 65–66; Кузнецов, 2000. С. 317–318). Уместен вопрос о размещении производства или, по крайней мере, его самостоятельности, независимости от строительных работ.

На Боспоре такие комплексы пока неизвестны; ближайшая к этому региону мастерская обнаружена в Северо-Западном Крыму, а именно — усадьба 3 городища «Чайка» (начало III в. до н. э.), где были открыты тщательно уложенные на полах двух помещений сырцовые «плитки». Порядка 68–73 кирпичей стандартизированных размеров (0,47×0,45×0,08 м) стояли рядами на песчаной подстилке, а еще некоторое количество — на территории двора 1. В вымостке этого двора была устроена яма, использовавшаяся для хранения глиняного сырья в специальной деревянной конструкции. Найденная там же каменная «ванна» могла использоваться для отмучивания глины. Сформованные кирпичи просушивались сначала в тени — под навесом, а затем на солнце. Продукция этого специализированного производственно-хозяйственного комплекса покрывала потребности всего поселения (Попова, Коваленко, 2005. С. 67–69, 73–74; Попова и др., 2015. С. 91–92).

По мнению В. Д. Кузнецова, мастера-изготовители сырцовых кирпичей — весьма условная категория людей. Как правило, они не специализировались исключительно на производстве кирпича-сырца, а их мастерские годились не только для такой работы. Ремесленники разных профессий могли освоить формовку кирпичей. Некоторые документы, в том числе упомянутая выше надпись из Олимона, свидетельствуют о том, что сырцовые блоки изготавливались прямо на строительной площадке. Таким образом, производство сырцовых кирпичей было доступно людям, не имевшим соответствующей квалификации (Кузнецов, 2000. С. 85–87, 318; 2015. С. 292). Так или иначе, централизованное изготовление необожженного кирпича, по крайней мере, в отдельных случаях, явно имело место.

Сырцовое строительство было широко распространено на Боспоре. Прежде чем перейти к примерам на сельской территории, кратко коснемся данных городских центров.

В Фанагории сырец был наиболее распространенным строительным материалом в архаическое и раннеклассическое время. Соответствующие постройки возводились из кирпичей различного качества. Размеры их также различались, но приближались к лидийскому «сорту»,

Ил. 1. Сырцовые кирпичи боспорских городов (размеры указаны в см). Хронологическое распределение: 1 — Фанагория; 2 — Патрей; 3 — Гермонасса; 4 — Горгиппия (I строительный горизонт); 5 — Феодосия, 6 — Горгиппия (II строительный горизонт); 7 — Пантикапей; 8 — Горгиппия (III строительный горизонт); 9 — Горгиппия (IV строительный горизонт)

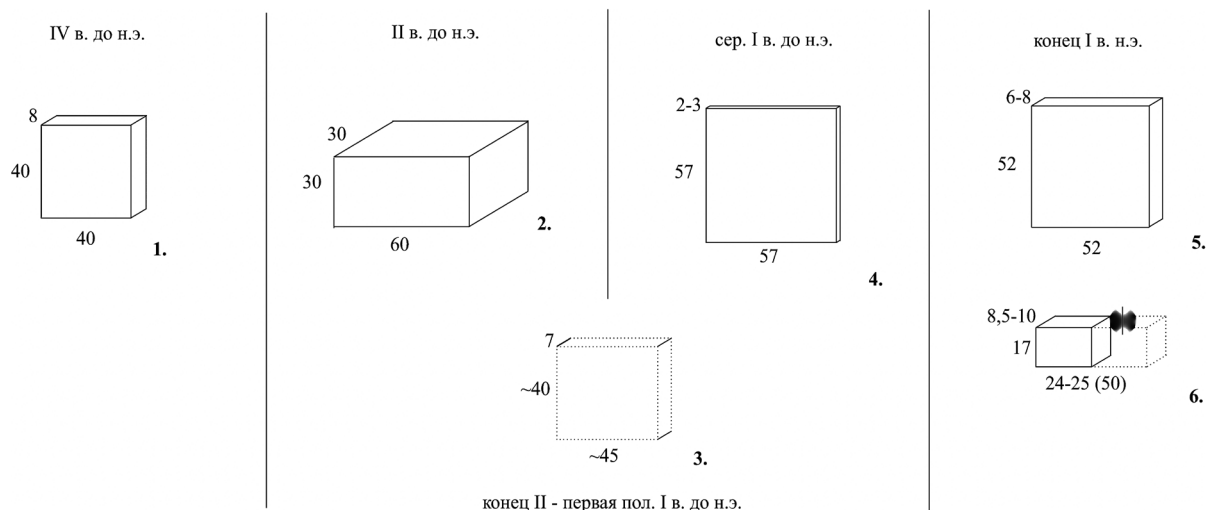
описанному Витрувием, и в среднем составляли около $0,5 \times 0,42 \times 0,06$ м (ил. 1: 1). Сверху сырцовые стены покрывались водонепроницаемой обмазкой. Выкладывались кирпичи поперек стены длинной стороной, так что ширина стен домов чаще всего приближалась к $0,5$ м (Кузнецов, 2015. С. 282, 289, 293).

В Гермонассе сырцовые постройки также известны с архаического времени. В слоях IV в. до н. э. в подвале комплекса с двориком были открыты сырцовые стены: от 10 до 17 рядов кирпича размером $0,6 \times 0,5 \times 0,06-0,08$ м (ил. 1: 3). Цистерна, связанная с этим комплексом, «окаймлялась» девятью сырцовыми кирпичами по краю. Эти кирпичи, по словам А. К. Коровиной, составляли «половину от принятого стандарта», а именно: $0,6 \times 0,25 \times 0,08$ м (Коровина, 2002. С. 31–32, 52, 53–54). Учитывая, что ширина стен подвала не превышала $0,5$ м, кирпич, по-видимому, укладывался короткой стороной поперек стены.

В Патрее каменно-сырцовое строительство фиксируется в архаическое время (Таскаев, 2004. С. 13). По всей видимости, дома конца VI — начала V в. до н. э. возводились из сырца, уложенного на выровненную поверхность земли, а во второй половине IV в. до н. э. — на каменном цоколе (Абрамов, 1999. С. 13). Один из сырцовых кирпичей постройки «Верхнего города» имел размеры $0,56 \times 0,58 \times 0,12$ м (ил. 1: 2). Аналогичные находки были сделаны и в других частях городища. Следы обмазки на глиняной основе, покрывающей сырцовые стены изнутри, были выявлены при работах 1996–1997 гг. (Таскаев, 2004. С. 13).

Не только архаические, но и позднеантичные постройки на территории Кеп возводились из сырцового кирпича на каменных основаниях (Сокольский, 1963а. С. 110; Усачева, Сорокина, 1984. С. 84).

Сырцовые здания известны в Горгиппии с архаического времени (Дома 1–4) (Алексеева, 1997. С. 15–16);

Ил. 2. Сырцовые кирпичи сельских поселений Боспора (размеры указаны в см). Хронологическое распределение: 1 — Андреевка Южная; 2 — Раевское городище; 3 — Юбилейный I (реконструкция); 4 — резиденция Хрисалиска; 5 — Фонталовские «батареи»; 6 — Артезиан

по меньшей мере четыре строительных периода Горгиии, выделенных Е. М. Алексеевой, маркированы саманным строительством. Для каждого из них характерны индивидуальные параметры кирпичей. I строительный горизонт — $0,25 \times 0,18 \times 0,08$; $0,30 \times ? \times 0,07$ м (ил. 1: 4); II строительный горизонт — кирпичи шириной $0,40$ и $0,20$ м (ил. 1: 6); III строительный горизонт — $0,40 \times 0,25 \times 0,09/0,12$ м (ил. 1: 8); IV строительный горизонт — $0,42 \times 0,42 \times 0,07$; $0,34 \times 0,25 \times 0,12$; $0,30 \times 0,15 \times 0,07$ и $0,17 \times 0,07 \times 0,04$ м (ил. 1: 9). Таким образом, для внешних стен (ширина каменного фундамента которых около $0,80$ м) использовалось два слоя крупноформатных кирпичей, а для внутренних ($0,60$ м) — сочетание крупноформатных с половиной «стандарта» (Алексеева, 1997. С. 113, 115, 118, 127–128, 139–140).

В городах Европейского Боспора сырцово-кирпичное строительство сохраняется хуже, чаще всего остаются лишь развалы. В Пантикапее — это здание конца VII — начала VI в. до н. э., открытое на Верхнем Митридатском раскопе, и кладка № 46 на Эспланадном раскопе. В районе последней были обнаружены фрагменты сырцовых кирпичей, один из которых имел размеры $0,92 \times 0,24$ (сохранившаяся ширина) $\times 0,115$ м (ил. 1: 7) (Блаватский, 1951. С. 13–15, 55). Первые жилые постройки Мирмекия также могли иметь стены

из сырцового кирпича, хотя развал саманных стен фиксировался далеко не всегда (Бутягин, 1997. С. 96). Около середины VI в. до н. э. отмечено каменно-сырцовое строительство на Тиритаке, в Нимфее и Порфмии (Крыжицкий, 1982. С. 58–63; Иванов, Сударев, 2023. С. 190; Вахтина, 2009. С. 94, 97–98). Раскопки на Карантинной горке в Феодосии предоставили данные о сырцово-кирпичном строительстве в IV в. до н. э. Сырцовые блоки стен помещения А (второй строительный период, около IV–III вв. до н. э.) имели размеры $0,57 \times 0,32 \times 0,09$ м (ил. 1: 5) (Гаврилов, 2004. С. 11; Петерс, Голенцов, 1981. С. 71–72).

Данная строительная практика прослежена и на памятниках «римского» времени. Так, сырцовые постройки на каменном основании в Танаисе датируются II–III вв. н. э. (Шелов, 1965. С. 107).

Обратимся теперь непосредственно к сельской территории.

Построенный в середине I в. до н. э. и существовавший до рубежа эр (Бонин, 2019. С. 65) «дом» Хрисалиска являет собой отличный пример саманного строительного дела. Его сырцовокирпичные стены сохранились на высоту до $1,5$ м. Кирпичи из желтой глины размером $0,57 \times 0,57 \times 0,02–0,03$ м (ил. 2: 4) складывались «вперевязь» на глиняном растворе. Для заполнения пустот в кладках стен также использовались

обломки сырцовых кирпичей: в промежутки шириной в 0,08–0,10 м части кирпичей укладывались на ребро. Снаружи стены покрывались глиняной обмазкой толщиной до 0,03 м (Сокольский, 1976. С. 32–33). При толщине внутренних стен в 1,30 м, а внешних в 1,65 м, кирпичи полноценного размера могли укладываться не более чем в два ряда. Эта кладка могла дополняться экземплярами меньшего размера или кирпичами, поставленными на ребро.

Стены укрепленной усадьбы Ахтанизовская 4, бытовавшей с середины I в. до н. э. до времени не позднее первой четверти I в. н. э. (Бонин, 2019. С. 69), были сложены из кирпича-сырца и покоились на каменных цоколях внушительной ширины (от 1,65 до 2,00 м). В верхней части каменных оснований зафиксированы сквозные пазы шириной до 0,36 м, размещенные в кладке через равные промежутки (1,4–1,7 м). По-видимому, в них впускались деревянные балки, необходимые для укрепления сырцовых стен (Ломтадзе, 2015. С. 152).

Неизвестно точно, из какого материала были построены стены усадьбы Юбилейный I конца II — первой половины I в. до н. э. (Бонин, 2019. С. 67). По мнению Е. А. Савостиной, стены могли возводиться из полубожженного кирпича толщиной 0,07 м (ил. 2: 3), аналогичного кирпичам классической и эллинистической Горгиппии¹ (Савостина, 1987. С. 60–61). Учитывая фрагментарность этих находок, нельзя не допустить использование именно сырцового кирпича в строительстве этой усадьбы.

Целая серия объектов сырцово-каменной архитектуры возникает не позднее конца первой четверти I в. н. э. на Фонталовском полуострове (Бонин, 2019. С. 128).

На поселении Батарейка-1 сырцовая кладка сохранилась на высоту 3,7 м. Ширина одной стены составляла 2,16–2,20 м, другой — 2,7 м. Сами кирпичи имели размеры 0,52 × 0,52 × 0,06–0,08 м (ил. 2: 5) и были темно-коричневого цвета. В одной части оборонительной стены кладка состояла

из «блоков» сырцовых рядов, ограниченных с двух сторон положенными на ребро сырцами, вмещающими три полноценных сырцовых кирпича. С обеих сторон эти «блоки» подпирались половинками от кирпичей (ил. 3: 1). Глиняный раствор, на котором возводилась кладка, обеспечивал тонкие швы, не более 0,005–0,007 м толщиной. Одна из стен внутрикрепостного помещения имела ширину 0,51–0,52 м. По описанному выше принципу эта стена была сложена из желто-серого кирпича-сырца того же размера в один слой (Сокольский, 1963б. С. 181–183).

Точно такие же кирпичи (во всяком случае, такого же размера) изготавливались для сооружения соседней крепости, Батарейки-2. Здесь максимально сохранившаяся высота сырцовой стены достигает 4,60 м (в башне). Н. И. Сокольский, исследовавший этот памятник, отмечает, что сырец состоит из хорошо промешанной глины, добытой в окрестностях, с примесью камки. Кладка «вперевязь» дополнялась вмонтированными в толщу стены продольными и поперечными деревянными балками, прямоугольными в сечении (ил. 3: 2) (Сокольский, 1967. С. 110–111). Этот способ укрепления кладки был, в сущности, фахверком и, скорее всего, широко применялся в сырцовом строительстве, хотя далеко не всегда надежно фиксировался при раскопках.

Перегородки между внутрикрепостными помещениями сложены аналогично стенам помещений Батарейки-1. Ширина одного участка крепостной стены составляла почти 4,70 м, поскольку состояла из двух элементов: собственно стены (2,80 м) и внешнего откоса (1,90 м) (Сокольский, 1967. С. 111–112). Таким образом, сырцовая кладка в этой части куртины могла иметь мощность, эквивалентную девяти слоям кирпича-сырца.

Ильичева батарея — еще одна крепость Фонталовской оборонительной системы. Ее стены шириной 2,20 м и 2,40–2,45 м сложены из того же кирпича-сырца. Как и на Батарейке-2, одна из крепостных стен имела сырцовый откос мощностью около 2,20–2,30 м (Сокольский, 1966. С. 128; Николаева, 1981. С. 89).

Наиболее интересным объектом в данном контексте являются ворота Патрейской батареи. Пилоны мощностью 1,9 м при длине в 6,7 м были

¹ Кирпичи, о которых идет речь, имеют следующие размеры: 0,45(0,50) × 0,40(0,45) × 0,06(0,10) м (Алексеева, 1984. С. 82).

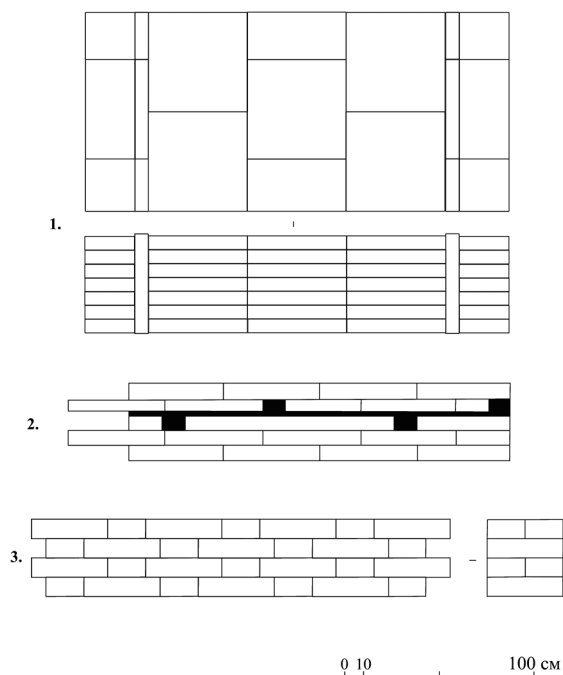
возведены из стандартного для батареек сырцового кирпича. Эти кладки дополняли фахверковую конструкцию из дубовых брусев (0,07 × 0,15 м в сечении), положенных вдоль длинной стороны пилонов и венчавшихся короткими поперечными балками. Получившиеся два-три отсека имели в основании перекрещенные лаги. Поскольку все брусья имели толщину сырцового кирпича, их наложение друг на друга нивелировалось сырцовыми кладками, скрывающими в себе эту деревянную конструкцию. По мнению В. П. Толстикова, сооружение из пилонов и пилястр могло венчаться арочным перекрытием (Толстиков, 1992. С. 47), возведение которого представляется более чем возможным, учитывая гибкость и прочность фахверковых стен.

Еще три укрепления Фонталовского полуострова — Кучугурская, Красноармейское и «Каменная батарея» — были построены из того же материала с применением аналогичной техники. Последнее имело стены меньшей ширины — 1,60 м (Десятчиков и др., 1984. С. 89) — и могло быть составлено из трехслойной кладки кирпича-сырца.

Необожженный кирпич применялся при сооружении специальной субструкции в границах возведенных башен и куртин Фонталовских батареек. Платформы мощностью 2–3 м состояли из последовательных слоев глины, которые укреплялись каркасными кладками, сложенными из сырцового кирпича и бута. Такое решение обеспечивало безопасность крепости в случае применения тарана или подкопа (Толстиков, 1992. С. 45).

Серия неукрепленных памятников — «спутников» батареек также дает материал, свидетельствующий о сырцово-каменном строительстве. В их числе: строительные остатки эллинистического времени на Ильичевском городище (Бонин, 2014. С. 77; Шелов, 1951. С. 230); усадьба римского времени вблизи от Ильичевского городища (раскоп «Берег-III») (Шаров, Соколова, 2017. С. 169); комплекс строений позднеантичного времени к востоку от «Красноармейской» батареи (Бонин, 2014. С. 81–83).

Сырцовое строительство было отмечено и на поселении Голубицкая-2, включая сырцовока-

Ил. 3. Варианты сырцовой кладки: 1 — Батарея-1 (по: Сокольский, 1963б. Рис. 2); 2 — Батарея-2 (по: Сокольский, 1971. Рис. 12); 3 — ложково-тычковая кладка в домостроительстве эллинистической Греции (вариация)

менные стены III — начала II в. до н. э. (Журавлёв и др., 2017. С. 74–76).

Еще одно поселение, о котором необходимо упомянуть, — Волна 1. Открытие обширного восточного района жилой застройки этого памятника вызвало дискуссию о его статусе. В IV–II вв. до н. э. жилые постройки «Волны» представляли собой наземные строения с сырцовокирпичными стенами (Соловьев, 2016. С. 106–107). Датированные V–II вв. до н. э. усадьбы (дома) восточного района, по мнению В. Г. Житникова, имели глинобитные стены, построенные на каменных цоколях. Одним из свидетельств этого являются полукруглые выемки в основании стен, которые могли быть остатками столбовых конструкций (Житников, 2017. С. 97). На «Волне» уже были известны глинобитные постройки позднеархаического времени, но их стены были впущены в землю без каменных оснований (Соловьев, 2016. С. 105; Житников, 2001. С. 57). Следы пазов от деревянных балок в каменных цоколях стен — уже известное на Тамани

свидетельство армирования сырцовой кладки или фахверка. Скорее всего, и дома восточного района сооружались из кирпича-сырца со стороны около 0,50 м.

Сырцово-каменные строения, несмотря на обилие горных пород, пригодных для строительства в этих местах, зафиксированы на полуострове Абрау (*Онайко*, 1967. С. 165). Башни Раевского городища (II в. до н. э.) представляют собой образец такой архитектуры. На каменных цоколях покоились сырцовые кладки из крупных блоков размером 0,30 × 0,30 × 0,60 м (ил. 2: 2), дополнявшиеся строительным камнем (*Малышев и др.*, 2020. С. 232, 235; *Малышев, Моор*, 2018. С. 151). Другой пример — монументальное здание на поселении Дубки раннеримского времени, верхние этажи которого были сложены из сырца (*Малышев, Моор*, 2018. С. 155). Эти кирпичи изготавливались из местных глин, в качестве отошителя использовался камыш (*Вязкова и др.*, 2009. С. 215). В здании у хутора Рассвет были расчищены внушительные сырцовые завалы, которые могут свидетельствовать об использовании кирпича-сырца при возведении верхних этажей (*Крушкол*, 1968. Рис. 1).

Сырцовый кирпич на сельской территории Европейского Боспора встречается значительно реже. Во всяком случае, его присутствие надежно отмечено лишь в нескольких случаях.

В жилищно-хозяйственных комплексах городища Артезиан второй четверти I в. до н. э. — первой половины I в. н. э. и некоторых постройках II–III вв. н. э. (например: ХЖК 2, 4, 5, 6, комплексы 10, 11; ЖХК 3, башня комплекса 6 и башня на раскопе II) открыты мощные сырцовые развалы. Стены зданий возводились на каменном основании из сырцового кирпича. В подвале комплекса 10 находился небольшой горн¹, обрамленный кладкой из сырцовых кирпичей следующих размеров: 0,24/0,25 × 0,17 × 0,085/0,10 м (ил. 2: 6) (*Винокуров*, 1998. С. 34–35, 37, 55; 1999. С. 43, 46, 48; 2012. С. 54, 66, 69). Учитывая ширину стен этого здания (0,51 и 0,55–0,60 м), можно допустить, что при их сооружении использовалось постелистая ложково-тычковая кладка с использованием двух

кирпичей, уложенных длинной стороной поперек, и трех кирпичей, установленных вдоль стены. Или, что вероятнее, печь была сложена из половинок от «стандарта» сырцового кирпича со стороной 0,50 м.

Интерес представляют перегородки комплекса 11 в пространстве, примыкающем к ст. 96, сложенные из сырцовых кирпичей трапециевидной формы. Такая модель кирпича-сырца была известна в метрополии, а термин, обозначающий ее, содержится в Дельфийских надписях (*Винокуров*, 2012. С. 71; *Orlandos*, 1966. Р. 61).

Свидетельства сырцово-каменного строительства на поселении Андреевка Южная выявлены уже в слоях VI — начала V в. до н. э. (Дом 4 на раскопе 9), зафиксированных под постройками IV в. до н. э. (Дом 3) и в заполнении комплексов конца IV — начала III в. до н. э. Начиная с IV в. до н. э. такие строения сосуществовали со зданиями, построенными из камня. Дом 3 был возведен из сырцовых кирпичей (0,40 × 0,40 × 0,08 м) низкого качества — из плохо промешанной глины с многочисленными органическими включениями (ил. 2: 1) (*Кругликова*, 2001. С. 182–187, 195). При толщине стен дома в 0,70–0,80 м в кладке могли использоваться два слоя полноценных кирпичей или два слоя «при участии» половинчатых.

Следы сырцового строительства отмечены на городище Генеральское восточное (постройка 5) (*Масленников*, 1997. С. 169–170), поселении Казантип Восточный II (*Масленников, Литвинюк*, 2014. С. 41), усадьбе на Чокракском мысу, усадьбе Бакланья Скала (*Масленников*, 2010. С. 17, 22), при раскопках поселения Тасуново-7 (*Рукавишников и др.*, 2017. С. 303–304). Но в целом сырцовый кирпич для построек региона Караларского побережья нехарактерен, скорее всего, ввиду изобилия строительного камня.

Обломки сырцовых кирпичей найдены в Усадьбе А ближнего предместья Феодосии (*Ахмадеева*, 2023. С. 25). Вообще, в сельской округе античной Феодосии сырцовокирпичное строительство засвидетельствовано на нескольких памятниках, начиная со второй половины IV в. до н. э. (Биюк Янышар; Новопокровка 1; Куру Баш; Узун Сырт; Тепе Оба) (*Гаврилов*, 2004. С. 137, 33, 51, 87, 89, 171–172, 175).

1 Горн более позднего времени (*Винокуров*, 2012. С. 66).

Помимо стен, сырцовый кирпич нередко применялся при обустройстве интерьера жилых домов. В одном из помещений резиденции Хрисалиска кирпичи, вмонтированные в пол на расстоянии 0,10–0,15 м от стен, укладывались в непрерывную линию шириной 0,08–0,09 м, тянущуюся по периметру комнаты. Эта линия выгодно контрастировала с серо-черным земляным полом и, скорее всего, несла чисто декоративную функцию (Сокольский, 1976. С. 33). Возможно, кирпичи, сделанные для пола, использовались и в сооружении стен для усиления их мощности.

В резиденции Хрисалиска также зафиксированы «закрома», отделенные сырцовой стеной, и сырцовые рабочие площадки, покрытые глиняной обмазкой (Сокольский, 1976. С. 37–38, 51). Сырцовые перегородки и столики-алтарики известны на городище Артезиан (Винокуров, 2021. С. 74). Чаще всего в обстановке помещений встречаются печи, сложенные из кирпича-сырца. Среди них: печь в помещении Б дома Хрисалиска (Сокольский, 1976. С. 37–38); небольшой горн в комплексе 10 Артезиана (Винокуров, 2012. С. 66); очаги и печи построек внутрикрепостного пространства на Кутлаке (Ланцов, 1999. С. 128); гончарная печь в здании у хутора Рассвет (Крушол, 1968. С. 214).

В помещении 3 внутрикрепостного пространства Батарейки-1 находилась часть столба или опорного пилона (2,40 × 1,60 м), сложенного из сырцовых кирпичей. Эта конструкция могла поддерживать своды второго этажа (Сокольский, 1963в. С. 42).

Что касается состава сырцовых кирпичей, то, как уже отмечалось выше, на Таманском полуострове известны блоки желтого, желто-серого и темно-коричневого оттенков. Данные, полученные при исследовании кирпичей из сырцовых склепов на некрополе Арющенко-2, позволяют дополнить эту палитру еще двумя видами глиняного теста: синевато-серая (из голубой глины) и зеленоватая (с примесью навоза или соломы). Примечательно, что в кладке сырцового склепа могли быть кирпичи разных оттенков (Кашаев, 2020. С. 14).

Каковы были способы выкладки кирпича-сырца?

Обратимся к нескольким примерам античного Средиземноморья. В Филадельфии, близ Фаума, дома III в. до н. э. сооружались из саманного кирпича, уложенного чередующимися рядами ложков и тычков. Сырцовые стены перевязывались деревянными брусками и циночками для придания кладке большей устойчивости (Эллинистическая техника, 1948. С. 75). При строительстве усадьбы Вари Хаус, близ Афин (вторая половина IV в. до н. э.), кирпич-сырец также, предположительно, укладывался в системе однорядной или трехрядной постелистой ложково-тычковой кладки. Первая использовалась для широких стен усадьбы толщиной 0,65–0,80 м; вторая — для узких, шириной 0,30–0,45 м (Jones et al., 1973. Р. 361, 426). В городах эллинистической Греции были распространены кирпичи размером 0,40 × 0,20 × 0,10 м. Они укладывались в два слоя на глиняном растворе, поэтому ширина стен в среднем составляла порядка 0,40 м (Ault, 2016. Р. 656–659). С учетом параметров кирпича техника кладки также могла быть ложково-тычковой одно- или многорядной (ил. 3: 3).

Еще один вид сырцовой кладки был реконструирован Р. Орландосом: на каменных цоколях стены святилища в Элевсине выкладывалось пять слоев полноразмерных и один слой «половинчатых» кирпичей. Последний чередовался через ряд, размещаясь то с внешней, то с внутренней стороны стены (Orlandos, 1966. Р. 60). Примечательно, что именно такой была сырцовая кладка стен батареек Фонталовского полуострова: как оптимальная при их значительной ширине.

Не только в жилой, но и в погребальной архитектуре Боспора отмечено интенсивное использование сырцового кирпича. На некрополе Арющенко, при исследовании стен сырцовых гробниц, установлено три варианта кладки: постелистая, орфостатная (поставленные на ребро вдоль стены) и их комбинация для стен разной длины (Кашаев, Сударев, 2020. С. 29).

Таким образом, данные боспорских городов и поселений о разновидностях сырцового кирпича довольно неоднородны. Во многом это связано с плохой или неполной сохранностью строительных остатков. Первые постройки из сырцового кирпича возникают здесь еще в VI в.

до н. э., вплоть до III в. н. э. отмечается весьма интенсивное использование саманных блоков в домостроительстве. Поскольку «половины стандарта», описанные еще Витрувием, применялись весьма широко, в некоторых случаях невозможно определить искомый «стандарт» кирпича. В тех случаях, когда это удавалось, при схожей толщине кирпичей, их длина разнилась до 0,58 м. По материалам эллинистической Горгиппии отмечается тенденция к появлению прямоугольных форм со значительной толщиной, но, так или иначе, представляется необходимым проведение отдельных исследований по изучению сырцового кирпича в городах.

На сельских поселениях сырцовый кирпич также не демонстрирует постоянства формы. Неизменным, тем не менее, остается соотношение сторон, придающее изделию форму квадрата. Незначительная толщина (от 0,02 до 0,08 м для квадратных в плане кирпичей) определяет его постелистое положение в кладке стены (за исключением примера, зафиксированного на Батарейке-1). В целом можно назвать несколько способов выкладки сырцовой стены: однослойная постелистая однорядная; ложково-тычковая одно- или многорядная в один или два слоя; четырехслойная однорядная постелистая, где один из слоев (слой половинок кирпичей) выкладывается то со внутренней стороны стены, то с внешней.

Кладка из сырцового кирпича башен Раевского городища, как уже отмечалось, дополнялась камнем. Этим, по-видимому, и продиктованы нестандартные параметры кирпича. Размер и форма сырцового кирпича, обрамлявшего печь в одном из домов городища Артезиан, также отвечали соответствующим такому объекту запросам. Использование сырцового кирпича унифицированного размера при строительстве фонталовских укреплений может быть свидетельством существования производственного центра, изготавливающего кирпич-сырец или опалубки стандартного размера. Различия в оттенках сырцового теста двух «батареек» (желто-серые и темно-коричневые) представляются незначительными в связи с материалами некрополей, согласно которым применение кирпича-сырца разного цвета даже

в пределах одной конструкции можно назвать типичным.

По сравнению со Средиземноморьем (*Martin*, 1965. Р. 55–56), за редкими исключениями, боспорские кирпичи отличались более массивными параметрами. И хотя некоторые из этих квадратных и подквадратных кирпичей по размерам приближаются к лидийскому сорту, описываемому Витрувием, все же по форме они относятся скорее к квадратным сырцовым блокам (пентадорон и тетрадорон).

Армирование сырцовых стен деревянными балками можно назвать приемом весьма распространенным и особенно характерным для укрепленных усадеб и крепостей, мощность стен которых, по-видимому, нуждалась в запасе дополнительной прочности или гибкости. Вероятно, доступность и податливость сырцовых изделий определила их широкое применение при изготовлении перегородок, печных конструкций и других элементов интерьера дома.

Список литературы

- Абрамов А. П. Городище Патрей. Периодизация и топография // Патрей. Материалы исследования. Вып. 1. М., 1999. С. 3–32.
- Алексеева Е. М. Горгиппия // Античные государства Северного Причерноморья / отв. ред.: Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. М.: Наука, 1984. С. 82–84.
- Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 559 с.
- Ахмадеева М. М. Исследования усадьбы А в ближнем предместье античной Феодосии в 2022 году // История и археология Крыма. 2023. № 19. С. 23–31.
- Блаватский В. Д. Материалы по истории Пантикапея. План города // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I. М.: Наука, 1951. С. 9–62. (МИА; № 19).
- Бонин А. В. «Неукрепленные батареи» // ДБ. Т. 18. М.: ИА РАН, 2014. С. 73–87.
- Бонин А. В. Сельские поселения Боспора I в. до н. э. — середины II в. н. э. Вопросы хронологии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 351 с.
- Бутягин А. М. О переходе к каменному домостроительству на городище Мирмекий // *Stratum + Петербургский археологический вестник*. СПб.; Кишинев, 1997. С. 94–100.

- Вахтина М. Ю. Порфмий — греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ. Т. 22. Симферополь, 2009. С. 91–126.
- Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998. 152 с.
- Винокуров Н. И. Раскопки городища Артезиан в 1997–1998 гг. // ДБ. Т. 2. М.: ИА РАН, 1999. С. 39–76.
- Винокуров Н. И. Хозяйственно-жилые кварталы городища Артезиан первой половины первого века н. э. // ДБ. Т. 16. М.: ИА РАН, 2012. С. 51–76.
- Винокуров Н. И. Доследование полуподвала в центральной части городища Артезиан // ДБ. Т. 26. М.: ИА РАН, 2021. С. 64–96.
- Вязкова О. Е., Гольева А. А., Малышев А. А. Боспорская сигнально-сторожевая система на полуострове Абрау: результаты комплексных исследований // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М.: Гриф и К, 2009. С. 212–240.
- Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии. Симферополь: Азбука, 2004. 368 с.
- Десятчиков Ю. М., Долгоруков В. С., Алексеева Е. М. Сельская территория // Античные государства Северного Причерноморья / отв. ред.: Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. М.: Наука, 1984. С. 88–91.
- Житников В. Г. Отчет о раскопках поселения Волна-1 в Темрюкском районе Краснодарского края в 2001 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. Д. № 24125–24127.
- Житников В. Г. «Восточный район» жилой и хозяйственной застройки V–II вв. до н. э. на поселении «Волна I» (Таманский полуостров) // ДБ. Т. 21. М.: ИА РАН, 2017. С. 95–121.
- Журавлёв Д. В., Батасова А. В., Кудряшова А. И. Исследования на поселении Голубицкая-2 в 2013–2016 гг. // Таврические студии. Серия: Исторические науки. 2017. № 12. С. 73–80.
- Иванов А. В., Сударев Н. И. Сырцовый кирпич в строительной традиции и погребальной практике древней Греции и на Боспоре // ДБ. Т. 28. М.: ИА РАН, 2023. С. 187–226.
- Кашаев С. В. Сырцовые склепы на некрополе Артющенко-2 // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. 2. Самара, 2020. С. 13–15.
- Кашаев С. В., Сударев Н. И. Традиция погребений в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7 // БИ. Т. 40. Симферополь, 2020. С. 26–46.
- Коровина А. К. Гермонасса: античный город на Таманском полуострове. М.: Музей изобразит. искусств им. А. С. Пушкина, 2002. 146 с.
- Кругликова И. Т. Поселение Андреевка Южная // ДБ. Т. 4. М.: ИА РАН, 2001. С. 182–226.
- Крушкол Ю. С. Античное здание в районе Горгииппии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 213–219.
- Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1982. 163 с.
- Кузнецов В. Д. Организация общественного строительства в Древней Греции. М.: Языки славянской культуры, 2000. 536 с.
- Кузнецов В. Д. Сырцовый кирпич (по материалам Фанагории) // ПИФК. 2015. № 1. С. 282–294.
- Ланцов С. Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак — Афинее (P) Псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. № 1. С. 121–136.
- Ломтадзе Г. А. К вопросу о датировке оборонительных сооружений поселения Ахтанизовская 4 // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности: к 70-летию В. П. Толстикова. М., 2015. С. 151–163.
- Малышев А. А., Дрыга Д. О., Колесник Д. А. Комплекс башенного сооружения Раевского городища: некоторые результаты комплексных исследований // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 232–244.
- Малышев А. А., Моор В. В. Опыт реконструкции башнеобразного сооружения на поселении Дубки // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 149–162.
- Масленников А. А. Сельский теменос (?) в Восточном Крыму (предварительная информация) // ВДИ. 1997. № 4. С. 150–172.
- Масленников А. А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М.: ИА РАН, 2010. 244 с. (ДБ; supplementum. III).
- Масленников А. А., Литвинюк Н. А. Археологические памятники на мысе Казантип // Научные записки природного заповедника «Мыс Мартыан». 2014. Вып. 5. С. 35–44.
- Николаева Э. Я. Поселение у деревни Ильич // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 88–92.
- Онайко Н. А. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора) // СА. 1967. № 2. С. 155–169.
- Петерс Б. Г., Голенцов А. С. Археологические раскопки в Феодосии 1975–1977 гг. // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 68–72.

- Попова Е. А., Коваленко С. А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам чайкинского городища). М., 2005. 283 с.
- Попова Е. А., Пежемский Д. В., Беловинцева Н. И. Городище Чайка, некрополь и каменоломня античной эпохи на окраине Евпатории в Северо-Западном Крыму: итоги и перспективы исследования // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 76–112.
- Рукавишников И. В., Переводчикова Е. В., Меньшиков М. Ю. Раскопки античного поселения Тасуново-7 в Восточном Крыму // Исторические исследования. 2017. № 8. С. 300–310.
- Савостина Е. А. Античное поселение Юбилейное 1 на Тамани // СА. 1987. № 1. С. 58–71.
- Скоковский Н. И. Ильичевское городище // СА. 1966. № 4. С. 125–140.
- Скоковский Н. И. Кепы // Античный город. М.: изд-во АН СССР, 1963а. С. 97–114.
- Скоковский Н. И. Крепость на городище у хутора Батарейка 1 // СА. 1963б. № 1. С. 179–191.
- Скоковский Н. И. Отчет о работе Таманской экспедиции института археологии АН СССР в 1963 г. [1963в] // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. Д. № 2733.
- Скоковский Н. И. Крепость на поселении Батарейка 2 // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 108–115.
- Скоковский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971. 287 с.
- Скоковский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. 126 с.
- Соловьев С. Л. Сельская округа Гермонассы. Поселение Волна-1 (итоги работ античной комплексной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, 1996–2001) // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: материалы археологической научной конференции. Краснодар: Экоинвест, 2016. С. 103–117.
- Таскаев В. Н. «Нижний город» Патрейского городища по материалам подводных археологических исследований // Ученые записки кафедры Всеобщей истории МГОПУ им. М. А. Шолохова. 2004. Вып. IV. С. 11–19.
- Толстиков В. П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. М., 1992. С. 41–65. (Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина; вып. 10).
- Усачева О. Н., Сорокина Н. П. Кепы // Античные государства Северного Причерноморья / отв. ред.: Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. М.: Наука, 1984. С. 84–86.
- Шаров О. В., Соколова Л. А. Предварительные итоги исследований береговой части поселения Ильич-1 Темрюкского района Краснодарского края в 2015–2016 гг. // Таврические студии. Серия: Исторические науки. 2017. № 12. С. 167–175.
- Шелов Д. Б. Городище около хутора Ильичевка // КСИИМК. 1951. XXXVII. С. 228–231.
- Шелов Д. Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955–1957 гг.) // Древности Нижнего Дона / отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Наука, 1965. С. 56–129. (МИА; № 127).
- Эллинистическая техника: сб. ст. / под ред. И. И. Толстого. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1948. 365 с.
- Ault B. A. Greek Domestic Architecture // A Companion to Science, Technology, and Medicine in Ancient Greece and Rome / ed. G. L. Irby. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2016. P. 656–671.
- Chazelles C. A. Quelques pistes de recherche sur la construction en terre crue et l'emploi des terres cuites architecturales pendant l'Âge du fer dans le bassin occidental de la Méditerranée // Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire / ed. H. Tréziny. Aix-en-Provence, 2010. P. 309–318.
- Ginouès R., Martin R. Dictionnaire méthodique de l'architecture grecque et romaine. T. I. Matériaux, techniques de construction, techniques et formes du décor. Rome, 1985. 307 p.
- Hellmann M. C. La maison grecque: les sources épigraphiques // Topoi. 1994. Vol. 4. P. 131–146.
- Jones E., Graham A. J., Sackett L. H. An Attic Country House below the Cave of Pan at Vari // BSA. 1973. 68. P. 355–452.
- Martin R. Manuel d'architecture grecque. I. Matériaux et techniques. Paris, 1965. 522 p.
- Nevett L. Ancient Greek Housing. Cambridge, 2023. 329 p.
- Orlandos A. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens Grecs. I. Paris, 1966. 162 p.

References

- Abramov A. P. Gorodishche Patrey. Periodizatsiya i topografiya // Patrey. Materialy issledovaniya. 1. Moscow, 1999. P. 3–32.
- Akhmadeeva M. M. Issledovaniya usad'by A v blizhnem predmest'e antichnoy Feodosii v 2022 godu // Istoriya i arkheologiya Kryma. 2023. 19. P. 23–31.

- Alekseeva E. M. Gorgippiya // Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya / eds.: G. A. Koshelenko, I. T. Kruglikova, V. S. Dolgorukov. Moscow: Nauka, 1984. P. 82–84.
- Alekseeva E. M. Antichnyy gorod Gorgippiya. Moscow: Editorial URSS, 1997. 559 p.
- Ault B. A. Greek Domestic Architecture // A Companion to Science, Technology, and Medicine in Ancient Greece and Rome / ed. G. L. Irby. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2016. P. 656–671.
- Blavatskiy V. D. Materialy po istorii Pantikapeya. Plan goroda // Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu. I. Moscow: Nauka, 1951. P. 9–62. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; 19).
- Bonin A. V. "Neukreplennye batareyki" // Drevnosti Bospora. 18. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2014. P. 73–87.
- Bonin A. V. Sel'skie poseleniya Bospora i v. do n. e. — serediny II v. n. e. Voprosy khronologii: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Moscow, 2019. 351 p.
- Butyagin A. M. O perekhode k kamennomu domostroitel'stvu na gorodishche Mirmekiy // Stratum + Peterburgskiy arkheologicheskij vestnik. St. Petersburg; Kishinev, 1997. P. 94–100.
- Chazelles C. A. Quelques pistes de recherche sur la construction en terre crue et l'emploi des terres cuites architecturales pendant l'Âge du fer dans le bassin occidental de la Méditerranée // Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire / ed. H. Tréziny. Aix-en-Provence, 2010. P. 309–318.
- Desyatchikov Yu. M., Dolgorukov V. S., Alekseeva E. M. Sel'skaya territoriya // Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya / eds.: G. A. Koshelenko, I. T. Kruglikova, V. S. Dolgorukov. Moscow: Nauka, 1984. P. 88–91.
- Ellinisticheskaya tekhnika: sbornik statey / ed. I. I. Tolstoy. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1948. 365 p.
- Gavrilov A. V. Okruga antichnoy Feodosii. Simferopol': Azbuka, 2004. 368 p.
- Ginouvès R., Martin R. Dictionnaire méthodique de l'architecture grecque et romaine. T. I. Matériaux, techniques de construction, techniques et formes du décor. Rome, 1985. 307 p.
- Hellmann M. C. La maison grecque: les sources épigraphiques // Topoi. 1994. Vol. 4. P. 131–146.
- Ivanov A. V., Sudarev N. I. Syrtsovyi kirpich v stroitel'noy traditsii i pogrebal'noy praktike drevney Gretsii i na Bospore // Drevnosti Bospora. 28. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2023. P. 187–226.
- Jones E., Graham A. J., Sackett L. H. An Attic Country House below the Cave of Pan at Vari // British School at Athens. 1973. 68. P. 355–452.
- Kashaev S. V. Syrtsovye sklepy na nekropole Artyushchenko-2 // Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare. 2. Samara, 2020. P. 13–15.
- Kashaev S. V., Sudarev N. I. Traditsiya pogrebeniy v syrtsovykh grobnitsakh v nekropolyakh Tamanskogo poluostrova Artyushchenko-2 i Vinogradnyy-7 // Bosporskie issledovaniya. 40. Simferopol', 2020. P. 26–46.
- Korovina A. K. Germonassa: antichnyy gorod na Tamanskom poluostrove. Moscow: Muzei izobrazitel'nykh iskusstv imeni A. S. Pushkina, 2002. 146 p.
- Kruglikova I. T. Poselenie Andreevka Yuzhnaya // Drevnosti Bospora. 4. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2001. P. 182–226.
- Krushkol Yu. S. Antichnoe zdanie v rayone Gorgippii // Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya. Leningrad, 1968. P. 213–219.
- Kryzhitskiy S. D. Zhilye doma antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya (VI v. do n. e. — IV v. n. e.). Kiev: Naukova dumka, 1982. 163 p.
- Kuznetsov V. D. Organizatsiya obshchestvennogo stroitel'stva v Drevney Gretsii. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2000. 536 p.
- Kuznetsov V. D. Syrtsovyi kirpich (po materialam Fanagorii) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2015. 1. P. 282–294.
- Lantsov S. B. Kratkie svedeniya o bosporskoy kreposti Kutlak — Afineone (?) Pseudo-Arriana // Vestnik drevney istorii. 1999. 1. P. 121–136.
- Lomtadze G. A. K voprosu o datirovke oboronitel'nykh sooruzheniy poseleniya Akhtanizovskaya 4 // S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti: k 70-letiyu V. P. Tolstikova. Moscow, 2015. P. 151–163.
- Malyshev A. A., Dryga D. O., Kolesnik D. A. Kompleks bashennogo sooruzheniya Raevskogo gorodishcha: nekotorye rezul'taty kompleksnykh issledovaniy // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2020. 258. P. 232–244.
- Malyshev A. A., Moor V. V. Opyt rekonstruktsii bashneobraznogo sooruzheniya na poselenii Dubki // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2018. 253. P. 149–162.
- Martin R. Manuel d'architecture grecque. I. Matériaux et techniques. Paris, 1965. 522 p.
- Maslennikov A. A. Sel'skiy temenos (?) v Vostochnom Krymu (predvaritel'naya informatsiya) // Vestnik drevney istorii. 1997. 4. P. 150–172.

- Maslennikov A. A. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e). 1. Arkhitekturno-stroitel'naya i arkhelogicheskaya kharakteristika pamyatnikov. Moscow: Institut arkhelogii Rossiyskoy Akademii nauk, 2010. 244 p. (Drevnosti Bospora; supplementum. III).
- Maslennikov A. A., Litvinyuk N. A. Arkheologicheskie pamyatniki na myse Kazantip // Nauchnye zapiski prirodnogo zapovednika "Mys Mart'yan". 2014. 5. P. 35–44.
- Nevett L. Ancient Greek Housing. Cambridge, 2023. 329 p.
- Nikolaeva E. Ya. Poselenie u derevni Il'ich // Kratkie soobshcheniya Instituta arkhelogii. 1981. 168. P. 88–92.
- Onayko N. A. Ellinisticheskoe zdanie Raevskogo gorodishcha i ego mesto v arkhitekture Bospora // Sovetskaya arkhelogiya. 1967. 2. P. 155–169.
- Orlandos A. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens Grecs. I. Paris, 1966. 162 p.
- Peters B. G., Golentsov A. S. Arkheologicheskie raskopki v Feodosii 1975–1977 gg. // Kratkie soobshcheniya Instituta arkhelogii. 1981. 168. P. 68–72.
- Popova E. A., Kovalenko S. A. Istoriko-arkheologicheskie ocherki grecheskoy i pozdneskifskoy kul'tur v Severo-Zapadnom Krymu (po materialam chaykinskogo gorodishcha). Moscow, 2005. 283 p.
- Popova E. A., Pezhemskiy D. V., Belovintseva N. I. Gorodishche Chayka, nekropol' i kamenolomnya antichnoy epokhi na okraine Evpatorii v Severo-Zapadnom Krymu: itogi i perspektivy issledovaniya // Istoricheskie issledovaniya. 2015. 3. P. 76–112.
- Rukavishnikova I. V., Perevodchikova E. V., Men'shikov M. Yu. Raskopki antichnogo poseleniya Tasunovo-7 v Vostochnom Krymu // Istoricheskie issledovaniya. 2017. 8. P. 300–310.
- Savostina E. A. Antichnoe poselenie Yubileynoe 1 na Tamani // Sovetskaya arkhelogiya. 1987. 1. P. 58–71.
- Sharov O. V., Sokolova L. A. Predvaritel'nye itogi issledovaniy beregovoy chasti poseleniya Il'ich-1 Temryukskogo rayona Krasnodarskogo kraja v 2015–2016 gg. // Tavricheskie studii. Seriya: Istoricheskie nauki. 2017. 12. P. 167–175.
- Shelov D. B. Gorodishche okolo khutora Il'ichevka // Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury. 1951. XXXVII. P. 228–231.
- Shelov D. B. Raskopki severo-vostochnogo uchastka Tanaisa (1955–1957 gg.) // Drevnosti Nizhnego Dona / ed. D. B. Shelov. Moscow: Nauka, 1965. P. 56–129. (Materialy i issledovaniya po arkhelogii SSSR; 127).
- Sokol'skiy N. I. Kepy // Antichnyy gorod. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963a. P. 97–114.
- Sokol'skiy N. I. Krepost' na gorodishche u khutora Batareyka 1 // Sovetskaya arkhelogiya. 1963b. 1. P. 179–191.
- Sokol'skiy N. I. Otchet o rabote Tamanskoy ekspeditsii instituta arkhelogii AN SSSR v 1963 g. [1963c] // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkhelogii Rossiyskoy Akademii nauk. R-1. D. № 2733.
- Sokol'skiy N. I. Il'ichevskoe gorodishche // Sovetskaya arkhelogiya. 1966. 4. P. 125–140.
- Sokol'skiy N. I. Krepost' na poselenii Batareyka 2 // Kratkie soobshcheniya Instituta arkhelogii. 1967. 109. P. 108–115.
- Sokol'skiy N. I. Derevoobrabatyvayushchee remeslo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya. Moscow: Nauka, 1971. 287 p.
- Sokol'skiy N. I. Tamanskiy tolos i rezidentsiya Khrisaliska. Moscow, 1976. 126 p.
- Solov'ev S. L. Sel'skaya okrug Germonassy. Poselenie Volna-1 (itogi rabot antichnoy kompleksnoy arkhelogicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha, 1996–2001) // Okhrana i sokhranenie arkhelogicheskogo naslediya Tamani pri realizatsii stroitel'stva Tamanskogo terminala SUG i nefteproduktov: materialy arkhelogicheskoy nauchnoy konferentsii. Krasnodar: Ekoinvest, 2016. P. 103–117.
- Taskaev V. N. "Nizhniy gorod" Patreyskogo gorodishcha po materialam podvodnykh arkhelogicheskikh issledovaniy // Uchenye zapiski kafedry Vseobshchey istorii Moskovskiy gosudarstvennyy otkrytyy pedagogicheskiy universitet imeni M. A. Sholokhova. 2004. IV. P. 11–19.
- Tolstikov V. P. Neizvestnye stranitsy istorii Bosporskogo tsarstva // Arkhelogiya i iskusstvo Bospora. Moscow, 1992. P. 41–65. (Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A. S. Pushkina; 10).
- Usacheva O. N., Sorokina N. P. Kepy // Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya / eds.: G. A. Koshelenko, I. T. Kruglikova, V. S. Dolgorukov. Moscow: Nauka, 1984. P. 84–86.
- Vakhtina M. Yu. Porfmiy — grecheskiy gorod u perepravy cherez Kimmeriyskiy Bospor // Bosporskie issledovaniya. 22. Simferopol', 2009. P. 91–126.
- Vinokurov N. I. Arkheologicheskie pamyatniki urochishcha Artezian v Krymskom Priazov'e. Moscow, 1998. 152 p.
- Vinokurov N. I. Raskopki gorodishcha Artezian v 1997–1998 gg. // Drevnosti Bospora. 2. Moscow: Institut arkhelogii Rossiyskoy Akademii nauk, 1999. P. 39–76.
- Vinokurov N. I. Khozyaystvenno-zhilye kvartaly gorodishcha Artezian pervoy poloviny pervogo veka n. e. // Drevnosti Bospora. 16. Moscow: Institut arkhelogii Rossiyskoy Akademii nauk, 2012. P. 51–76.

- Vinokurov N. I. Dosledovanie polupodvala v tsentral'noy chasti gorodishcha Artezian // *Drevnosti Bospora*. 26. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2021. P. 64–96.
- Vyazkova O. E., Gol'eva A. A., Malyshev A. A. Bosporskaya signal'no-storozhevaya sistema na poluostrove Abrau: rezul'taty kompleksnykh issledovaniy // *ABRAU ANTIQUA*. Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy drevnostey poluostrova Abrau. Moscow: Grif i K, 2009. P. 212–240.
- Zhitnikov V. G. Otchet o raskopkakh poseleniya Volna-1 v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2001 g. // *Nauchno-otraslevoy arkhiv Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk*. R-I. D. № 24125–24127.
- Zhitnikov V. G. "Vostochnyy rayon" zhiloy i khozyaystvennoy zastroyki V–II vv. do n. e. na poselenii "Volna I" (Tamanskiy poluostrov) // *Drevnosti Bospora*. 21. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2017. P. 95–121.
- Zhuravlev D. V., Batasova A. V., Kudryashova A. I. Issledovaniya na poselenii Golubitskaya-2 v 2013–2016 gg. // *Tavricheskie studii*. Seriya: Istoricheskie nauki. 2017. 12. P. 73–80.

Illustrations

- Fig. 1. Adobe bricks from urban centres of the Bosporus (cm). Distributed in chronological order: 1 — Phanagoria; 2 — Patrei; 3 — Hermonassa; 4 — Gorgippia (construction horizon I); 5 — Theodosia; 6 — Gorgippia (construction horizon II); 7 — Panticapaeum; 8 — Gorgippia (construction horizon III); 9 — Gorgippia (construction horizon IV)
- Fig. 2. Adobe bricks from rural settlements of the Bosporus (cm). Distributed in chronological order: 1 — Andreevka Yuzhnaya; 2 — Raevskoye fortified settlement; 3 — Yubileiny I (reconstruction); 4 — residence of Chrysaliskos; 5 — "batareiki" of the Fontalovsky peninsula; 6 — Artesian

- Fig. 3. Variants of adobe brick masonry: 1 — Batareika-1 (after Sokol'skiy, 1963. Fig. 2); 2 — Batareika-2 (after Sokol'skiy, 1963. Fig. 12); 3 — header-and-stretcher bond in house-building of Hellenistic Greece (variation)

K. L. Sintserova. Adobe brick constructions in the house-building tradition of the rural territory of the Bosporus

Abstract. As one of the defining features of Greek architecture, adobe brick became widely used in the Bosporus region. This study examines adobe brick samples recovered from rural settlement excavations to identify their specific characteristics and constructional use. These data were supplemented by material from ancient Bosporan and Mediterranean cities. Among the distinctive features of Bosporan brick are its considerable dimensions and its square or adaptable form, which was suited to particular structural requirements. The technique of reinforcing adobe brick walls with wooden beams, along with certain masonry patterns, was evident not only in the Bosporan context but also in other regions of the Greek world. During the construction of the network of fortresses on the Fontalovsky Peninsula, it is possible that a workshop existed which produced standardised adobe bricks.

Keywords: adobe brick, rural settlements of the Bosporus, domestic architecture.

Sintserova Kseniya Leonidovna, postgraduate student, Department of Classical Archaeology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 14 bldg. 2 Krzhizhanovsky St., 117218 Moscow, Russian Federation, kseniasincerova@gmail.com.

Вл. В. Седов, Ю. С. Фомичёва

В АРХИТЕКТУРЕ Новгорода первой половины XII в. господствующим был пришедший с юга Руси, из Киева, а первоначально — из Византии, тип арочного окна с прямыми щеками или боковинами, перпендикулярными поверхности внутренних и внешних стен. Мы называем эти боковые поверхности окон не совсем привычными терминами, *щеками* или *боковинами*, потому что назвать их более употребительным словом *откосы* совсем не получается как раз из-за того, что ничего косого, расположенного под косым углом, в них нет. Прямые щеки сохраняются в этот период не только по сторонам окон и в их завершающих, арочных частях, но и в их основаниях. С внешней стороны эти окна обведены по бокам и над аркой арочными нишами, сохраняющими форму окна.

Мы приводим здесь чертеж плана, внешне-го фасада, внешний и внутренний виды окна Георгиевского собора Юрьева монастыря (Седов, 2022а), заложенного в 1119 г. и выстроенного, с некоторой вероятностью, к 1130 г., а также чертеж плана второго яруса окон этого монументального храма с указанием места расположения данного оконного проема во втором с запада фасаде южного фасада памятника (ил. 1).

Эта форма окна была почти единственной в первой трети и даже, видимо, в первой половине XII столетия. Вся система освещения построена на использовании этих крупных арочных окон (Седов, 2019а). В лестничной башне

Аннотация. Статья посвящена выявлению ранее не отмечавшейся формы окон, характерной для новгородской архитектуры второй половины XII в. В первой половине века в Новгороде и Пскове господствовали арочные окна с параллельными боковыми стенками. В середине XII в. в двух храмах Ладого такие окна еще есть, но в средних пряслах и абсидах уже появляются окна новой формы, двусоставные: с внешней стороны остается отрезок с параллельными боковыми стенками, а внутри устраивается раструб с расширяющимися внутрь косыми боковыми стенками. Такая форма является как бы усеченным, половинчатым видом двухраструбного окна, происходящего из романской архитектуры Запада и распространившегося в Древней Руси со второй четверти XII в. Окна только с внутренним раструбом становятся для новгородской архитектуры второй половины XII в. единственным вариантом. В начале XIII в. их сменяет дошедшее до Новгорода с Юга Руси двухраструбное окно.

Ключевые слова: Великий Новгород, архитектура, домонгольский период, XII век, окна, световые проемы, форма, раструбы, Византия, романика, типология, хронология, региональная особенность.

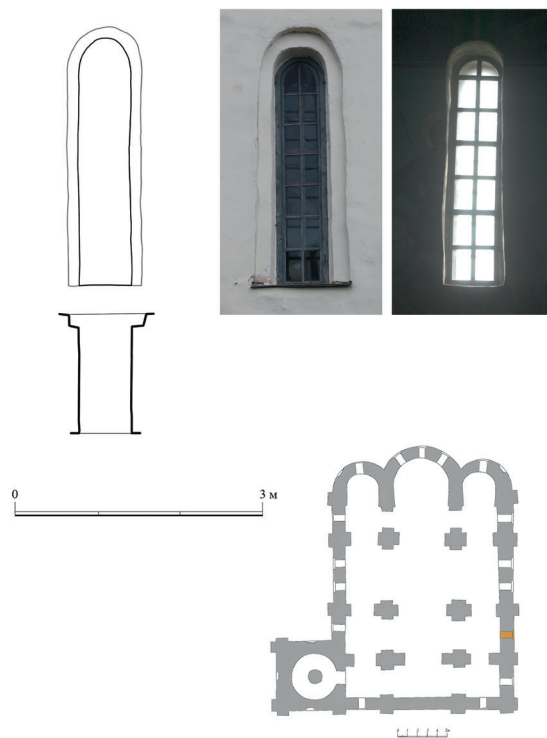
Седов Владимир Валентинович — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292; заведующий кафедрой истории отечественного искусства, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация, 119192, sedov1960@mail.ru.

Фомичёва Юлия Сергеевна — младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, migu@yandex.ru.

* Исследование выполнено в рамках коллективной плановой темы: «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 12201200266-3).

появляются щелевидные окна, но они являются утилитарными и в соборе Юрьева монастыря помещаются в большие арочные ниши. В Николо-Дворищенском соборе, заложенном в 1113 г., арочные окна такие же, как в соборе Юрьева монастыря, и имеют такие же арочные ниши вокруг; в сохранившемся в первоначальном виде среднем барабане — окна без обрамляющих ниш. В соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря (1117–1125) арочные оконные проемы тоже с прямыми щеками, но без ниш вокруг, однако в барабане эти ниши появляются. В соборе Иоанна Предтечи Ивановского монастыря в Пскове (1130-е?) арочные окна имеют также прямые боковины и лишены арочных ниш вокруг — как в соборе новгородского Антониева монастыря. Тут же появляются круглые окна, происхождение которых не слишком ясно. В Спасо-Преображенском соборе псковского Мирожского монастыря (1140-е) древние окна в западной стене, абсиде и в барабане принадлежат к тому же арочному типу с прямыми параллельными щеками, однако не имеют огибающей ниши. Как видим, довольно большие арочные окна византийского образца, с прямыми и параллельными щеками, были распространены в новгородской архитектуре первой половины XII в. и являлись почти единственным видом окна в это время (узкие щелевидные окна лестниц и редчайшие и небольшие круглые окна не могли с ними соперничать).

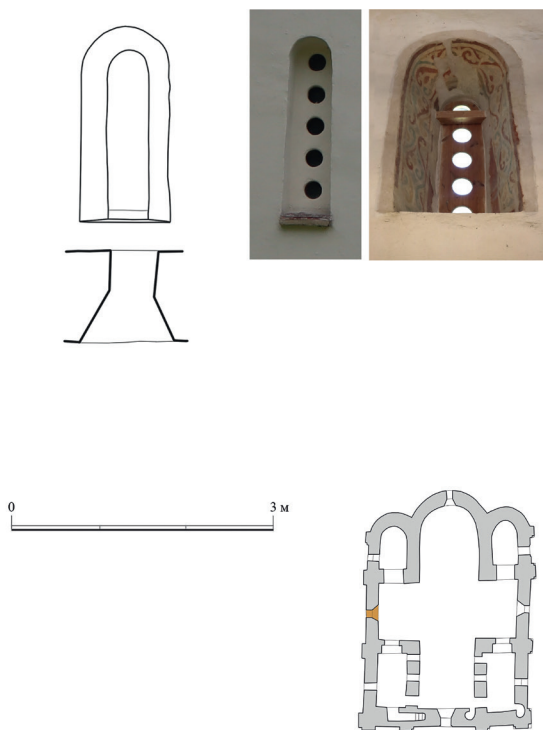
И только в середине XII в. в Успенском соборе Успенского монастыря в Ладоге, который все чаще ставят в начало развития ладожских храмов (Стеценко, Воинова, 1992; Гусева, Воинова, 1995; Сарбабянов, 2010), кроме арочных окон, которые мы предлагаем назвать «прямыми», появляются иные световые проемы, у которых с внешней стороны есть прямой отрезок примерно на половину глубины окна, а затем устроен раструб с расходящимися внутрь откосами. Откосы расходятся раструбом и по сторонам, и в арочной части окна, и в его подоконной части. Пример такого окна в верхней части северной стены храма, отвечающей северному рукаву пространственного креста, мы приводим в статье, помещая план и внутренний фасад окна, его внешний и внутренний виды и схему плана с верхнего яруса с указанием местоположения проема (ил. 2).

Ил. 1. Окно второго яруса второго с запада прясла южного фасада Георгиевского собора Юрьева монастыря близ Новгорода. После 1119 г. План, внешний фасад, внутренний и внешний виды, план-схема с обозначением местоположения окна

Таких окон в Успенском соборе ладожского монастыря несколько: с юга в том же ярусе расположено такое же окно, по два они располагаются в той же северной стене под указанными выше окнами, образуя пирамидальные композиции из трех проемов как на северном, так и на южном фасадах и торцах поперечных рукавов креста. Следующее окно находим в верхнем ярусе среднего прясла западного фасада (западного рукава креста), и еще одно — в верхнем ярусе окон средней абсиды, напротив западного окна. Всего в памятнике в основном объеме имеется восемь окон с внутренним раструбом. Все остальные окна прямые, сделанные по-старому.

Кажется, что в Успенском монастырском соборе в Ладоге мы видим переход от одной формы к другой, почти присутствуем при транзите от прямых арочных окон византийского типа к окнам с внутренним раструбом. Этот

Ил. 2. Окно третьего яруса среднего прясла северного фасада церкви Успения в Ладогe (Старой Ладогe). План, внутренний фасад, внешний и внутренний виды, план-схема с обозначением местоположения окна

переходный характер объясняет то, что в храме еще сохраняются окна старой формы. Но на видных местах уже прорезаны световые проемы новой формы, которые дают расширяющиеся внутрь храма потоки света, усиливают насыщение им интерьера.

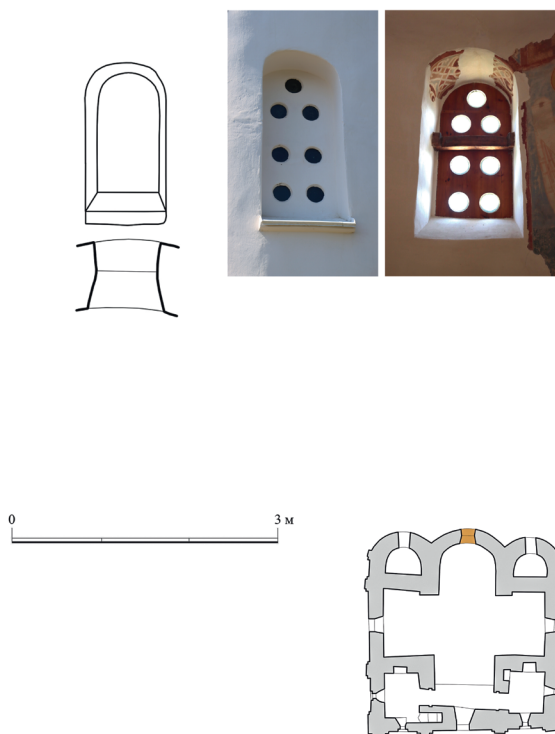
Происхождение этого типа окон, который можно считать промежуточным именно из-за того, что с внешней стороны в них сохраняется отрезок старой формы (и в целом внешность фасада не меняется введением внешних раструбов) реконструируется достаточно ясно: это усеченная форма двухраструбного окна, его паллиатив. Такая форма может быть названа промежуточной и одновременно переходной, транзитной, причем она является таковой и по отношению к старой византийской форме окон с прямыми щеками, ставшей уже нормой в древнерусской архитектуре XI — начала XII в., и к окнам с двойным раструбом,

являющимся прямым следствием романского влияния.

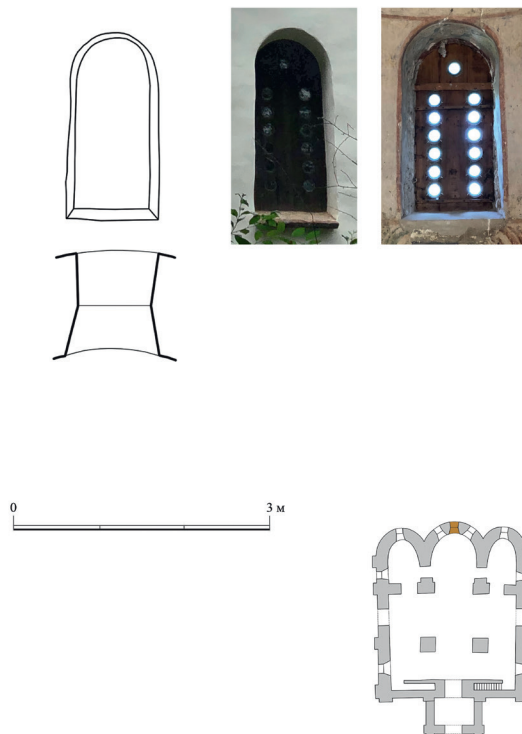
Окна с двойным раструбом появляются в памятниках Чернигова и Киева во второй четверти XII в., а и затем и в Полоцке, и в Смоленске. Сводки таких окон мы в недавнее время давали дважды (Седов, 2013. С. 420–422; 2019б. С. 340–341); см. также обзор состояния вопроса о датировке памятников Чернигова и Киева с романскими формами (Седов, 2022б). Появившиеся, как представляется, в результате романского влияния, выразившегося и в перемене техники кладки на равнослойную, и во введении романской кирпичной декорации, включающей узкие лизены и полуколонны на фасадах, а также аркатуры и филенки, двухраструбные окна получили повсеместное распространение в южнорусской архитектуре, а также в белокаменной архитектуре Владимиро-Суздальской Руси, тоже принявшей мощный импульс романского влияния. Из этого арсенала (прежде всего, как кажется, южнорусского, поскольку опыты владими́ро-суздальской архитектуры были вне поле зрения новгородской культуры) новгородскими мастерами-строителями в середине XII в. был заимствован только внутренний раструб, дававший эффектное расширение светового пучка в интерьер. Впервые, вероятно, такие «половинчатые» окна, окна с внутренним раструбом, появились в Новгородской земле в Успенском монастырском соборе в Ладогe.

В монастырской церкви Георгия в Ладогe (Мильчик, 1979; Лалазаров, 2002), сооруженной, видимо, вслед за ладожским Успенским монастырским храмом (то есть в середине XII в.), большинство окон уже принадлежит к описанному выше типу проемов с внутренним раструбом. Однако в средней и боковых абсидах вверху и в барабане мы видим еще старые окна с прямыми щеками. Заметим здесь, что и в более поздних новгородских памятниках XII в. с сохранившимися барабанами под куполами, таких как церковь Петра и Павла на Сильнице (1185–1192) и церковь Спаса-Преображения на Нередице (1198), окна в «шеях» остаются с по-старому прямыми боковинами.

Мы приводим здесь внутренний фасад нижнего окна средней абсиды Георгиевского храма в Ладогe (ил. 3), а также виды этого проема

Ил. 3. Нижнее окно средней абсиды церкви Георгия в Ладогe (Старой Ладогe). План, внутренний фасад, внешний и внутренний виды, план-схема с обозначением местоположения окна

Ил. 4. Среднее окно средней абсиды церкви Благовещения на Мячине близ Новгорода. 1179 г. План, внутренний фасад, внешний и внутренний виды, план-схема с обозначением местоположения окна

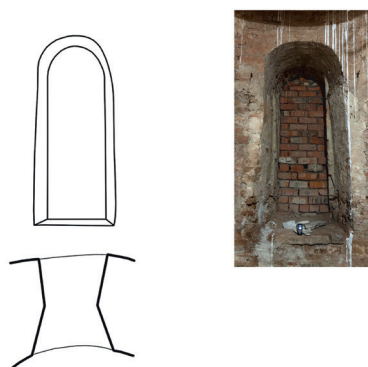
снаружи и изнутри и план-схему с показанием месторасположения этого окна. Обратим внимание на то, что внешняя часть окна показывает осторожное, едва уловимое движение в сторону создания и внешнего раструба, но это такая малость, что она почти незаметна.

В дальнейшем форма окна с внутренним раструбом становится для четвериков новгородских храмов единственной (с указанным исключением в барабанах). Мы приводим здесь среднее из трех окон нижнего яруса проемов средней абсиды (ил. 4) в новгородской монастырской церкви Благовещения на Мячине, построенной в 1179 г. (Фомичёва, 2016), где план и внутренний фасад, а также внешний и внутренний виды и план-схема с указанием местоположения окна показывают энергичный внутренний раструб и слабое расхождение внешних щек светового проема. Перед нами еще один типичный образец того, что мы предлагаем назвать новгородской формой окна

второй половины XII в. Все сохранившиеся окна четверика церкви Благовещения на Мячине принадлежат к этому типу, к этой форме.

Примерно то же самое мы видим в монастырской церкви Петра и Павла на Сильнице (1185–1192) в Новгороде, типичном новгородском памятнике второй половины столетия (Сакса, 2012), где в четверике и на абсидах настоящие раструбы мы, как и в других ладожско-новгородских памятниках, находим только изнутри, тогда как снаружи одни окна имеют параллельные щеки, а другие, как северное окно в ряду трех окон средней абсиды, для которого мы даем внутренний фасад и план, вид изнутри и план-схему с обозначением места окна (ил. 5), показывают некоторое стремление к созданию слабого, еле заметного внешнего раструба.

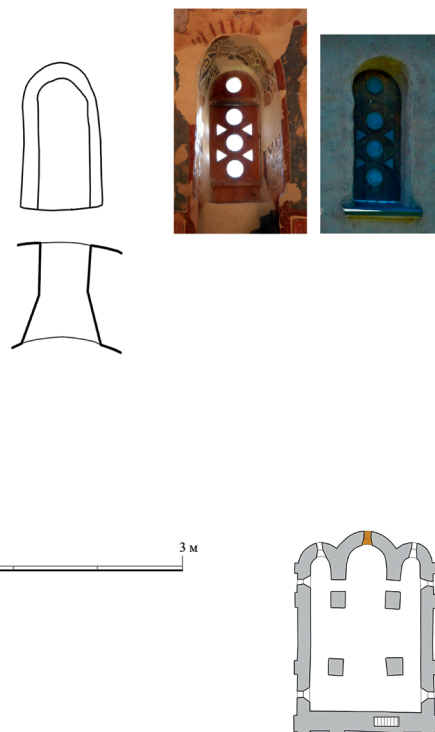
Наконец, в монастырской церкви Спаса-Преображения на Нередице (Покрышкин, 1906; Седов, 2000; Булкин, 2005), построенной близ

Ил. 5. Северное окно в средней абсиде церкви Петра и Павла на Сильнице в Новгороде. 1185–1192 гг. План, внутренний фасад, внутренний вид, план-схема с обозначением местоположения окна

новгородского Городища в 1198 г., мы находим, помимо барабана с его «прямыми окнами», только световые проемы с прямой внешней половиной и активными раструбами во внутренней половине. В нашей статье мы приводим план и внутренний фасад, а также внутренний и внешний виды и схему расположения окна, находящегося в нижней части средней абсиды храма (ил. 6). Оно типично и является, как и окна с внутренним раструбом всех четырех перечисленных выше новгородских и ладожских памятников, характерным примером новгородской формы окна второй половины XII в., более нигде не встречающейся.

Можно думать, что такие окна с внутренним раструбом существовали в новгородской архитектуре до 1207 г., когда в Новгороде одновременно были построены два храма: собор Пантелеймонова монастыря и церковь Параскевы Пятницы на Торгу. Если первый сохранился лишь

Ил. 6. Окно средней абсиды церкви Спаса-Преображения на Нередице близ Новгорода. 1198 г. План, внутренний фасад, внутренний и внешний виды, план-схема с обозначением местоположения окна

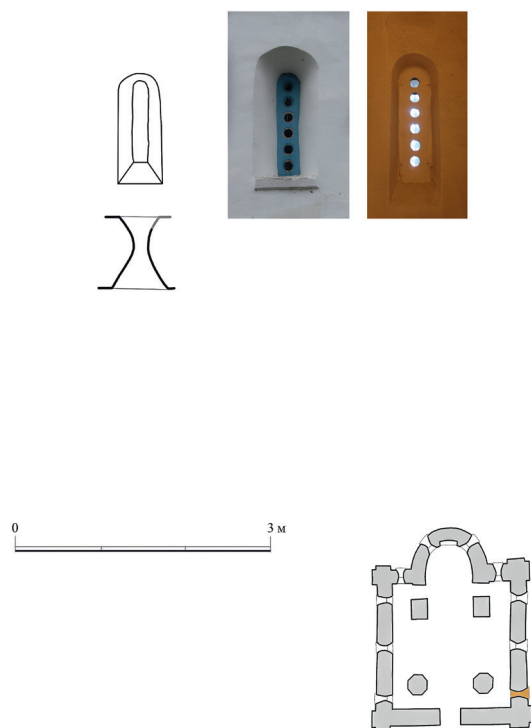
на уровне нижних частей стен (но мог иметь еще традиционные окна только с внутренним раструбом — как во всех храмах-предшественниках), то во втором памятнике мы воочию наблюдаем уже двухраструбные окна романского происхождения, которые будет вернее — для этого времени — называть уже южнорусскими.

Храм Пантелеймонова монастыря показывает характерный для Новгорода второй половины четырехстолпный тип плана с квадратными столбами, тремя абсидами и лестницей в западной стене (*Раннопорт*, 1982; *Седов*, 2015; 2016); он в меньших размерах продолжает план церкви Спаса на Нередице. Есть большая вероятность, что в церкви Пантелеймонова монастыря продолжались не только плановые, но и объемно-пространственные формы храма на Нередице, точно так же в Пантелеймоновском соборе могли — вероятно, в последний раз — использоваться окна с внутренним раструбом.

А двухраструбные окна новгородской церкви Параскевы Пятницы 1207 г. (*Гладенко и др., 1964. С. 201–214*), экспортированные, вероятнее всего, из Смоленска, были продолжены в новгородской архитектуре первой трети XIII в.: они были устроены в суженных в это время окнах Николо-Дворищенского собора (*Седов, Скрипцова, 2000*), а также в церкви Рождества Богородицы на Перыни (в Перынском скиту) близ Новгорода (*Кацнельсон, 1952; Седов, 2009*). В этом памятнике все окна, включая окна барабана, принадлежит к двухраструбному типу (ил. 7), в котором свет сначала вбирается внутрь внешним раструбом, а затем разливается расширяющимся потоком с помощью внутреннего раструба.

Мы приводим здесь западное нижнее окно южного фасада церкви на Перыни, которое является типичным образцом двухраструбного типа светового проема. В дальнейшем окна этого типа получили некоторое распространение в новгородской архитектуре конца XIII — первой половины XIV в., но затем исчезли из иконографического репертуара новгородских зодчих. Подобные окна мы находим в следующих новгородских храмах: монастырской церкви Николы на Липне (1292), где их видим в средних пряслах и на абсидах (*Седов, 1997*), монастырской же церкви Николы Белого (1312–1313), где такие окна есть на абсиде и в четверике (*Штендер, 1991*), а также в церкви Благовещения на Городище (1342–1343), где сохранившиеся оконные проемы относятся к этому типу (*Седов, 1999*).

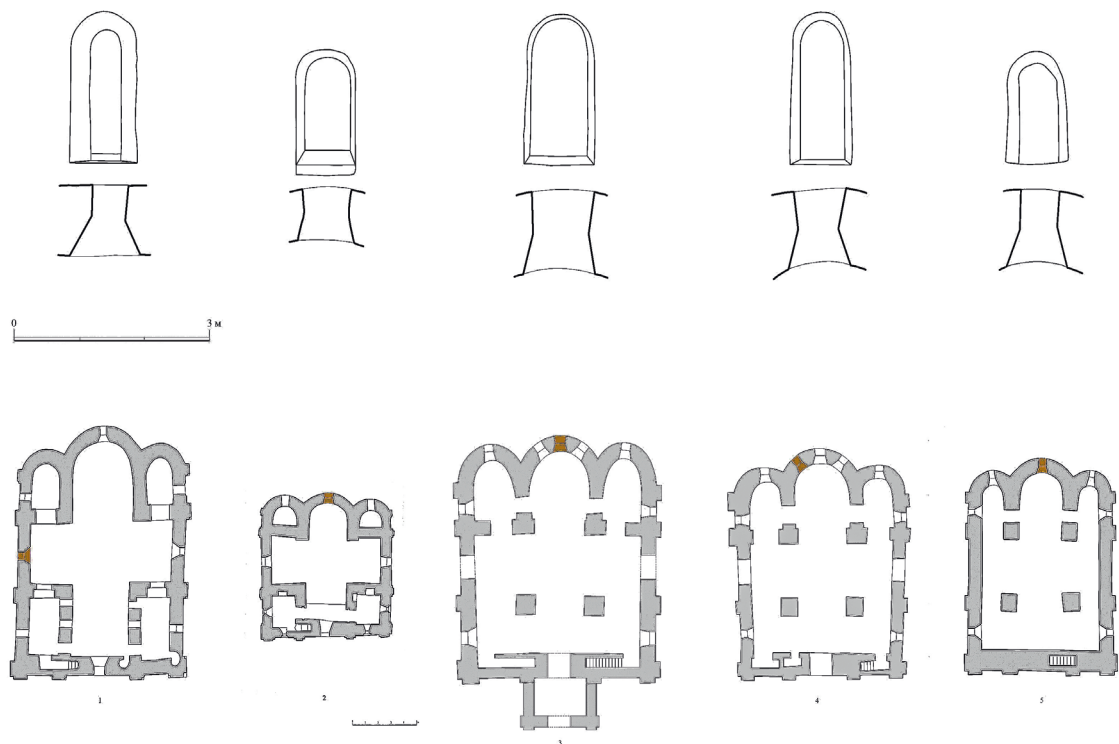
Тип двухраструбного окна, таким образом, получил распространение в новгородской архитектуре в начале XIII в. и был характерен для нее до середины XIV столетия, перейдя из домонгольского периода в новый период сложения местной школы. А вот тип окна с одним, внутренним раструбом, известный нам по пяти храмам, двум ладожским и трем новгородским, более не повторялся: он был забыт вместе с основными формами новгородской архитектуры второй половины XII в. Но для того периода, когда он возник в Ладоге в результате частичного принятия двухраструбного романского окна, только с одним раструбом, и когда он стал чуть позже почти единственным типом окна в Новгороде, вариант светового проема с внутренним раструбом оказывается одной

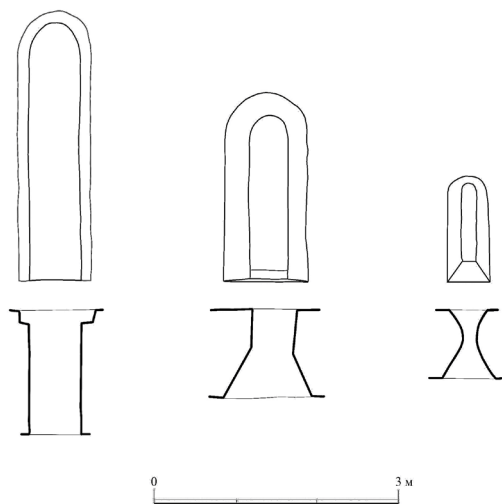
Ил. 7. Западное окно южного фасада церкви Рождества Богородицы на Перыни. План, внешний фасад, внешний и внутренний виды, план-схема с обозначением местоположения окна

из важнейших черт, определяющих своеобразие новгородской школы в этот период. Перед нами форма, характерная только для местной школы и только в относительно длительный период в пятьдесят-шестьдесят лет, с середины XII в. и по рубеж XII–XIII вв. Формы некоторых окон пяти памятников новгородского зодчества этого периода показаны на отдельной таблице (ил. 8).

История новгородской архитектуры XII — начала XIII в. знает, таким образом, три типа окна, последовательно сменяющие друг друга (ил. 9). Сначала почти полностью господствует арочное окно с параллельными щеками, окно византийского типа. Затем его сменяет окно с внутренним раструбом, характерное для Новгорода второй половины XII в. На промежуточном этапе, в середине XII в., такие окна еще соседствуют с проемами старого типа, но потом новый вариант возобладает. Наконец, в начале XIII в. в Новгород приходят арочные двухраструбные окна.

Ил. 8. Новгородские окна второй половины XII в. — окна с внутренним раструбом (планы, фасады изнутри храмов и местоположение окна): 1 — церковь Успения в Ладогe (Старой Ладогe); 2 — церковь Георгия в Ладогe (Старой Ладогe); 3 — церковь Благовещения на Мячине близ Новгорода; 4 — церковь Петра и Павла на Сильнице в Новгороде; 5 — церковь Спаса-Преображения на Нередице близ Новгорода

Ил. 9. Три типа окон новгородской архитектуры XII — начала XIII в.: 1 — окно Георгиевского собора Юрьева монастыря; 2 — окно Успенской церкви в Ладогe (Старой Ладогe); 3 — окно церкви Рождества Богородицы на Перыни

Список литературы

- Булкин В. А. Спасо-Преображенская церковь на Нередице и новгородская архитектурная школа XII в. // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси: к 800-летию памятника. М.: Индрик, 2005. С. 33–50.
- Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород: к 1100-летию города. М.: Наука, 1964. С. 183–263.
- Гусева О. Г., Воинова И. Л. К вопросу о датировке Успенской церкви в Старой Ладогe // Программа «Храм»: сб. материалов. Вып. 8. Чтения памяти Николая Ефимовича Бранденбурга (1839–1903). СПб., 1995. С. 75–80.
- Кацнельсон Р. Древняя церковь в Перыньском скиту близ Новгорода // АН. Вып. 2. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1952. С. 69–85.
- Лалазаров С. В. Архитектура церкви св. Георгия // Церковь Георгия в Старой Ладогe: история, архитектура, фрески /

- авт.-сост. В.Д. Сарабьянов. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 69–126.
- Мильчик М. И. Церковь Георгия в Старой Ладогe // СА. 1979. № 2. С. 101–116.
- Покрышкин П. П. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 годах. СПб.: тип. Гл. Упр. Уделов, 1906. 36 с., XXVII л. ил. (Материалы по археологии России; № 30).
- Раппопорт П. А. Церковь Пантелеймона в Новгороде // КСИА. 1982. Вып. 172. С. 79–82.
- Сакса Л. А. Церковь апостолов Петра и Павла на Сильнице и новгородское зодчество конца XII в.: предварительные итоги исследований // АН. Вып. 56. М.: КРАСАНД, 2012. С. 38–59.
- Сарабьянов В.Д. Успенский собор Старой Ладоги и хронология ладожского храмового строительства // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. Т. II. СПб.; М., 2010. С. 266–310.
- Седов Вл. В. Церковь Николы на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романо-готической традицией // ДРИ. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 393–412.
- Седов Вл. В. Церковь Благовещения на Городище. XIV век // Великий Новгород в истории Средневековой Европы: к 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. С. 391–404.
- Седов Вл. В. Княжеский заказ в архитектуре церкви Спаса-Преображения на Нередице // НИС. Вып. 8 (18). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 36–52.
- Седов Вл. В. Церковь Рождества Богородицы в Перыни: новгородский вариант башнеобразного храма // ДРИ. Идея и образ. Опыты изучения византийского и древнерусского искусства. М.: Северный паломник, 2009. С. 29–54.
- Седов Вл. В. Проблема окна в древнерусской архитектуре: некоторые тексты // Иеротопия Огня и Света в культуре византийского мира / ред.-сост. А. Лидов. М.: Феория, 2013. С. 422–443.
- Седов Вл. В. Стенка в южной апсиде собора Пантелеймонова монастыря и алтарные преграды приделов новгородских храмов XII в. // РА. 2015. № 4. С. 113–122.
- Седов Вл. В. Саркофаг из плинфы в соборе новгородского Пантелеймонова монастыря // РА. 2016. № 1. С. 51–59.
- Седов Вл. В. О системах освещения древнерусских храмов: топография света в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // Пространство иконы. Иконография и иеротопия: к 60-летию А. М. Лидова. М.: Феория, 2019. С. 145–160.
- Седов Вл. В. Материалы по архитектуре церкви Благовещения в Витебске // КСИА. 2019б. Вып. 254. С. 330–344.
- Седов Вл. В. Архитектура Георгиевского собора Юрьева монастыря и первая система организации фасадов в архитектуре Древней Руси: ярусы окон и арочных ниш // АА. 2022а. № 4. С. 7–48.
- Седов Вл. В. Еще раз об Успенском соборе Рязани (Старой Рязани) // Русский средневековый город. Археология. Культура: к юбилею Алексея Владимировича Чернецова. М.: ИА РАН, 2022б. С. 457–504.
- Седов Вл. В., Скрипцова Е. В. Закладка окон Николо-Двориченского собора в Новгороде в начале XIII в. // Новгородские древности. М.: О-во историков архитектуры, 2000. С. 5–23. (Архив архитектуры; вып. XI).
- Стеценко Н. К., Воинова И. Л. Архитектурно-археологические исследования церкви Успения в Старой Ладогe // Архитектурное наследие и реставрация. Реставрация памятников истории и культуры России. М.: Ин-т «Спецпроектреставрация», 1992. С. 169–179.
- Фомичёва Ю. С. К вопросу о реконструкции облика церкви Благовещения на Мячине 1179 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30. Великий Новгород: Новгород. музей-заповедник, 2016. С. 146–153.
- Штендер Г. М. Исследования и реставрация церкви Николы Белого в Новгороде // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М.: Всесоюз. науч.-исслед. ин-т теории градостроительства, 1991. С. 89–109.

References

- Bulkin V. A. Spaso-Preobrazhenskaya tserkov' na Nereditse i novgorodskaya arkhitekturnaya shkola XII v. // Tserkov' Spasa na Nereditse: ot Vizantii k Rusi: k 800-letiyu pamyatnika. Moscow: Indrik, 2005. P. 33–50.
- Fomicheva Yu. S. K voprosu o rekonstruktsii oblika tserkvi Blagoveshcheniya na Myachine 1179 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya. 30. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2016. P. 146–153.
- Gladenko T. V., Krasnorech'ev L. E., Shtender G. M., Shulyak L. M. Arkhitektura Novgoroda v svete poslednikh issledovaniy // Novgorod: k 1100-letiyu goroda. Moscow: Nauka, 1964. P. 183–263.
- Guseva O. G., Voinova I. L. K voprosu o datirovke Uspenskoj tserkvi v Staroy Ladoge // Programma "Khram": sbornik

- materialov. 8. Chteniya pamyati Nikolaya Efimovicha Brandenburga (1839–1903). St. Petersburg, 1995. P. 75–80.
- Katsnel'son R.* Drevnyaya tserkov' v Perynskom skitu bliz Novgoroda // *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 2. Moscow: Gosudarsvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhiterture, 1952. P. 69–85.
- Lalazarov S. V.* Arkhitektura tserkvi sv. Georgiya // *Tserkov' Georgiya v Staroy Ladoge: istoriya, arkhitectura, freski* / comp. V. D. Sarab'yanov. Moscow: Progress-Traditsiya, 2002. P. 69–126.
- Mil'chik M. I.* Tserkov' Georgiya v Staroy Ladoge // *Sovetskaya arkheologiya*. 1979. 2. P. 101–116.
- Pokryshkin P. P.* Otchet o kapital'nom remonte Spaso-Nereditsoy tserkvi v 1903 i 1904 godakh. St. Petersburg: tipografiya Glavnogo Upravlения Udelov, 1906. 36 p., XXVII l. il. (Materialy po arkheologii Rossii; 30).
- Rappoport P. A.* Tserkov' Panteleymona v Novgorode // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 1982. 172. P. 79–82.
- Saksa L. A.* Tserkov' apostolov Petra i Pavla na Sil'nishche i novgorodskoe zodchestvo kontsa XII v.: predvaritel'nye itogi issledovaniy // *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 56. Moscow: KRASAND, 2012. P. 38–59.
- Sarab'yanov V. D.* Uspenskiy sobor Staroy Ladogi i khronologiya ladozhskogo khramovogo stroitel'stva // *Kraegol'nyy kamen'*. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran: 80-letiyu so dnya rozhdeniya Anatoliya Nikolaevicha Kirpichnikova posvyashchaetsya. II. St. Petersburg; Moscow, 2010. P. 266–310.
- Sedov V. V.* Tserkov' Nikoloy na Lipne i novgorodskaya arkhitectura XIII v. vo vzaimosvyazi s romano-goticheskoy traditsiyey // *Drevnerusskoe iskusstvo*. Rus'. Vizantiya. Balkany. XIII vek. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1997. P. 393–412.
- Sedov V. V.* Tserkov' Blagoveshcheniya na Gorodishche. XIV vek // *Velikiy Novgorod v istorii Srednevekovoy Evropy: k 70-letiyu Valentina Lavrent'evicha Yanina*. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M. V. Lomonosova, 1999. P. 391–404.
- Sedov V. V.* Knyazheskiy zakaz v arkhiterture tserkvi Spasa-Preobrazheniya na Nereditse // *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*. Vyp. 8 (18). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2000. P. 36–52.
- Sedov V. V.* Tserkov' Rozhdestva Bogoroditsy v Peryni: novgorodskiy variant bashneobraznogo khrama // *Drevnerusskoe iskusstvo*. Ideya i obraz. Opyty izucheniya vizantiyskogo i drevnerusskogo iskusstva. Moscow: Severnyy palomnik, 2009. P. 29–54.
- Sedov V. V.* Problema okna v drevnerusskoy arkhiterture: nekotorye teksty // *Ierotopiya Ognya i Sveta v kul'ture vizantiyskogo mira* / ed., comp. A. Lidov. Moscow: Feoriya, 2013. P. 422–443.
- Sedov V. V.* Stenka v yuzhnoy apside sobora Panteleymonova monastyrya i altarnye pregrady pridelov novgorodskikh khramov XII v. // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2015. 4. P. 113–122.
- Sedov V. V.* Sarkofag iz pliny v sobore novgorodskogo Panteleymonova monastyrya // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2016. 1. P. 51–59.
- Sedov V. V.* O sistemakh osveshcheniya drevnerusskikh khramov: topografiya sveta v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya v Novgorode // *Prostranstvo ikony*. Ikonografiya i ierotopiya: k 60-letiyu A. M. Lidova. Moscow: Feoriya, 2019a. P. 145–160.
- Sedov V. V.* Materialy po arkhiterture tserkvi Blagoveshcheniya v Vitebske // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2019b. 254. P. 330–344.
- Sedov V. V.* Arkhitectura Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya i pervaya sistema organizatsii fasadov v arkhiterture Drevney Rusi: yarusy okon i arochnykh nish // *Arkhitekturnaya arkheologiya*. 2022a. 4. P. 7–48.
- Sedov V. V.* Eshche raz ob Uspenskom sobore Ryazani (Staroy Ryazani) // *Russkiy srednevekovyy gorod*. Arkheologiya. Kul'tura: k yubileyu Aleksey Vladimirovicha Chernetsova. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2022b. P. 457–504.
- Shtender G. M.* Issledovaniya i restavratsiya tserkvi Nikoloy Belogo v Novgorode // *Restavratsiya i arkhiteturnaya arkheologiya*. Novye materialy i issledovaniya. Moscow: Vsesoyuznyy nauchno-issledovatel'skiy institut teorii gradostroitel'stva, 1991. P. 89–109.
- Stetsenko N. K., Voinova I. L.* Arkhiteturno-arkheologicheskie issledovaniya tserkvi Uspeniya v Staroy Ladoge // *Arkhitekturnoe nasledie i restavratsiya*. Restavratsiya pamyatnikov istorii i kul'tury Rossii. Moscow: Institut "Spetsproektrestavratsiya", 1992. P. 169–179.

Illustrations

Fig. 1. Window of the second tier of the second bay from the west on the southern façade of the Cathedral of St. George, Yuriev Monastery, near Novgorod. After 1119. Plan, exterior elevation, interior and exterior views, and a schematic plan showing the location of the window

- Fig. 2. Window of the third tier of the central bay of the northern façade of the Church of the Dormition in Ladoga (Staraya Ladoga). Plan, interior elevation, exterior and interior views, and a schematic plan showing the location of the window
- Fig. 3. Lower window of the central apse of the Church of St. George in Ladoga (Staraya Ladoga). Plan, interior elevation, exterior and interior views, and a schematic plan showing the window's location
- Fig. 4. Central window of the central apse of the Church of the Annunciation in Myachino, near Novgorod. 1179. Plan, interior elevation, exterior and interior views, and a schematic plan showing the location of the window
- Fig. 5. Northern window in the central apse of the Church of SS Peter and Paul on Silnishche, Novgorod. 1185–1192. Plan, interior elevation, interior view and schematic plan showing the location of the window
- Fig. 6. Window of the central apse of the Church of the Transfiguration of the Saviour on Nereditsa, near Novgorod. 1198. Plan, interior elevation, interior and exterior views, and a schematic plan showing the location of the window
- Fig. 7. The western window of the southern façade of the Church of the Nativity of the Mother of God on Peryn. Plan, exterior elevation, exterior and interior views, and a schematic plan showing the location of the window
- Fig. 8. Novgorodian windows from the second half of the 12th century, showing internal splays. Plans, interior elevations and window locations: 1 — Church of the Dormition in Ladoga (Staraya Ladoga); 2 — Church of St. George in Ladoga (Staraya Ladoga); 3 — Church of the Annunciation in Myachino, near Novgorod; 4 — Church of SS Peter and Paul on Silnishche, Novgorod; 5 — Church of the Transfiguration on Nereditsa, near Novgorod
- Fig. 9. Three types of windows in 12th- to early 13th-century Novgorodian architecture: 1 — window of the Cathedral of St. George, Yuriev Monastery; 2 — window of the Church of the Dormition in Ladoga (Staraya Ladoga); 3 — window of the Church of the Nativity of the Mother of God on Peryn

VI. V. Sedov, Yu. S. Fomicheva. Window forms in Novgorodian architecture of the second half of the 12th century

Abstract. This article identifies a previously unrecorded window style that is characteristic of Novgorodian architecture from the second half of the 12th century onwards. During the first half of the century, arched windows with parallel side walls predominated in Novgorod and Pskov. By the mid-12th century, such windows were still present in two churches in Ladoga, but a new form of window had begun to appear in the central bays and apses. This new form consisted of two parts: the exterior retained a section with parallel side walls, while the interior was splayed with oblique side walls that widened inwards. This form is a truncated variant of the double-splayed window, which originated in Romanesque architecture in Western Europe and spread throughout Medieval Rus' from the second quarter of the 12th century. During the second half of the 12th century, windows with internal splay alone became the only form employed in Novgorodian architecture. By the beginning of the 13th century, these had been replaced by double-splayed windows, which had reached Novgorod from southern Rus'.

Keywords: Veliky Novgorod, architecture, pre-Mongol period, 12th century, windows, window openings, form, splays, Byzantium, Romanesque, typology, chronology, regional characteristics.

Sedov Vladimir Valentinovich, doctor of art studies, corresponding member of Russian Academy of Sciences, chief research fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation; head, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Moscow State University, 27 bldg. 4 Lomonosovsky Ave., 119192 Moscow, Russian Federation, sedov1960@mail.ru.

Fomicheva Yuliya Sergeevna, junior research fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, migu@yandex.ru.

Вл. В. СЕДОВ

 ЦЕРКОВЬ Михаила Архангела на Сковородке была построена в 1355 г. в мужском монастыре по заказу новгородского архиепископа Моисея. Об этом свидетельствует Первая новгородская летопись младшего извода: «В лѣто 6863. Постави владыка Моиси церковь камену святого Михаила на Сковороткъ» (НПЛ, 1950. С. 364). В 1362 г. владыка Моисей был погребен в построенной по его заказу монастырской церкви: «В лѣто 6870... Того же лѣта, на зиму, представися архиепископъ новгородчкый Моиси; архиепископъ же новгородчкый Алексѣи, собравъ игумены и попове и всѣ церковныи чинѣ и множество правовѣрныхъ крестиянѣ, муж и женѣ, и абие проводи и положи своими руками у святого Михаила в монастыри на Сковородкъ» (Там же. С. 368). В житии Моисея говорится о том, что он был погребен в притворе построенного им храма: «...по седми же лѣтехъ сниде паки въ монастырь святого архангела Михаила на Сковоротку, егоже самъ созда; и тоу пожив 3 лѣта, ко Господу отиде прежде осми (осени? на) память иже во святыхъ отца нашего Григория Богослова, и погребень бысть честно архиепископомъ Алексиемъ в притворѣ святого архангела Михаила» (Памятники старинной русской литературы..., 1862. С. 11). Итак, это был каменный храм, сооруженный новгородскими мастерами по заказу местного владыки, то есть памятник, в котором, может быть, сказался особый заказ, особое настроение владычного ктитория, до сих пор до конца не исследованное, более того, только намечаемое к исследованию.

Аннотация. В статье публикуются архивные чертежи церкви Михаила Архангела на Сковородке (1355), принадлежавшей к постройкам новгородского архиепископа Моисея. Этот памятник новгородской архитектурной школы середины XIV в. был разрушен во время Великой Отечественной войны, его остатки до сих пор не изучены. В связи с этим данные об устройстве и формах этого памятника имеют особое значение. Выясняется, что следов хора в западной трети этого храма видно не было, западные столбы были круглыми на большую высоту (но это вряд ли первоначальная форма), что восточная треть его была перекрыта цилиндрическими (коробовыми) сводами, тогда как западная — сводами с сечением в четверть окружности, ведущими свое происхождение от сводов церкви Рождества Богородицы в Перыньском монастыре. Церковь на Сковородке, помимо щелевидных окон, имела окна на диагональных сторонах барабана, которые изнутри завершались трехлопастными арками. К столь же необычным формам следует отнести круглое окно-розетку на западном фасаде.

Ключевые слова: Великий Новгород, новгородская архитектура, церковь Михаила Архангела на Сковородке, XIV в., архивные материалы, форма плана, столбы, своды, цилиндрические своды, своды в четверть окружности, хоры, декор фасадов и окон.

Седов Владимир Валентинович — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292; заведующий кафедрой истории отечественного искусства, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация, 119192, sedov1960@mail.ru.

В росписи новгородских церквей 1615 г. и описи Новгорода 1617 г. о храме Михаила Архангела говорится очень кратко, ясно только, что к этому времени уже имелся придел, посвященный Моисею Новгородскому (Опись Новгорода ... , 1984. С. 117, 326–327). Архимандрит Макарий сообщает важные сведения о перестройках и достройках церкви: при митрополите Питириме (1664–1667) был сооружен южный придел святого Моисея архиепископа (он был «возобновлен», то есть переделан, в 1798 г.), а с северной стороны в 1736 г. был построен придел святого Николая, который в 1800 г. был «возобновлен» и переосвящен во имя Рождества Христова, причем это было сделано одновременно с пристройкой колокольни с западной стороны. Южнее придела святого Моисея в 1818 г. был сооружен придел Казанской Богоматери. Работы конца XVIII — начала XIX в. последовали за обустройством гробницы святого Моисея в 1782 г., когда митрополитом Гавриилом (1775–1799) мощи архиепископа были переложены в бронзовую позолоченную раку (*Макарий*, 1860. С. 617); в это же время сами мощи были, по всей видимости, перенесены из притвора в юго-западный угол храма и положены у арки или под аркой, пробитой из церковного пространства в южный придел. Сам же храм Михаила Архангела был «возобновлен» в 1807 г., а затем в 1820 г. возобновление коснулось его второй раз (*Макарий*, 1860. С. 618–619).

Об архитектуре храма и его приделов мы знаем немного. Несколько раз воспроизведенная фотография начала XX в. (ил. 1) показывает древний храм с юго-запада, видны первоначальная абсида, подлинный средний барабан и поздние (1800 или 1820 г.) дополнительные барабаны, крупное термальное (без вставок) полукруглое окно сверху южного фасада (на востоке вместо окна — ниша той же формы), на передний план выходит придел святого Николая с абсидой 1736 г., сохранявшей еще традиционные очертания. Восточные углы четверика древнего храма отмечены вертикальными тягами: внизу это широкие лопатки, в которых на середине высоты выделяются пилястры.

На редкой фотографии начала XX в., дающей храм с юга (ил. 2), слева видна абсида Казанского придела 1818 г., прямо просматривается придел

Ил. 1. Вид церкви Михаила Архангела с юго-востока.
Фото начала XX в.

Моисея Новгородского, а над ним возвышается перестроенный четверик древнего храма, в котором с запада видны спаренные пилястры.

На столь же редкой фотографии того же времени, показывающей храм с запада и юго-запада (ил. 3), видны крупные арочные окна галереи с запада, часть основания колокольни, а на самом четверике заметны пилястры по краям западного фасада со стилизованными коринфскими капителями, а также на фризе наверху фасада. Эти детали выдают руку зодчего, знакомого со столичной практикой и относящегося к петербургской архитектурной школе.

О плане древнего храма мы можем судить по довольно подробному чертежу, опубликованному А. А. Строковым и В. А. Богусевичем (ил. 4, слева). Здесь видны сильно выдвинутая абсида, круглые западные столбы и квадратные восточные, к которым выдвинуты пилоны на боковых стенах; западная стена храма показана толстой, обозначен (предположительно?) западный фасад

Ил. 2. Вид церкви Михаила Архангела с юга. Фото начала XX в.

Ил. 3. Вид церкви Михаила Архангела с юга — юго-запада. Фото начала XX в.

первоначального притвора с запада. Боковые стены прорезаны арками. Этот план и натурный осмотр памятника позволили архитектору-реставратору Л. Е. Красноречьеву создать реконструкцию возможного плана памятника 1355 г. (ил. 4, справа): он расширил слишком узкие восточные столбы, но сохранил пилоны на боковых стенах, заполнил пространства поздних арок, обозначил доступные в то время для осмотра окна дьяконника и жертвенника. В толще западной стены исследователь предположил наличие лестницы (не имеющее пока что документального подтверждения). На этом реконструктивном плане показаны и своды, причем во всех угловых частях эти перекрытия полукоробовые, что, как увидим ниже, не совсем так.

Храм Михаила Архангела оказался на линии фронта во время Великой Отечественной войны и был практически полностью разрушен за три года противостояния. Его фрески, открытые в межвоенный период и относящиеся к концу XIV или даже началу XV в., получили некоторое

освещение в статьях, написанных видевшим росписи В. Н. Лазаревым (*Лазарев*, 1947. С. 66–67; 1948; 1970) и изучавшим их по архивным фотографиям и записям Ю. Г. Малковым (*Малков*, 1984), а также отражены в сводной работе Л. И. Лифшица (*Лифшиц*, 1987. С. 514–515. Илл. 348–378). Отметим недавнюю статью о стиле и датировке росписей церкви на Сковородке (*Гладышева*, 2025).

Архитектуру же первоначального храма сейчас исследовать трудно: описание архимандрита Макария середины XIX в. — очень краткое и общее (*Макарий*, 1860. С. 619–620), одним из немногих источников служит описание храма в работе А. А. Строкова и В. А. Богусевича, видевших памятник воочию и, по всей видимости, наблюдавших исследование его фресок в 1937–1938 гг., проводившееся командой специалистов Третьяковской галереи: «Близкий по типу к Волотову (1352) Сковородский памятник (1355) имел одинаковые с ним конструкции и формы, сильно искаженные многими позднейшими пристройками

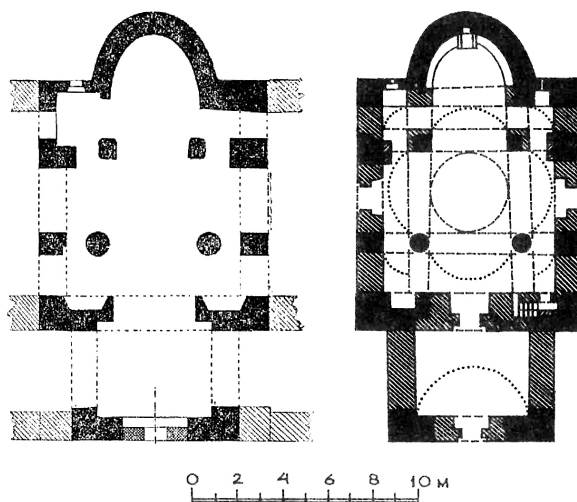
и переделками. Однако, несмотря на все эти искажения, основные части древней постройки сохранились и позволяют точно выяснить характер первоначальных форм памятника.

Древняя постройка имеет прямоугольный четырехстолпный план с одной абсидой и одним западным притвором, от которого осталась западная стена, а боковые разобраны при устройстве обширных одноэтажных пристроек, охвативших памятник с трех сторон: южной, западной и северной. В западной, южной и северной стенах сделаны большие арочные проемы для сообщения древней центральной части здания с позднейшими пристройками.

Значительным изменениям позднейшего времени подвергся также и верх древней постройки. Фасады, имевшие первоначально трехлопастные формы типа Волотова, изуродованы огромными окнами с полукруглым верхом, соответствующим, правда, полукружью средней лопасти первоначального фасада. При устройстве новейшей четырехскатной кровли были заложены угловые разжелобки между древними скатами. Наряду с сохранившимся древним световым барабаном в XIX в. были сделаны четыре глухих по углам здания. Из архитектурных деталей древней постройки необходимо отметить несколько сохранившихся «древних окон» (Строков, Богусевич, 1939. С. 97).

Важно и краткое описание храма, сделанное М. К. Каргером, видевшим храм до войны: «Церковь Михаила на Сковородке была сильно искажена поздними перестройками, однако она сохраняла до 1941 года все основные свои части — стены и столбы на всю их высоту, своды, подкупольные арки и купол. Церковь Михаила на Сковородке по своим архитектурным формам представляла почти полную копию Волотовской церкви Успения. Как и Волотовская церковь, она имела нерасчлененные лопатками фасады с трехлопастным завершением и три небольших притвора¹, которые придавали зданию крестообразный план» (Каргер, 1961. С. 265–266).

Автор этой статьи посвятил архитектуре храма небольшую работу (Седов, 1999), в которой

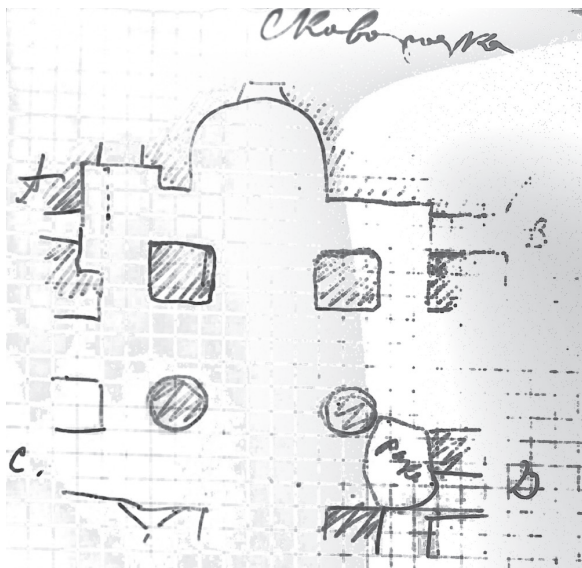
Ил. 4. План церкви по А. А. Строкову и В. А. Богусевичу (слева), реконструкция плана по Л. Е. Красноречьеву (справа)

опирался на реконструктивный план и фасады, созданные Л. Е. Красноречьевым, на сделанную и опубликованную М. К. Каргером фотографию западного фасада (Каргер, 1961. С. 282), выходявшего на чердак притвора, а также на натурный осмотр руин, посреди которых еще возвышался северо-восточный угол храма. Однако уже тогда было ясно, что более полную информацию можно будет получить из двух источников: или из новых и достаточно масштабных раскопок церкви, или с помощью вновь открытых архивных документов, будь то фотографии или чертежи.

Отметим также, что Л. А. Секретарь опубликовала довольно обширный свод сведений о монастыре на Сковородке и его храме, а также его фотографии и реконструкции Л. Е. Красноречьева (Секретарь, 2011. С. 508–517). В той же работе говорится о том, что в «архиве К. К. Романова сохранились схематические рисунки (планы и разрезы), в которых зафиксированы такие особенности храма, как круглая форма западных столбов и коробовые своды, перекрывавшие центральный и боковые нефы» (Там же. С. 514). К этим материалам мы и обратились в первую очередь.

Связанные с церковью Михаила Архангела на Сковородке карандашные рисунки, представляющие собой наброски архитектурных форм без масштаба, хранятся в архиве Института

¹ Сообщение о трех притворах пока не получило подтверждения.

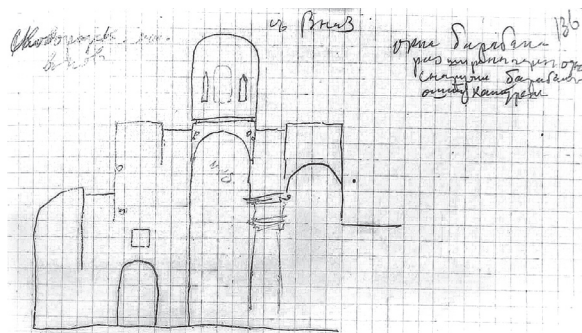

Ил. 5. набросок плана. Чертеж К. К. Романова

истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге, в фонде К. К. Романова (Ф. 29. Оп. 1. Д. 232)¹, и находятся на тетрадных листках с перекрестной разлиновкой, листы помечены автором набросков номерами, написанными карандашом. Имеются план (№ 138), продольный разрез (№ 137), разрез через алтарь (№ 137), разрез через западную часть (№ 139). Чертежи не имеют точной даты, но могут быть отнесены к 1920-м гг.

Начнем с плана (ил. 5), на котором нарисован четырехстолпный одноабсидный храм, восточная пара столбов которого имеют квадратные очертания в плане, тогда как западные столбы круглые. Показано расширение с помощью ниш в жертвеннике, освещенном окнами с севера и востока, окно абсиды с востока, проход в южный придел из дьяконника, рака святителя Моисея в юго-западном углу (надписано: «рака»), широкий проход в западный притвор и два прохода в северный придел в северной стене. Через восточную треть показана линия разреза А–В, а через западную — линия разреза С–D. Этот набросок едва ли прибавляет что-то к опубликованному А. А. Строковым и В. А. Богусевичем плану храма.

Но лист с продольным разрезом дает уже очень важную дополнительную информацию (ил. 6).

Ил. 6. Продольный разрез с видом на юг. Чертеж К. К. Романова

Он снабжен надписями: «Сковородск[ий]. мон[астырь]. в Новг[ороде]. С В[остока] на З[апад]». На этом продольном разрезе с видом на юг исследователь архитектуры отметил много деталей: невысокую арку между юго-восточным столбом и восточной стеной храма и квадратное отверстие в стене над ней, пониженные подпружные арки под барабаном, в котором видны крупные арочные окна по сторонам света и узкие проемы с подвышенными верхами — по диагоналям (надпись дополняет: «окна барабана расширены снаружи; барабан оштукатурен»).

Показаны также: некоторое увеличение западного рукава креста относительно восточного, высокий западный столб-колонна с капителью тосканского облика и перекинутая от этого столба к западной стене высокая арка, как будто говорящая о том, что хоры в этом месте или не существовали, или были уничтожены в какое-то время. Верх арки прохода в западный притвор находится на уровне низа капители юго-западного столба.

Из рассмотрения этого чертежа выясняется, что если с востока формы столбов и арок были, по всей видимости, первоначальными, то в западной части большинство деталей трудно объяснить. Круглые столбы здесь слишком высокие для XIV в., такие могли сделать уже в XVI в. Но мы никак не можем связать их с XVI столетием, скорее можно предположить, что первоначальные круглые столбы могли устроить в виде колонн уже в начале XIX в., то есть примерно тогда, когда в колонны превратили столбы псковской церкви Анастасии Римлянки.

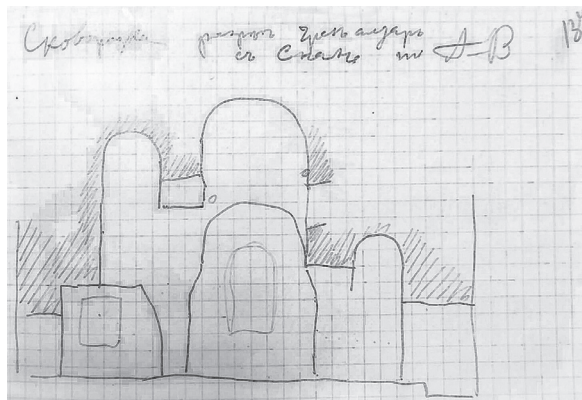
¹ Автор благодарит М. В. Медведеву за помощь в работе.

Соблазнительно было бы связать эти круглые западные столбы с подобными опорами в церкви Успения на Волотовом поле (1352), построенной по заказу того же архиепископа Моисея. Но доказать первоначальность круглой формы столбов храма на Сковородке можно будет только после археологических раскопок.

Удивляет отсутствие хор в храме Михаила Архангела, ведь в церкви на Волотовом поле они были (причем с каменными арками от столбов к стенам и деревянным помостом в средней части), да и до второй половины XV в. представить себе храм без площадки хор и без палаток на втором уровне невозможно. Может быть, хоры были на деревянном настиле, расположенном ниже вершин арок от столбов к стенам, но это маловероятно: было бы слишком близко к аркам и слишком темно. Скорее всего, хоры вместе с арками второго яруса были выломаны во время одной из реконструкций здания.

На поперечном разрезе через восточную треть (он снабжен подписью: «Сковородка. Разрез через алтарь с Севера на Юг по А-В») видно, что арку, ведущую в алтарную абсиду, расширяли снизу во время одной из реконструкций (ил. 7). На плане абсида показана без заплечиков под триумфальной аркой, но они, судя по всему, были стесаны, а первоначально имелись, как и в других храмах этого времени. В северо-восточное угловое помещение (жертвенник) из восточного рукава вела высокая арка. Такие высокие арки ведут в угловые восточные части церкви Успения на Волотовом поле, так что в то время такая высота была возможна. В юго-восточном углу квадратное отверстие над аркой с севера вело, как оказывается, в замкнутое помещение, образующее второй ярус этого отделения церкви — как в церкви Спаса на Ильине улице 1374 г. Эта интересная деталь отличает храм от многих современных ему новгородских церквей.

Показанные на чертеже своды дают важную привязку храма к архитектурной ситуации первой половины XIV в. Под палаткой в юго-восточном отделении показан коробовый свод, но это не так уж необычно. А вот коробовый свод, ориентированный в продольном направлении и перекрывавший на большой высоте

Ил. 7. Разрез по восточной трети с видом на восток.

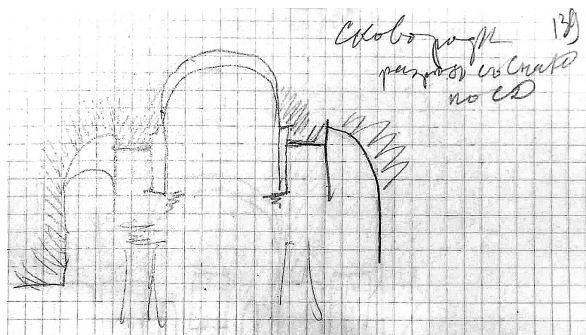
Чертеж К. К. Романова

северо-восточное угловое пространство (жертвенник) присоединяет церковь на Сковородке к ряду памятников, в которых новгородские зодчие отказались от полукоробовых сводов, присутствующих в боковых частях западной и восточной частей построенной в 1220-х — 1230-х гг. церкви Рождества Богородицы в Перыни (Седов, 2009). В церкви Николы на Липне (1292) полукоробовые своды присутствуют только в углах восточной трети, тогда как в западной трети мы видим в углах над приделами сомкнутые своды с нервюрами (Седов, 1997). А в храмах Николы Белого в Новгороде (1312–1313), Николы в Изборске (до 1349), Спаса-Преображения на Ковалёве (1345) и Успения на Волотовом поле (1352) все своды в углах не полукоробовые, а коробовые (Штендер, 1991; Седов, 2000; 2004; Антипов, 2022). Заметим, что отпечаток этого коробового свода до недавнего времени сохранялся на высоком останце посреди руин; он отражен на нашей фиксационной фотографии 2010 г. (ил. 8).

Мы видим, что в первой половине XIV в. произошел отказ от полукоробовых сводов в углах, а следовательно, отказались и от «базиликального профиля» в угловых частях, так ярко соответствовавшего трехлопастной кривой западного и восточного фасадов. Возможна связь этого отказа с переходом на старое, позакомарное покрытие, но этот переход не был повсеместным, более того, в трехлопастных по завершению (или с лопастями под щипцами) храмах Николы Белого, Николы в Изборске и Успения

Ил. 8. Вид на отпечаток коробового свода на восточной стене храма. Фото Вл. В. Седова, 2010 г.

Ил. 9. Разрез по западной трети с видом на восток. Чертеж К. К. Романова

на Волотовом поле за этими лопастями крылись коробовые своды в углах. Восточная треть церкви Михаила Архангела на Сковородке вписывается в эту если не архаизирующую, то «отступающую» тенденцию.

Но разрез по западной трети в сторону запада (ил. 9), помеченный «Сковородка. Разрез

Ил. 10. Интерьер с видом с юга на север на западную пару столбов и северную стену. Фото 1930-х гг.

с С[евера] на Ю[г] по С–D», дает иную, противоположную картину. Система сводов церкви Рождества Богородицы на Перыни (и, надо думать, других новгородских храмов начала XIII в.) с «трехлопастным» разрезом по западной и восточной третям восстанавливается, пусть частично, в разрезе по западной трети церкви Михаила Архангела на Сковородке. На схематическом разрезе К. К. Романова видны боковые полукобовые своды, поднимающиеся выше арок, перекинутых от столбов к западной стене, и высоко расположенный коробовый свод западного рукава креста; видно также, что западные столбы соединялись с боковыми стенами высокими арками, то есть западные угловые части имели (к моменту фиксации) открытые в рукава креста пространства.

На имеющейся в распоряжении автора фотографии 1930-х гг. (ил. 10) виден наос храма в процессе каких-то работ, то ли ремонтных,

то ли по расчистке фресок. Пол храма покрыт строительным мусором, но иконостас еще не разобран, к круглому высокому столбу прислонена переносная лестница. Мы видим, что столбы имели дорические (римско-дорические) капители и развитые карнизы. От первоначальной архитектуры собора мало что осталось, но над аркой, ведущей в северный придел, мы видим прямоугольную нишу, в которой сохранилось щелевидное же окно, помещенное так же, как окно в церкви Успения на Волотовом поле: невысоко над порталом, который здесь не сохранился.

Мы видим, что в 1355 г. в церкви на Сковородке восстановился, пусть частично, тип сводов с боковыми подъемами в четверть окружности. Эти своды после храма на Сковородке станут непременной чертой большинства храмов второй половины XIV — XV в., за исключением церквей, поставленных «по старой основе», причем в тех случаях, когда старая основа принадлежала XII в. Притом полукорововые своды и «трехлопастные разрезы» будут устраиваться как в западной, так и в восточной третях храмов.

Храм имел еще несколько оригинальных декоративных форм. Первое, о чем нужно сказать, это окна в диагональных частях барабана, бывшего когда-то восьмиоконным (ил. 11). Если окна по сторонам света были, как сказано выше, расширены в позднее время, то окна по диагоналям были заложены перед созданием росписи, то есть еще в конце XIV — начале XV в. Заложённые окна внутри образовали ниши, завершённые уникальными для Новгорода лопастными арками, которые могли появиться как под влиянием немецкой готики, так и с помощью сербских мастеров, которые, вероятно, создали фрески. Определить время создания этих окон-ниш пока затруднительно, но мы склоняемся к версии об одновременности их обвода с трехлопастными кривыми и строительства самого храма.

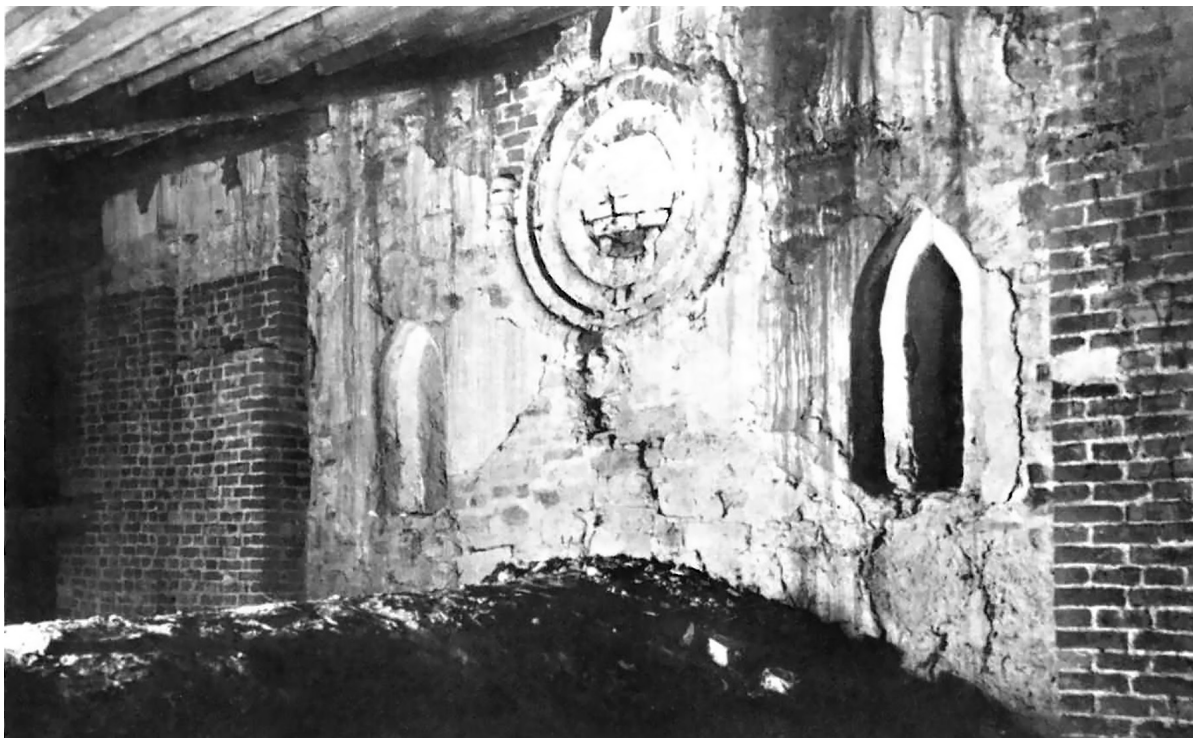
Вторая оригинальная форма — это окно-роза, круглое окно на западном фасаде, выдающее связь мастеров с кругом архитектуры немецкой кирпичной готики (ил. 12). Профилированное обрамление этого окна показывает знакомство с практикой устройства сложных обломов, что для

Ил. 11. Вид на подкупольное пространство церкви
снизу и с запада. По: Секретарь, 2011. С. 513.

Новгорода по крайней мере необычно. Два окна, расположенные ниже розы, показывают стрельчатые формы завершения и обрамлены уступами. Здесь тоже видно влияние готики.

Приведенный материал дает только отдельные штрихи для общего представления о церкви Михаила Архангела на Сковородке. Но уже сейчас ясно, что в области конструктивной, как и в области декоративной, он довольно сильно отличался от церкви Успения на Волотовом поле, показывая движение новгородских мастеров в сторону возвращения к пришедшей из башнеобразных храмов конструкции с полукорововыми сводами, а также активное и вдумчивое использование готических форм в декоре.

Ил. 12. Вид на западную стену храма с чердака притвора. По: Каргер, 1961. С. 282.

Список литературы

- Антипов И. В. К проблеме реконструкции первоначального облика церкви Спаса на Ковалёве 1345 года // *ΔΩΡΕΑ: к 90-летию Энгелины Сергеевны Смирновой*: сб. ст. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2022. С. 52–61.
- Гладышева Е. В. Еще раз об иконографических особенностях, стиле и датировке росписи церкви Архангела Михаила «на Сковородке» в Новгороде // *Вестник сектора древнерусского искусства*. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2025. № 1. С. 24–47.
- Каргер М. К. Новгород Великий. М.; Л.: Искусство, 1961. 310 с.
- Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.; Л.: Искусство, 1947. 178 с.
- Лазарев В. Н. Росписи Сковородского монастыря в Новгороде // *Памятники искусства, разрушенные немецко-фашистскими захватчиками в СССР*: сб. ст. / под ред. И. Грабаря. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1948. С. 77–101.
- Лазарев В. Н. Росписи Сковородского монастыря в Новгороде // *Русская средневековая живопись: статьи и исследования* / В. Н. Лазарев. М.: Наука, 1970. С. 216–233.
- Лифшиц Л. И. Монументальная живопись Новгорода XIV–XV веков. М.: Искусство, 1987. 526 с.
- Макарий (архимандрит). Соборный храм святого Архистратига Михаила в Сковородском монастыре // *Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях*. Ч. I / архимандрит Макарий. М.: в тип. В. Готье, 1860. С. 614–621.
- Малков Ю. Г. О датировке росписи церкви Архангела Михаила «на Сковородке» в Новгороде // *ДРИ. XIV–XV вв.* М.: Наука, 1984. С. 196–225.
- НПЛ. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- Опись Новгорода 1617 года. М.: АН СССР, 1984. 370 с.
- Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб.: в тип. П. А. Кулиша, 1862. 219 с.
- Седов Вл. В. Церковь Николая на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романо-готической традицией // *ДРИ. Русь. Византия. Балканы. XIII век*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 393–412.
- Седов Вл. В. Собор Михаила Архангела Сковородского монастыря // *Труды VI Международного Конгресса славянской археологии*. Т. 5. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 264–270.

- Седов Вл. В. Церковь Спаса-Преображения на Ковалева // Новгородские древности / М.: О-во историков архитектуры, 2000. С. 47–80. (Архив архитектуры; вып. XI).
- Седов Вл. В. Никольский собор в Изборске // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.: Наука, 2004. С. 247–258.
- Седов Вл. В. Церковь Рождества Богородицы в Перыни: новгородский вариант башнеобразного храма // ДРИ. Идея и образ. Опыты изучения византийского и древнерусского искусства. М.: Северный паломник, 2009. С. 29–54.
- Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный паломник, 2011. 656 с.
- Строков А., Богусевич В. Сквородский монастырь // Новгород Великий: пособие для экскурсантов и туристов / А. Строков, В. Богусевич. Л.: тип. Новгород. изд-ва, 1939. С. 95–99.
- Штендер Г. М. Исследования и реставрация церкви Николы Белого в Новгороде // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М.: ВНИИТАГ, 1991. С. 89–109.
- Lifshits L. I. Monumental'naya zhivopis' Novgoroda XIV–XV vekov. Moscow: Iskusstvo, 1987. 526 p.
- Makariy (arkhimandrit). Sobornyy khram svyatogo Arkhistratiga Mikhaila v Skovorodskom monastyre // Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostey v Novgorode i ego okrestnostyakh. I / arkhimandrit Makariy. Moscow: v tipografii V. Got'e, 1860. P. 614–621.
- Malkov Yu. G. O datirovke rospisi tserkvi Arkhangel'a Mikhaila "na Skovorodke" v Novgorode // Drevnerusskoe iskusstvo. XIV–XV vv. Moscow: Nauka, 1984. P. 196–225.
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 642 p.
- Opis' Novgoroda 1617 goda. Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1984. 370 p.
- Pamyatniki starinnoy russkoy literatury, izdavaemye grafom Grigoriem Kushelevym-Bezborodko. 4. St. Petersburg: v tipografii P. A. Kulisha, 1862. 219 p.
- Sedov Vl. V. Tserkov' Nikol'y na Lipne i novgorodskaya arkhitektura XIII v. vo vzaimosvyazi s romano-goticheskoy traditsiei // Drevnerusskoe iskusstvo. Rus'. Vizantiya. Balkany. XIII vek. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1997. P. 393–412.
- Sedov Vl. V. Sobor Mikhaila Arkhangel'a Skovorodskogo monastyrya // Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoy arkheologii. 5. Moscow: Editorial URSS, 1999. P. 264–270.
- Sedov Vl. V. Tserkov' Spasa-Preobrazheniya na Kovaleve // Novgorodskie drevnosti / Moscow: Obshchestvo istorikov arkhitektury, 2000. P. 47–80. (Arkhiv arkhitektury; XI).
- Sedov Vl. V. Nikol'skiy sobor v Izborske // Vostochnaya Evropa v Srednevekov'e: k 80-letiyu Valentina Vasil'evicha Sedova. Moscow: Nauka, 2004. P. 247–258.
- Sedov Vl. V. Tserkov' Rozhdestva Bogoroditsy v Peryni: novgorodskiy variant bashneobraznogo khrama // Drevnerusskoe iskusstvo. Ideya i obraz. Opyty izucheniya vizantiyskogo i drevnerusskogo iskusstva. Moscow: Severnyy palomnik, 2009. P. 29–54.
- Sekretar' L. A. Monastyri Velikogo Novgoroda i okrestnostey. Moscow: Severnyy palomnik, 2011. 656 p.
- Shender G. M. Issledovaniya i restavratsiya tserkvi Nikol'y Belogo v Novgorode // Restavratsiya i arkhitekturnaya arkheologiya. Novye materialy i issledovaniya. Moscow: Vserossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut teorii arkhitektury i gradostroitel'stva, 1991. P. 89–109.
- Strokov A., Bogusevich V. Skovorodskiy monastyr' // Novgorod Velikiy: posobie dlya ekskursantov i turistov / A. Strokov,

Illustrations

- Fig. 1. View of the Church of the Archangel Michael from the south-east. Photograph from the early 20th c.
- Fig. 2. View of the Church of the Archangel Michael from the south. Photograph from the early 20th c.
- Fig. 3. View of the Church of the Archangel Michael from the south-southwest. Photograph from the early 20th c.
- Fig. 4. Plan of the church by A. A. Stokov and V. A. Bogusevich (left), plan reconstruction after L. E. Krasnorechyev (right)
- Fig. 5. Sketch plan. Drawing by K. K. Romanov
- Fig. 6. Longitudinal section facing south. Drawing by K. K. Romanov
- Fig. 7. Section through the eastern third of the church, facing east. Drawing by K. K. Romanov
- Fig. 8. View of the imprint of the barrel vault on the eastern wall of the church. Photograph by VI. V. Sedov, 2010
- Fig. 9. Section through the western third of the church, facing east. Drawing by K. K. Romanov
- Fig. 10. Interior view from south to north, showing the western pair of piers and the northern wall. Photograph from the 1930s
- Fig. 11. View of the space beneath the dome from below and from the west. After: *Sekretar'*, 2011. P. 513.
- Fig. 12. View of the western wall of the church from the narthex attic. After: *Karger*, 1961. P. 282.

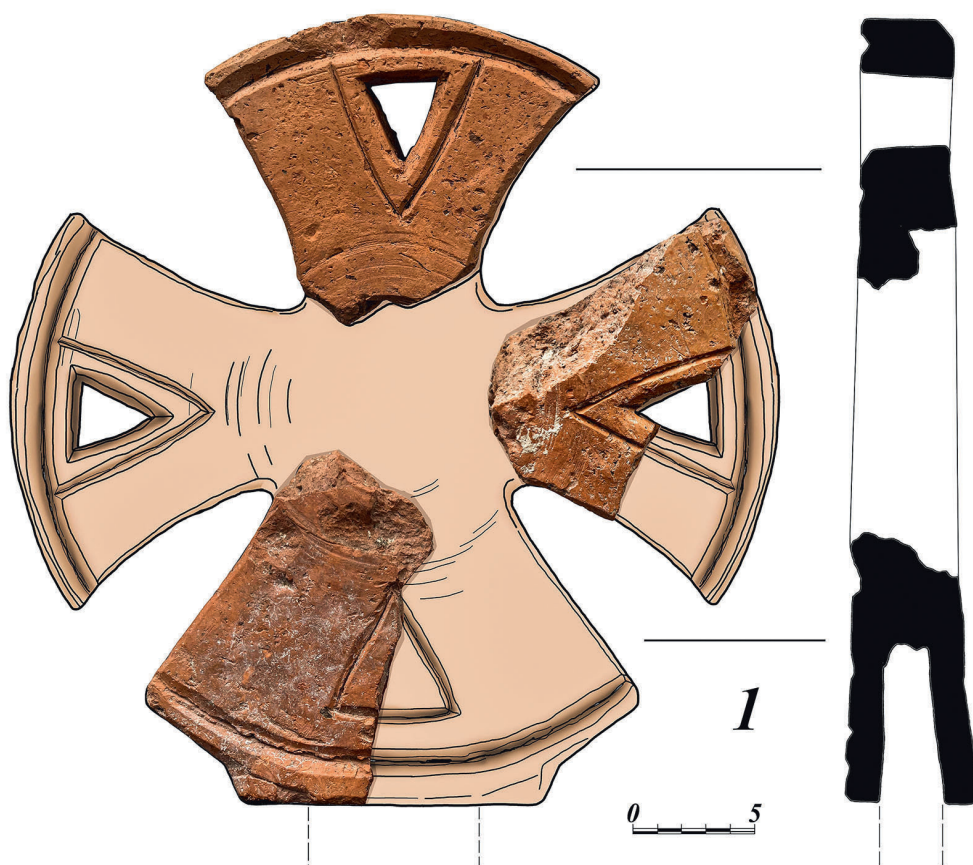
VI. V. Sedov. On the architecture of the Church of the Archangel Michael at Skovorodka

Abstract. This article presents archival drawings of the Church of the Archangel Michael at Skovorodka (1355), a structure commissioned by Novgorodian Archbishop Moisei. This mid-fourteenth-century monument of the Novgorod architectural school was destroyed during the Second World War, and its remains have yet to be systematically studied. In this context, any available data concerning its structure and architectural form is of particular significance. Evidence suggests that no traces of galleries were visible in the western third of the church and that the western piers were circular to a considerable height, although this is unlikely their original form, that the eastern third was vaulted with cylindrical (barrel) vaults, whereas the western third employed quarter-circular vaults derived from the vaulting system of the Church of the Nativity of the Mother of God at the Peryn Monastery. In addition to narrow slit windows, the church featured openings on the diagonal facets of the drum that were internally framed with trefoil arches. Another highly unusual feature was the circular rose window on the western façade.

Keywords: Veliky Novgorod, Novgorod architecture, Church of the Archangel Michael at Skovorodka, 14th century, archival materials, ground plan, piers, vaulting, barrel vaults, quarter-circle vaults, galleries, façade and window decoration.

Sedov Vladimir Valentinovich, doctor of art studies, corresponding member of Russian Academy of Sciences, chief research fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation; head, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Moscow State University, 27 bldg. 4 Lomonosovsky Ave., 119192 Moscow, Russian Federation, sedov1960@mail.ru.

ОБЪЕКТ

А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова

В РЕЗУЛЬТАТЕ многолетних археологических раскопок на вершине и склонах плато Эски-Кермен выявлены остатки 15 наземных и 6 пещерных храмов, построенных в разные периоды существования города (Айбабин, Хайрединова, 2020; 2023. С. 42; Хайрединова, 2022. С. 529–530. Рис. 11: 2, 6, 7; 12: 2, 6, 7, 16–30). В предлагаемой работе представлены предварительные результаты исследований наземного однефного храма, открытого в 2022 г. и полностью раскопанного в 2023–2024 гг. в ходе изучения северной части города, долгое время считавшейся незаселенной (ил. 1, 2) (Хайрединова, 2022. С. 522–524).

Храм представляет собой прямоугольное в плане, удлиненное по продольной оси здание, ориентированное апсидой на восток (ил. 2: 1, 2). От постройки сохранились лишь отдельные участки нижних рядов кладок стен и апсиды. На поверхности скалы хорошо видны подрубки — постели под основания стен. Здание было возведено непосредственно на скале, имевшей уклон к северу. Для устройства строительной площадки потребовался достаточный срез скалы до горизонтального уровня — с южной стороны глубина выруба достигла 0,48–0,5 м. Стены здания трехслойные, шириной 0,7–0,9 м, со сложенными из крупных известняковых блоков панцирями, пространство между которыми забутовано щебнем, известняковым отесом и битой черепицей, залитыми известковым раствором. Стены апсиды возведены на цемяночном растворе, остатки которого прослежены на скальной поверхности подрубки,

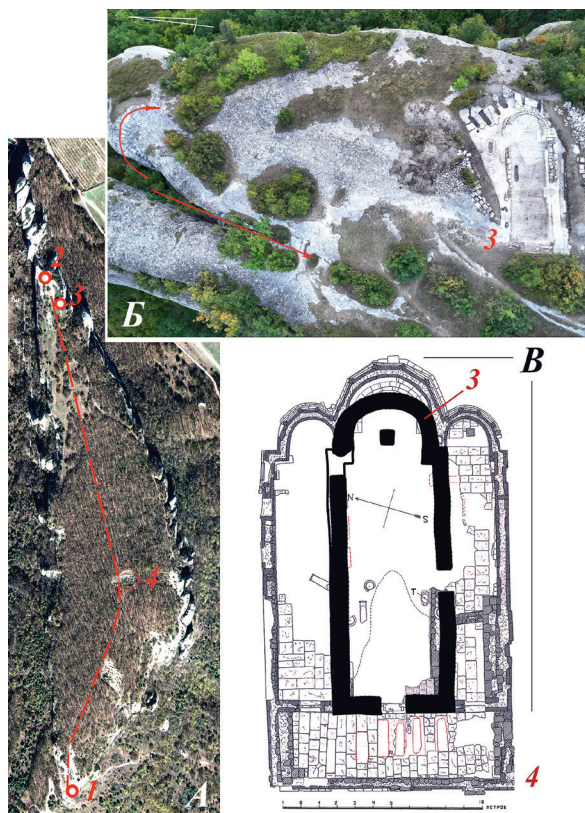
Аннотация. В северной части города на плато Эски-Кермен с раннесредневекового времени вплоть до гибели города в конце XIII в. функционировал христианский храм. Однефное здание ориентировано апсидой на восток. В его плане отчетливо читается деление внутреннего пространства на три части: алтарную с полукруглой апсидой, наос и нартекс. Здание имело два входа — одно вело в наос, другое — в нартекс. Перекрывалась постройка двускатной черепичной крышей. Планировка и размеры Северного храма идентичны центральному нефу главной базилики города на плато Эски-Кермен. Видимо, при возведении обоих зданий зодчий руководствовался единым проектом.

Храм был построен для жителей располагавшихся поблизости, вдоль восточного края плато, кварталов. На протяжении своего долгого существования храм обновлялся, о чем свидетельствуют перестройки в апсиде, отверстие для дополнительной реликвии на западной стороне престола, а также заложенная плитами вровень с полом ранняя могила в наосе. В X в., после того как некрополь на юго-восточном склоне плато прекратил свое существование и в городских кварталах стали возводиться часовни для захоронений, рядом с Северным храмом появился некрополь, на котором хоронили своих умерших жители северных кварталов.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, город на плато Эски-Кермен, христианский храм, базилика.

Айбабин Александр Ильич — доктор исторических наук, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 2, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация, 295007, aleksandraibabin@rambler.ru.

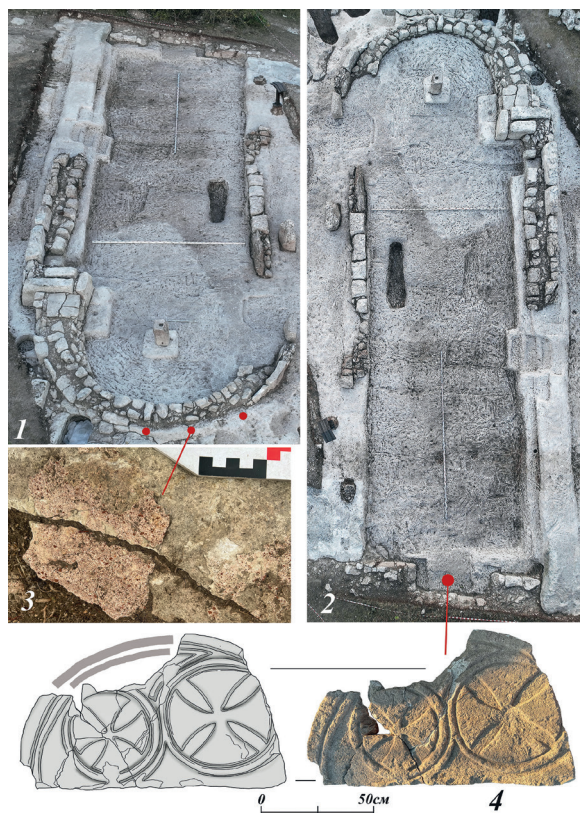
Хайрединова Эльзара Айдеровна — кандидат исторических наук, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация, 295007, khairidinovaz@rambler.ru.

Ил. 1. Город на плато Эски-Кермен, Юго-Западный Крым: А — общий вид плато с указанием местоположения главных ворот (1), северной калитки (2), Северного храма (3) и главного храма города — трехнефной базилики (4); красным пунктиром обозначена главная городская улица; Б — северная калитка, красными стрелками показаны вырубленные в скале ступени, ведущие на плато и к Северному храму (3) (фото Н. Д. Денисенко); В — наложение планов Северного храма (3) и главной базилики города (4)

сделанной под облицовочные блоки (ил. 2: 3). Внешние размеры здания: длина с апсидой — 18,3 м, ширина — 6,4 м; внутренние размеры: длина с апсидой — 15,6 м, ширина — 4,3–4,68 м. Нетрудно заметить, что внутренние размеры храма базируются на византийских мерах длины¹. Его ширина равна трем, а длина — десяти двойным шагам.

¹ По мнению Э. Шильбаха, после эпохи Юстиниана I устойчивым размером фута становится 31,23 см, а двойного шага — 156,1 см (Schilbach, 1970. S. 13–16).

Ил. 2. Город на плато Эски-Кермен, Юго-Западный Крым. Северный храм: 1 — общий вид с востока; 2 — общий вид сверху; 3 — остатки цемьянки, на которой сложена апсида (красными точками обозначены места ее обнаружения); 4 — фото и прорисовка фрагмента известняковой плиты с резными крестами; красной точкой обозначено место ее находки. Фото Н. Д. Денисенко (1, 2) и Э. А. Хайрединовой (3, 4)

Здание имело два входа — с южной и западной стороны. С южной стороны в храм вели три ступени шириной 1,1 м, вырубленные в центре скального цоколя южной стены. Западный вход шириной 1,3 м был украшен известняковой плитой с резными рельефными крестами, вписанными в круг (ил. 2: 4). Пол в храме скальный, на его поверхности видны следы подтески инструментом с заостренной рабочей частью (ил. 2: 2). По всей длине южной стены внутри храма оставлен скальный уступ шириной 0,25–0,3 м, высотой 0,48–0,5 м.

В плане храма отчетливо читается деление внутреннего пространства на три части: алтарную с полукруглой апсидой, наос и нартекс. Наос длиной 6,0 м и нартекс длиной 4,7 м разделялись сложенной из камня стеной, от которой сохранились каменный завал и подтески на скале. Вдоль северной стены наоса в скальном полу вырублена овальная в плане могила, забитая известковым отесом и перекрытая плитами. Костных остатков в ней не выявлено.

Глубина полукруглой апсиды — 3,86 м, ширина стен — 0,64–0,68 м. В южной части апсиды зафиксированы следы перестройки. На примыкающем к плечу участке на высоте 0,7 м от пола была сделана ниша, для которой разобрали часть кладки внутреннего панциря и расширили стену на 0,3–0,36 м, сложив вдоль нее из камня дополнительную кладку в три ряда высотой, длиной 2,1 м (ил. 2: 1). Пол ниши выложили плитами, одна из которых сохранилась *in situ*. Апсида, изначально имевшая в ширину 4,0 м, после сооружения ниши в южной стене сузилась до 3,6–3,7 м. У западного основания плеча апсиды в скальном полу сделаны неглубокие подрубки, вероятно, для алтарной преграды. При зачистке алтарной части Северного храма выявлены рухнувшие на скальный пол и лежавшие в два ряда массивные плиты арочного перекрытия. Они высечены из известняка и хорошо подтесаны со всех сторон. На боковых гранях некоторых плит сохранились следы известкового раствора. Среди плит обнаружен фрагмент бронзовой массивной цепи длиной 8,5 см, предназначавшейся для большого и тяжелого светильника — поликандилона или хороса, который, скорее всего, висел над престолом. Она крепилась к вбивавшемуся в каменное арочное перекрытие или деревянные балки железному кованому крюку длиной около 10 см, сделанному из прямоугольного в сечении стержня с загнутым концом. На верхних звеньях цепи сохранился толстый слой извести, что может свидетельствовать о неоднократной побелке верхней части апсиды (Хайрединова, 2023. С. 39. Рис. 7: 3). Находки таких же массивных цепей, зачастую вместе с железным крюком, служившим для крепления осветительного прибора в стене или потолке, встречаются при раскопках храмов

ранневизантийского времени из Подунавья и Малой Азии (Caričin Grad II, 1990. P. 206. Cat. 75, fig. 146; Caričin Grad IV, 2019. P. 77. Cat. 714. Pl. XIV, 71; Pülz, 2020. S. 145. Kat. A24. Taf. 76. Farbt. 82).

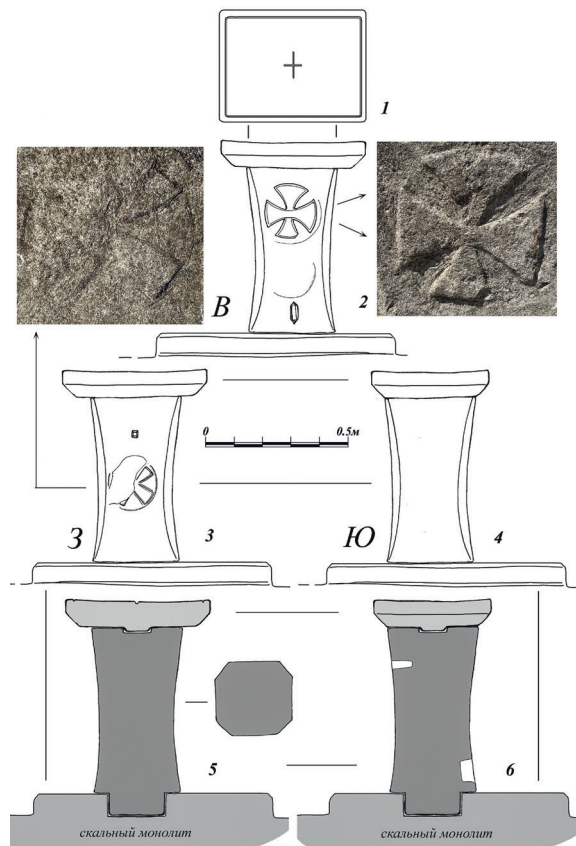
В центре алтарной части *in situ* сохранился престол высотой 0,72 м, сделанный в виде стола на граненом столбе (ил. 3). Престол установлен в центре вырубленной в скальном монолите подставки почти прямоугольной формы с закругленными углами (размер 0,82 × 0,84 м, высота 0,07–0,13 м). Престольная прямоугольная плита размером 0,4 × 0,51 м и толщиной 0,09 м высечена из известняка (ил. 3: 1). На ее поверхности, в самом центре, прорезан крест из прямых пересекающихся линий размером 7,0 × 9,0 см. Контур плиты подчеркнут врезной линией. Престольная плита устанавливалась при помощи сделанного в нижней части выступа, вставлявшегося в прорубленный по центру верхней грани столба квадратный паз (ил. 3: 5, 6). Столб высечен из известняка в виде слегка расширяющейся в верхней части восьмигранной колонны с четырьмя обращенными к сторонам света широкими гранями. Его высота — 0,58 м, размеры основания — 0,3 × 0,3 м, верхней части — 0,32 × 0,32 м. В нижней части вырублен прямоугольный в плане выступ, служивший своеобразным шипом, при помощи которого столб укреплялся в углублении, высеченном в скальной подставке (ил. 3: 5, 6). Размеры шипа подогнаны под размеры углубления, в результате чего столб неподвижно фиксировался в монолитном основании.

На западной стороне престольного столба высечен крест с расширяющимися концами в круге диаметром 16,0 см (ил. 3: 3), над ним — расположенное горизонтально квадратное в плане углубление для реликвии размером 2,8 × 3,2 см, глубиной 7,0 см (ил. 3: 6). Восточная сторона декорирована прорезанным в верхней части рельефным крестом с расширяющимися концами размером 16,0 × 18,0 см (ил. 3: 2). Ниже, на расстоянии 0,23 м от креста, прорублено прямоугольное в плане вертикальное углубление для размещения капсулы со святыней размером 4,0 × 8,5 см, глубиной 4,0 см (ил. 3: 6). Между крестом и вместилищем для реликвии видна тонкая резная полуокружность — вероятно,

след от разметки для предполагавшегося, но не сделанного изображения. Очевидно, что крест на восточной стороне был вырезан изначально, при изготовлении столба: он сделан в высоком рельефе, а остальная поверхность грани стесана до уровня фона. Символ веры на противоположной стороне столба выполнен иначе: на поверхность грани нанесли разметку тонкой линией, а затем внутри круга, описывающего крест, вырубили фон, придав тем самым рельефные очертания фигуре.

Форма и устройство престола с четырехугольным столом, установленным на одной подставке-колонне, известна с позднеантичного времени (Красносельцев, 1881. С. 274). В крымских храмах византийского времени этот тип престола доминировал. Граненые столбы-подставки со срезанными вертикальными ребрами, аналогичные публикуемому, известны в Херсонесе в «Базилике 1987 г.», построенной в начале XI в. (Яшаева, Самойленко, 2019. С. 8–11), а также на плато Эски-Кермен в южной апсиде главной базилики, возведенной в конце VI в., и в небольшом квартальном храме, сооруженном на рубеже X–XI вв. на второй продольной улице (Айбабин, Хайрединова, 2020. С. 312–315. Ил. 3). Во всех перечисленных храмах столб устанавливался при помощи выступа-шипа, вставлявшегося в прямоугольный паз, вырубленный в скальном полу (Эски-Кермен) или в отдельной плите-основании (Херсонес). В Северном храме основание под престол высечено в скальном монолите, что фиксируется впервые. Скорее всего, оно было вырублено еще при подготовке площадки под строительство храма, когда поверхность скалы выравнивалась и стесывалась. Стены храма возводились уже вокруг изготовленного основания престола.

Кресты изображались на престолах с позднеантичного времени, о чем свидетельствуют как археологические находки, так и письменные источники (Красносельцев, 1881. С. 289). Особенность публикуемого престола — изображение разных крестов на двух противоположных (западной и восточной) сторонах столба. Среди крымских христианских древностей нам такой пример не известен. Оба типа креста встречаются на архитектурных деталях христианских

Ил. 3. Город на плато Эски-Кермен, Юго-Западный Крым. Престол Северного храма: 1 — престольная плита, реконструированный по фрагментам вид сверху; 2 — восточная сторона; 3, 5 — западная сторона, общий вид (3) и разрез (5); 4, 6 — южная сторона, общий вид (4) и разрез (6). Фото и рисунок Э. А. Хайрединовой

храмов ранневизантийского времени из Малой Азии — в Ксантиосе (античный Ксанф) (Gizem, 2022. Kat. No. 55; 111. Res. 66; 122) и в Динаре (античная Апамя Киботос) (Sedov et al., 2016. Fig. 22), а также на каменных архитектурных деталях и на стенах могил из ранневизантийского комплекса Святого Стефана из Умм аль-Разаса (кастрон Мефаа, современная Иордания) (Picirilio, Alliata, 1994. P. 316, 323. № 16, 23, 24, 140, 152, 165. Tav. XXVI, 1). При этом изображения обоих типов креста в одной могиле могли поместить друг против друга — на северном и южном бортах (Ibid. P. 88, 325. № 55–55. Tav. XXVIII, 1).

На территории Крыма подобные кресты появляются на плитах перекрытия погребальных

сооружений ранневизантийского времени. В качестве аналогий можно привести кресты из могил VII в. некрополя Боспора на горе Митридат (Айбабин и др., 2023. С. 28. Ил. 26: 4, 5) и могильника Суук-Су на Южном берегу Крыма (Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 249. Рис. 169, 4). Начиная с VIII в., когда у гото-аланского населения Юго-Западного Крыма утвердился обычай отмечать погребения надгробиями, кресты обоих типов вырезались на каменных стелах, установленных над могилами (Веймарн, 1963. С. 51. Рис. 10; Айбабин, 1993. С. 383. Рис. 18, 4, 5, 7, 12).

На столбе престола сделаны отверстия для двух небольших реликвий. Миниатюрные реликварии из камня или металла достаточно широко представлены в христианских древностях, особенно ранневизантийского времени (Buschhausen, 1971. S. 264, 276, C1, C7. Taf. 3, C1; 9; Age of Spirituality, 1979. P. 630. Cat. 568). Каменный реликварий в форме миниатюрного саркофага с крышкой размером 4,2 × 6,4 см, высотой 4,0 см, внутри которого находился грунт с мелкими частицами мощей, найден и в «Базилике 1987 г.», построенной в Херсоне в XI в. (Яшаева, Самойленко, 2019. С. 11, ил. 7–8). В реликвариях, размещаемых в алтарях церквей, помимо мощей святых, могли храниться и небольшие евлогии — сувениры, привозившиеся паломниками из святых мест (Sodini, 2011. P. 82–83).

Стены внутри Северного храма были оштукатурены — вдоль стен, в слое разрушения выявлены многочисленные фрагменты известковой штукатурки с гладкой поверхностью и сохранившимися местами следами красной краски. На лицевой стороне некоторых фрагментов штукатурки видны тонкие линии, возможно, следы разметки для нанесения росписи (Хайрединова, 2022. С. 39. Рис. 7: 2). Для характеристики внутреннего убранства храма показательны найденные в слое разрушения обломки мраморных деталей — массивной плиты и колонны, известняковый блок с прорезанным по центру крестом в круге, использовавшийся, вероятно, в кладке внутреннего панциря одной из стен, а также фрагмент декоративной керамической красноглиняной ажурной плитки с изображением креста в центре (Хайрединова, 2023. С. 39. Рис. 7: 1, 1а).

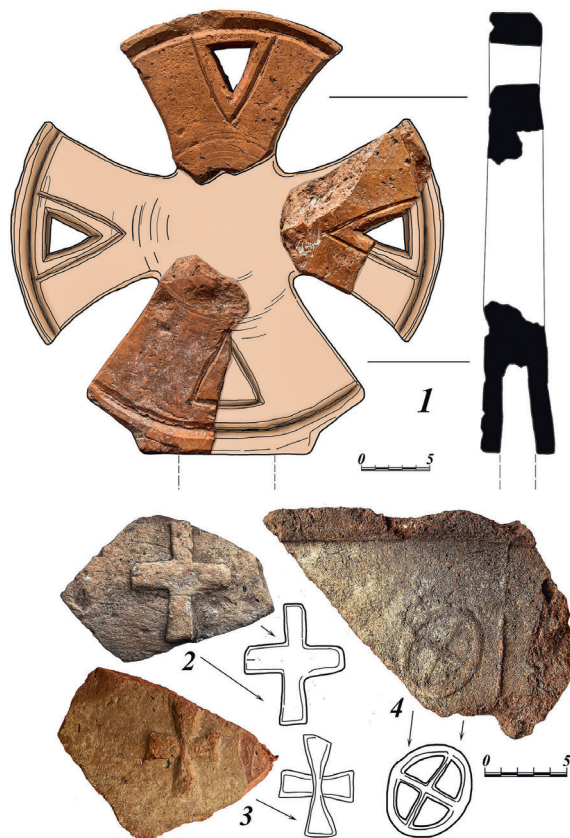
Отдельно отметим находку керамического процессионного креста размером 3,0 × 3,1 см (ил. 4: 1). Он изготовлен с расширяющимися ветвями, украшенными треугольным отверстием по центру. Контуры изделия и декоративных отверстий подчеркнуты врезной линией, нанесенной по сырой глине. В нижней ветви сделано углубление — втулка для древка, на котором крест выносился во время процессий. Керамические кресты являются распространенной церковной утварью средневекового времени. На плато Эски-Кермен, в часовне X–XIII вв. из квартала 1 на главной улице, найден фрагмент керамического креста с расширяющимися концами, с подчеркнутыми врезной линией контурами (Айбабин, Хайрединова, 2013. С. 14. Ил. 5: 1, 1а). По размерам он близок публикуемому кресту из Северного храма. В погребениях VIII–IX вв. из прихрамового некрополя в с. Гончарном выявлены фрагменты керамических гончарных ажурных крестов в круге, контуры которых подчеркнуты грубой врезной линией, выполненные в том же стиле, что и названные изделия из храмов на плато Эски-Кермен. По мнению А. Л. Якобсона, эти ажурные керамические кресты предназначались для размещения на надгробиях (Якобсон, 1970. С. 141–142. Рис. 92, 2–3).

Здание Северного храма имело стропильное перекрытие. В развале камней над руинами храма выявлены массивные железные гвозди, использовавшиеся для скрепления деревянных балок кровли, а также большое количество разбитых при обрушении крыши плоских керамид и вогнутых, полукруглых в сечении, калиптеров. Преобладают керамиды группы II по эски-керменской классификации, находки которых на городище связаны, в основном, с комплексами IX–XII вв. (Завадская, 2022. С. 142). В черепичном развале из апсиды и наоса Северного храма присутствуют обломки и почти целые формы изделий синопского и херсонесского производства, изготовленных «лицевым» способом и характерных для позднеантичного или ранневизантийского времени, а также относящиеся к средневизантийскому периоду керамиды с прямым массивным боковым бортиком с односторонним нижним уступом (Завадская, 2018. С. 142–143; 2022. С. 142). Отметим находки фрагментов керамид и калиптера с рельефными

метками в форме креста с прямыми или расширяющимися концами либо в виде креста, помещенного внутри овала (ил. 4: 2–4). Возможно, таким образом ремесленники отмечали партию черепицы, изготовленной специально для кровли храма.

В слое разрушения храма выявлены фрагменты строительной и бытовой керамики, характерной для всех периодов жизнедеятельности на плато Эски-Кермен — с конца VI и до конца XIV в., что позволяет говорить о долгом существовании здания (Хайрединова, 2023. С. 31). Отметим, что, помимо перечисленных находок из слоя разрушения Северного храма, наборы тарной и строительной керамики, относящиеся к позднему периоду существования города и включающие примесь ранневизантийских и средневизантийских изделий, на плато Эски-Кермен в настоящее время известны только на одном участке — в центре города, на площади перед главной городской базиликой и примыкающем к ней участке большой поперечной улицы (Смокотина, 2022. С. 109–112). Скорее всего, Северный храм был построен одновременно с расположенной в центре города главной базиликой или чуть позже нее. Планировка и размеры Северного храма идентичны центральному нефу базилики, что отчетливо видно при наложении планов двух построек (ил. 1: В). Видимо, при возведении обоих зданий зодчий руководствовался единым проектом. Южная стена Северного храма и продольные стены трехнефной базилики сложены в одинаковой технике с использованием крупных, хорошо обтесанных со всех сторон блоков длиной 0,7–1,4 м, высотой 0,5–0,6 м (Шмит, 1932. С. 224. Рис. 58–60; Лосицкий, Паршина, 2002. С. 101. Рис. 2: 1). Под стенами Северного храма на поверхности скалы сделаны подрубки, аналогичные вырубкам — постелям, служившим основанием кладки оборонительных стен, возводившихся в конце VI в. вдоль краев плато (Репников, 1932. С. 182).

По величине Северный храм был вторым, после главной базилики, зданием в городе. Безусловно, возведение такого храма требовало больших затрат и, скорее всего, могло быть

Ил. 4. Город на плато Эски-Кермен, Юго-Западный Крым. Находки из слоя разрушения Северного храма: 1 — керамический процессионный крест; 2–4 — фрагменты черепицы с рельефными метками в форме креста. Фото и рисунок Э. А. Хайрединовой

осуществлено в ходе реализации византийцами в правление императора Маврикия (582–602) программы строительства оборонительных сооружений и общественных зданий на территории нового дуката, куда была включена и область Дори. В рамках этой программы для назначенных дукой Херсона архонтов новых архонтий и были возведены новые крепости, в том числе и на плато Эски-Кермен, ставшие административными, экономическими и религиозными центрами близлежащих территорий (Айбабин, 2022. С. 20–21).

Выбор места для строительства второго большого храма на плато Эски-Кермен был не случаен. Помимо главных южных ворот, через которые

шел колесный путь, в крепость на плато можно было подняться по трем пешеходным тропам через узкие калитки. Одна из них позволяла попасть на плато с севера, по вырубленной в скале тропе (ил. 1: А: 2). На плоскую вершину плато в калитке имелось два входа — через прямую узкую расселину в скалах, по дну которой вырубили ступени, и по лестнице, высеченной вокруг скального мыса, нависающего над расселиной с востока (ил. 1: Б). Северный вход в город прикрывался дозорным пунктом, расположенным на мысах. Путник, поднимавшийся в город с этой стороны, достигнув плоской вершины плато, сразу оказывался перед большим храмом, миновать который было невозможно. Величественное здание, сложенное из крупных каменных блоков, практически полностью перекрывало узкий в этом месте участок плато — от западного к восточному обрыву.

Подводя итоги, отметим следующее. В северной части города на плато Эски-Кермен с раннесредневекового времени вплоть до гибели города в конце XIII в. функционировал христианский храм. Он был построен для жителей располагавшихся поблизости, вдоль восточного края плато, кварталов. На протяжении своего долгого существования храм обновлялся, о чем свидетельствуют перестройка в апсиде и отверстие для дополнительной реликвии на западной стороне престола, а также ранняя могила в наосе, забитая известковым отесом и перекрытая плитами вровень с полом. В X в., после того как некрополь на юго-восточном склоне плато прекратил свое существование и в городских кварталах стали возводиться часовни для захоронений, рядом с Северным храмом — за апсидой и перед восточным входом — появились могилы, в которых хоронили своих умерших жители северных кварталов. Судя по хозяйственным пещерным сооружениям, расположенным вдоль восточного края плато, именно здесь концентрировались жилые постройки в северной части плато Эски-Кермен. Руины этих построек, как и остатки Северного храма, в Новое время оказались наиболее доступными для жителей расположенной по соседству деревни Черкес-Кермен и были разобраны для строительства домов.

Список литературы

- Айбабин А. И. Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь: [б. и.], 1993. С. 121–133, 365–383.
- Айбабин А. И. Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор // Город на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время / ред. А. И. Айбабин. Симферополь: Антиква, 2022. С. 7–85.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Предметы христианского культа из раскопок 2003–2008 годов на городище Эски-Кермен // Византия в контексте мировой культуры. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 7–21. (Тр. Гос. Эрмитажа; LXIX).
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III — VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермен // АДСВ. Т. 48. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 310–326.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Однефный храм в квартале II византийского города на плато Эски-Кермен // АА. № 5. М.: ИА РАН, 2023. С. 42–52.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., Смокотина А. В., Радочин В. Ю. Некрополь византийского Боспора. Раскопки 2007–2009 гг. в Босфорском переулке. Симферополь: Антиква, 2023. 500 с.
- Веймарн Э. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Киев: Видавництво АН УРСР, 1963. С. 15–89.
- Завадская И. А. Традиции и инновации в производстве черепицы в средневековом Крыму // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь; Керчь: [б. и.], 2018. С. 141–145.
- Завадская И. А. Строительная керамика из раскопок центральной части города на плато Эски-Кермен в 2020–2021 гг. // Исследования центральной части города на плато Эски-Кермен в 2020–2021 гг. / ред.: А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2022. С. 137–151. (Материалы Эски-Керменской экспедиции; вып. 2).
- Красносельцев Н. Очерки из истории христианского храма. Вып. 1. Архитектура и внутреннее расположение христианских храмов до Юстиниана. Казань: тип. Императорского университета, 1881. 346 с.

- Лосицкий Ю. Г., Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики / ред.-сост. В. Ю. Юрочкин. Киев: Стилос, 2002. С. 99–113.
- Репников Н. И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 181–212.
- Смокотина А. В. Керамика из раскопок центральной части города на плато Эски-Кермен в 2020–2021 гг. // Исследования центральной части города на плато Эски-Кермен в 2020–2021 гг. / ред.: А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. Симферополь: Антиквa, 2022. С. 109–136. (Материалы Эски-Керменской экспедиции; вып. 2).
- Хайрединова Э. А. Топография средневекового города на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. Вып. 27. Симферополь: [б. и.], 2022. С. 513–550.
- Хайрединова Э. А. Новые данные о ландшафте северной части византийского города на плато Эски-Кермен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 6. С. 25–42.
- Шмит Ф. И. Эски-Керменская базилика // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 213–254.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л.: Наука, 1970. 224 с. (МИА; № 168).
- Яшаева Т. Ю., Самойленко В. Г. Миниатюрный каменный реликварий из Херсонеса // Византия в контексте мировой культуры. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. С. 7–14. (Тр. Гос. Эрмитажа; вып. ХСХ).
- Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century / ed. K. Weitzmann. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1979. 735 p.
- Buschhausen H. Die spätrömischen Metallschreine und frühchristlichen Reliquiare. I. Teil. Katalog. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1971. 334 S. (Wiener Byzantinistische Studien; 9).
- Caričin Grad II. Le quartier sud-ouest de la ville haute / eds.: B. Bavant, V. Kondić, J.-M. Spieser. Belgrade; Rome: Ecole française de Rome, 1990. 322 p.
- Caričin Grad IV. Catalogue des objets des fouilles anciennes et autres études / eds.: B. Bavant, V. Ivanišević. Rome: École française de Rome; Belgrade: Institut archéologique de Belgrade, 2019. 368 p.
- Gizem Y. Ksanthos Antik Kenti Bizans Dönemi Mimari Plastik Eserleri. Yüksek lisans tezi. Konya, 2022. 426 p.
- Picirilio M., Alliata E. Umm ai-Rasas — Mayfa'ah. I. Gli scavi del complesso di Santo Stefano. Jerusalem: Studium Biblicum Franciscanum, 1994. 376 p. (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior; 28).
- Pülz A. M. Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte Artefakte aus Metall, Bein und Glas. Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020. 558 S.
- Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1970. 290 S.
- Sedov V., Vdovichenko M., Fomicheva J., Judina E. The Early Byzantine Church near Apameia Kibotos (Dinar). A preliminary report // Kelainai II. Kelainai — Apameia Kibotos: une métropole achéménide, hellénistique et romaine / dir.: A. Ivantchik, L. Summerer, A. von Kienlin. Bordeaux: Ausonius, 2016. P. 175–201.
- Sodini J.-P. La terre des semelles: images pieuses ramenées par les pèlerins des Lieux saints (Terre sainte, Martyria d'Orient) // Journal des savants. 2011. № 1. P. 77–140.

References

- Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century / ed. K. Weitzmann. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1979. 735 p.
- Aybabin A. I. Mogil'niki VIII — nachala X vv. v Krymu // Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii. III. Simferopol', 1993. P. 121–133, 365–383.
- Aybabin A. I. Evolyutsiya gorodov na Vnutrenney gryade Krymskikh gor // Gorod na Vnutrenney gryade Krymskikh gor v Srednie veka i Novoe vremya / ed. A. I. Aybabin. Simferopol': Antikva, 2022. P. 7–85.
- Aybabin A. I., Khayredinova E. A. Predmety khristianskogo kul'ta iz raskopok 2003–2008 godov na gorodishche Eski-Kermen // Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury. St. Petersburg: izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2013. P. 7–21. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha; LXIX).
- Aybabin A. I., Khayredinova E. A. Krymskie goty strany Dori (seredina III — VII v.). Simferopol': Antikva, 2017. 368 p.
- Aybabin A. I., Khayredinova E. A. Kvartal'nye khramy srednevekovogo goroda na plato Eski-Kermen // Antichnaya drevnost' i srednie veka. 48. Ekaterinburg: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2020. P. 310–326.
- Aybabin A. I., Khayredinova E. A. Odnonefnyy khram v kvartale II vizantiyskogo goroda na plato Eski-Kermen // Arkhitekturnaya arkheologiya. 5. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2023. P. 42–52.
- Aybabin A. I., Khayredinova E. A., Smokotina A. V., Radochin V. Yu. Nekropol' vizantiyskogo Bospora. Raskopki 2007–2009 gg. v Bosforskome pereulke. Simferopol': Antikva, 2023. 500 p.

- Buschhausen H. Die spätrömischen Metallschreine und frühchristlichen Reliquiare. I. Teil. Katalog. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1971. 334 S. (Wiener Byzantinistische Studien; 9).
- Caričin Grad II. Le quartier sud-ouest de la ville haute / eds.: B. Bavant, V. Kondić, J.-M. Spieser. Belgrade; Rome: Ecole française de Rome, 1990. 322 p.
- Caričin Grad IV. Catalogue des objets des fouilles anciennes et autres études / eds.: B. Bavant, V. Ivanišević. Rome: École française de Rome; Belgrade: Institut archéologique de Belgrade, 2019. 368 p.
- Gizem Y. Ksanthos Antik Kenti Bizans Dönemi Mimari Plastik Eserleri. Yüksek lisans tezi. Konya, 2022. 426 p.
- Khayredinova E. A. Topografiya srednevekovogo goroda na plato Eski-Kermen // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. 27. Simferopol', 2022. P. 513–550.
- Khayredinova E. A. Novye dannye o landshafte severnoy chasti vizantiyskogo goroda na plato Eski-Kermen // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. 28, 6. P. 25–42.
- Krasnosel'tsev N. Ocherki iz istorii khristianskogo khrama. 1. Arkhitektura i vnutrennee raspolozhenie khristianskikh khramov do Yustiniana. Kazan': tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1881. 346 p.
- Lositskiy Yu. G., Parshina E. A. Eski-Kermenskaya bazilika // Pravoslavnye drevnosti Tavriki / ed., comp. V. Yu. Yurochkin. Kiev: Stilos, 2002. P. 99–113.
- Picirillo M., Alliata E. Umm ai-Rasas — Mayfa'ah. I. Gli scavi del complesso di Santo Stefano. Jerusalem: Studium Biblicum Franciscanum, 1994. 376 p. (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior; 28).
- Pülz A. M. Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte Artefakte aus Metall, Bein und Glas. Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020. 558 S.
- Repnikov N. I. Ostatki ukrepleniya Eski-Kermena // Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury. 1932. XII. P. 181–212.
- Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1970. 290 S.
- Sedov V., Vdovichenko M., Fomicheva J., Judina E. The Early Byzantine Church near Apameia Kibotos (Dinar). A preliminary report // Kelainai II. Kelainai — Apameia Kibotos: une métropole achéménide, hellénistique et romaine / dir.: A. Ivantchik, L. Summerer, A. von Kienlin. Bordeaux: Ausonius, 2016. P. 175–201.
- Shmit F. I. Eski-Kermenskaya bazilika // Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury. 1932. XII. P. 213–254.
- Smokotina A. V. Keramika iz raskopok tsentral'noy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2020–2021 gg. // Issledovaniya tsentral'noy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2020–2021 gg. / eds.: A. I. Aybabin, E. A. Khayredinova. Simferopol': Antikva, 2022. P. 109–136. (Materialy Eski-Kermenskoy ekspeditsii; 2).
- Sodini J.-P. La terre des semelles: images pieuses ramenées par les pèlerins des Lieux saints (Terre sainte, Martyria d'Orient) // Journal des savants. 2011. 1. P. 77–140.
- Veymarn E. V. Arkheologichni raboty v raioni Inkermana // Arkheologichni pamiatky URSR. XIII. Kiev: Vydavnytstvo Akademii Nauk URSR, 1963. P. 15–89.
- Yakobson A. L. Rannesrednevekovye sel'skie poseleniya Yugo-Zapadnoy Tavriki. Leningrad: Nauka, 1970. 224 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; 168).
- Yashaeva T. Yu., Samoylenko V. G. Miniaturnyy kamennyy relikviriy iz Khersonesa // Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury. St. Petersburg: izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2019. P. 7–14. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha; XCIX).
- Zavadskaya I. A. Traditsii i innovatsii v proizvodstve cherepitsy v srednevekovom Krymu // XIX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovatsii. Simferopol'; Kerch', 2018. P. 141–145.
- Zavadskaya I. A. Stroitel'naya keramika iz raskopok tsentral'noy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2020–2021 gg. // Issledovaniya tsentral'noy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2020–2021 gg. / eds.: A. I. Aybabin, E. A. Khayredinova. Simferopol': Antikva, 2022. P. 137–151. (Materialy Eski-Kermenskoy ekspeditsii; 2).

Illustrations

Fig. 1. The city on the Eski-Kermen plateau, south-western Crimea: A — general view of the plateau, showing the locations of the main entrance gate (1), the northern postern gate (2), the Northern Church (3) and the main church of the settlement, a three-aisled basilica (4). The main street is shown by the red dashed line; B — the northern postern gate, with red arrows showing the rock-hewn steps leading up to the plateau and the Northern Church (3) (photograph by N. D. Denisenko);

B — superimposition of the ground plans of the Northern Church (3) and the main church of the settlement (4)

Fig. 2. The city on the Eski-Kermen plateau, south-western Crimea. Northern Church: 1 — general view from the east; 2 — aerial view; 3 — remnants of the mortar foundation upon which the apse was constructed (red dots indicate findspots); 4 — photograph and illustration of a limestone slab fragment bearing incised crosses (the red dot indicates the findspot). Photographs by N. D. Denisenko (1, 2) and E. A. Khayredinova (3, 4)

Fig. 3. The city on the Eski-Kermen plateau, south-western Crimea. The altar of the Northern Church: 1 — altar slab, plan view reconstruction from fragments; 2 — eastern face; 3, 5 — western face: general view (3) and sectional profile (5); 4, 6 — southern face: general view (4) and sectional profile (6). Photographs and drawings by E. A. Khayredinova

Fig. 4. The city on the Eski-Kermen plateau in south-western Crimea. Artefacts from the destruction layer of the Northern Church: 1 — ceramic processional cross; 2–4 — tile fragments bearing relief cruciform marks. Photographs and a drawing by E. A. Khayredinova.

A. I. Aybabin, E. A. Khayredinova. The Northern Church of the city on the Eski-Kermen plateau

Abstract. A Christian church was located in the northern part of the city on the Eski-Kermen plateau from the early mediaeval period until the settlement's demise in the late thirteenth century. The single-nave structure is oriented with its apse facing east. The ground plan is distinctly divided into three sections: the chancel

with a semicircular apse, the naos and the narthex. The building had two entrances, one providing access to the naos and the other to the narthex. The building was originally covered with a gabled, tiled roof. The architectural plan and dimensions of the Northern Church correspond precisely to those of the central nave of the principal basilica in the settlement on the Eski-Kermen plateau. This suggests that the architect employed a unified design scheme for both structures. The church served the inhabitants of the adjacent residential quarters situated along the eastern perimeter of the plateau. Evidence of renovations throughout its extended period of use includes reconstruction work within the apse, an additional opening for relics on the western side of the altar and an early burial within the naos, marked by stone slabs at floor level. Following the abandonment of the necropolis on the southeastern slope of the plateau in the 10th century and the emergence of burial chapels within residential quarters, a new necropolis was established adjacent to the Northern Church. This site was subsequently used by residents of the northern quarters for burials.

Keywords: Byzantium, south-western Crimea, city on the Eski-Kermen plateau, Christian church, basilica.

Aybabin Aleksandr Ilyich, doctor of history, Research Center for the History and Archaeology of Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 2 Vernadsky Ave., 295007 Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation, aleksandraibabin@rambler.ru.

Khayredinova Elzara Ayderovna, candidate of history, Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, 2 Vernadsky Ave., 295007 Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation, khayredinovaz@rambler.ru.

К атрибуции крылатой бронзовой фигурки, найденной во владимирском Успенском соборе

И. А. СТЕРЛИГОВА

ВЕСНОЙ 2023 г. в ходе организованных Владимирско-Суздальским музеем комплексных научно-исследовательских работ, предваряющих реставрацию Успенского собора во Владимире и проходивших под руководством сотрудника ИА РАН С. И. Милованова, в алтарной части собора, в проеме между настилами пола, была найдена небольшая бронзовая фигурка (ил. 1), получившая известность как ангел¹. Однако увидеть в ней одного из бесплотных посланников Бога, в христианской традиции никогда не изображавшихся обнаженными, невозможно: фигурка скорее напоминает античного эрота. Это существо с тельцем ребенка, большой шаровидной головой, круглой младенческой, достаточно забавной физиономией, шапкой волос со спускающейся на лоб прядкой, тонкой талией и воздетыми крылышками. Ее правая рука и ножки, одна из которых согнута, частично обломаны. Несмотря на утраты, фигурка демонстрирует явные приметы романики — первого универсального художественного стиля европейского Средневековья. К ним относятся и вольные пропорции, и огромные глаза с пластически моделированными веками, а также причудливая детализация торса:

¹ Размер фигурки 7,5 × 8,5 см. Сердечно благодарю архитектора-реставратора Д. Е. Яковлева, сообщившего мне о находке, и С. И. Милованова, предоставившего возможность исследовать фигурку, которая в настоящее время находится в ИА РАН.

[HTTPS://DOI.ORG/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.54-61](https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.54-61)

Аннотация. В работе представлена предварительная атрибуция крылатой бронзовой фигурки, найденной в 2023 г. в проеме между настилами пола при научно-исследовательских работах в Успенском соборе г. Владимира. Выдвигается предположение, что фигурка, изготовленная в технике утраты восковой модели, не являлась ангелом, а могла быть аллегорическим изображением, входившим в декор западноевропейского церковного канделябра. Судя по аналогиям, ее можно датировать второй половиной XII в. и считать работой ломбардских мастеров.

Ключевые слова: крылатая бронзовая фигурка, западноевропейские храмовые подсвечники, романская храмовая утварь, Домонгольская Русь.
Стерлигова Ирина Анатольевна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Государственный институт искусствознания, Козицкий переулок, 5, Москва, Российская Федерация, 125375, irinasterligova@mail.ru.

«эрот» как бы полуобнаженный, но углубленными линиями обозначены ворот, пояс и другие детали одежды.

Поза полусидящего и отклонившегося вперед крылатого существа заставляет предположить, что фигурка была частью декора объемного основания какого-то предмета, вероятнее всего канделябра. Об этом свидетельствуют обращенные вверх глаза и достаточно тщательная проработка оборотной стороны, которая могла быть видна. Штырь на правой ножке фигурки мог служить для соединения с другой деталью. Левая рука опущена на колено, правая, вероятно, была протянута вперед и приподнята, возможно, касалась изогнутых побегов, традиционно входивших в декорацию романской церковной утвари. Фигурка выполнена в технологии литья с утратой восковой модели (*técnica de la cera perdida*), подробно описанной между 1110 и 1140 гг. бенедиктинским монахом Теофилом Пресвитером в его «Записке о разных искусствах». Желаемое изображение выполнялось из глины, смешанной с углем, и покрывалось слоем воска, к которому присоединялись каналы для заливки расплавленного металла и несколько креплений, чтобы поддерживать основу в нужном положении и облегчить циркуляцию расплава. Изготовленную модель заформовывали в глину, создавая своего рода панцирь. С помощью нагрева воску давали стечь через небольшое отверстие в наружном слое глины, а в пустотелую форму заливали металл, который занимал место воска. Глиняную форму разбивали — и получали изделие, с большой точностью повторявшее модель. Внутреннюю глиняную модель выскребали изнутри бронзовой оболочки, используя небольшое отверстие в дне. Отливка дорабатывалась резцами и чеканами. Способ отливки по модели, покрытой воском, давал большую экономию металла и возможность приделывать к фигуре заранее изготовленные части.

Важно отметить, что каждая отливка была уникальна и требовала создания авторской модели, то есть выполнялась мастерами, владевшими не только технологией, но и приемами создания изображений. Для владимирской фигурки использовался медный сплав, в котором чуть

Ил. 1. Крылатая фигурка, найденная в 2023 г. в Успенском соборе г. Владимира (вид спереди и сзади). Вторая половина XII в.

больше 10 процентов цинка, однако цинк мог составлять и 25 процентов сплава (*Falke, Meyer, 1935. S. VII*). Отливки, со временем темневшие из-за патины, как правило, покрывались ртутным золочением и были подобны настоящим драгоценностям. Следы золочения сохранили лишь некоторые произведения, по большей части их поверхность от долгого употребления сильно потерта.

Различные объемные изображения украшали основания не только больших церковных канделябров (ил. 2), но и напестольных подсвечников и подставок для алтарного креста. Производство

таких литых предметов возникает в XI в. и достигает наивысшего расцвета во второй половине XII в., когда были созданы монументальные пред-
дальтарные канделябры, украшенные множеством

Ил. 2. Подсвечник из аббатства Святого Петра в Глостере. Англия или Лотарингия (?), 1107–1113 гг. Музей Виктории и Альберта в Лондоне: а — общий вид. Воспр. по: <https://collections.vam.ac.uk/item/O114078/the-gloucester-candlestick-candlestick-unknown/>; б — основание подсвечника. Воспр. по: <https://www.flickr.com/photos/27305838@No4/4519923683/>

изображений, сохранившиеся в соборах Праги, Реймса, Брауншвейга, Эссена, Милана (Falke, Meyer, 1935. S. 1) и в аббатстве Клостернойбург в Австрии.

В небольших подсвечниках преобладали изображения евангелистов и ангелов, всегда облаченных в длинные одеяния (ил. 3), но были и аллегории добродетелей и пороков, образы атлантов и побеждающих чудовищ героев (ил. 4). Они являлись частью орнамента романской эпохи, в которую входили драконы и другие монстры. Эта орнаментация порицалась богословами, но была очень популярна. Бернар Клервоский (один из учителей католической церкви, живший в первой половине XII в.), выступал против «странной безобразной красоты» или «красивого безобразия» (Махов, 2011. С. 189). Мастеров вдохновлял драматизм борьбы света христианской веры и добродетели с могущественным миром нечистой силы; одновременно изображения были причудливыми и занимательными.

Подобные подсвечники изготавливались в мастерских Лотарингии, Рейнской области, Вестфалии и Нижней Саксонии, входивших в состав Священной Римской империи, что способствовало перемещению и произведений, и мастеров.

Ил. 3. Подсвечник из аббатства Гандерсхайм.
Хильдесхайм, около 1200 г. Браунгшвейг,
Музей герцога Антона Ульриха.
Воспр. по: *Falke, Meyer, 1935. Abb. 31.*

Ил. 4. Подсвечник в виде обнаженного юноши,
сражающегося с драконом. 1140–1160 гг.,
Нижние Нидерланды. Метрополитен-музей, Нью-Йорк.
Воспр. по: [https://www.metmuseum.org/art/collection/
search/467704](https://www.metmuseum.org/art/collection/search/467704)

Фантастическое нагромождение драконовидных существ характерно именно для этих земель, в изделиях мастеров-металлистов Лиможа подобного не было.

Романские скульпторы имитировали самые различные образцы, ставшие доступными в Европе благодаря Крестовым походам. В декорации светильников можно было найти даже мифологические существа, восходящие к образотворчеству древних Месопотамии и Ирана. Им были знакомы и античные произведения, по мотивам которых был создан декор подсвечника из собора Святого Вита в Праге (ил. 5). Античное наследие было одной из составляющих искусства романской эпохи. Исследователи Успенского собора Андрея Боголюбского отмечают, что

композиции из листьев аканфа, украшающие его фасадные полуколонки, «обязаны своим происхождением романским мастерам, причем таким, чье творчество лежит в русле стилистики, восходящей к традициям античного и раннехристианского искусства» (*Иоаннисян, 2015. С. 81*). Они же сказываются и во владимирской крылатой фигурке, напоминающей эрота или ренессансного путто, которая имеет типологические и стилистические аналогии в бронзовой церковной утвари германских и североитальянских земель.

С владимирским «эротом» можно сопоставить полуфигуру ангела (ил. 6) в декоре большого семисвечника XII в. из аббатства Клостернойбург в Нижней Австрии (*Rörig, Fasching, 1984. Abb. 5*).

Ил. 5. Основание подсвечника из собора Св. Вита в Праге. До 1162 г. Деталь.
Воспр. по: *Falke, Meyer, 1935. Abb. 83.*

Над украшением собора аббатства — одной из крупнейших церквей в стране — трудились мастера из разных земель; считается, что семи-свечник был отлит в Вероне. Сходны приемы моделировки черт лица, рук, горизонтальных полос на одеяниях ангела и торсе «эбота».

Более простые литые светильники (высо-тою до 30 см), изготовленные в этих землях, были найдены во многих древнерусских горо-дах, что связано и с интенсивным развитием художественных ремесел и товарного произ-водства в Западной Европе, и с ростом спроса на церковную утварь на Руси. Эти предметы широко распространялись по христианскому миру, от Италии до Скандинавии и от Англии до Венгрии и Руси.

В XII в. политические, торговые, династиче-ские и культурные связи Руси с католическим миром продолжали развиваться и способство-вали перемещению на Русь как уникальных, так и серийных предметов западноевропейского художественного ремесла, приглашению евро-пейских мастеров и заимствованию западноев-ропейских технологий. Количество найденных на территории Древней Руси произведений западноевропейских мастеров-металлистов постоянно пополняется. Большинство запад-ноевропейских предметов связано с Киевом, Новгородом, Черниговом, Полоцком. Почти все они найдены на территории детинцев или

Ил. 6. Ангел. Деталь семисвечника из собора аббатства Кlostернойбург. XII в. Австрия.
Воспр. по: *Fischer, 2018. Abb. 5.*

обнаруживаются среди исторически сохра-нившейся утвари городских соборов. Древняя Русь была охвачена этим общим культурным подъемом, который определил развитие мно-гочисленных местных художественных центров на романском Западе. Если типология цер-ковных паникадил были связана с крестово-купольной архитектурой православных хра-мов и следовала византийским образцам, то переносные осветительные приборы (высокие напольные — на одну или несколько свечей, и низкие — на одну свечу), судя по архео-логическим находкам, в XII — первой трети XIII в. в большинстве своем были романскими (*Даркевич, 1966. С. 16–17. Табл. 10*). Они могли быть как привозными, так и отливаться западно-европейскими мастерами, приезжавшими на Русь в составе строительных артелей.

Ил. 7. Подсвечник в виде крылатого юноши из Старой Рязани. Северная Германия, первая половина XIII в. Хранился в музее г. Спасска, современное местонахождение неизвестно. Воспр. по: Даркевич, 1966. Табл. 9, 3.

На Руси был также известен тип северо-германских бронзовых подсвечников в виде отдельных человеческих или ангельских фигур. Представление о них дают фрагменты подсвечника второй половины XII — первой половины XIII в. в виде фигуры мужчины, найденного у села Хорол Полтавской области, и подсвечника первой половины XIII в. в виде ангела (ил. 7) — из Старой Рязани (Даркевич, 1966. С. 17, 22. Кат. 30, 39А. Табл. 9, 3–4). В 1920-е гг. фигурка ангела хранилась в Спасском музее, но позднее исчезла. Несмотря на ее близость к типу «ангельских» подсвечников (ил. 8) (неслучайно к фигурке были приделаны крылья)¹, она, как и владимирская, ангелом не являлась. Фигуру в повседневной одежде можно сопоставить со знаменитым «Вольфрамом» — огромным подсвечником из Эрфурта, сооруженным около 1160 г. (ил. 9).

¹ О том, что крылья у фигурки были более поздними, В. П. Даркевич написал со слов А. Л. Монгайта, руководившего археологическими экспедициями ИА РАН на Старорязанском городище в 1946–1950 и 1966–1974 гг.

Ил. 8. Подсвечник в виде фигуры ангела. Ломбардия (?), около 1200 г. Из собрания графа Григория Строганова в Риме, ныне частное собрание, Швейцария. Воспр. по: Falke, Meyer, 1935. Abb. 15.

Ил. 9. Подсвечник «Вольфрам». Собор, Эрфурт, ФРГ.
Фото из архива автора

Итак, найденная в алтарной части Успенского собора крылатая фигурка, вероятно, являвшаяся частью большого романского церковного светильника, — еще одно свидетельство контактов владимирских князей и императоров династии Штауфенов, владевших землями и к северу, и к югу от Альп во второй половине XII в. Этот фрагментированный предмет обогащает наши представления как об убранстве храмов домонгольского Владимира, так и об универсализме общеевропейской культуры, частью которой тогда являлась Древняя Русь.

Список литературы

- Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 148 с. (САИ; вып. Е1-57).
- Иоаннисян О. М.* Зодчество второй половины XII века // ИРИ. Т. 2, ч. 2 / отв. ред. Л. И. Лифшиц. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2015. С. 16–139.
- Махов А. Е.* Средневековый образ: между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М.: Intrada, 2011. 256 с.
- Falke O., Meyer E.* Romanische Leuchter und Gefässe, Giessgefässe der Gotik. Berlin: Universitätsbibliothek Heidelberg, 1935. 130 S.
- Fischer N. D.* «Facies et candelabrum» (Exodus 25,31). Der siebenarmige Leuchter im Stift Klosterneuburg: Masterarbeit: Zur Erlangung des akademischen Grades Master of Arts (MA) an der Karl-Franzens-Universität Graz. Graz, 2018.
- Rörig F., Fasching H.* Stift Klosterneuburg und seine Kunstschatze. St. Pölten; Wien: Verlag Niederösterreichisches Pressehaus, 1984. 70, 64 S.

References

- Darkevich V. P.* Proizvedeniya zapadnogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoy Evrope (X–XIV vv.). Moscow: Nauka, 1966. 148 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov; E1-57).
- Falke O., Meyer E.* Romanische Leuchter und Gefässe, Giessgefässe der Gotik. Berlin: Universitätsbibliothek Heidelberg, 1935. 130 S.
- Fischer N. D.* «Facies et candelabrum» (Exodus 25,31). Der siebenarmige Leuchter im Stift Klosterneuburg: Masterarbeit: Zur Erlangung des akademischen Grades Master of Arts (MA) an der Karl-Franzens-Universität Graz. Graz, 2018.
- Ioannisyann O. M.* Zodchestvo vtoroy poloviny XII veka // Istoriya russkogo iskusstva. 2, 2 / ed. L. I. Lifshits. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvovedeniya, 2015. P. 16–139.
- Makhov A. E.* Srednevekovyy obraz: mezhdru teologiyey i ritorikoy. Opyt tolkovaniya vizual'noy demonologii. Moscow: Intrada, 2011. 256 p.
- Rörig F., Fasching H.* Stift Klosterneuburg und seine Kunstschatze. St. Pölten; Wien: Verlag Niederösterreichisches Pressehaus, 1984. 70, 64 S.

Illustrations

- Fig. 1. Winged figurine discovered in 2023 in the Dormition Cathedral, Vladimir (front and rear views). Second half of the 12th century
- Fig. 2. Candlestick from the Abbey of St. Peter, Gloucester. England or Lorraine (?), 1107–1113. Victoria and Albert Museum, London: *a* — general view (repr. from: collections.vam.ac.uk/item/O114078/the-gloucester-candlestick-candlestick-unknown/); *b* — base of candlestick (repr. from: <https://www.flickr.com/photos/27305838@No4/4519923683/>)
- Fig. 3. Candlestick from Gandersheim Abbey. Hildesheim, c. 1200. Herzog Anton Ulrich Museum, Braunschweig. Repr. from: *Falke, Meyer, 1935. Abb. 31.*
- Fig. 4. Candlestick in the form of a nude youth fighting a dragon. 1140–1160, Lower Netherlands. The Metropolitan Museum of Art, New York. Repr. from: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/467704>
- Fig. 5. Base of a candlestick from St. Vitus Cathedral, Prague. Before 1162. Detail. Repr. from: *Falke, Meyer, 1935. Abb. 83.*
- Fig. 6. Angel. A detail from a seven-branched candelabrum in the abbey church of Klosterneuburg, 12th century, Austria. Repr. from: *Fischer, 2018. Fig. 5.*
- Fig. 7. Candlestick in the shape of a winged youth from Old Ryazan, Northern Germany, first half of the 13th century. Formerly in the Spassk Museum; present location unknown. Repr. from: *Darkevich, 1966. Pl. 9, fig. 3.*
- Fig. 8. Candlestick in the form of an angel. Lombardy (?), c. 1200. Originally from the collection of Count Grigory

Stroganov in Rome, it is now in a private collection in Switzerland. Repr. from: *Falke, Meyer, 1935. Abb. 15.*

- Fig. 9. 'Wolfram' candlestick. Cathedral, Erfurt, Germany. Photograph from the author's archive

I. A. Sterligova. Preliminary attribution of a winged bronze figurine from the Dormition Cathedral in Vladimir

Abstract. This article presents the preliminary attribution of a winged bronze figurine that was discovered in 2023 during research works at the Dormition Cathedral in Vladimir. The figurine was found in a cavity between the layers of the cathedral's floor. It is suggested that the figurine, which was cast using the lost-wax technique, does not depict an angel, but rather an allegorical figure that was part of the decorative scheme of a Western European ecclesiastical candelabrum. Based on comparative material, the object can be dated to the second half of the 12th century and attributed to Lombard craftsmanship.

Keywords: winged bronze figurine; Western European church candlesticks; Romanesque liturgical metalwork; pre-Mongol Rus'.

Sterligova Irina Anatolyevna, candidate of art studies, senior research fellow, State Institute for Art Studies, 5 Kozitsky Lane, 125375 Moscow, Russian Federation, irinasterligova@mail.ru.

Вл. В. СЕДОВ, И. А. МЕЛЬНИКОВА

 ЦЕРКОВЬ УСПЕНИЯ в погосте Мелётово (1461–1462) принадлежит к центральным памятникам псковской архитектуры XV столетия; более того, она является самым ранним из сохранившихся памятников псковского зодчества того периода, когда оно уже оформилось как самостоятельная школа, полная как заимствованных, так и собственных художественных приемов. Это средний по размерам храм с высотной композицией, у которого с востока сильно выступает скругленная абсида, а по ее сторонам расположены пониженные прямоугольные в плане малые абсиды. Такая композиция, получившая в псковской архитектуре некоторое распространение, восходит к композиции новгородской церкви Троицы на Редятине улице (1365), а через нее — к композиции новгородской церкви Параскевы Пятницы на Торгу (1207), где боковые абсиды с внешней прямоугольной формой составляют со средней единый выдвинутый алтарный объем (Седов, 1988). То есть перед нами пример перехода объемной формы из Новгорода во Псков с последующим усвоением этой формы как местной и соответственной адаптации ее к псковской системе декора и псковской пластике.

Одним из важнейших вопросов происхождения и развития псковской архитектурной школы является вопрос о самостоятельности и заимствовании в декоративной области оформления фасадов, который постепенно проясняется, но все же не может считаться окончательно решенным.

Аннотация. В статье приводятся новые данные об украшении средней алтарной абсиды церкви Успения в Мелётове (1461–1462). Архивные фотографии и графические материалы свидетельствуют о том, что абсида первоначально имела сделанную из камня аркатуру, похожую на аркатуру абсиды церкви Козьмы и Дамиана в Пскове (1462–1463). В XIX в. аркатура была покрыта штукатуркой, но во время реставрационных работ штукатурный декор был сбит, а аркатура не была восстановлена. Этот почти забытый декор несколько меняет наши представления о самом раннем сохранившемся памятнике псковской архитектурной школы.

Ключевые слова: Псковская земля, псковская архитектура, Мелётово, церковь Успения, аркатуры, абсида, валиковые тяги, связь с Новгородом, ранний этап, подлинность, реставрация.

Седов Владимир Валентинович — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292; заведующий кафедрой истории отечественного искусства, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация, 119192, sedov1960@mail.ru.

Мельникова Ирина Александровна — старший научный сотрудник, Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, ул. Некрасова, 7, Псков, 180000, mirazh1140@mail.ru.

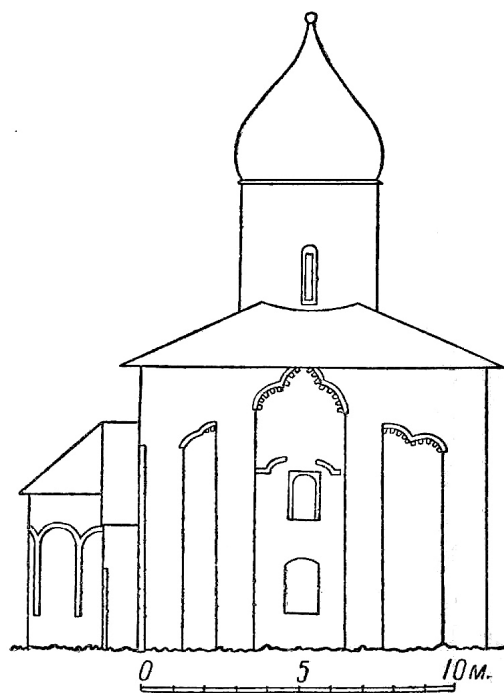
Средние абсиды многих псковских храмов XV–XVI вв. украшены аркатурой из валиков. Такие аркатуры воспринимаются как нечто с самого начала присущее местной архитектурной традиции. Однако для окончательного суждения нужно еще проделать довольно большую работу по установлению иконографических вариантов подобных крупных аркатур — или, как называют их еще, валиковых разводов по абсидам.

В данной работе мы обращаемся к вопросу о существовании валиковой аркатуры на абсиде церкви Успения в Мелётове. Вопрос этот в литературе последних десятилетий не ставился.

Сначала обратимся к обзору существующей литературы о храме и псковской архитектуре. В большой статье, посвященной древнерусским архитектурным школам, К. К. Романов только кратко упоминает церковь в Мелётове, ничего не говоря о ее абсидах (Романов, 1925. С. 214). Но в написанной позднее аналитической статье, посвященной самому храму в Мелётове, ученый остановился и на декоре абсиды: «...древнейшей частью здания является куб с абсидами. В этом основном массиве, кроме отмеченных переделок (кровель и обшивки барабана), были сделаны следующие переделки: расширено окно на северной стене, дверь в той же стене переделана в окно, расширено западное окно (над притвором), на средней апсиде вместо прежних жгутов из кладки сделаны новые жгуты штукатурным наметом и уширено окно. Эти незначительные переделки существенного влияния на цельность здания не оказали, и оно вполне может считаться отлично сохранившимся» (Романов, 1934. С. 145).

Отметим, что упомянутые «жгуты» — это валики, так что речь идет об аркатуре, которую воспроизвели потом (не сказано, когда) в виде «штукатурного намета». Далее автор цитированной статьи не останавливается на этой аркатуре. На опубликованных им чертежах аркатура отсутствует на плане. Но она видна на помещенном в статье схематическом северном фасаде (ил. 1) здания (Там же. С. 145–146).

Далее эта аркатура на средней абсиде церкви в Мелётове оказалась забыта, в трудах о псковской архитектуре ее никто не упоминал. К тому же во время реставрации, проведенной в 1958–

Ил. 1. Схематический чертеж северного фасада церкви Успения в Мелётове. К. К. Романов. Начало 1930-х гг.

1968 гг. по проекту псковских архитекторов-реставраторов Н. С. Рахманиной и М. И. Семенова (Земля Псковская, 1972. С. 187), когда было выявлено тридцатидвухскатное завершение храма, а его фасады (и абсиды в том числе) были заново побелены, остатки аркатуры, которую, видимо, сочли поздней, скрылись под побелкой. С этого времени судить о декоре храма стали чаще всего без учета украшения его среднего алтарного выступа. Так, в обзоре псковской архитектуры Н. Н. Воронина о декоре абсиды мелётовского храма ничего не говорится, а в приведенной тут же аксонометрии с видом реконструированного памятника, сделанной архитектором И. А. Абрамовым, а также на плане средняя абсида показана с гладкими стенами (Воронин, 1954. С. 320–321, 323).

В работе Ю. П. Спегальского по истории псковской архитектуры о валиковой аркатуре на абсиде церкви в Мелётове тоже не упоминается, хотя на опубликованной тут же авторской графической реконструкции (ил. 2) аркатура с пятью арками присутствует (Спегальский, 1963. С. 46–47; 1976. С. 92–93). В работе одного из авторов данной

Ил. 2. Перспективный вид на церковь Успения с северо-востока. Реконструкция Ю. П. Спегальского. 1960-е гг.

статьи говорится, что «абсида, как выяснилось при реставрации, не имела валиковых разводов», а также что отсутствие валиковых разводов характерно и для новгородских памятников середины XV в. Несколько ниже, при описании церкви Козьмы и Дамиана с Примостья в Пскове (1462–1463), построенной сразу после храма в Мелётове, дается разбор иконографии средней абсиды этого городского храма с четырьмя вертикальными тягами и приводятся новгородские аналоги начала XV в. с «упрощенными» (однорядными) аркатами на абсидах (Седов, 1992. С. 99, 103, 108).

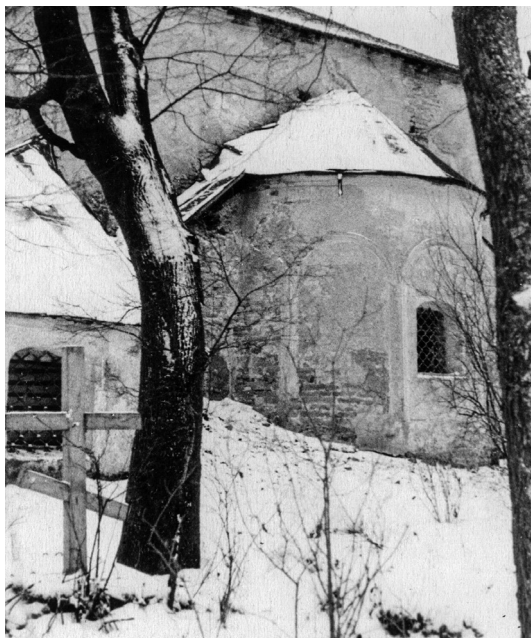
Ничего не говорится об аркатах средней абсиды церкви в Мелётове и в описании декора этого храма в работе А. И. Комеча (Комеч, 1993. С. 136–137), а ниже он пишет, что на абсиде псковской церкви Козьмы и Дамиана с Примостья «помещено пять декоративных арок, что не имеет аналогий, в других псковских памятниках их почти всегда четыре, иногда три. Нечетное число является правилом для новгородских построек» (Там же. С. 150).

Как видим, валиковые аркатуры церкви Успения в Мелётове как будто «пропали» из истории псковской архитектуры, создав тем самым что-то вроде эволюции от первого сохранивше-

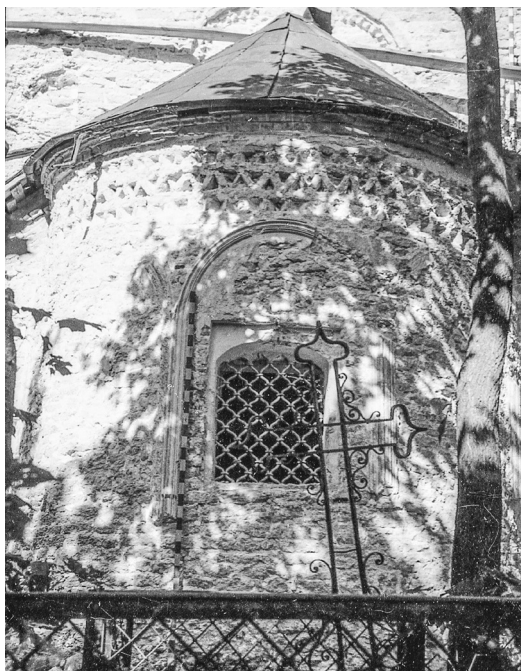
гося псковского храма XV в. (Успения в Мелётове) ко второму (Козьмы и Дамиана с Примостья): если в первом вроде бы аркатур не было, то во втором они уже присутствуют, то есть мы чуть ли не присутствуем при проникновении подобной формы из новгородской архитектуры (где в это время аркатур уже нет) в псковскую. Эта искаженная картина отображает на коротком отрезке развитие, которого не было. Все это опирается на внешний вид храма с побеленными фасадами, на некоторую легкость реставраторов, забеливших форму, показавшуюся им поздней, а также на невнимательность читателей, как будто просмотревших прямое указание К. К. Романова на подлинность аркатур в статье 1934 г. Все это необходимо исправить, опираясь на документальные данные.

Такие данные существуют: помимо приведенных слов К. К. Романова, мы можем опереться на ряд фотографий и чертежей церкви Успения, на которых валиковая аркатура видна, причем заметно, что она подлинная и состоит из плит, вделанных в кладку из подобных им камней. Начнем с фотографии 1940-х — 1950-х гг. из фондов Псковского музея-заповедника (Р-1736. Оп. 2. Д. 136. Л. 15), на которой видна снятая с юго-востока средняя абсида храма, по которой идут звенья валиковой аркатуры, выполненные с помощью штукатурки и представляющие собой тянутые обломы (ил. 3). Эта же аркатура хорошо видна на схематических обмерах северного и восточного фасадов церкви, произведенных архитекторами института «Спецпроектреставрация» в 1954 г. (ил. 4).

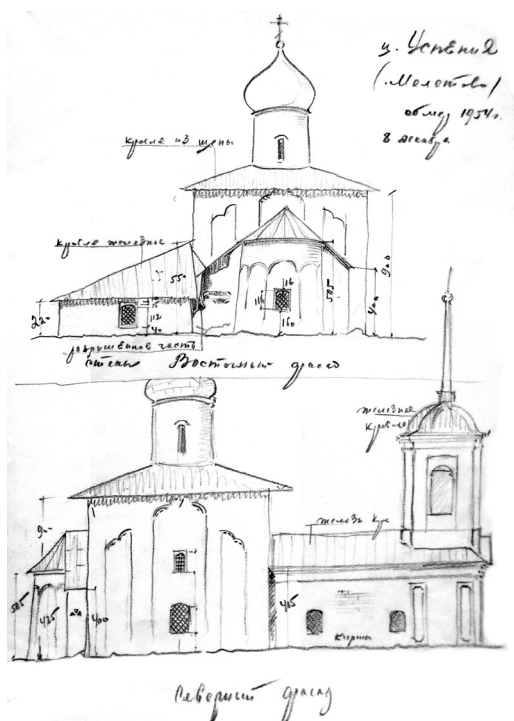
На фотографии, сделанной в июле 1957 г. во время исследовательских работ, видно, что архитекторы-реставраторы частично удалили растворные валики, а под ними обнаружили погруженные в кладку продолговатые и узкие плиты, образующие первоначальные валики и лишь сбитые в какой-то момент так, что они казались сделанными заподлицо с кладкой поверхности абсиды (ил. 5). Хорошо видны следы первоначальной аркатуры и на фотографии, фиксирующей форму щелевидного окна на абсиде: здесь можно разглядеть некоторые из сбитых узких плит, составлявших тягу аркатуры, а также следы штукатурной тяги той же аркатуры (ил. 6).

Ил. 3. Вид с юго-востока на абсиду с растворной валиковой аркатурой. Фото 1940-х — 1950-х гг. ГАПО. Ф. Р-1767. Оп. 2п. Д. 136. Л. 15.

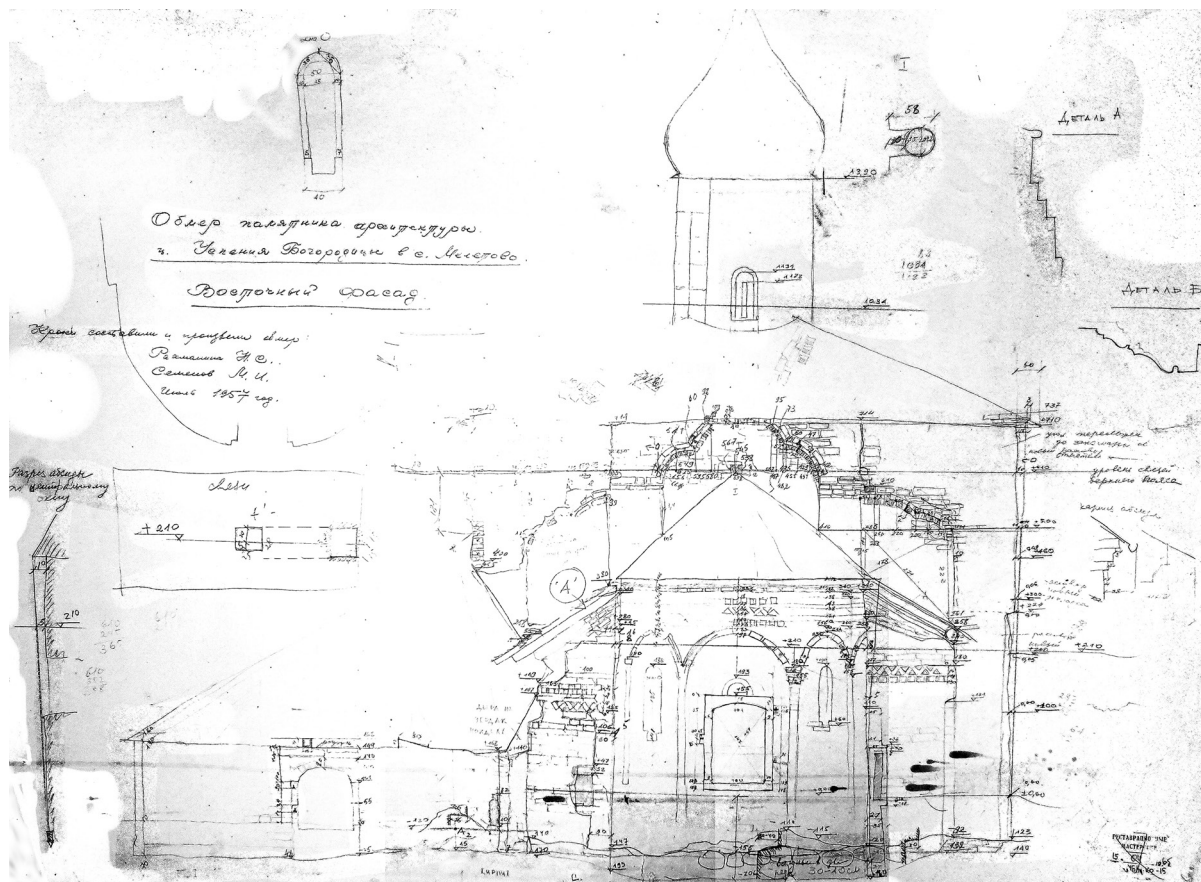
Ил. 5. Фото средней абсиды церкви Успения. Июль 1957 г. Видны зондажи древней аркатуры и участки растворного валика. ПМЗ. Дрвелехранилище. НВ-10617-5753

Ил. 4. Схематические чертежи северного и восточного фасадов церкви Успения. 1954 г. Институт «Спецпроектреставрация»

Ил. 6. Фото правого (северного) окна средней абсиды церкви Успения. Видны следы древнего валика аркатуры. 1959 г. ПМЗ. Дрвелехранилище. НВ-6883(5-6)-002

Ил. 7. Обмер восточного фасада церкви Успения. Кроки. М. И. Семёнов, Н. С. Рахманина.
Июль 1957 г. (помечено штампом «1965 г.»)

Отметим также, что расчищенные следы аркатуры были показаны на обмерном чертеже восточного фасада церкви Успения, сделанном в 1965 г.: вертикальные тяги здесь только намечены, а полукруглые арочные части аркатуры показаны в виде коротких и узких плит, выложенных в форме арок (ил. 7), что видно и на приведенных выше фотографиях.

В истории псковской архитектуры появление аркатур на абсидах вряд ли может быть описано точно. Теперь, после привлечения публикуемых материалов, мы видим, что впервые достоверно они появляются в 1461–1462 гг. в церкви Успения в Мелётове, но могли они появиться и в других, более ранних псковских памятниках. Важно, что само возникновение этого приема может быть связано с Новгородом, где аркатуры в один ряд есть в датированных памятниках конца XIV и начала

XV в., прежде всего в церкви Покрова в Зверине монастыре (1399, здесь шесть тяг и семь звеньев), в церкви Петра и Павла в Кожевниках (1406, здесь тоже шесть тяг и семь звеньев), в придельном и бесстолпном храме Благовещения при церкви Георгия в Старой Руссе (1410, здесь четыре тяги и пять звеньев), а также в церкви Мины на Торгу в Старой Руссе (шесть тяг и семь звеньев). От этих памятников, в которых двухъярусная аркатура трех новгородских храмов третьей четверти XIV в. была упрощена и превратилась в одноярусную, можно протянуть нить к псковским памятникам второй половины XV в. с полукруглой средней абсидой и прямоугольными боковыми объемами, где поначалу на средней абсиде было четыре вертикальных тяги и пять звеньев аркады (названные храмы 1460-х гг.), а затем количество тяг и звеньев было снижено до трех тяг и четырех звеньев

(большинство памятников)¹ и даже до двух тяг и трех звеньев². И только в середине XVI столетия по какой-то причине псковские зодчие вновь увеличили число тяг и звеньев аркатуры до первоначального соотношения в четыре тяги и пять звеньев (Успенский собор в Свияжске, Собор Трех святителей в Елеазаровом монастыре, Ильи Пророка в Торошине и Благовещенский собор в Казани). Но это уже совсем другая история, не связанная с первоначальным появлением этого мотива.

Список литературы

- Воронин Н. Н. Зодчество Пскова // ИРИ. Т. II. М.: изд-во АН СССР, 1954. С. 310–339.
- Земля Псковская. Памятники древнерусского зодчества / сост. альбома и авт. фотографий Б. С. Скобельцын. Л.: Искусство, 1972. 190 с.
- Комеч А. И. Каменная летопись Пскова. М.: Наука, 1993. 252 с.
- Романов К. К. Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях // Известия Российской академии истории материальной культуры. Т. IV. Л.: [б. и.], 1925. С. 208–241.
- Романов К. К. Мелётово как источник истории Псковской земли // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10 (сентябрь — октябрь). С. 143–156.
- Седов Вл. В. О происхождении псковских храмов XIV–XV вв. с прямоугольными боковыми абсидами // СА. 1988. № 4. С. 248–251.

- 1 Церкви Георгия со Взвоза (1495), Николая в Верхнем Мосту, Богоявления с Запсковья (1496), Николая в Устье, Успения с Пароменья (1521), Ильи Пророка в Кривовицах (1529), Дмитрия в Гдове (1520-е), Николы со Усохи (1536), Петра и Павла с Буя (1540), Жен Мироносиц (1546), Климента Драчилова монастыря, Анастасии Римлянки, Саввы Освященного в Саввиной пустыни, Василия на Горке, Воскресения со Стадища, Иоанна Богослова на Мишариной горке (1547), Рождества Христова Мальского монастыря, собор Иоанна Богослова в Крыпецком монастыре (ок. 1547), собор Спаса-Преображения Великопустынского монастыря.
- 2 Дмитрия Димитриевского с Поля монастыря, Вознесения Старовознесенского монастыря, Иоакима и Анны на Полонище, Троицы в Доможирке.

- Седов Вл. В. Псковская архитектура XIV–XV вв. Происхождение и становление традиции. М.: О-во историков архитектуры, 1992. 186 с. (Архив архитектуры; вып. III).
- Спегальский Ю. П. Псков. Художественные памятники. Л.; М.: Искусство, 1963. 274 с.
- Спегальский Ю. П. Каменное зодчество Пскова. Л.: Стройиздат, 1976. 119 с.

References

- Komech A. I. Kamennaya letopis' Pskova. Moscow: Nauka, 1993. 252 p.
- Romanov K. K. Meletovo kak istochnik istorii Pskovskoy zemli // Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv. 1934. 9–10 (sentyabr' — oktyabr'). P. 143–156.
- Romanov K. K. Pskov, Novgorod i Moskva v ikh kul'turno-khudozhestvennykh vzaimootnosheniyakh // Izvestiya Rossiyskoy akademii istorii material'noy kul'tury. IV. Leningrad, 1925. P. 208–241.
- Sedov Vl. V. O proiskhozhdenii pskovskikh khramov XIV–XV vv. s pryamougol'nymi bokovymi absidami // Sovetskaya arkhitektura. 1988. 4. P. 248–251.
- Sedov Vl. V. Pskovskaya arkhitektura XIV–XV vv. Proiskhozhdenie i stanovlenie traditsii. Moscow: Obshchestvo istorikov arkhitektury, 1992. 186 p. (Arkhiv arkhitektury; III).
- Spegal'skiy Yu. P. Kamennoe zodchestvo Pskova. Leningrad: Stroyizdat, 1976. 119 p.
- Spegal'skiy Yu. P. Pskov. KHudozhestvennye pamyatniki. Leningrad; Moscow: Iskustvo, 1963. 274 p.
- Voronin N. N. Zodchestvo Pskova // Istoriya russkogo iskusstva. II. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954. P. 310–339.
- Zemlya Pskovskaya. Pamyatniki drevnerusskogo zodchestva / comp., fotogr.: B. S. Skobel'tsyn. Leningrad: Iskustvo, 1972. 190 p.

Illustrations

- Fig. 1. Schematic drawing of the northern façade of the Church of the Dormition in Melyotovo. K. K. Romanov, early 1930s
- Fig. 2. Perspective view of the Church of the Dormition from the north-east. Reconstruction by Yu. P. Spegalsky, 1960s
- Fig. 3. South-eastern view of the apse with mortar roll arcature. Photograph from the 1940s–1950s. GAPO (State Archive of the Pskov Region). F. R-1767. Op. 2p. D. 136. L. 15.

Fig. 4. Schematic drawings of the northern and eastern façades of the Church of the Dormition, 1954. Institute 'Spetsproektrestavratsiya'

Fig. 5. Photograph of the central apse of the Church of the Dormition. July 1957. Showing probes of the original arcature and sections of mortar moulding. Pskov State Museum-Reserve. Repository of Antiquities. NV-10617-5753

Fig. 6. Photograph of the right (northern) window of the central apse of the Church of the Dormition. Traces of the original arcade moulding are visible. 1959. Pskov State Museum-Reserve, Repository of Antiquities. NV-6883(5-6)-002

Fig. 7. Measured survey of the eastern façade of the Church of the Dormition. Field drawing. M. I. Semyonov, N. S. Rakhmanina. July 1957 (stamped '1965')

VI. V. Sedov, I. A. Melnikova. Arcature on the central apse of the Church of the Dormition in Melyotovo

Abstract. This article presents new evidence concerning the decoration of the central altar apse of the Church of the Dormition in Melyotovo (1461–1462). Archival photographs and graphic materials indicate that the apse originally

featured a stone arcature similar in design to that of the apse of the Church of Saints Cosmas and Damian in Pskov (1462–1463). In the nineteenth century, this arcature was covered with plaster, and during restoration works the plaster decoration was removed, whilst the arcature was not reconstructed. The rediscovery of this decorative element prompts a reconsideration of our understanding of the earliest surviving monument of the Pskov architectural school.

Keywords: Pskov Region, Pskov architecture, Melyotovo, Church of the Dormition, arcatures, apse, roll mouldings, connection with Novgorod, early phase, authenticity, restoration.

Sedov Vladimir Valentinovich, doctor of art studies, corresponding member of Russian Academy of Sciences, chief research fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation; head, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Moscow State University, 27 bldg. 4 Lomonosovsky Ave., 119192 Moscow, Russian Federation, sedov1960@mail.ru.

Melnikova Irina Aleksandrovna, senior research fellow, Pskov State United Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, 7 Nekrasova Street, 180000 Pskov, Russian Federation, mirazh1140@mail.ru.

Церковь Жен Мироносиц на Почайне: у истоков посадской архитектурной школы Нижегорода XVII в.

И. С. Румянцев

КАМЕННОЕ зодчество в Нижнем Новгороде ведет историю с первой трети XIII в., когда был основан город, но до XVII в. оно было лишь эпизодическим. Из немногочисленных построек такого длительного периода до наших дней дошел только Нижегородский кремль, построенный в начале XVI в. Лишь начиная с XVII в. можно говорить о регулярном каменном строительстве в Нижнем Новгороде. Причинами активизации строительной деятельности в XVII в. мог стать целый ряд факторов. Во-первых, Нижний Новгород сыграл ключевую роль в событиях Смутного времени, в формировании Второго ополчения, освободившего Москву от интервентов. Во-вторых, удобное географическое расположение города на месте слияния Оки и Волги способствовало развитию торговли.

Первым каменным сооружением XVII в. в Нижнем Новгороде стал шатровый Михайло-Архангельский собор в кремле, построенный в 1628–1631 гг. по заказу царя Михаила Федоровича — следует полагать, в благодарность за организацию Второго ополчения — на месте обветшавшего каменного собора 1359 г. (видимо, заменившего, в свою очередь, каменный храм 1227 г.) (Воронин, 1962. С. 46–54; Агафонов, 1976. С. 44–51)¹. Вскоре после этого, в 1631–1640-х гг.,

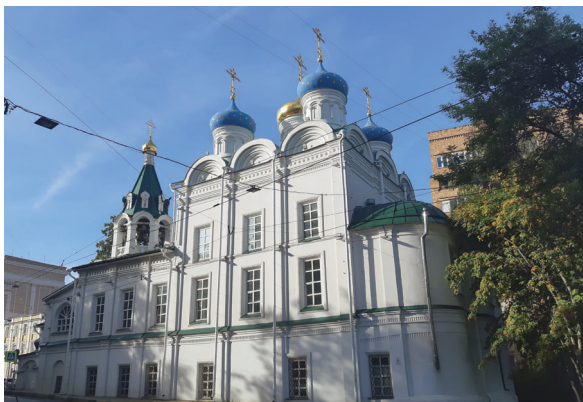
¹ Автор считает, что отказ от датировки первого каменного Михайло-Архангельского собора первой третью XIII в. преждевременен. Архитектурные особенности сооружения свидетельствуют о его принадлежности к домонгольскому этапу древнерусского зодчества.

[HTTPS://DOI.ORG/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.69-79](https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.69-79)

Аннотация. В XVII в. Нижний Новгород стал крупным центром каменного зодчества. Сначала строительство активизировалось в кремле и нижегородских монастырях, в середине века инициатива перешла на посад в руки разбогатевшего купечества. Первым храмом нижегородского посада стала церковь Жен Мироносиц (1649). Она принадлежит к заимствованному из Москвы типу бесстолпного храма, перекрытого сомкнутым сводом. Но характер этого памятника отличается от посадского зодчества, в нем чувствуется влияние монастырской архитектуры, определенная монументализация образа. В декоративном решении церкви Жен Мироносиц обнаруживается заимствование форм из Михайло-Архангельского собора кремля и собора Вознесенского Печерского монастыря.

Ключевые слова: Нижний Новгород, Церковь Жен Мироносиц на Почайне, зодчество XVII в., «узорочье», архитектура посада.

Румянцев Иван Сергеевич — аспирант, кафедра истории отечественного искусства, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация, 119234, isrum2000@yandex.ru.

Ил. 1. Церковь Жен Мироносиц на Почайне (1649 г.).
Общий вид. Фото автора

был построен в камне четырехстолпный собор Вознесенского Печерского монастыря (Филатов, 1979. С. 93–99), на территории которого на протяжении 1640-х гг. появилось еще два храма — надвратная церковь Евфимия Суздальского (1645) и трапезная Успенская церковь (1648), обе шатровые. На рубеже 1640–1650-х гг. был оформлен каменный ансамбль другого древнего нижегородского монастыря — Благовещенского. А в 1652 г. по заказу царя Алексея Михайловича вместо еще одного обветшавшего храма XIV в. (также заменившего каменный храм XIII в.) на территории Нижегородского кремля построен шестистолпный Спасо-Преображенский собор.

Вышеупомянутые постройки свидетельствуют, что в первой половине XVII в. активность каменного строительства в Нижнем Новгороде была связана с выполнением государевых заказов по перестройке соборов в кремле, а также с деятельностью монастырей.

В середине XVII в. строительную инициативу перехватывает разбогатевшее местное купечество, а новые храмы последовательно появляются на территории посада. Всего в период середины XVII — начала XVIII в. на посаде было построено около пятнадцати церквей, из которых сохранились только пять¹.

Первым каменным храмом посада стала церковь Жен Мироносиц на Почайне (ил. 1), постро-

енная в 1649 г. (Шайдакова, 2006. С. 160; Гациский, 1886. С. 59). Церковь стоит на возвышении перед Почаинским оврагом. Вероятно, в XVII в. она воспринималась очень живописно на фоне извилистого рельефа и возвышающихся неподалеку башен кремля, а также зелени нетронутого постройками оврага и ручья, пробегавшего по его дну. Это место было выбрано для строительства деревянной церкви еще в XIV в. Примечателен тот факт, что в приходе Мироносицкой церкви родились святые Евфимий Суздальский и Макарий Желтоводский, то есть к середине XVII в. приход воспринимался как древний и выдающийся (Макарий, 1857. С. 103; Храмцовский, 1859. С. 81).

О строительстве Мироносицкой церкви в 1649 г. «Нижегородский летописец» сообщает следующее: «Того же году (7157) в Нижнем Новгороде на Почайне строена церковь каменная святых Жен Мироносиц, а строил тое церковь поп Михаил» (Шайдакова, 2006. С. 160). Это сообщение дает точную датировку памятника, однако сведения о заказчике кажутся неполными, поскольку священники, как правило, не выступали в роли самостоятельных заказчиков церквей. Также запись оставляет открытым вопрос о том, на какие средства построен храм, но, вероятно, это были деньги, собранные приходом и врученные священнику, организовавшему строительство. В любом случае за фигурой отца Михаила могут скрываться подлинные заказчики довольно крупной каменной церкви.

Можно предположить, что строительство первого каменного храма посада стало важным событием для его жителей, а также что Мироносицкая церковь служила его главным украшением, следовательно, и требования к ее архитектуре были достаточно высокими: действительно, Мироносицкая церковь и по сей день является одним из самых красивых и крупных храмов посада (ил. 2).

Памятник в целом хорошо сохранился, за исключением значительных фрагментов фасадного декора. В XIX в. с северной стороны к церкви был пристроен крупный двухэтажный объем, заменивший первоначальную галерею и устроенные позднее в ней приделы (Нижний Новгород..., 2018. С. 111). В это же время были растесаны окна

¹ Включая памятники нарышкинского и строгановского стиля.

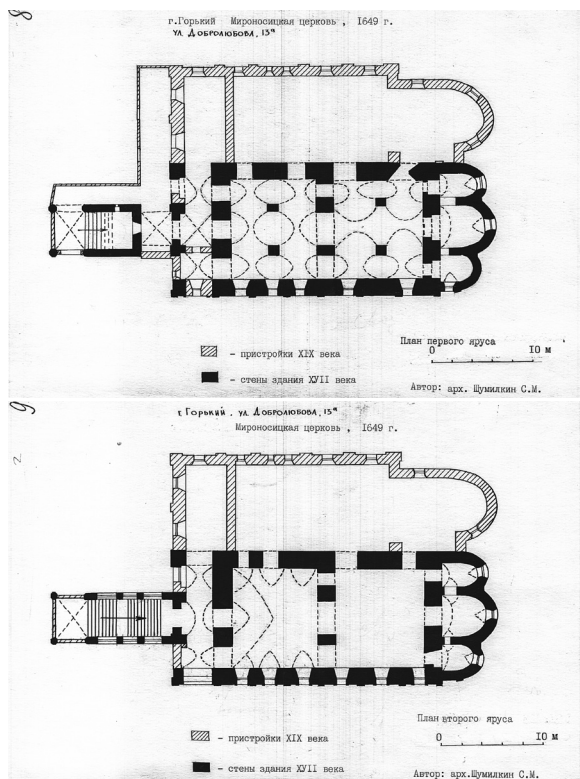

Ил. 2. Церковь Жен Мироносиц на Почайне.
Вид с юго-западного угла. Фото автора

и утрачены их наличники. В 1930-е гг. были разобраны барабаны глав и ярус звона колокольни, но они восстановлены в первоначальном виде в соответствии с фотографиями, сделанными на рубеже XIX–XX вв., во время реставрационных работ 2004 и 2006–2007 гг. (Там же. С. 113).

Архитектура церкви Жен Мироносиц не стала предметом специального архитектуроведческого разбора. Она лишь кратко была охарактеризована С. Л. Агафоновым в его книге «Горький. Балахна. Макарьев» (Агафонов, 1987. С. 174) и Н. Ф. Филатовым в его кандидатской диссертации «Каменное зодчество в социально-экономической жизни Нижнего Новгорода 20–80-х годов XVII века» (Филатов, 1979. С. 123–125) и в последовавших за ней работах (Филатов, 1996. С. 39–43). В связи с этим представляется необходимым установить происхождение объемно-пространственной композиции храма, его художественного языка и декора и определить его место в истории русского зодчества XVII в.

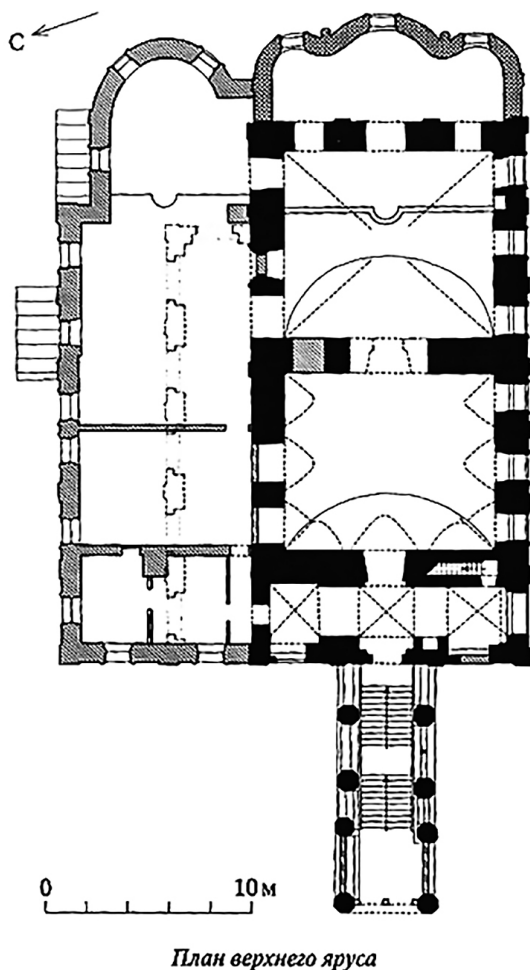
Церковь Жен Мироносиц имеет трехчастную структуру (ил. 3, 4): основной объем с тремя

Ил. 3. Церковь Жен Мироносиц на Почайне.
Планы нижнего и верхнего этажей. С. М. Шумилкин.
ГКУ ГАСДНО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 37. Л. 8, 9.

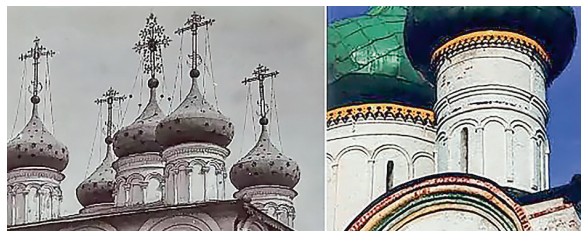
абсидами, трапезная, колокольня, выстроенные по оси запад — восток («кораблем»), что является одним из наиболее ранних примеров такой композиции в русской архитектуре того времени. Также первоначально вдоль северной стороны постройки проходила двухъярусная галерея. Главное место в композиции храма занимает квадратный в плане бесстолпный основной объем, перекрытый сомкнутым сводом. Он преобладает над трапезной, тоже квадратной в плане и равной по площади четверику, но уступающей по высоте на один ярус, и над легкой по силуэту шатровой колокольней, поставленной на небольшом квадратном в плане основании.

Основной объем вызывает у зрителя ощущение преувеличенной монументальности: пять приземистых глав, плоские лопатки фасада, лаконизм стенной поверхности делают постройку немного тяжеловатой. В то же время четверик не лишен вертикальности, он даже наделен

Ил. 4. Церковь Жен Мироносиц на Почайне. План верхнего этажа (по: Нижний Новгород..., 2018. С. 114)

взлетом, но неуверенным, как будто отягченным этой монументальностью. Образ Мироносицкой церкви, ее силуэт, а также некоторые детали напоминают Вознесенский собор нижегородского Печерского монастыря (1631–1640-е). Это сходство, кажется, подчеркивает и двухэтажная структура Мироносицкой церкви, редко встречающаяся в посадских храмах и как будто взятая из композиции Вознесенского собора Печерского монастыря. Еще более примечательным является тот факт, что в одной постройке были соединены теплый и холодный храмы: верхний этаж занимает собственно Мироносицкая церковь, а в подклете — теплая церковь Знамения. Так, церковь Жен Мироносиц является одним из самых ранних

Ил. 5. Сравнение аркатуры барабанов церкви Жен Мироносиц и Собора Вознесенского Печерского монастыря. Сопоставление автора

примеров такого соединения, которое, по мнению Н. Ф. Филатова, могло быть связано со схожим решением в деревянном храме-предшественнике (Филатов, 1979. С. 123), описание которого сохранилось в сотной грамоте 1621 г.: «В старом остроге за Почайною рекою на Ильинской горе церковь святых жен Мироносиц древяна, верх шатром, с папертьми; да под церковь теплой храм Знамения пречистые Богородицы, да придел Макария Желтовотского чудотворца с теплою трапезою — строение мирское» (Макарий, 1857. С. 103–104). Однако эта связь с деревянным зодчеством неочевидна и пока недоказуема.

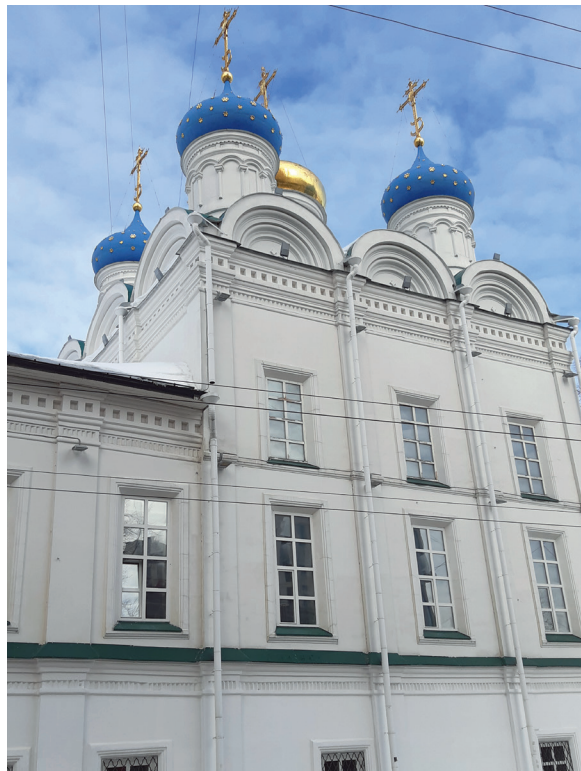
Сходство с собором Вознесенского Печерского монастыря подтверждается и некоторыми формами декора. Аркатурно-колончатый пояс барабанов Мироносицкой церкви повторяет мотив с барабанов Вознесенского собора (ил. 5): аркатура, образованная двумя близко расположенными друг к другу рельефными валиками; простые тонкие колонки с перехватом в месте примыкания аркатуры вверху и никак не отмеченные снизу. Также отметим, что барабаны Мироносицкой церкви имеют прямоугольные ниши по сторонам света, подражающие окнам световых глав собора. Немного неловкое завершение Мироносицкой церкви с приземистыми главками, видимо, является неуверенной попыткой образно переставить световое пятиглавие четырехстолпного собора на глухой сомкнутый свод приходского храма, перекрывающий бесстолпное единое пространство.

Желание подражать монастырским постройкам в значительной степени отличает нижегородский храм от московской архитектуры посада, которая стремится к созданию декоративного,

праздничного образа при меньшем объеме. Особенно заметно это различие при сравнении церкви Жен Мироносиц и церкви Троицы в Никитниках (1630–1640-е). Храм в Никитниках отличается более вытянутыми пропорциями как в четверике в целом, так и в деталях. Его силуэт легкий, он завершается горкой кокошников с тонкими стройными главками, поставленными на постаменты с похожими килевидными кокошниками. В Мироносицкой церкви все формы крупнее и монументальнее: основной объем кажется более просторным, барабаны глав шире. Главы фиксируют углы и поставлены прямо над угловыми закомарами-кокошниками, что подчеркивает обманчивое ощущение присутствия внутри четырехстолпности и светового пятиглавия, которых на самом деле нет.

Церковь Жен Мироносиц своей «монастырской» монументальностью как будто предвосхищает архитектуру монастырей московского посада второй половины XVII в., например Знаменского (1679–1684), где мы видим разросшийся и в высоту, и в ширину бесстолпный основной объем с натянутым на него «узорочным» декором, завершенный очень крупными кокошниками и поставленными над ними широкими барабанами глав. Здесь нет никакого влияния или прямой связи, мы просто отмечаем сходство идеи, к которой пришли и московские, и нижегородские зодчие в разное, но относительно близкое время, причем нижегородцы обнаружили этот прием укрупнения и создания «соборного вида» раньше москвичей и активно им пользовались на протяжении второй половины XVII в.

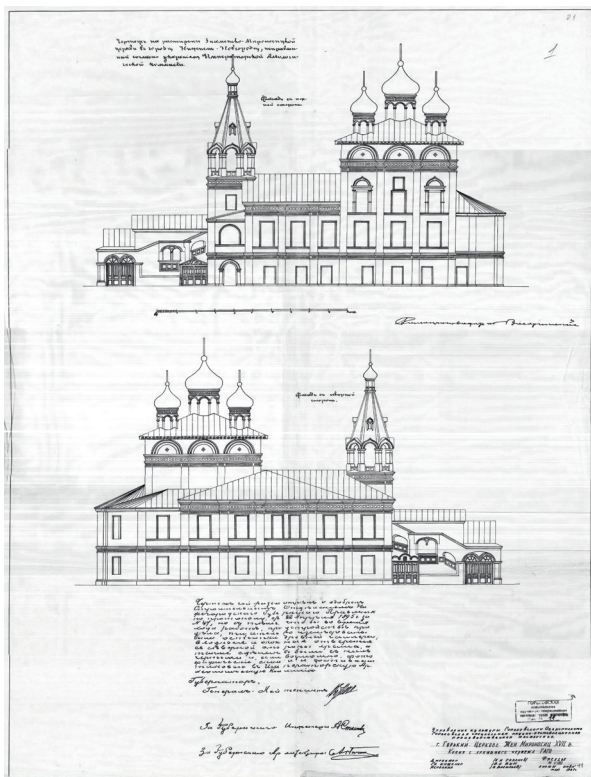
Деление четверика Мироносицкого храма на собственно основной объем и подклет всячески подчеркивается в оформлении фасадов (ил. 6). Так, по фасадам пущены декоративные антаблементы, переходящие от основного объема к трапезной; широко растесанные в позднейшее время окна расположены в несколько рядов. По вертикали фасад членится на три равных прясла лопатками, переходящими в полукружия ложных закомар-кокошников (за ними сомкнутый свод). Наиболее декорированной частью здания является верхний ярус с главами (ил. 7). Закомары-кокошники отделены широким декоративным антаблементом

Ил. 6. Церковь Жен Мироносиц. Основной объем. Южный фасад. Фото автора

с двухчастной структурой. Нижняя часть содержит поребрик. Под полочкой находится близкий ей по ширине валик, положенный на несколько тонких полочек, под которыми и пущен поребрик. Верхняя часть пояса имеет похожее строение, но вместо поребрика использована лента узких прямоугольных нишек.

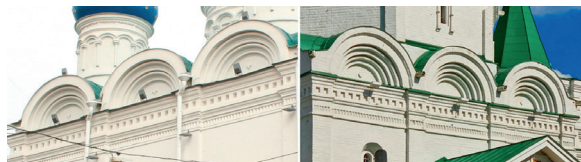
Еще один декоративный антаблемент проходит в нижней части постройки и отмечает границу между верхним и нижним храмами. Он содержит один регистр и повторяет нижний модуль верхнего антаблемента с поребриком, но его профилировка проще и не имеет такой дробности. На местах пересечения антаблементов с лопатками проступают раскреповки, задающие определенный ритм и обеспечивающие плавный переход к закомарам-кокошникам. Редким решением является продолжение этих декоративных поясов на стенах трапезной: один антаблемент делит фасады трапезной на два этажа, а другой — продолжается по верху стен трапезной.

Ил. 7. Церковь Жен Мироносиц. Чертеж южного и северного фасадов. В. Васильев, 1967 г. ГКУ ГАСДНО. Ф. Р-5. Оп. 4-6. Д. 2. Л. 1.

Описанные формы основного объема церкви Жен Мироносиц свидетельствуют, что кроме собора Вознесенского Печерского монастыря, скорее всего, был использован еще один образец. Им является один из двух нижегородских городских соборов, собор Михаила Архангела (1628–1631).

Так, антаблемент Мироносицкой церкви с большой долей вероятности был заимствован из этого собора и говорит о том, что ее зодчие свободно обращались к более ранним местным архитектурным формам, а также о прямом интересе к ним (ил. 8). Подчеркнем, что в Михайло-Архангельском соборе встречается тот же самый набор деталей антаблемента: двухчастная структура с раскреповками, лента прямоугольных нишек в верхней части и поребрик в нижней, также использовано дробление на множественные полочки, хотя в Мироносицкой церкви оно было дополнительно усилено.

Ил. 8. Сравнение антаблемента и закомар-кокошников церкви Жен Мироносиц и Михайло-Архангельского собора. Сопоставление автора

Сложно профилированные закомары-кокошники, имеющие почти идеальную форму полукруга, с ромбиком посередине, иконографически в точности соответствуют кокошникам Михайло-Архангельского собора.

Такой же антаблемент и закомары-кокошники встречаются в двух постройках Вознесенского Печерского монастыря — в надвратной церкви Евфимия Суздальского (1645) и в Успенской трапезной церкви (1648). Безусловно, их зодчие ориентировались на архитектуру Михайло-Архангельского собора, являющегося царским заказом. Особенно интересен пример Успенской трапезной церкви, которая, как и Мироносицкая, имеет двухэтажную структуру, подчеркнутую при помощи антаблементов.

Можно предположить, что надвратная церковь Евфимия Суздальского, Успенская церковь Вознесенского Печерского монастыря и церковь Жен Мироносиц являются произведениями одной и той же артели, на что указывает их хронологическая и художественная близость. Однако формы церкви Жен Мироносиц более выразительные и пластичные, чем у двух малых монастырских церквей. Поэтому идея о переходе монастырской артели на посад вызывает сомнения. Скорее всего, речь идет об умышленном подражании зодчих Мироносицкой церкви декоративной системе именно Михайло-Архангельского собора. Необходимо оговориться, что в 1630–1640-х гг. можно выделить два пути развития архитектуры региональных посадов: 1) подражание московскому зодчеству и воспроизведение новых вариантов на тему церкви Троицы в Никитниках; 2) создание собственной традиции на основе какого-то более раннего местного памятника столичного уровня. Купцы-заказчики каменного строительства избрали для Нижнего Новгорода второй

вариант развития. Схожая ситуация наблюдается в Ярославле, где первый памятник местной архитектурной школы, церковь Рождества Христова (1644), перенял черты церкви Николы Надеина (1620–1622), являющейся произведением столичных мастеров и открывшей каменное строительство в этом центре в XVII в. (Добровольская, 1974). В Нижнем Новгороде же такими опорными постройками могли быть, прежде всего, Михайло-Архангельский собор и Вознесенский собор Вознесенского Печерского монастыря, принадлежащие к кругу столичной архитектуры.

В верхнем ярусе южного фасада Мироносицкой церкви до недавнего времени сохранялись килевидные наличники окон, однако эти наличники позднейшие и появились в 1884 г. (Нижний Новгород ... , 2018. С. 112).

С восточной стороны к основному объему примыкают три мощные полукруглые абсиды высотой до уровня основания окон верхнего света. Абсиды разделены антаблементом с поребриком на два яруса. Этот антаблемент является продолжением антаблемента, отделяющего подклет от собственно основного объема. Однако зодчий, видимо, слегка не рассчитал расположение антаблемента на абсидах, в результате чего тот немного не стыкуется с антаблементом основного объема и проходит чуть выше. Ниже этого антаблемента проходит еще один поребрик, не имеющий дополнительного обрамления и почему-то скошенный вниз на боковой стороне южной абсиды. По свидетельству расходной церковной книги за 1816 и 1817 гг., верхние абсиды были перестроены (Нижний Новгород..., 2018. С. 110). Соответственно, простой карниз из полочек, завершающий их, является позднейшей формой, и первоначальные верхние абсиды, вероятно, обладали тем же двойным антаблементом, что и четверик, трапезная, колокольня.

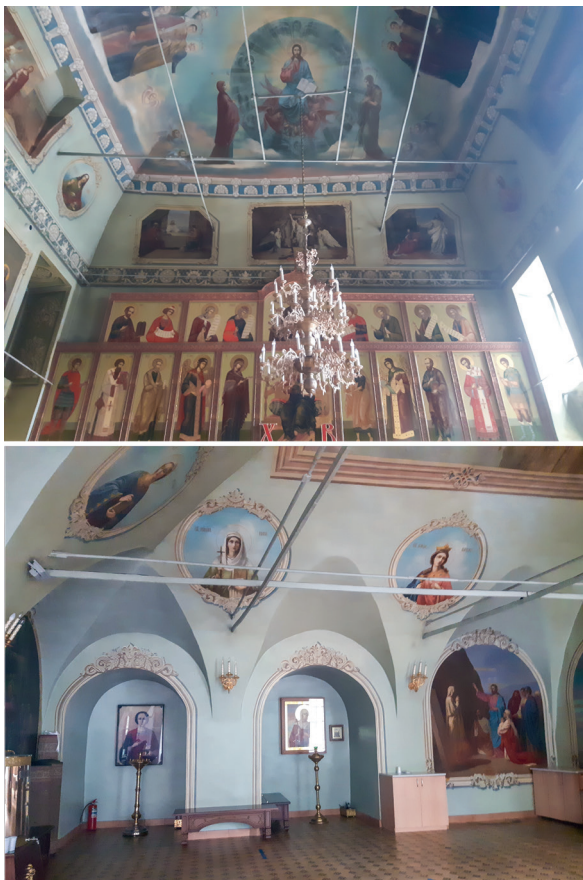
Сохранилась литография с изображением Мироносицкой церкви, выполненная французским художником Андре Дюраном в 1839 г. (ил. 9). Этот печатный лист выступает важнейшим источником по архитектуре храма. На нем видно, что промежутки между закомарами-кокошниками были заложены для создания четырехскатной кровли, а на центральный барабан установлен

Ил. 9. Церковь Жен Мироносиц.
Литография. Андре Дюран, 1839 г.

небольшой восьмерик, что, вероятно, является результатом перестройки первой половины XVIII в., выполненной под влиянием нарышкинского стиля (на литографии Д. Я. Быстрицкого 1857 г. нарышкинская надстройка уже отсутствует). Декоративное решение церкви соответствует нынешней реальности и передано художником с большой тщательностью, однако на литографии 1839 г. декор воспринимается более пышным и живописным, что достигается благодаря красоте и изящности линий, подчеркивающих и усиливающих графичность декоративных форм храма. Данное изображение позволяет понять первоначальное устройство крыльца, примыкающего к основанию колокольни с западной стороны и искаженного перестройками в XIX в. Первоначальное каменное крыльцо-вход с широкими арочными проемами вело на второй этаж к открытому ярусу колокольни, соединенному с гульбищем, примыкающим к западной стене храма. Крыльцо не имело каменного свода и перекрывалось деревянной конструкцией с эффектной бочкой над нижним рундуком.

Внутреннее пространство двухсветного верхнего этажа самого храма, зальное бесстолпное, перекрыто глухим сомкнутым сводом, оно просторно и обильно освещено (ил. 10). Это пространство наделено вертикальностью, которая конкурирует с полнотой, объемностью. В этом споре, как и во внешнем облике памятника, все же побеждает стремление в высоту, делая интерьер храма величественным. В настоящее время переход из трапезной в основной объем осуществляется

Ил. 10. Церковь Жен Мироносиц. Внутреннее пространство основного храма (сверху) и верхнего этажа трапезной (снизу). Фото автора

через единственную широкую арку (ил. 4), но вероятно, что первоначально арок было три, и это зафиксировано на планах, составленных по обмерам (ил. 3). Сама трапезная также довольно обширна и не имеет дополнительных делений (ил. 10). Ее широкое зальное пространство перекрыто полулуктовым сводом, впечатляющим геометрической ясностью и четкостью прорезанных в нем распалубок. Знаменская церковь, расположенная в подклете, имеет и в основном объеме, и в трапезной пару столбов в центре, видимо, для укрепления конструкции сводов. Перекрыта Знаменская церковь коробовыми сводами с распалубками.

Постараемся определить, какое место занимает церковь Жен Мироносиц в русской архитектуре XVII в. Бесстолпная конструкция основного

объема и перекрытие его сомкнутым сводом, безусловно, являются следствием влияния Москвы. Однако зодчие Мироносицкой церкви используют иной, отличный от магистральной «узорочной» линии московского зодчества этого времени образ — с ориентацией на архитектуру собора Вознесенского Печерского монастыря — и художественный язык, заимствованный из Михайло-Архангельского собора. Эти храмы-образцы, построенные в 1630-х гг., характерны для зодчества времени царя Михаила Федоровича, их отличает лаконичный, но одновременно склонный к декоративности художественный язык, а также ритмичный, повторяющийся и дробный декор, выделяющийся на больших пустых плоскостях фасадов. Они не могли не оказать влияния на дальнейшее развитие нижегородского зодчества: их формы, принесенные вначале мастерами столичного круга, позднее были восприняты как «свои», «местные», и в первом же памятнике нижегородского посада был использован именно этот художественный язык.

Но церковь Жен Мироносиц не является прямым и робким подражанием, а представляет собой не менее сложное и самодостаточное произведение архитектуры, в котором соединившиеся московский тип бесстолпного храма и лаконичный язык нижегородских памятников 1630-х гг., видимо, обогатились московским же декором, который был представлен килевидными «узорочными» наличниками, ныне утраченными¹. Синтез московского типа и нижегородского художественного языка делает значительной архитектуру церкви Жен Мироносиц, ставшей местным «эталонном» для последующих нижегородских церквей. Необычно и столь раннее и зрелое построение композиции «кораблем», которое также встречается в одновременно построенной Успенской

¹ Наличники почти всех нижегородских церквей XVII в. утрачены. Едва ли не единственным известным первоначальным наличником является килевидный наличник абсиды церкви Илии Пророка (1655–1656), запечатленный на фотографии храма 1870-х гг. и утраченный вместе с самой абсидой после перестройки алтарной части. Вероятно, подобные наличники украшали и окна четвериков нижегородских церквей.

церкви во Владимире (1649). В этих двух памятниках нанизывание объемов на одну ось и, главное, сочетание шатровой колокольни и храма на одной оси выглядит продуманным решением; отметим, что на настоящее время это два самых ранних памятника с композицией «кораблем».

Почти во всех последующих памятниках нижегородского посада XVII в. ощутима ориентация на образ церкви Жен Мироносиц на Почайне. Церковь Илии Пророка на Ильинской горе (1655–1656) представляет собой более камерный вариант Мироносицкой церкви: она меньше по размеру, без подклета, первоначально имела одну абсиду, но унаследовала монументальный образ первого храма посада, его профилированные закомары-кокошники подчеркнуты правильной формы, характерный антаблемент в упрощенном виде с одним лишь регистром — поребриком¹.

Самой близкой к Мироносицкому храму является церковь Рождества Иоанна Предтечи на Торгу (1683). Она точно повторяет силуэт церкви Жен Мироносиц, ее композицию (хотя подклет отсутствует), имеет аналогичную расстановку глав и их соотношение, здесь также присутствуют характерные закомары-кокошники. В то же время в этом памятнике при сохранении свойственной нижегородским церквям монументальности чувствуется новая тенденция — стремление к большей декоративности: вместо пояса узких прямоугольных нишек антаблемент содержит широкий изразцовый фриз, как будто подхваченный из столичной архитектуры этого времени, из церкви Григория Неокесарийского на Полянке (1679)². Это стремление к декоративности было еще больше развито в утраченной в XX в. церкви Благовещения на Благовещенской площади (1696–1697), в которой, тем не менее, еще узнается образ Мироносицкой церкви, обогащенный некоторыми мотивами нового нарышкинского стиля.

Также к архитектуре Мироносицкой церкви, вероятно, тяготела недатированная церковь Космы и Дамиана (видимо, конец 1680-х — 1690-е). Это утраченный памятник, от первоначального облика которого известна только колокольня, напоминающая по силуэту, композиции и набору форм колокольню церкви Жен Мироносиц.

Приведенный анализ архитектурных особенностей церкви Жен Мироносиц и ее сравнение с другими памятниками позволяют сделать вывод о зарождении с этим храмом местной архитектурной школы. Она зародилась под влиянием Михайло-Архангельского собора и ансамбля Вознесенского Печерского монастыря. Эти памятники создали мощный импульс в культурной жизни Нижнего Новгорода, и этот импульс постепенно передался из кремля и монастырей на территорию посада, где нашел воплощение в построенной в 1649 г. церкви Жен Мироносиц, положившей начало архитектурной школе посада.

Интерес зодчих посада к архитектуре Михайло-Архангельского собора и ансамбля Вознесенского Печерского монастыря можно объяснить тем, что эти памятники воспринимались как местная «древность» или «достопримечательность», даже несмотря на то, что они были построены всего на пару десятилетий раньше Мироносицкой церкви. Эти памятники могли почитаться в силу своей истории: так, первый Михайло-Архангельский собор был построен в камне еще в первой трети XIII в. практически одновременно с основанием города, а Вознесенский Печерский монастырь ведет свою историю с XIV в., и в нем приняли монашеский постриг Евфимий Суздальский и Макарий Желтоводский.

Интерес к собственным древностям, почитание местных нижегородских святых, сознание своей роли в организации ополчения 1612 г. — все эти культурно-исторические процессы, безусловно, повлияли на поиск собственного, нижегородского художественного языка, который так удачно воплотился в архитектуре церкви Жен Мироносиц на Почайне, ставшей образцом для строительства церквей на территории посада во второй половине XVII в. К посадской архитектурной школе Нижнего Новгорода с уверенностью можно

1 Облик храма сильно искажен в конце XIX в. Первоначальные формы видны на фото 1870-х гг.

2 Декор церкви Рождества Иоанна Предтечи на Торгу также был сильно искажен формами эклектики, как и церкви Илии Пророка.

отнести церковь Жен Мироносиц на Почайне (1649), Илии Пророка на Ильинской горе (1655–1656), Рождества Иоанна Предтечи на Торгу (1683), Косьмы и Дамиана (кон. 1680-х — 1690-е) и Благовещения на Благовещенской площади (1696–1697).

Список литературы

- Агафонов С. Л. Нижегородский кремль: архитектура, история, реставрация. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1976. 136 с.
- Агафонов С. Л. Горький, Балахна, Макарьев. М.: Искусство, 1987. 328 с.
- Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 2. М.: изд-во АН СССР, 1962. 559 с.
- Гациский А. С. Нижегородский летописец. Н. Новгород: Тип. губ. правл., 1886. 159 с.
- Добровольская Э. Д. У истоков каменного посадского зодчества Ярославля (Церковь Рождества Христова на Волге) // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974. С. 130–136.
- Макарий (архимандрит). Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб.: Археолог. о-во, 1857. 514 с.
- Нижний Новгород: иллюстрированный каталог памятников истории и культуры федерального значения. Кн. 2 / под ред. А. Л. Гельфонд. Н. Новгород: Кварц, 2018. 640 с.
- Филатов Н. Ф. Каменное зодчество в социально-экономической жизни Нижнего Новгорода 20–80-х годов XVII века: дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1979. 205 с.: ил. + 109 с.: ил. (прил.).
- Филатов Н. Ф. Купола, глядящие в небеса. Н. Новгород: изд-во Нижегород. ин-та экономич. развития, 1996. 248 с.
- Храмцовский Н. И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород: Губ. тип., 1859. 272 с.
- Шайдакова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Н. Новгород: изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2006. 281 с.

References

- Agafonov S. L. Nizhegorodskiy kreml': arkhitektura, istoriya, restavratsiya. Gor'kiy: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. 136 p.

- Agafonov S. L. Gor'kiy, Balakhna, Makar'ev. Moscow: Iskusstvo, 1987. 328 p.
- Dobrovol'skaya E. D. U istokov kamennogo posadskogo zodchestva Yaroslavlya (Tserkov' Rozhdestva Khristova na Volge) // Kul'tura srednevekovoy Rusi. Leningrad: Nauka, 1974. P. 130–136.
- Filatov N. F. Kamennoe zodchestvo v sotsial'no-ekonomicheskoy zhizni Nizhnego Novgoroda 20–80-kh godov XVII veka: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Gor'kiy, 1979. 205 p.: il. + 109 p.: il. (annex.).
- Filatov N. F. Kupola, glyadyashchie v nebesa. Nizhniy Novgorod: izdatel'stvo Nizhegorodskogo instituta ekonomicheskogo razvitiya, 1996. 248 p.
- Gatsitskiy A. S. Nizhegorodskiy letopisets. Nizhniy Novgorod: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1886. 159 p.
- Khramtsovskiy N. I. Kratkiy ocherk istorii i opisanie Nizhnego Novgoroda. Nizhniy Novgorod: Gubernskaya tipografiya, 1859. 272 p.
- Makariy (arkhimandrit). Pamyatniki tserkovnykh drevnostey. Nizhegorodskaya guberniya. St. Petersburg: Arkheologicheskoe obshchestvo, 1857. 514 p.
- Nizhniy Novgorod: illyustrirovannyy katalog pamyatnikov istorii i kul'tury federal'nogo znacheniya. 2 / ed. A. L. Gel'fond. Nizhniy Novgorod: Kvarts, 2018. 640 p.
- Shaydakova M. Ya. Nizhegorodskie letopisnye pamyatniki XVII v. Nizhniy Novgorod: izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. 281 p.
- Voronin N. N. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi. 2. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. 559 p.

Illustrations

- Fig. 1. The Church of the Myrrh-Bearing Women on the Pochayna (1649), general view. Photograph by the author
- Fig. 2. The Church of the Myrrh-Bearing Women on the Pochayna, view from the south-western corner. Photograph by the author.
- Fig. 3. The Church of the Myrrh-Bearing Women on the Pochayna. Floor plans of the lower and upper storeys. S. M. Shumilkin. GKU GASDNO (State Archive of the Nizhny Novgorod Region). F. 43. Op. 3. D. 37. L. 8–9.
- Fig. 4. The Church of the Myrrh-Bearing Women on the Pochayna: plan of the upper storey (after: Nizhniy Novgorod..., 2018. P. 114)

- Fig. 5. Comparison of the drum arcatures of the Church of the Myrrh-Bearing Women and the Ascension Cathedral of the Pechersky Monastery. Comparison by the author
- Fig. 6. The Church of the Myrrh-Bearing Women. Principal volume, south façade. Photograph by the author
- Fig. 7. Elevation drawings of the southern and northern façades of the Church of the Myrrh-Bearing Women. V. Vasiliev, 1967. GKU GASDNO. F. R-5. Op. 4-6. D. 2. L. 1.
- Fig. 8. Comparison of the entablature and zakomara-kokoshnik motif of the Church of the Myrrh-Bearing Women and the Cathedral of the Archangel Michael. Comparison by the author
- Fig. 9. The Church of the Myrrh-Bearing Women, a lithograph by André Durand from 1839.
- Fig. 10. The Church of the Myrrh-Bearing Women. Interior of the main church (above) and the upper storey of the refectory (below). Photograph by the author

I. S. Rumyantsev. The Church of the Myrrh-Bearing Women on the Pochayna: the origins of the 17th-century Nizhny Novgorod posad school of architecture

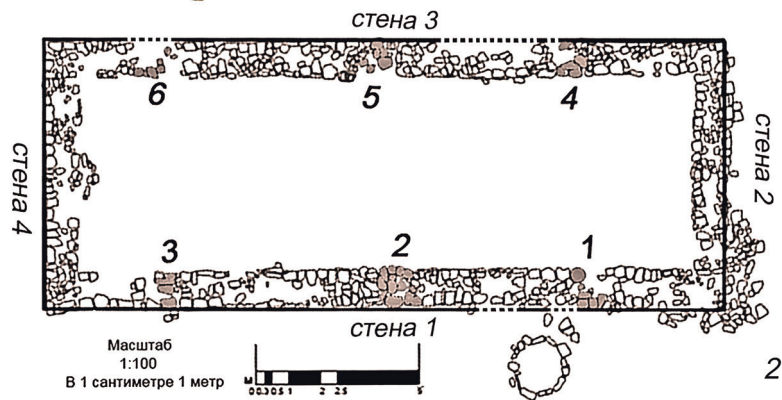
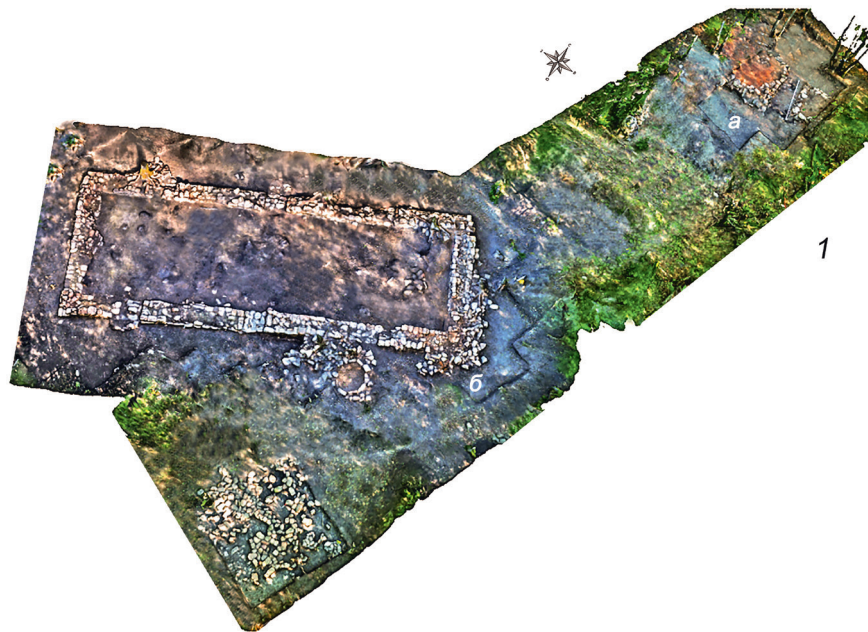
Abstract. In the 17th century, Nizhny Novgorod emerged as a significant centre of masonry architecture. Initially, construction activity was concentrated in

the Kremlin and the town's monasteries. However, by the mid-century, architectural patronage had shifted to the posad (merchant quarter), passing into the hands of an increasingly prosperous merchant class. The Church of the Myrrh-Bearing Women on the Pochayna, built in 1649, was the first stone ecclesiastical building constructed within the posad of Nizhny Novgorod. It belongs to a type of pillarless church covered by a closed vault, a style originating in Moscow. Nevertheless, this monument's character differs from typical posad architecture, exhibiting the influence of monastic building traditions and a certain monumentalisation of form. The Church of the Myrrh-Bearing Women's decorative features reveal influences from the Cathedral of the Archangel Michael in the Kremlin and the Cathedral of the Ascension of the Pechersky Monastery.

Keywords: Nizhny Novgorod, Church of the Myrrh-Bearing Women on the Pochayna, 17th-century architecture, uzorochye, posad architecture.

Rumyantsev Ivan Sergeevich, postgraduate student, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Moscow State University, 27 bldg. 4 Lomonosovsky Ave., 119234 Moscow, Russian Federation, isrum2000@yandex.ru.

ПРОЕКТ

Комплексное исследование монументальных сооружений Верхнегостагаевского городища

А. А. МАЛЫШЕВ, А. С. КЛЕМЕШОВ,
А. М. КОРЖЕНКОВ, А. Н. ОВСЮЧЕНКО,
А. С. ЛАРЬКОВ, Д. Е. ЕДЕМСКИЙ

ОСВОЕНИЕ территории от Анапской до Цемесской долины и от Черноморского побережья до горных массивов на севере, получившей название полуострова Абрау, исторически связано с особенностями ее рельефа, в том числе системы речных долин, выходящих к Черному морю, и Маркотхского хребта, закрывающего этот микрорегион с севера. По этой причине дороги и перевалы, связывающие Черноморское побережье с Прикубаньем, использовались на протяжении многих столетий, вплоть до XIX в., эпохи русского освоения Кавказа (Малышев и др., 2024).

В раннем железном веке правобережье Кубани было оконтурено цепочкой укрепленных поселений (городищ) (Каменецкий, 1989. Карта 21. С. 235), а не менее удобные крутые склоны рек Анапско-Натухаевской долины (Анапка, Маскага и Котлама) оказались практически не востребованными. Данное обстоятельство подчеркивает значимость укрепленного поселения, основанного в средней части долины, на правом берегу р. Маскаги. Достоинства известного в XIX в. как Ногай-Кале (Ногайская крепость) городища были убедительно очерчены одним из первых исследователей этих мест В. И. Сизовым. По его словам, крепость удачно расположена относительно речной и сухопутной коммуникаций в масштабах не только Анапской долины, но и всего полуострова Абрау, и буквально «царит» над местностью (Сизов, 1889. С. 112). Многолетние комплексные исследования позволили систематизировать как

[HTTPS://DOI.ORG/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.81-91](https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.81-91)

Аннотация. Северные ворота из низовий р. Кубань в долины полуострова Абрау возникают в эпоху Великого переселения народов. Систематические раскопки Новороссийской археологической экспедиции ИА РАН позволили проследить эволюцию системы монументальных фортификационных сооружений в I тысячелетии н. э. Комплексные исследования в окрестностях Верхнегостагаевского городища выявили тектонический разлом, а на его сооружениях прослежены последствия импульсных, сеймотектонических смещений.

Ключевые слова: Великое переселение народов, перевал, полуостров Абрау, фортификация, сейсмогенные воздействия.

Малышев Алексей Александрович — кандидат исторических наук, заведующий отделом скифосарматской археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, maa64@mail.ru.

Клемешов Алексей Станиславович — кандидат исторических наук, доцент, Государственный университет просвещения, ул. Радио, 10А, стр. 2, Москва, Российская Федерация, 105005, klemeshovas@mail.ru.

Корженков Андрей Михайлович — доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник, Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта РАН, ул. Большая Грузинская, 10, стр. 1, Москва, Российская Федерация, 123242, korzhenkov@ifz.ru.

Овсяченко Александр Николаевич — кандидат геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник, Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта РАН, ул. Большая Грузинская, 10, стр. 1, Москва, Российская Федерация, 123242, ovs@ifz.ru.

Ларьков Александр Сергеевич — кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник, Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта РАН, ул. Большая Грузинская, 10, стр. 1, Москва, Российская Федерация, 123242, las119@yandex.ru.

Едемский Дмитрий Евгеньевич — кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн им. Н. В. Пушкова РАН, Калужское шоссе, 4, г. Троицк, Москва, Российская Федерация, 108840, edemsky@list.ru.

данные эволюции застройки этого центра в эллинистическую и раннеримскую эпоху (Малышев, Батченко, 2020), так и последствия воздействий на монументальные сооружения природной среды, прежде всего — выявленного на городище тектонического разлома (Овсюченко и др., 2023).

Не менее значимо местоположение на заключительном участке перевального маршрута, на северном склоне водораздельного хребта между долинами рек Котлама и Гостагайка, выявленного Новороссийской археологической экспедицией ИА РАН в 2013 г. Верхнегостагаевского городища. Его можно назвать Северными воротами, позволяющими двигаться к Анапским плавням (в Горгиппию) либо через перевалы в Цемесскую бухту или в долины рек Озерейка, Абрау и Дюрсо (Малышев и др., 2024). Самые мощные крепостные сооружения крепости были обращены на долину реки Гостагайка. Внешний контур обороны крепости удачно вписан в микрорельеф местности, естественные изломы склонов возвышенности учтены и использованы при сооружении стен, сохранившихся на высоту от 0,6 до 2,6 м. В отличие от прорезанного глубоким оврагом юго-западного участка перевального маршрута, северный, «парадный» подход к крепости представлял собой своеобразный пандус (пологий скат), который вел к главным проездным воротам крепости (ил. 1: 43) (Клемешов, Малышев, 2020а).

На территории городища трасса сужается до ширины гребня хребта и ведет к естественному плато овальной формы размерами 26 × 47 м (площадь около 0,5 га), где располагаются сооружения цитадели (ил. 1: 4ж). Ключевыми объектами здесь являются проездные ворота цитадели, находящиеся в северной части стены и укрепленные контрфорсами из обложенного камнем сырца, а также монументальное прямоугольное сооружение, ориентированное по оси плато и имевшее размеры 8 × 21 м (ил. 1: 4е, к; ил. 2).

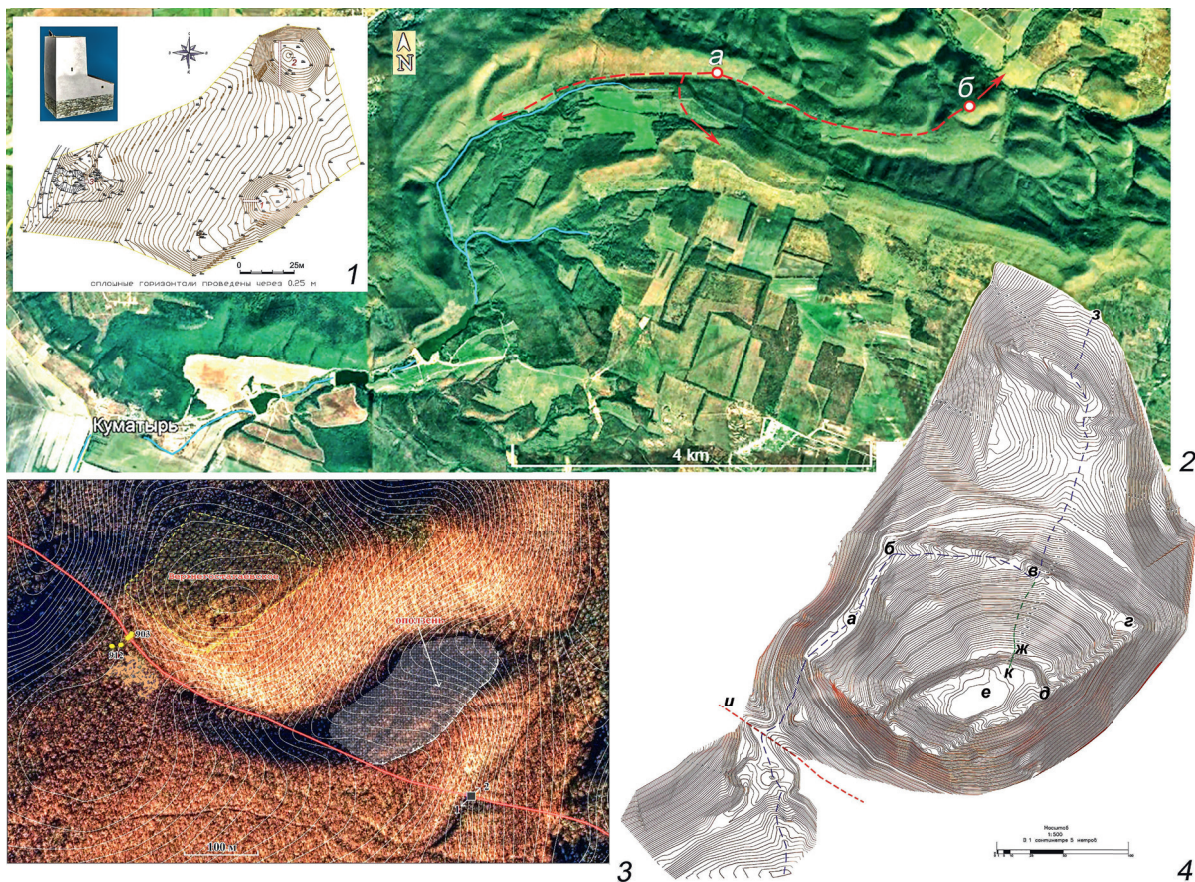
Исследования археологических памятников на перевальной тропе показали ее востребованность уже на рубеже эр. В частности, на территории Верхнегостагаевского городища обнаружен нумизматический материал этого периода, однако монументальный комплекс в виде двух башенных сооружений, которые контролировали доступ

в Анапско-Натухаевскую долину, располагался гораздо западнее, в урочище Даниленкова поляна (ил. 1: 1, 2а).

Строительная активность на Верхнегостагаевском городище разворачивается в эпоху Великого переселения народов. Датировка возведения внешнего оборонительного контура и монументального сооружения на цитадели фортификационных объектов возможна благодаря полученным при археологических раскопках керамическим материалам, характерным для периода конца IV — V вв., и нумизматическому материалу (бронзовый статер IV в. н. э.).

Уже тогда центр занимал практически всю площадь (2,7 га) мыса неправильной, близкой к четырехугольной формы, с юго-востока, запада и северо-запада ограниченного глубокими оврагами, связанными с бассейном реки Гостагайка. Северо-западный и северный склоны опоясаны десятиметровой ширины террасой, по которой проходит участок перевального маршрута протяженностью около 200 м (ил. 1: 4). Крепость имеет два пояса мощных фортификационных сооружений: общую каменную стену, расположенную по периметру всего городища (длиной около 675 м), и внутреннюю, отгораживающую цитадель от основной части крепости. Благодаря отвесным склонам плато цитадели, можно контролировать перемещение по террасе.

О продолжительности использования монументального комплекса Верхнегостагаевского городища свидетельствует неоднородный характер кладок, который выявлен при исследовании участка внешней стены, примыкающей непосредственно к проему ворот проездного сооружения. Она состоит из трех горизонтов: нижний, фундаментный ряд состоит из камней разной высоты, что нивелировало неровности древней дневной поверхности, затем четыре ряда сложены из стандартных блоков ракушечника правильной формы, размером 0,15–0,2 × 0,2 × 0,5 м, со следами обработки и признаками вторичного использования. Наконец, верхние ряды отличают одновременно снижение качества кладки и возрастание доли камня местных пород (песчаник). Для предотвращения сползания стены по склону, по-видимому, позже, к ней встык были по обе стороны проема

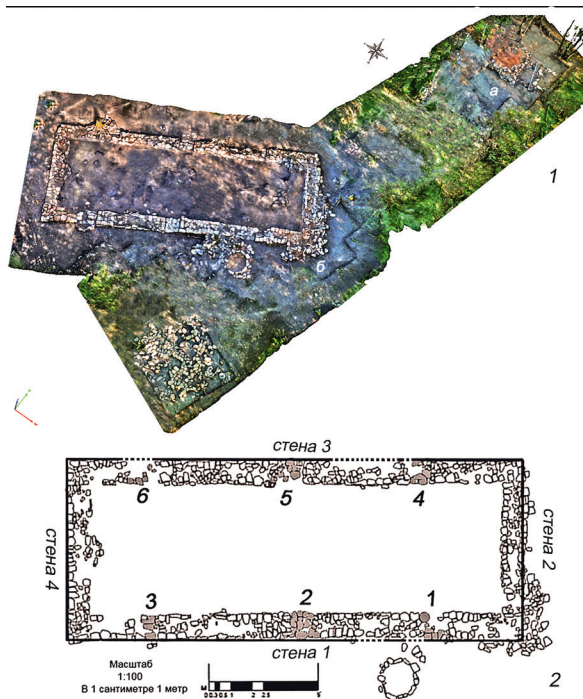
Ил. 1. Северные ворота на полуостров Абра: 1 — башенные фортификационные сооружения на перевальной тропе на рубеже эр (урочище Даниленкова поляна); 2 — перевальная тропа из Анапско-Натухаевской долины в низовья р. Кубань (а — башни на Даниленковой поляне; б — Верхнегостагаевское городище); 3 — схема активного разлома (сплошная красная линия) с изученными следами позднеголоценовых смещений в окрестностях Верхнегостагаевского городища (желтые точки — пикеты георадарного профиля; квадрат и белая линия — расчистка и структурно-геоморфологический профиль для изучения активного разлома); 4 — топоплан Верхнегостагаевского городища (а, б, г — участок внешней стены; в — проездное сооружение на городище; д — стык внешней и внутренней оборонительных стен; е — монументальное сооружение; ж — проездное сооружение на цитадель; з — трасса перевальной тропы; и — сейсмический разлом; к — трасса подъема на цитадель)

ворот пристроены симметричные контрфорсы, стены которых образовали внутреннее пространство размерами около 6,5 × 3 м (ил. 3: 3, 4).

Приведенные наблюдения по строительной активности на городище удалось расширить при исследовании раскопками участка примыкания стены цитадели к общей стене крепости. Кроме того, для установления потенциальных факторов, повлиявших на судьбу памятника, в 2024 г. было проведено археосейсмологическое обследование

объектов фортификации Верхнегостагаевского городища.

В частности, было установлено, что активный разлом обрамляет поднятую гряду, на которой расположено Верхнегостагаевское городище, с юго-запада (ил. 1: 3). Дизъюнктив трассируется в седловине, отделяющей вершину с городищем от водораздельной вершинной поверхности. Собранные материалы свидетельствуют о том, что разлом, трассируемый в непосредственной

Ил. 2. Цитадель Верхнегостагаевского городища:
1 — фотограмметрия сооружений на цитадели
(а — проездное сооружение; б — монументальное
здание); 2 — план монументального здания

близости от Верхнегостагаевского городища, демонстрирует признаки импульсных, сейсмотектонических смещений. Исследование смещения промоины — очень молодой (позднеголоценовой) формы рельефа — позволяет полагать, что последнее событие могло произойти и в историческое время. В случае, если промоина действительно была заложена вдоль дороги, ведущей к городищу, это событие было синхронно (или несколько позже) бытованию городища.

Известно, что в эпицентральных и близких к ним областях сильных землетрясений возникают многочисленные деформации построек, особенно отчетливо проявляемые в их стенах. Стены наклоняются вплоть до обрушения, их части могут выдвигаться и поворачиваться по часовой стрелке или против нее вокруг вертикальной оси. Это так называемые сейсмоинерционные деформации. Они возникают, когда движения грунта, исходящие от сейсмогенного разрыва, увлекают с собой нижние части построек, в то время как верхние части остаются

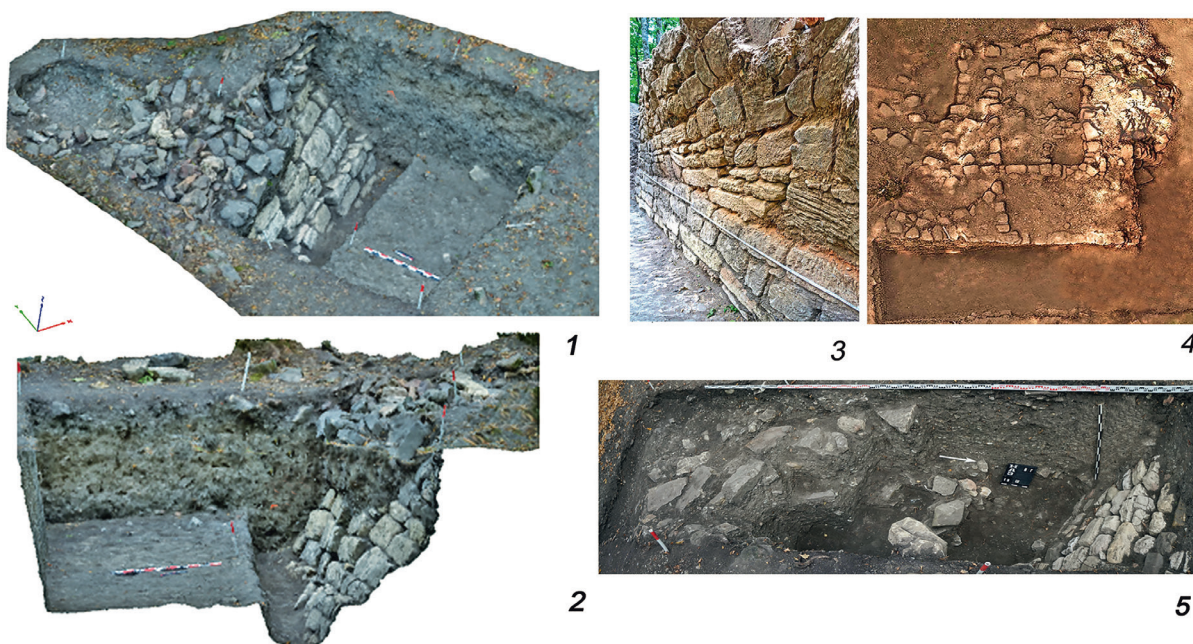
на месте вследствие инерции. Эту методологию выявления генезиса повреждений и разрушений мы привели в наших исследованиях.

В кладке внешней крепостной стены также удалось выделить три зоны (ил. 4: 1а, 2а). Основа фундаментного цоколя — высотой 0,6 м — крупные, уложенные тычком и ложком блоки из ракушечника, они были привезены, по-видимому, из низовий Гостагаевской долины. Расположенная выше кладка состоит из уложенных порядно, постелью, блоков среднего размера, высотой 0,5 м. Появление участка кладки тычком, по-видимому, связано с ремонтом стены. Фасы верхней части кладки, высотой 0,6 м, сложены крайне неряшливо, из необработанных камней местных пород, тычком: они представляют собой скорее облицовку (внутри которой сырцовая масса), а не несущую конструкцию.

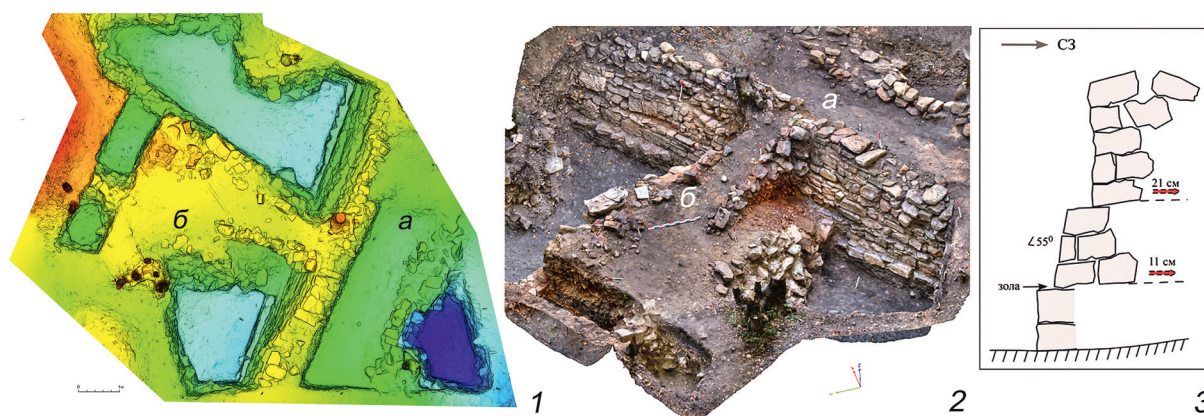
Различия качества кладок в горизонтах маркируют сейсмические деформации. Кроме того, во внутренних фасах отчетливо видны полочки, образовавшиеся из-за порядного выдвигания каменной кладки наружу (в направлении наклона стен). Ширина этих полочек достигает значительной величины (0,1–0,23 м) (ил. 4: 2, 3). Пакеты каменной кладки между полочек наклонены наружу под значительными углами: от 80° до 55°.

Подобная деформация — наклон стен помещений наружу, вниз по склону — выявлена в кладке крепостной стены в северо-западном углу городища (ил. 3: 1, 2). Стена со средним азимутом простирания 80°, сложенная из каменных блоков, наклонилась в северном направлении. Особенно силен наклон восточной видимой части стены. Угол его в уцелевшей части стены меняется от 42° в нижней части до 55° — в средней и 45° в верхней части. В то же время западная видимая часть стены имеет лишь небольшой наклон на север под углом в 80°. Резкое изменение в углах наклона стены объясняется двумя субвертикальными разрывами, которые видны по открытым пространствам (зияниям).

Раскопки показали, что внутренняя стена цитадели (ил. 4: 1б, 2б; ил. 5) была возведена и пристроена к внешней позже, встык. Обращает на себя внимание тот факт, что участки стен наклонены наружу, так что между ними образовалось зияние (ил. 4: 1). Поперечный разрез траншеей метровой

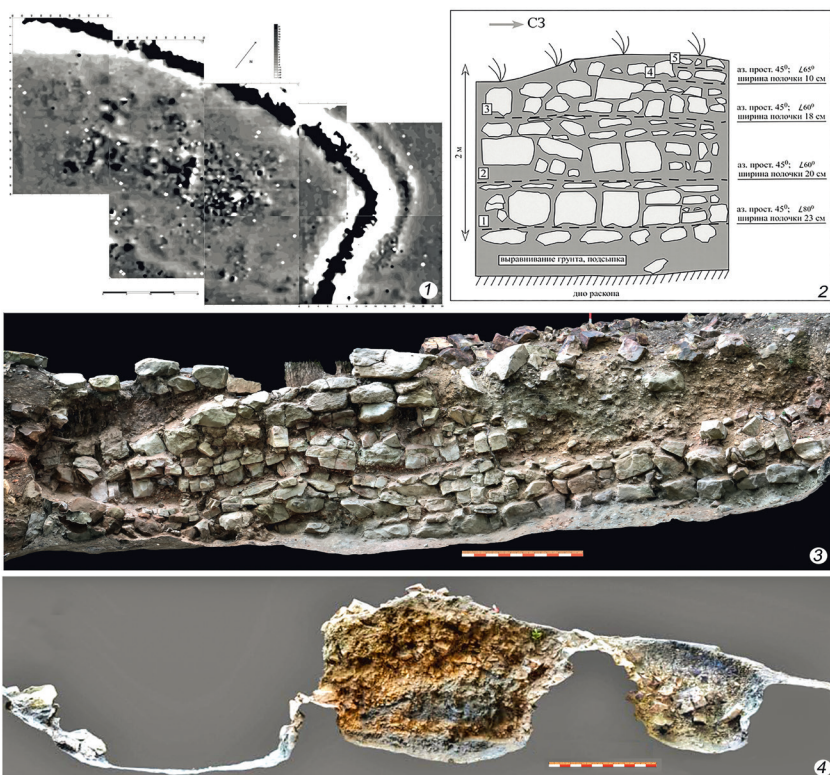
Ил. 3. Фортификация Верхнеостагаевского городища (стены внешнего контура): 1–2 — кладка внутреннего фаса стены в северо-западном углу городища; 3–4 — проездное сооружение внешнего контура (внутренний фас; вид сверху западного участка); 5 — кладка внутреннего фаса стены в северо-восточном углу городища

Ил. 4. Фортификация Верхнеостагаевского городища (стык внешнего контура и стены цитадели): 1 — карта высот; 2 — фотограмметрия (а — внешняя стена; б — внутренняя стена); 3 — схема сейсмической деформации внутреннего фаса внешней оборонительной стены

ширины показал, что тело стены состоит из глинистой, возможно, сырцово́й, обожженной в сильном пожаре массы, которая обложена камнем. Причем с внутренней стороны — это хаотичная кладка из местных пород камня, снаружи же, с «парадной» стороны, кладка намного аккуратнее: в частности, на примыкающем к внешней стене участке в кладке выявлены обработанные известняковые блоки

вторичного использования (ил. 5:4). Такие же конструктивные особенности были отмечены не только в верхней части внешней оборонительной стены, но и прежде при исследовании проездного сооружения городища, ведущего на цитадель, где в облицовке контрфорсов проездного сооружения были ранее обнаружены фрагменты раннехристианских надгробий (Клемешов, Малышев, 2020б).

Ил. 5. Фортификация Верхне-гостагаевского городища (цитадель): 1 — выявленные магниторазведкой контуры стены цитадели; 2 — схема сейсмической деформации внешнего фасада стены цитадели; 3 — внешний фасад стены цитадели; 4 — разрез стены цитадели

В отличие от внешней оборонительной стены, возведенной на почвенном горизонте мощностью 0,2–0,4 м, основанием для внутренней стены стал горизонт материковой скалы.

Фасы обеих стен едва выдерживаются: соседние строительные блоки выдвигаются и поворачиваются друг относительно друга. Виден общий небольшой поворот верхнего ряда сохранившейся каменной кладки северной части стены на восток (ил. 4: 1). Каменные блоки внешнего фасада стены в отдельных местах сильно растресканы. С зонами сильнейшей деформации связаны сквозные (через несколько блоков подряд) вертикальные трещины (ил. 4: 2, 3). Именно поэтому внешний фас юго-западной стены в значительной степени потерял свой каменный панцирь. Повсюду видны пятна золы: и на полу раскопа, и в качестве примазок к каменной кладке, и в слое мусора на верхних рядах сохранившейся каменной кладки.

Следы деформаций сейсмогенного характера выявлены в кладках монументального сооружения, расположенного на верхнем плато (цитадели) (ил. 2: 1б, 2). Цокольная часть стен монументаль-

ного здания была возведена на материковом светло-сером суглинке и сложена из камня местных пород и ракушечника, вероятно, привезенного из низовий р. Гостагайка, верхняя сложена из сырцовых блоков.

Юго-восточная (№ 1) продольная стена шириной около 1,1–1,2 м. Кладка трехслойная (внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с глинистым раствором). Прослежена на длину около 23 м.

Кладка рядная (сохранилось до четырех рядов, в средней части сохранилась на высоту до 0,5–0,6 м), в основном постелистая, иногда блоки уложены тычком. Сложена из каменных блоков ракушечника и плиток песчаника или известняка небольшого размера. Восточный и западный участки разобраны. Восточный угол сооружения и прилегающий внешний фас здания в значительной мере разрушены склоновой деформацией. Южный угол пострадал в меньшей степени.

Фундаментный ряд, немного выступающий наружу, сложен из камней разной, вплоть до округлой в плане, формы.

В кладке стены зафиксировано три проема, нумерация которых велась с северо-востока на юго-запад. В связи с утратой торцевых кладок реальную ширину проема 1 установить не представляется возможным. Основание порога было выложено в основном из округлых в плане архитектурных деталей, прямоугольные блоки образуют проем шириной 1,6 м.

Торцовые кладки проема 2 (ширина — 1,14 м, сохранился на высоту двух-трех рядов) сложены из довольно массивных блоков хорошо отесанного ракушечника. В основании порога также архитектурные детали вторичного использования, сверху они замощены плиткой из песчаника.

Расстояние между вторым и третьим проемами — около 5,3 м. Лучше, на высоту двух рядов, сохранилась кладка северо-восточного торца проема 3, ширина — 1,11 м; контур юго-западного прослежен благодаря вымостке порога известняковыми плитками.

Северо-западная (№ 3) продольная стена, шириной около 1,1–1,2 м, прослежена на длину 22,5 м. Кладка трехслойная (внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с глинистым раствором). Почти на всем протяжении сохранилась на высоту 0,4–0,5 м. В кладке использованы хорошо отесанные блоки ракушечника (шириной до 0,5 м, высотой около 0,15 м), уложенные постелью и тычком, и ложком.

Северо-восточный торец проема 4 сохранился на высоту двух рядов, он сложен из массивных блоков ракушечника, юго-западный практически полностью разобран, его контур угадывается по плиткам мощения порога. В основание порога также уложены округлые в плане архитектурные детали. Ширина проема — около 1,15 м.

Проем 5 выявлен на расстоянии 4,9 м от проема 4. Благодаря хорошо сохранившимся торцам четко устанавливается ширина проема — 1,2 м. Плоскость порога и пандус с внешней стороны вымощены плиткой из известняка.

Северо-восточный торец проема 6, сохранившийся на высоту трех рядов кладки, выявлен на расстоянии 6,2 м от проема 2. Юго-западный торец не сохранился.

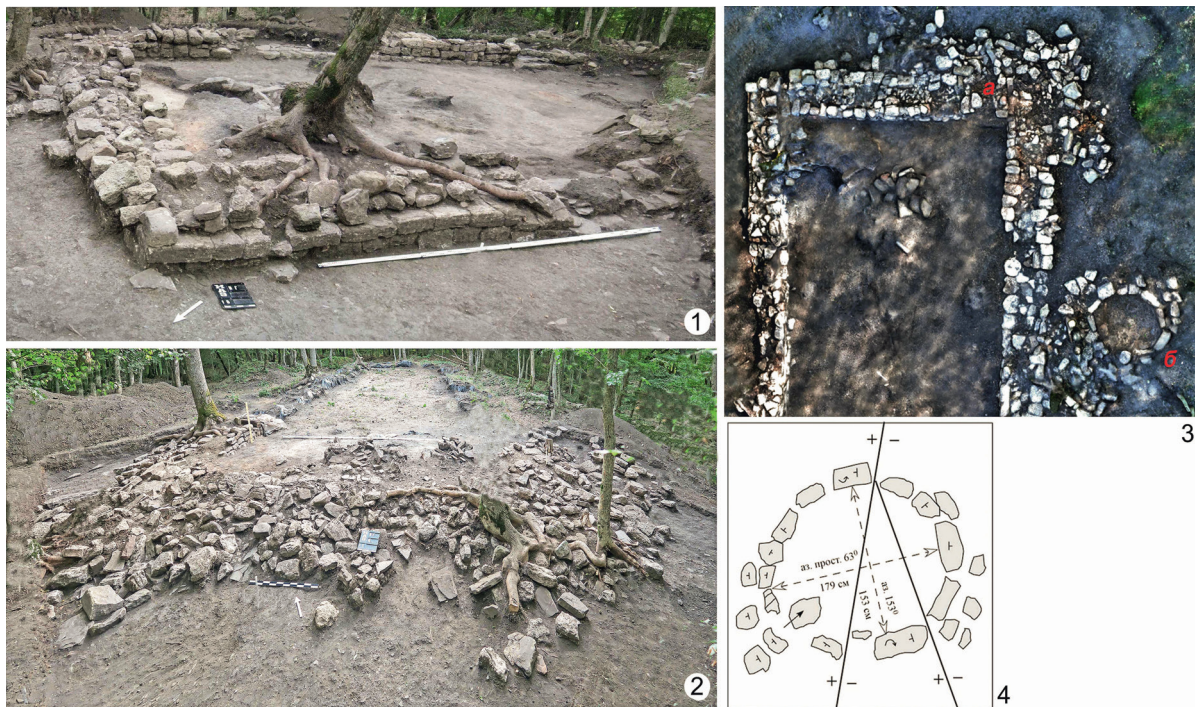
Северо-восточная (№ 2) поперечная стена прослежена на длину около 9 м. Кладка трехслойная

(внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с глинистым раствором). Ширина стены варьирует в пределах 1,1–1,3 м, что объясняется сползанием по склону верхних блоков внешнего фаса кладки, примыкающей к северному углу здания. Воздействие склоновой деформации в основном в юго-восточном направлении испытал и восточный угол здания. В связи с этим внешний фас стены не удалось полноценно зафиксировать. Кладка сложена из тщательно подобранных блоков, однако из-за недостаточно прочного соединения с продольными стенами произошла деформация внешнего фаса в северном направлении.

Юго-западная (№ 4) поперечная стена прослежена на длину 9 м, на всем протяжении она сохранила ширину около 1–1,15 м. Внешний фас сохранился местами на высоту фундаментного ряда, местами — 0,8 м. Часть фундаментного ряда явно просела в грунт. Выдержать рядность кладки не позволил строительный материал: необработанные известняковые или песчаниковые плиты и небольшие блоки ракушечника.

К юго-западу от стены 4 расчищен мощный каменный завал, образованный в результате естественного разрушения кладки (ил. 6: 2). Обрушившиеся камни расположились на грунте в виде трех конусов рассеяния. Это подразумевает обрушение стены частями: пакеты каменной кладки обрушались один за другим во время сильного землетрясения (в течение нескольких десятков секунд), а не стена целиком.

Повсеместно, вне и внутри сооружения, фиксируются обломки кровельной черепицы. Большая часть обломков принадлежала плоским соленам с бортиками вдоль двух продольных сторон. Общие габариты керамид (различная ширина) и, главным образом, особенности оформления боковых бортиков, что связано с иной по сравнению с эллинизмом технологией укладки, позволяют датировать их римским временем (Зеест, 1966. С. 59–60). Различие характера кладки и использованного материала позволяет предположить, что особое внимание было уделено обращенным на север северо-восточной и северо-западной стенам здания. Именно эта часть здания обращена к проездым воротам цитадели и должна быть особенно парадной.

Ил. 6. Монументальное здание на цитадели Верхнегостагеевского городища: 1 — северный угол; 2 — вид с юга; 3 — северо-восточная часть здания (а — восточный угол; б — кольцевая обкладка); 4 — схема сейсмической деформации кольцевой обкладки

Кладка всех стен трехслойная (внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с глинистым раствором). Современная их ширина больше изначальной, поскольку доступ влаги внутрь кладки и склоновая деформация способствовали увеличению ширины кладки — на фундаментном уровне ширина стен составляет один метр. Каменные завалы возле стен позволяют реконструировать ее высоту до полутора метров. Данные о том, что здание имело несколько уровней, отсутствуют. Строительный камень из кладок монументального сооружения использовался в эпоху развитого средневековья.

Таким образом, четкие, прямоугольные контуры сооружения, кладочная техника, кровельные материалы, — все свидетельствует о профессионализме строителей и проявлении античных архитектурных традиций.

При этом доступ в здание осуществлялся через выявленные в продольных стенах 1 и 3 расположенные попарно (1 и 4, 2 и 5, 3 и 6) дверные проемы шириной около 1,2 м. Это свидетельствует

о своеобразной, неантичной планировке здания. С внешней стороны ко входам 1 и 5 ведут вымостки из плитняка, которые, как и завалы кровельной черепицы, фактически маркируют древнюю дневную поверхность, свидетельствуя о незначительном, около 0,2 м (на один фундаментный ряд), заглублении кладки стен здания. Остатки аналогичных вымосток прослеживаются и с внешней стороны других входов.

Значительные повреждения наблюдаются в фундаментной части каменной кладки в западном углу здания (ил. 6: 1). Сразу бросаются в глаза наклон, выдвигание и выбрасывание каменных блоков наружу. Азимут простираения северо-западной стены помещения — в среднем 53° . Наклон строительных блоков под углом 70° имел место в юго-юго-западном направлении. Северо-восточная стена имеет средний азимут простираения 154° . Каменные блоки наклонились и были выброшены в северо-западном направлении. Северо-восточная стена претерпела также небольшой разрыв: ее восточная часть выдвигалась

нулась на север на расстояние в 0,2 м. Разрыв представляет собой латеральный левый сдвиг.

Восточный угол здания также подвергся деформациям (ил. 6: 3а). Его северо-западная стена сохранилась лучше: на высоту трех каменных рядов. Сохранившийся верхний ряд кладки смещен на восток на расстояние до 0,3 м и повернут против часовой стрелки на 4°: средний ряд имеет азимут простирания 50°, а верхний — 46°. При этом каменные блоки верхнего ряда северо-западной стены наклонились вовнутрь — на северо-восток под углом от 70° до 80°. Северо-восточная стена постройки также состоит из сохранившихся трех рядов каменной кладки, ее северо-восточный фас со средним азимутом простирания 140° сильно разрушен. В нем образовались расселины (раскрытия), куда провалились камни из второго ряда. В основном же камни второго ряда сместились к северо-востоку и наклонились туда же — наружу строения под углом от 42° до 78°. Некоторые камни были вырваны из ряда и отлетели в северо-восточном направлении. Редкие сохранившиеся камни третьего, верхнего ряда выдвинулись на юго-запад и наклонились в том же направлении под углом 70°.

Горизонтальное сплющивание испытала кольцевая кладка поблизости от восточного угла (ил. 6: 3б, 4). Сплющивание произошло по азимуту 153°, ширина устья здесь 153 см. Образовавшаяся длинная ось окружности по азимуту 63°, ширина устья по этой линии 179 см. Следует также отметить, что все камни устья расшевелены: наклонены в разные стороны, сдвинуты, перевернуты.

Таким образом, стены построек в Гостагаевском городище претерпели ряд значительных деформаций. Прежде всего, бросаются в глаза значительные наклоны стен наружу (до 42°), часто с порядным выдвиганием пакетов из рядов каменных блоков в том же направлении на расстояние в первые десятки сантиметров. Верхние ряды каменной кладки зачастую порядно наклоняются. Иногда удается наблюдать вращение верхних рядов каменной кладки против часовой стрелки вокруг вертикальной оси на величину до 5°. В углах помещений часто наблюдаются раскрытия, куда иногда сваливаются блоки из верхних рядов каменной кладки.

Пристальное внимание вызывают частые разрывы и смещения каменной кладки (преимущественно левые сдвиги) на расстояние в первые десятки сантиметров. Эти смещения невозможно объяснить просадками грунта или склоновыми процессами. Скорее всего, они являются небольшими оперяющими разрывами, исходящими от основной разломной плоскости, проходящей всего в нескольких сотнях метров от городища.

Несмотря на сохранение антропогенной активности на городище, его существование как системы укреплений завершилось мощным пожаром, охватившим весь периметр крепости. Кладки и сырцовые конструкции на разных участках контура обороны имеют следы термического воздействия, ворота внешних и верхних проездных сооружений сгорели, а сами сооружения рухнули. Каких-либо попыток восстановить укрепления не прослеживается, в отличие от предыдущего строительного периода, когда наспех, из подручного материала и без необходимой квалификации, достраивались верхние ряды стен. По всей видимости, этот строительный период, который можно отнести ко второй половине I тыс. н. э., связан с возведением внутренней стены цитадели и частичным разрушением прежних укреплений (землетрясение либо внешняя угроза)¹.

Выявить систематику в повреждениях и разрушениях стен сооружений Верхнегостагаевского городища не удалось, что, по-видимому, связано с нахождением древнего поселения в эпицентральной области исторического сейсмического события, где преобладает вертикальная компонента сейсмических подвижек. Судя по очень сильным деформациям, описанным выше, местная интенсивность сейсмических колебаний во время исторического землетрясения на городище составляла $I/ = VIII\text{--}IX$ баллов по шкале MSK-64.

¹ Отметим, что, судя по многочисленным данным, жизнь на городище в эпоху средневековья не прекращается, а перевальная тропа на горном кряже Муземель имела стратегическое значение в середине XIX в. (*Малышев и др.*, 2024).

Список литературы

- Зеест И. Б. Боспор. Строительные керамические материалы // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы / [отв. ред. И. Б. Зеест]. М.: Наука, 1966. С. 51–61. (Археология СССР. САИ; вып. Г1-20).
- Каменецкий И. С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 224–251. (Археология СССР).
- Клемешов А. С., Малышев А. А. О фортификации Верхнего-стагаевского городища // АА. № 2. М.: ИА РАН, 2020а. С. 29–38.
- Клемешов А. С., Малышев А. А. Новые данные о христианизации Северо-Восточного Причерноморья // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020б. № 5. С. 231–246.
- Малышев А. А., Бабенко А. Н., Клемешов А. С., Сmealова Т. Н., Яворская Л. В. Археологические данные к исторической топографии северной части полуострова Абрау // Восточная Европа в I тысячелетии н. э. по данным археологии и нумизматики / отв. ред.: П. Г. Гайдуков, А. А. Малышев. М.: ИА РАН, 2024. С. 164–188.
- Малышев А. А., Батченко В. С. Фронт на юго-востоке Синдики: по материалам Раевского городища // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 2. С. 69–79.
- Овсяченко А. Н., Корженков А. М., Малышев А. А., Едемский Д. Е., Бутанаев Ю. В., Ларьков А. С., Андреева Н. В. Сейсмические деформации на античном городище Раевское и сейсмо-тектоника Северо-Западного Кавказа // Геофизические процессы и биосфера. 2023. Т. 22, № 2. С. 75–108.
- Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии. М.: тип. А. И. Мамонтова и Ко., 1889. 183 с. (Материалы по археологии Кавказа; вып. II).

References

- Kamenetskiy I. S. Meoty i drugie plemena Severo-Zapadnogo Kavkaza v VII v. do n. e. – III v. n. e. // Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya / ed. A. I. Melyukova. Moscow: Nauka, 1989. P. 224–251. (Arkheologiya SSSR).
- Klemeshov A. S., Malyshev A. A. Novye dannye o khristianizatsii Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya // Vestnik Moskovsk-

ogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2020b. 5. P. 231–246.

- Klemeshov A. S., Malyshev A. A. O fortifikatsii Verkhnegostagaevskogo gorodishcha // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2020a. P. 29–38.
- Malyshev A. A., Babenko A. N., Klemeshov A. S., Smealova T. N., Yavorskaya L. V. Arkheologicheskie dannye k istoricheskoy topografii severnoy chasti poluostrova Abrau // Vostochnaya Evropa v i tysyacheletii n. e. po dannym arkheologii i numizmatiki / eds.: P. G. Gaydukov, A. A. Malyshev. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2024. P. 164–188.
- Malyshev A. A., Batchenko V. S. Frontir na yugo-vostoke Sindiki: po materialam Raevskogo gorodishcha // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2020. 48, 2. P. 69–79.
- Ovsyuchenko A. N., Korzenkov A. M., Malyshev A. A., Edemskiy D. E., Butanaev Yu. V., Lar'kov A. S., Andreeva N. V. Seysmicheskie deformatsii na antichnom gorodishche Raevskoe i seysmotektonika Severo-Zapadnogo Kavkaza // Geofizicheskie protsessy i biosfera. 2023. 22, 2. P. 75–108.
- Sizov V. I. Vostochnoe poberezh'e Chernogo morya: Arkheologicheskie ekskursii. Moscow: tipografiya A. I. Mamontova i Ko., 1889. 183 p. (Materialy po arkheologii Kavkaza; II).
- Zeest I. B. Bospor. Stroitel'nye keramicheskie materialy // Keramicheskoe proizvodstvo i antichnye keramicheskie stroitel'nye materialy / [ed. I. B. Zeest]. Moscow: Nauka, 1966. P. 51–61. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov; G1-20).

Illustrations

Fig. 1. The Northern Gateway to the Abrau Peninsula: 1 — tower fortifications on the pass trail dating to the turn of the eras (Danilenkova Polyana site); 2 — pass trail extending from the Anapa-Natukhaevskaya valley to the lower reaches of the Kuban River (a — towers at the Danilenkova Polyana site; б — Verkhnegostagaevskoe settlement); 3 — diagram of the active fault (solid red line), indicating identified late Holocene displacement traces in the vicinity of the Verkhnegostagaevskoe settlement (yellow dots: picket points of the ground-penetrating radar profile; square and white line: clearing and structural-geomorphological profile, used to study the active fault); 4 — topographical plan of the Verkhnegostagaevskoe settlement (a — section of the outer wall; б — section of

the outer wall; θ — entrance structure, leading into the settlement; z — section of the outer wall; δ — junction of the outer and inner defensive walls; e — monumental structure; κ — entrance structure, leading into the citadel; 3 — route of the pass trail; u — seismic fault; κ — route of the ascent to the citadel)

Fig. 2. The citadel of the Verkhnegostagaevskoe settlement: 1 — photogrammetric documentation of structures within the citadel (a — entrance structure; δ — monumental building); 2 — plan of a monumental building

Fig. 3. Fortifications of the Verkhnegostagaevskoe settlement (outer perimeter walls): 1–2 — masonry of the inner face of the wall at the north-western corner of the settlement; 3–4 — entrance structure of the outer perimeter (inner face; view from above of the western section); 5 — masonry of the inner face of the wall at the north-eastern corner of the settlement

Fig. 4. Fortifications of the Verkhnegostagaevskoe settlement (junction of the outer perimeter and the citadel wall): 1 — elevation map; 2 — photogrammetry (a — outer wall; δ — inner wall); 3 — diagram illustrating seismic deformation of the inner face of the outer defensive wall

Fig. 5. Fortifications of the Verkhnegostagaevskoe settlement (citadel): 1 — contours of the citadel wall identified through magnetic survey; 2 — diagram of seismic deformation of the outer face of the citadel wall; 3 — outer face of the citadel wall; 4 — section through the citadel wall

Fig. 6. Monumental building located within the citadel of the Verkhnegostagaevskoe settlement: 1 — northern corner; 2 — view from the south; 3 — north-eastern portion of the building (a — eastern corner; δ — ring-facing masonry); 4 — diagram displaying seismic deformation of the ring-facing masonry

A. A. Malyshev, A. S. Klemeshov, A. M. Korzhenkov, A. N. Ovsyuchenko, A. S. Larkov, D. E. Edemskiy.
A comprehensive study of the monumental structures of the Verkhnegostagaevskoe settlement

Abstract. The northern gateway from the lower reaches of the Kuban River to the valleys of the Abrau Peninsula emerged during the Great Migration period. Systematic excavations

conducted by the Novorossiysk Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology at the Russian Academy of Sciences have enabled the development of the monumental fortification system to be traced throughout the first millennium CE. Comprehensive investigations in the vicinity of the Verkhnegostagaevskoe settlement identified a tectonic fault, and the effects of pulsed seismotectonic displacements on its structures have been documented.

Keywords: Great Migration Period, pass, Abrau Peninsula, fortification, seismogenic impacts.

Malyshev Aleksey Aleksandrovich, candidate of history, head of the Department of Scythian-Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, maa64@mail.ru.

Klemeshov Aleksey Stanislavovich, candidate of history, associate professor, State University of Education, 10A Radio St., bld. 2, 105005 Moscow, Russian Federation, klemeshovas@mail.ru.

Korzhenkov Andrey Mikhailovich, doctor of geological and mineralogical sciences, chief research fellow, Schmidt Institute of Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences, 10 Bolshaya Gruzinskaya St., bldg. 1, 123242 Moscow, Russian Federation, korzhenkov@ifz.ru.

Ovsyuchenko Aleksandr Nikolaevich, candidate of geological and mineralogical sciences, chief research fellow, Schmidt Institute of Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences, 10 Bolshaya Gruzinskaya St., bldg. 1, 123242 Moscow, Russian Federation, ovs@ifz.ru.

Larkov Aleksandr Sergeevich, candidate of geological and mineralogical sciences, leading research fellow, Schmidt Institute of Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences, 10 Bolshaya Gruzinskaya St., bldg. 1, 123242 Moscow, Russian Federation, las119@yandex.ru.

Edemskiy Dmitriy Evgenievich, candidate of technical sciences, leading research fellow, Pushkov Institute of Terrestrial Magnetism, Ionosphere and Radio Wave Propagation, Russian Academy of Sciences, 4 Kaluzhskoe Hwy, 108840 Troitsk, Moscow, Russian Federation, edemsky@list.ru.

В. Н. МАТВЕЕВ

ОДНИМ из направлений исследований древних строительных материалов является изучение разнообразных клейм, знаков и меток, целенаправленно нанесенных на их поверхность. В отличие от технологических следов, являвшихся естественным результатом обработки материала, знаки и клейма оставлялись мастерами намеренно. Их вид, форма и способ нанесения были результатом осознанного выбора, который можно попытаться объяснить. На данный момент, благодаря широкому распространению, лучше всего изучена маркировка плинфы (Хозеров, 1929; Раппопорт, 1977; Беляев, 1973; 2006), исследователями представлены различные варианты объяснения этого явления. Маркировка плиток применялась гораздо реже, в единичных случаях, поэтому она пока еще не становилась предметом специального исследования, о ней есть только краткие упоминания в литературе. Н. Н. Воронин в первом томе своей монографии о зодчестве Северо-Восточной Руси перечисляет знаки на плитках нескольких памятников этого региона и относит их к категории владельческих (Воронин, 1961. С. 310). П. А. Раппопорт придерживается схожей точки зрения, но уточняет, что значение их пока не установлено (Раппопорт, 1994. С. 51). Для наиболее полной характеристики и определения значения маркировки плиток, использовавшихся для декора полов¹ храмов Руси, необходимо подробно

¹ В памятниках Гродненской школы зодчества и, вероятно, в церкви Апостолов в Белгороде плитки использовались для декора стен. Однако ввиду того, что на них никакой маркировки обнаружено не было, в статье пойдет речь только о половых плитках.

Аннотация. В отличие от маркировки на плинфах, знаки, клейма и метки на плитках еще не становились предметом отдельного исследования. Они использовались крайне редко в очень небольшом количестве памятников Северо-Восточной Руси, Киева, Переяслава, Турова и Новгорода. Доминирующим видом маркировки были выпуклые знаки, наносившиеся на нижнюю постель плиток. Они делятся на четыре вида: окружности, двузубцы, прямолинейные и криволинейные фигуры. Скорее всего, маркировка применялась для определения результатов работы ремесленника — изготовителя плиток.

Ключевые слова: керамические плитки, знаки, марки, метки, плинфа.

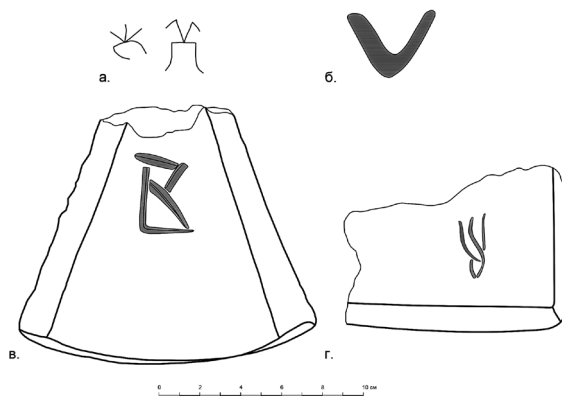
Матвеев Василий Николаевич — младший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190000, vmatveev88@inbox.ru.

рассмотреть все немногочисленные случаи ее использования, варианты нанесенных рельефных изображений, хронологические и географические рамки распространения этого явления.

Верхней хронологической границей исследования является время до конца XIII в., однако надо отметить, что знаки на плитках встречаются и в более поздний период. Так, например, они представляли собой восьмилучевую фигуру на плитках пола XV–XVI вв. из Спасского собора в Твери (*Сафарова и др.*, 2018. С. 92–94) и XVI в. из Архангельского собора в Старице (*Воронин*, 1962. С. 384).

Маркировка на плитках располагалась на всех их сторонах, в том числе, возможно, и на верхней постели. Эта часть подвергалась максимальному износу, так как именно по ней ходили ноги посетителей церкви. Несмотря на это, в Галицкой земле были найдены плитки с рельефным декором со следами потертости, то есть бывшие в употреблении (*Малевская, Раппопорт*, 1978). На некоторых из них среди растительного узора (стилизованные ветки, размещенные по диагонали квадратной плитки) располагались рельефные знаки, напоминающие тамги (ил. 1: а), причем для каждого из двух вариантов орнамента использовался свой знак. В первом случае он представлял собой три расходящиеся под 45° линии на полуovalе и был помещен в свободное пространство в углу. Во втором случае знак был втиснут внутрь изображения в нижний угол между стеблем и отростком и представлял собой ломаную линию на основании в виде буквы П с расширяющимися книзу концами. Аналога первому варианту найти не удалось, а вот второй может быть атрибутирован как один из видов «знаков Рюриковичей». Наиболее близкий ему аналог обнаружен на одной из дрогичинских пломб (№ 406 по своду К. В. Болсуновского), которая относится к 5-му типу 6-го разряда по классификации С. В. Белецкого (*Белецкий*, 1999. С. 306). Несмотря на такое сходство, все же надо отметить, что эти знаки могут быть и частью орнаментальной композиции и не иметь самостоятельного значения.

На плинфе преобладающее количество знаков размещалось на торцах, на плитках же здесь знаки были найдены только на двух экземплярах,

Ил. 1. Маркировка верхней постели и торцов плиток, клеймо и метка на нижней постели

обнаруженных на территории Старого замка и в Каложской церкви в Гродно (*Ганецкая*, 1993. С. 52; *Зданович, Трусаў*, 1993. С. 12). Знаки имели вид расширенной в верхней части литеры V (ил. 1: б), ближайшие аналогии им можно найти на плинфе из Полоцка (*Хозеров*, 1994. Рис. 3, 5). Также отметим, что знаки на торцах в виде буквы N были найдены на поздних плитках XVI в. из тверского Спасского собора (*Сафарова и др.*, 2018. С. 101).

В основном маркировка наносилась на нижнюю постелистую сторону плитки, которая укладывалась в слой подготовки (раствор, глина, песок). Именно здесь было зафиксировано основное количество знаков, а также метка и клеймо.

Клеймо располагалось на плитке, найденной при раскопках Спасского собора Переславля-Залесского¹ (ил. 1: г). Впервые его прорисовка была опубликована Н. Н. Ворониным (*Воронин*, 1961. С. 82, 90), повторно фотография плитки была издана Е. К. Шадунц (*Шадунц*, 2021. С. 140). Размеры клейма — $1,4 \times 2,8$ см. Н. Н. Воронин утверждает, что нанесенный на плитку трезубец «сходен с андреевскими знаками боголюбовского кивория и Золотых ворот» (*Воронин*, 1961. С. 90). Это, однако, не так, и утверждение Е. К. Шадунц, что «клеймо по своей форме может быть интерпретировано как знак княжеских мастеров Юрия Долгорукого» (*Шадунц*, 2021. С. 140) — более точное, оттиснутый трезубец

¹ Фонды ПЗГИАХМЗ, инв. № К-642.

соответствует изображению на печати князя Юрия (Янин, 1956. С. 5). Этот вывод очень важен, так как заставляет еще раз вернуться к вопросу о времени устройства пола из плиток в Спасском соборе. Предполагалось, что он был устроен при доделке собора при Андрее Боголюбском (Воронин, 1949. С. 200). При новых исследованиях собора во время его реставрации была выдвинута убедительная гипотеза о изменении строительной концепции в ходе первоначального возведения храма (Виноградов и др., 2020. С. 75). Плитка с клеймом, чрезвычайно схожим со знаком Юрия Долгорукого, является дополнительным аргументом отнесения устройства плиточного пола ко времени постройки собора.

Метка была обнаружена на подтреугольной плитке (ил. 1: в), найденной в 2017 г. экспедицией ИИМК РАН на участке к югу от церкви Благовещенья на Городище под Новгородом (Жервэ, 2019. С. 93). Судя по наличию криволинейной стороны, плитка могла быть частью кругового элемента в алтаре или омфалия в центральной части храма. Метка представляет собой литеру В, написание которой, по предположению Т. В. Рождественской, характерно для периода XII — первой половины XIII в. Датруется предмет в пределах начала — первой трети XII столетия, т. е. близко ко времени строительства храма 1103 г. (Там же. С. 94).

Все остальные изображения представляют собой знаки, т. е. выпуклые изображения. Преобладающее их количество было найдено на памятниках Северо-Восточной Руси, лишь несколько располагалось в храмах южных регионов. По рисунку их можно разделить на четыре вида: окружности, двузубцы, прямолинейные и криволинейные фигуры. Из-за малого количества плиток со знаками чаще на один памятник приходится один их вид, хотя есть и исключения.

Знаки округлой формы были найдены в Турове и Киеве. В Киеве такая плитка только одна¹, она была обнаружена в ходе раскопок 2002 г. на Большой Житомирской улице в заполнении жилища. Очевидно, что там она была во вторичном использовании, и установить, из какого здания она происходит и как датируется, невозможно. Сама

плитка квадратная со стороной 15 см, толщиной 1,7–2 см, тесто светло-розовое, полива зеленая. Знак представляет собой окружность с несколькими «спицами», идущими к ее центру, который не сохранился (ил. 2: а). Несколько плиток с похожими знаками происходят из храма в Турове, раскопанного М. К. Каргером. На двух из них знак (ил. 2: б) представляет собой две окружности, вписанные одна в другую и соединенные четырьмя перемычками². После повторных раскопок храма в 1992 г. было найдено еще несколько подобных плиток с концентрическими знаками, а также еще один (ил. 2: в), ранее не встречавшийся, вариант — крест в одной окружности, без «спиц» (Лысенко, 2004. С. 108). Несомненно, прямая аналогия таким знакам — знаки на донцах керамических сосудов, где мотив круга и креста был одним из доминирующих (Штыхаў, 2000. С. 421, 430).

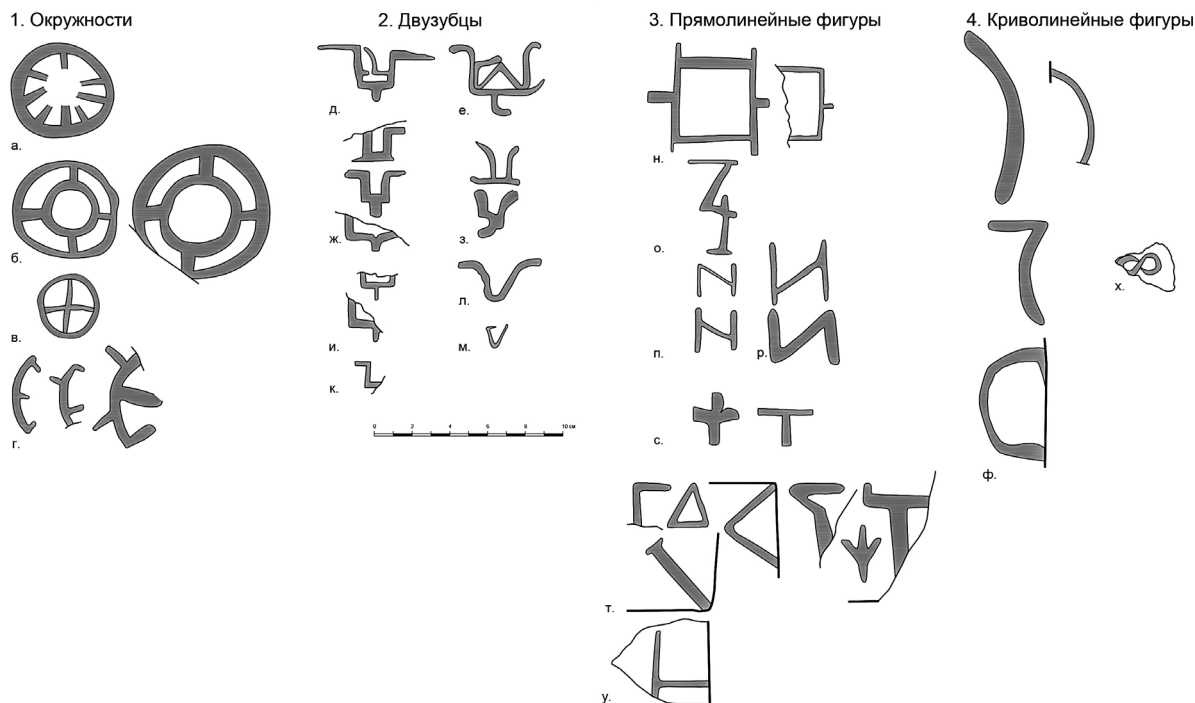
Весьма многочисленны и разнообразны знаки-двузубцы, так называемые «знаки Рюриковичей». В 1948 г. в усадьбе Киевского исторического музея была найдена плитка с таким знаком, представляющим собой усложненный двузубец с отростками на концах и треугольником по центру (ил. 2: е). Датировка плитки и ее первоначальное местонахождение неизвестны, М. К. Каргер датирует ее XII в. (Каргер, 1958. С. 467). Более простой знак, отдаленно напоминающий символ Рюриковичей, был найден в ходе работ М. К. Каргера в 1953 г. на плитке³ из Спасской церкви Переяслава-Хмельницкого (ил. 2: м). Судя по особенностям строительной техники, храм относится к концу XI в. (Каргер, 1954. С. 19), вероятно, ко времени правления там Владимира Мономаха. Однако знак этого князя выглядит по-другому (Белецкий, 1998. С. 197), поэтому пока атрибуция символа на переяславской плитке остается неясной.

Преобладающее количество знаков располагалось на плитках из построек Северо-Восточной Руси. Часть их была опубликована в монографии Н. Н. Воронина (Воронин, 1961. С. 309–310), однако за прошедшее с момента публикации время появилось много новой информации.

¹ Фонды ИА НАНУ, колл. 1236, № 248.

² Фонды НГОМЗ, инв. НГМНВ-20052-5, 7.

³ Фонды НГОМЗ, инв. НГМНВ-20061-103.

Ил. 2. Знаки на нижней постели плиток

Еще два «знака Рюриковичей» были найдены на плитках из Успенского собора, опубликованных Н. Н. Ворониным (Там же. С. 471). Точное место и датировка их неясны, исследователь относит их к галереям 1189 г. Знаки представляют собой двузубцы, один П-видный с боковыми отростками, второй — V-видный (ил. 2: к, л). Здесь же автор сам приводит аналог — знак на днище горшка из погребения с трупосожжением из Заколпского могильника (Там же).

Схожие два знака-двузубца П-видной и У-видной формы были найдены при раскопках церкви Спаса во Владимире (ил. 2: з). Плитки¹, на которых они располагались, квадратной формы (15,5 × 15,5 см) и с массивными (до 1,5 см) бортиками по краям. Найдены они были в переотложенном грунте (Воронин, 1961. С. 200), поэтому точная датировка их отсутствует. Н. Н. Воронин датирует их временем постройки церкви в 1162–1164 гг. (Воронин, 1962. С. 310), однако, скорее всего, они относятся к более позднему времени. Доказывается это аналогичными плитками,

найденными в Суздале, которые относятся к полу 1233 г. (Там же. С. 119). Они полностью повторяют по размерам и характеристикам плитки из церкви Спаса и имеют аналогичные знаки² в форме П-видных двузубцев с отростком снизу (ил. 2: д, ж). Фрагменты плиток с частями знаков-двузубцев были обнаружены при раскопках галерей церкви Покрова-на-Нерли (ил. 2: и).

Третий вид знаков — прямолинейные фигуры. Один из вариантов этого вида — знак в виде креста или Т-видный (ил. 2: с). Две плитки с такими символами были найдены в Ярославле в 2008 г. в шурфе, разбитом в юго-восточной части Рубленого города, и относились, вероятно, к полу Успенского собора начала XIII в. (Энговатова, Яганов, 2011. С. 148). Они имели сильно выступающий бортик, знаки располагались по центру. Первая плитка — квадратной формы (10,8 × 10,6 см при толщине 2,8 см), вторая представляла собой фрагмент (скорее всего, изначально плитка также была квадратной) толщиной 2,6 см. На первой

¹ Фонды ВСИАХМЗ, колл. В-1467, № 123, 177.

² Фонды ВСИАХМЗ, колл. В-6300-2773, № 158; В-36946, № 49.

располагался крестовидный знак, на второй — Т-видный¹. Кроме этих двух, были обнаружены еще и около двух десятков плиток другого типа, без знаков. По мнению авторов исследования, одновременное использование двух типов плиток говорит о распределении заказа на их изготовление между несколькими группами гончаров или плинфоделов (Там же. С. 149).

Другой вариант знаков третьего вида — подквадратные или подпрямоугольные фигуры. Плитки с такими знаками в форме квадрата или прямоугольника с отrostками по краям (ил. 2: *н*) были найдены Н. Н. Ворониным в 1954 и 1955 гг. при раскопках галерей церкви Покрова на Нерли, а также в слое, прикрывающем вымостку северной части холма (Воронин, 1958. С. 85–86). Однако здесь были обнаружены и другие варианты знаков. Всего за два года работ был найден 51 фрагмент плиток², из них у четырнадцати на тыльной стороне были рельефные знаки, полученные с семи матриц: квадрат с отrostками по краям и посередине двух сторон, квадрат с отrostками посередине большой и малой, в виде литеры N (ил. 2: *п*), часть окружности с «отrostками» только внутрь и часть окружности с отrostками и внутрь, и наружу (ил. 2: *г*), а также усложненный Z-видный знак (ил. 2: *о*). Использовались плитки, скорее всего, или для полов хор, или для какой-то закрытой площадки на лестнице, размещение их на открытых галереях маловероятно, так как они бы очень быстро пришли в негодность из-за погодных условий, особенно при замерзании и оттаивании.

В отдельную группу выделяются знаки, обнаруженные на тыльной стороне плиток из Успенского собора Княгинина монастыря. Плитки квадратной формы со стороной 18,5 см и толщиной 3 см (Воронин, 1961. С. 479) были найдены при исследованиях А. В. и И. А. Столетовых в 1958 г. в окружающей храм неширокой галерее (Воронин, 1983. С. 107). Знаки располагались на плитках с небольшим бортиком, и в их композицию входили не только изображение по центру, но и отrostки на бортике. Всего использовалось три варианта таких знаков: квадрат по центру и по два отrostка

на каждой стороне бортика, квадрат по центру и по одному отrostку по сторонам бортика, круг по центру (ил. 3: *а*). В фондах ВСИАХМЗ удалось обнаружить по две плитки второго и третьего вариантов³. По сведениям П. Л. Зыкова, плитка второго варианта была найдена и при раскопках собора Рождественского монастыря во Владимире, так что в целом можно датировать такие знаки рубежом XII–XIII вв.

Наибольшее количество видов знаков было обнаружено на плитках в Ростове, в Успенском соборе и при раскопках невдалеке от здания, в каждом случае использовались разные их наборы. Плитки, найденные А. Е. Леонтьевым в 1987 г. в развалах рядом с Успенским собором⁴, не имеют узкой датировки и атрибуции конкретному памятнику, да и найдены они все были во фрагментах, так что установить их форму и размеры (толщина 2–2,5 см) не представляется возможным. Плитки сформованы из хорошо обожженного до оранжевого цвета теста с обильной примесью крупной фракции дресвы. На них были помещены знаки в виде литеры N (ил. 2: *р*), квадрата с отrostками по углам (аналогичны найденным при раскопках церкви Покрова-на-Нерли (ил. 2: *у*)), цифры 8 (более нигде не встречается (ил. 2: *х*)). Часть знаков располагались не по центру, а у края плитки, что также необычно. Можно осторожно предположить, на основании сходства знаков с найденными у Покрова-на-Нерли, что плитки из раскопок у Успенского собора могли относиться к какой-то части его первоначального пола, хотя убедительные доказательства этого отсутствуют.

Плитки из самого Успенского собора найдены как в развалах, так и на нескольких участках *in situ*. Относятся они как к первоначальному полу собора XIII в., так и к его ремонтам, так что достоверно датировать их не представляется возможным. При различных работах, проходивших в соборе, участки пола 1287 г. могли разбираться или вскрываться,

1 Фонды ЯГИАХМЗ, инв. 2766-655, 656.

2 Фонды ВСИАХМЗ, колл. № В-5623 и В-5710.

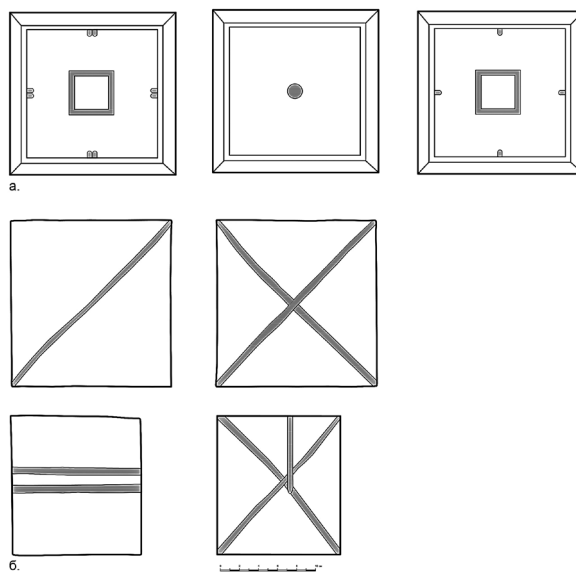
3 Фонды ВСИАХМЗ, колл. В-58, № 591, 601 (2-й вариант) и № 464 и 507 (3-й вариант). Также в коллекции фрагмент плитки с № 478, на котором сохранилась часть квадрата по центру изделия и который может относиться к 1-му или 2-му типу.

4 Фонды ГМЗ «Ростовский кремль», колл. А-249.

а потом восстанавливаться на том же уровне с теми же плитками или с использованием предметов из более ранних наборов (1231 г. и XII в.), которые могли попадать в руки производящих работы при вскрытии пола 1287 г. При этом система раскладки 1287 г. могла нарушаться, а изначальная глиняная подготовка — заменяться на известковую (Иоаннисян и др., 1995. С. 11). В приложении к отчету О. М. Иоаннисяна, Е. Н. Торшина и П. Л. Зыкова 1995 г. А. С. Скобельщиной было подсчитано, что всего применялось 16 видов знаков. Некоторые из них располагались по центру (литера N, треугольник, дуга (ил. 2: *p*, *m*)), другие — по краю плитки (ил. 2: *ф*), третьи представляли собой линии, пересекающие плитку поперек, наискосок или крест-накрест (ил. 3: б).

И наконец, упомянем интересную находку, совершенную при исследовании Конюшенного раскопа. Здесь была найдена мастерская по производству плиток, относящаяся к концу первого десятилетия XVI в. Вероятно, в ней делали плитки для нового собора 1506–1512 гг. (Самойлович, 2007. С. 29). При этом старые плитки из Успенского собора, очевидно, были использованы в качестве образцов, поэтому на них встречаются знаки, как на плитках из собора.

На первый взгляд кажется, что маркировка плиток была чрезвычайно редким явлением и использовалась гораздо реже, чем аналогичная маркировка плинфы. Однако надо учитывать, что и применялась для строительства плинфа в неизмеримо большем количестве. Для возведения даже небольшого здания необходимы были сотни тысяч кирпичей, в то время как для выстилки пола нужно было всего несколько тысяч плиток, а чаще и того меньше, если ими была покрыта не вся его площадь. К тому же подсчет плинф и учет знаков часто осуществлялся в поле, то есть учитывались все доступные материалы. Подсчет маркировки для данной статьи велся по материалам музейных коллекций, куда, очевидно, попадали далеко не все обнаруженные при раскопках плитки. Эти обстоятельства затрудняют подсчет реального соотношения маркированных и немаркированных плиток. В музейных собраниях очень редко находится больше нескольких десятков плиток с одного памятника, а маркированных

Ил. 3. Знаки, занимающие центр и края нижней постели плиток

из них — в лучшем случае несколько единиц. Самое большое собрание плиток в музее (насколько известно автору) — коллекция плиток из церкви Спаса в Галиче, которая насчитывает около полутора тысяч предметов. К сожалению, ни на одном из них маркировки нет, как нет ее вообще на плитках ни одного из памятников галицкого зодчества, как монументального, так и деревянного, несмотря на их широкое там распространение. Вероятно, самое большое соотношение плиток со знаками к их общему количеству в коллекции наблюдается на собрании из церкви Покрова-на-Нерли, где знаки были найдены на 14 предметах из 51 в коллекции.

Керамические плитки широко использовались для декора полов во всех землях Руси. Плинфа не использовалась в Галиче, на Северо-Востоке — применялась в единичных случаях, а плитки были в обоих регионах. Маркировка встречалась на плитках из Киева, Переяслава Южного, Турова, Гродно, Новгорода и памятников Северо-Восточной Руси, но везде, за исключением последнего региона, это были единичные случаи.

Не удастся выявить закономерности и в использовании разных видов клейм. Рисунки маркировки можно разделить на 4 группы, но все они применялись в разных местах и памятниках.

Окружности применялись в Киеве, Турове и церкви Покрова-на-Нерли, двузубцы — в Киеве, Суздале, Переяславе, Спасской церкви, Успенском соборе во Владимире и церкви Покрова-на-Нерли. В последнем памятнике применялись и квадраты с отростками, как и в развале рядом с Успенским собором в Ростове. Литеры N — в Ростове, Гродно и церкви Покрова-на-Нерли. Криволинейные фигуры — лишь в Ростове.

Маркировка наносилась только на самый распространенный тип плиток — квадратные монокромные. Исключение составляют лишь рельефные плитки из Галича с тамгами (но здесь нет уверенности, что это не часть орнаментального декора) и трапецевидная плитка из церкви Благовещенья с Рюрикова городища. Ни на одной плитке с полихромным декором маркировки нет. Объяснить этот феномен сложно. Возможно, что из-за более редкого использования фигурных и полихромных плиток количество их со знаками было крайне малым, и оттого ни один такой предмет не был обнаружен при раскопках.

Важной особенностью является то, что многие знаки находят себе аналогии на других предметах. Двузубцы являются вариантом знаков Рюриковичей, в одном случае (плитка из Переславля-Залесского) устанавливается принадлежность клейма конкретному князю (Юрию Долгорукому), в других она неизвестна. Знаки в виде литер V и N часто помещались на плинфе, последний знак можно назвать одним из самых распространенных. Другая группа знаков — окружности — очевидно связана с отметками на донцах керамических сосудов, где это один из самых распространенных мотивов.

Какой же смысл был в маркировке плиток? Для ответа на этот вопрос сперва рассмотрим мнения исследователей о схожем явлении — маркировке плинфы. На данный момент окончательно этот вопрос не решен. И. М. Хозеров, впервые обобщивший эти данные, не стал их интерпретировать и своей задачей счел накопление данных о знаках: «Оставляя в стороне всякую мысль вскрыть значение этого шифра, мы можем поставить задачу всемерного изучения этих знаков, как определенных изображений, тесно увязанных с процессом изготовления кирпича» (Хозеров, 1929. С. 177).

П. А. Раппопорт в своей статье, вышедшей почти через 50 лет, на основании уже накопленного значительного материала категорично утверждал, что знаки «не могут рассматриваться как личные знаки ремесленников» или «как знаки заказчиков. Очевидно, что столь многочисленные знаки могут быть только счетными или, вернее, производственными» (Раппопорт, 1977. С. 31). Более комплексное объяснение выдвинул Л. А. Беляев, который считает, что «маркировка служила не одной, а нескольким целям, среди которых персонифицирующая и/или вотивная (а также декоративная) могут быть признаны, по крайней мере, столь же вероятными, как счетно-производственная» (Беляев, 2006. С. 84).

Для плиток исследователи предлагали персонифицирующее значение. Н. Н. Воронин относил знаки к категории владельческих (Воронин, 1961. С. 310): княжеских (двузубцы) и мастеров (геометрические фигуры). П. А. Раппопорт придерживался схожей точки зрения: «Значение их (знаков. — В. М.) не установлено, но поскольку в большинстве случаев знаки эти типа “княжеских”, возможно, что они являлись знаками заказчика или же (что почти всегда совпадало) того князя, которому принадлежала мастерская» (Раппопорт, 1994. С. 51). Им противоречит И. В. Ганецкая, по версии которой знаки нужны были для учета загрузки плиток в печь (Ганецкая, 1995. С. 18). Скорее всего, в данном случае исследовательница перенесла на плитки интерпретацию П. А. Раппопорта знаков на плинфе, тем более что она работала с материалами из Гродно, где как раз знаки на плитках располагались на торцах. Учитывая несомненную связь некоторых знаков на плитках с клеймами на керамике, необходимо привести здесь и две основные точки зрения на их значение. Б. А. Рыбаков поддержал и развил мнение, высказанное до него еще Н. А. Котляревским и А. С. Уваровым, что клейма являются знаками мастеров (Рыбаков, 1948. С. 176). Р. Л. Розенфельдт, напротив, доказывает положение, впервые выдвинутое К. Черногорским, что клейма являются знаками заказчиков (Розенфельдт, 1963. С. 125).

Так какова же в действительности роль маркировки плиток? Чрезвычайная ее редкость не позволяет видеть в ней счетные знаки, тем более что

размещались они, в подавляющем большинстве, на нижней постели плиток. Вотивную функцию, при отсутствии каких-либо свидетельств письменных источников или убедительных аналогий, доказать не представляется возможным. Также и декоративная функция представляется маловероятной, так как знаки на нижней постели сразу после укладки плиток перестают быть видны. Единственным оставшимся объяснением является персонифицирующее значение, т. е. маркировка была предназначена для определения как-то связанного с плиткой человека.

Вряд ли это был заказчик: такому предположению противоречат находки плиток с разными знаками на одном памятнике, в церкви Покрова-на-Нерли и в Успенском соборе, тем более что в первом случае известен знак заказчика (князя Андрея Боголюбского), на плитках не встречающийся. Так что, видимо, знаки надо связывать, скорее, с изготовителями. В таком случае становится понятным наличие на одном памятнике разных знаков, наличие одинаковых знаков на разных памятниках (церкви Спаса во Владимире и Рождественском соборе в Суздале). Наличие на плитках знаков N, которые часто встречаются на торцах плинф, и разных вариантов круговых знаков, в том числе и с крестом по центру, которые ставились на донцах гончарных сосудов, вероятно, свидетельствует о привлечении к изготовлению плиток как плинфотворителей, так и обычных горшечников. Единственный вопрос, пока остающийся без ответа: почему все-таки маркировались только некоторые плитки. Возможно, такими знаками действительно помечали некоторое количество плиток, но не для подсчета циклов работы обжигательной печи (*Раппопорт*, 1977. С. 32), а для разделения результатов труда отдельных ремесленников, чтобы понимать, как с каждым рассчитываться.

Список литературы

- Белецкий С. В.* Наследование лично-родовых знаков князьями-Рюриковичами в X–XI вв. // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян / отв. ред. В. В. Седов. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 195–205.
- Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей на пломбах из Дрогичина // *Stratum plus*. 1999. № 6. С. 288–330.
- Беляев Л. А.* Из истории древнерусского строительного ремесла (Знаки на древнерусских кирпичах X–XIII вв.) // Проблемы истории СССР. М.: изд-во МГУ, 1973. С. 439–455.
- Беляев Л. А.* Маркировка древнерусского кирпича как культурно-историческое явление // *ΣΟΦΙΑ*: сб. ст. по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча / [ред. А. Л. Баталов и др.]. М.: Северный паломник, 2006. С. 67–88.
- Виноградов А. Ю., Ёлшин Д. Д., Свойский Ю. М.* Вопросы строительной истории Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском в свете новых открытий // *АА*. № 2. М.: ИА РАН, 2020. С. 65–79.
- Воронин Н. Н.* Раскопки в Переславле-Залесском // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*. Т. 1 / ред. Н. Н. Воронин. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1949. С. 193–202. (МИА; № 11).
- Воронин Н. Н.* Покров на Нерли (Новые данные раскопок 1954–1955 гг.) // *СА*. 1958. № 4. С. 70–95.
- Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. XII столетие. М.: изд-во АН СССР, 1961. 584 с.
- Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. II. XIII–XV столетия. М.: изд-во АН СССР, 1962. 559 с.
- Воронин Н. Н.* Строители Княгинина собора // *Памятники истории и культуры*. Вып. 2. Ярославль Верхне-Волжское кн. изд-во, 1983. С. 107–109.
- Ганецкая І. Ў.* Вытворчасць маёлікі на тэрыторыі Беларусі ў XI–XIII стст. // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Памяці М. Ткачова. Ч. 1. Мінск: Сантанас, 1993. С. 43–64.
- Ганецкая І. Ў.* Маёліка на Беларусі ў XI–XVIII стст. Мінск: Навука і тэхніка, 1995. 120 с.
- Жервэ А. В.* Поливные керамические плитки из раскопок церкви Благовещения на Городище // *АА*. № 1. М.: ИА РАН, 2019. С. 90–99.
- Здановіч Н. І., Трусаў А. А.* Беларуская паліваная кераміка XI–XVIII стст. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 184 с.
- Иоаннисян О. М., Торшин Е. Н., Зыков П. Л.* Отчет о работах в Ростове Великом в 1995 г. Т. 1. Исследования Успенского собора // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. Д. 19649. 41 с.
- Каргер М. К.* Раскопки в Переяславле-Хмельницком в 1952–1953 гг. // *СА*. 1954. Т. 20. С. 5–30.
- Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1958. 579 с.

- Лысенко П. Ф. Древний Туров. Минск: Беларуская навука, 2004. 180 с.
- Малевская М. В., Рappoport П. А. Декоративные керамические плитки древнего Галича // Slovenska archeologia. 1978. Vol. XXVI-1. С. 87–97.
- Рappoport П. А. Знаки на плинфе // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 28–33.
- Рappoport П. А. Строительное производство Древней Руси. СПб.: Наука, 1994. 159 с.
- Розенфельдт Р. Л. К вопросу о гончарных клеймах // СА. 1963. № 2. С. 121–130.
- Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М.: изд-во АН СССР, 1948. 792 с.
- Самойлович Н. Г. Конюшенный раскоп в Ростове Великом: М.: Таус, 2007. 88 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 9).
- Сафарова И. А., Беляев Л. А., Хохлов А. Н. Керамические плитки покрытия полов из раскопок на соборной площади в Твери (по материалам исследований 2013–2014 гг.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11 / ред. А. Н. Хохлов. Тверь: Тверской науч.-исслед. ист.-археолог. и реставрац. центр, 2018. С. 87–97.
- Хозеров И. М. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода // Научные известия Смоленского государственного университета. 1929. Т. V, вып. 3. С. 167–184.
- Шадунц Е. К. Местная архитектурная керамика XII–XVIII вв. в коллекциях Переславского музея-заповедника: к вопросу об атрибуции и использовании в исследованиях памятников архитектуры // АА. № 3. М.: ИА РАН, 2021. С. 138–147.
- Штыхаў Г. В. Тэхналогія рамёстваў // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 3. Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). Мінск: Беларуская навука, 2000. С. 423–433.
- Энговатова А. В., Яганов А. В. Новые данные об Успенском соборе в XIII–XVI вв. в Рубленном городе Ярославля // РА. 2011. № 3. С. 141–150.
- Янин В. Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 3–16.
4. Obshchestvo, ekonomika, kul'tura i iskusstvo slavyan / ed. V. V. Sedov. Moscow: Editorial URSS, 1998. P. 195–205.
- Beletskiy S. V. Znaki Ryurikovichyey na plombakh iz Drogichina // Stratum plus. 1999. 6. P. 288–330.
- Belyaev L. A. Iz istorii drevnerusskogo stroitel'nogo remesla (Znaki na drevnerusskikh kirpichakh X–XIII vv.) // Problemy istorii SSSR. Moscow: izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1973. P. 439–455.
- Belyaev L. A. Markirovka drevnerusskogo kirpicha kak kul'turno-istoricheskoe yavlenie // ΣΟΦΙΑ: sbornik statey po iskusstvu Vizantii i Drevney Rusi v chest' A. I. Komecha / [eds.: A. L. Batalov et al.]. Moscow: Severnyy palomnik, 2006. P. 67–88.
- Engovatova A. V., Yaganov A. V. Novye dannye ob Uspenskom sobore v XIII–XVI vv. v Rublenom gorode Yaroslavlya // Rossiyskaya arkheologiya. 2011. 3. P. 141–150.
- Gervais A. V. Polivnye keramicheskie plitki iz raskopok tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche // Arkhitekturnaya arkheologiya. 1. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2019. P. 90–99.
- Hanieckaja I. Ŭ. Vytvorčasc majoliki na terytoryi Bielarusi ű XI–XIII stst. // Histaryčna-archiealahičny zbornik. Pamiaci M. Tkačova. 1. Minsk: Santanas, 1993. P. 43–64.
- Hanieckaja I. Ŭ. Majolika na Bielarusi ű XI–XVIII stst. Minsk: Navuka i tehnika, 1995. 120 p.
- Ioannisyan O. M., Torshin E. N., Zykov P. L. Otchet o rabotakh v Rostove Velikom v 1995 g. 1. Issledovaniya Uspenskogo sobora // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. R-I. D. 19649. 41 p.
- Karger M. K. Raskopki v Pereyaslave-Khmel'nitskom v 1952–1953 gg. // Sovetskaya arkheologiya. 1954. T. 20. S. 5–30.
- Karger M. K. Drevniy Kiev. Oчерki po istorii material'noy kul'tury drevnerusskogo goroda. I. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. 579 p.
- Khozerov I. M. Znaki i kleyma kirpichey smolenskikh pamyatnikov zodchestva drevneyshego perioda // Nauchnye izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 1929. V, 3. P. 167–184.
- Lysenko P. F. Drevniy Turov. Minsk: Belaruskaya navuka, 2004. 180 p.
- Malevskaya M. V., Rappoport P. A. Dekorativnye keramicheskie plitki drevnego Galicha // Slovenska archeologia. 1978. XXVI-1. P. 87–97.
- Rappoport P. A. Znaki na plinfe // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 1977. 150. P. 28–33.
- Rappoport P. A. Stroitel'noe proizvodstvo Drevney Rusi. St. Petersburg: Nauka, 1994. 159 p.

References

- Rozenfel'dt R. L. K voprosu o goncharnykh kleymakh // Sovetskaya arkhеologiya. 1963. 2. P. 121–130.
- Rybakov B. A. Remeslo drevney Rusi. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1948. 792 p.
- Safarova I. A., Belyaev L. A., Khokhlov A. N. Keramicheskie plitki pokrytiya polov iz raskopok na sobornoy ploshchadi v Tveri (po materialam issledovaniy 2013–2014 gg.) // Tver', tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya. 11 / rd. A. N. Khokhlov. Tver': Tverskoy nauchno-issledovatel'skiy istoriko-arkheologicheskii i restavratsionnyy tsentr, 2018. P. 87–97.
- Samoylovich N. G. Konyushenny raskop v Rostove Velikom: Moscow: Taus, 2007. 88 p. (Materialy okhrannykh arkhеologicheskikh issledovaniy; 9).
- Shadunts E. K. Mestnaya arkhitekturnaya keramika XII–XVIII vv. v kollektseyakh Pereslavskogo muzeya-zapovednika: k voprosu ob atributsii i ispol'zovanii v issledovaniyakh pamyatnikov arkhitektury // Arkhitekturnaya arkhеologiya. 3. Moscow: Institut arkhеologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2021. P. 138–147.
- Štychaŭ H. V. Technalohija ramiostvaŭ // Archiealohija Bielarusi: u 4 t. 3. Siarednieviakovy pieryjad (IX–XIII stst.). Minsk: Bielarskaja navuka, 2000. P. 423–433.
- Vinogradov A. Yu., Jolshin D. D., Svoyskiy Yu. M. Voprosy stroitel'noy istorii Spaso-Preobrazhenskogo sobora v Pereslavle-Zalesskom v svete novykh otkrytiy // Arkhitekturnaya arkhеologiya. 2. Moscow: Institut arkhеologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2020. P. 65–79.
- Voronin N. N. Raskopki v Pereslavle-Zalesskom // Materialy i issledovaniya po arkhеologii drevnerusskikh gorodov. 1 / ed. N. N. Voronin. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. S. 193–202. (Materialy i issledovaniya po arkhеologii SSSR; 11).
- Voronin N. N. Pokrov na Nerli (Novye dannye raskopok 1954–1955 gg.) // Sovetskaya arkhеologiya. 1958. 4. P. 70–95.
- Voronin N. N. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vekov. I. XII stoletie. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 584 p.
- Voronin N. N. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vekov. II. XIII–XV stoletiya. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. 559 p.
- Voronin N. N. Stroiteli Knyaginina sobora // Pamyatniki istorii i kul'tury. 2. Yaroslavl' Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo, 1983. P. 107–109.
- Yanin V. L. Knyazheskie znaki suzda'skikh Ryurikovichey // Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury. 1956. 62. P. 3–16.
- Zdanovič N. I., Trusaŭ A. A. Bielarskaja palivanaja kieramika XI–XVIII stst. Minsk: Navuka i tehnika, 1993. 184 p.

Illustrations

Fig. 1. Markings on the upper surface and ends of the tiles; stamp and mark on the lower surface

Fig. 2. Marks on the lower surface of the tiles

Fig. 3. Marks located at the centre and along the edges of the lower surface of the tiles

V. N. Matveev. Marking of Old Russian ceramic tiles

Abstract. Unlike the markings found on plinfas, signs, stamps and marks on ceramic tiles have not yet been the subject of dedicated scholarly research. Such markings were used rarely and are found in only a few monuments in Northeastern Rus', Kiev, Pereyaslav, Turov and Novgorod. The predominant marking technique involved applying relief signs to the lower bedding surface of the tiles. These can be categorised into four types: circles; two-pronged figures; rectilinear shapes; and curvilinear shapes. It is most probable that these markings served as indicators of the output of individual craftsmen involved in tile production.

Keywords: ceramic tiles, signs, stamps, marks, plinfa.

Matveev Vasilij Nikolaevich, junior research fellow, State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., 190000 St. Petersburg, Russian Federation, vmatveev88@inbox.ru.

Церковь Георгия на Торгу в Великом Новгороде: история реставрации и архитектурно-археологические исследования 2023 г. *

А. А. Кудрявцев, В. П. Макарова

КАМЕННАЯ церковь Георгия на Торгу была возведена на месте предшествующей деревянной церкви в 1356 г. Храм был четырехстолпным, одноабсидным. Вскоре с запада был пристроен узкий притвор. В конце XIV в. с севера был установлен еще один притвор во всю ширину северного фасада четверика (ил. 1, 2). В этот же период первоначальный западный притвор был разобран, его сменила более массивная пристройка, соответствующая по ширине западному фасаду четверика.

В Семисоборной росписи Новгорода, составленной между 1463 и 1508 гг., при Георгиевской церкви упоминаются два придела: Козьмы и Дамиана и Бориса и Глеба (Янин, 1976. С. 113). По всей видимости, они находились в палатках на хорах, куда вела лестница, расположенная в западной стене (Антипов, 2019. С. 136–137). В 1750–1754 гг. церковь была перестроена на старой основе: с этого времени она принадлежит к типу «восьмерик на четверике». Вероятно, в XVIII в. к западному притвору с севера была пристроена галерея, в 1820-ые гг. поставлена южная паперть с колокольной, в 1832 г. — часовня Федора Блаженного у юго-восточного угла четверика.

Впервые Георгиевская церковь была описана архимандритом Макарием в 1860 г. Он перечислил

[HTTPS://DOI.ORG/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.102-116](https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.102-116)

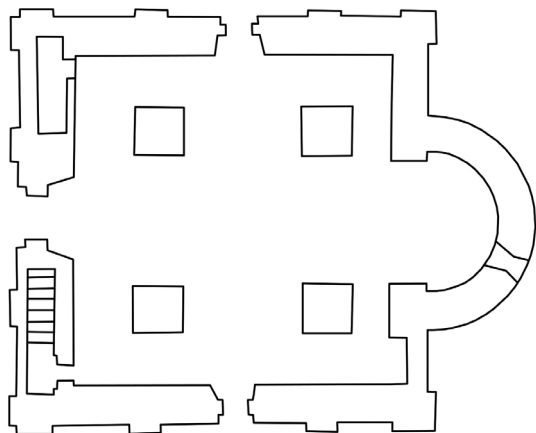
Аннотация. Основные данные об архитектуре церкви Георгия на Торгу были получены в ходе ремонтно-восстановительных работ 1949–1950 гг. и комплексных реставрационных изысканий 1972–1973 гг. В 2023 г. проведены архитектурно-археологические исследования по периметру храма и его притворов до уровня их фундаментов. По материалам неопубликованных архивных документов по истории реставрации (планов, обмеров, дневников) и раскопкам 2023 г. характеризуется строительная история церкви Георгия на Торгу в контексте развития новгородской архитектуры в XIV в.

Ключевые слова: Великий Новгород, Ярославово дворище и Торг, церковь Георгия на Торгу, новгородская архитектура XIV в., реставрация, фундамент.

Кудрявцев Андрей Алексеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, a-kudravtsev@yandex.ru.

Макарова Валерия Павловна — соискатель, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, makarova.valeria@gmail.com.

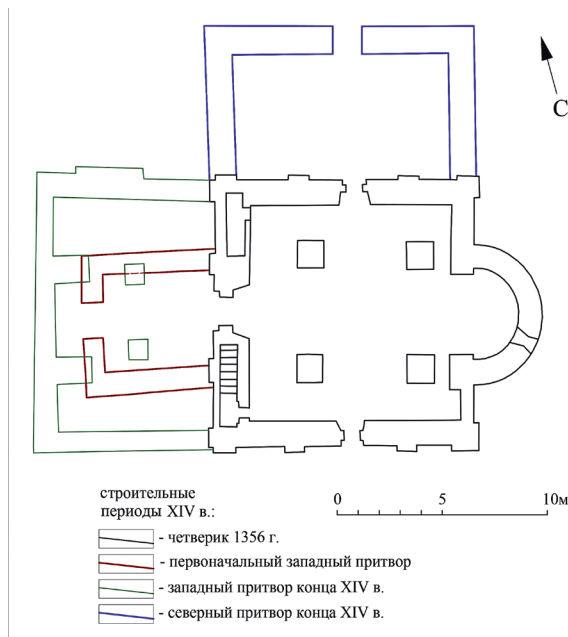
* Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР Института археологии РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Ил. 1. План церкви Георгия на Торгу в 1356 г.

упоминания храма в летописях и в других письменных источниках, привел его обмеры и сведения об архитектуре. Подводя итог очерка по истории церкви, Макарий заключил: «Известно только, что она в прошлом и текущем столетиях подвергалась перестройкам и возобновлениям, а в настоящее время не представляет в своем устройстве следов древности» (Макарий, 1860. С. 385–388). Очевидно, что такой вывод был сделан исходя из позднего облика храма. По этой причине церковь Георгия на Торгу в дальнейшем не вызывала пристального интереса у исследователей новгородской архитектуры. Например, в книге М. К. Каргера она лишь кратко упоминается (Каргер, 1961. С. 187).

В годы Великой Отечественной войны храм значительно пострадал: стены и своды были пробиты снарядами, на больших участках стен обрушилась штукатурка, особенно сильно оказались разрушены притворы. В архиве Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева (ГНИМА) имеется небольшое количество изображений церкви, относящихся ко второй половине 1940-х — 1950-м гг. В собрании акварелей архитектора Д. Б. Савицкого (1893–1948) хранятся два рисунка церкви Георгия на Торгу. Д. Б. Савицкий с 1944 г. работал в мастерской А. В. Щусева и участвовал в разработке проектов по восстановлению Новгорода. Акварели не датированы, но, по всей видимости, они относятся к 1944–1945 гг., так как соответствуют виду Георгиевской церкви с востока на панорамном снимке Новгорода за 1944 г. (Трифонов, 2009. С. 311. Ил. 309).

Ил. 2. План церкви Георгия на Торгу с северным и двумя разновременными западными притворами. Вторая половина XIV в.

Ил. 3. Церковь Георгия на Торгу. Вид с запада. Акварель Д. Б. Савицкого. 1944–1945 гг. Архив ГНИМА. № ОФ 1763/15

На одном из рисунков помещен ее вид с северо-запада перед западным фасадом церкви Иоанна Предтечи на Опоках. Здесь подробно представлены западный и северный притворы без кровли, а также соединяющая их галерея (ил. 3). Отметим, что это единственное изображение галереи. На другой акварели приведен вид с юга — часть южного фасада четверика и западного притвора, а также восточный фасад колокольни. Показан и один из контрфорсов, установленных в середине XVIII в. (ил. 4).

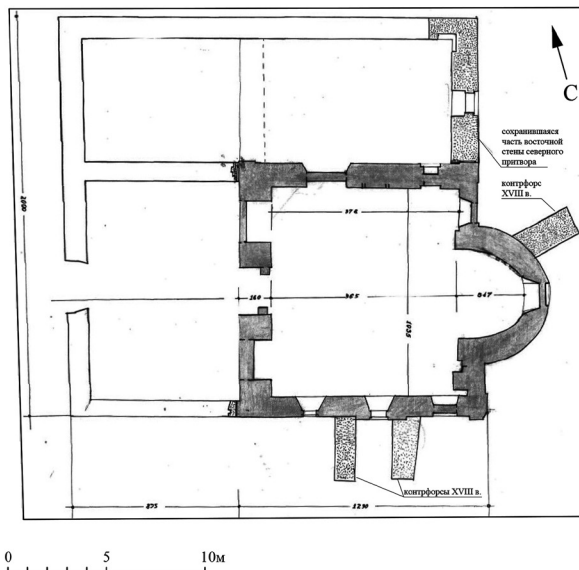

Ил. 4. Церковь Георгия на Торгу. Вид с юга.
Акварель Д. Б. Савицкого. 1944–1945 гг.
Архив ГНИМА. № ОФ 1763/11

В научном фотокаталоге ГНИМА хранятся две уже опубликованные ранее фотографии церкви с юга и востока, сделанные Д. А. Егоровым в 1948 г. На них храм предстает уже в другом свете: притворы и галерея разобраны, сохранилась лишь небольшая часть восточной стены северного притвора (Секретарь, 2008. С. 208).

Комплекс восстановительно-реставрационных работ Георгиевской церкви был осуществлен только в 1949–1950 гг. под руководством архитектора В. М. Баранова: сделаны обмеры, вычинена кладка, отремонтированы своды. Притворы так и не были восстановлены, что рассматривается как ошибка реставраторов (Ядрышников, 2017. С. 96; Секретарь, 2008. С. 208).

В архивах ГНИМА и Новгородского научно-реставрационного управления (ННРУ) хранятся чертежи и обмеры, составленные при этой

Ил. 5. План церкви Георгия на Торгу, составленный в 1949–1950 гг. Архив ННРУ. № 1116

реставрации. Отметим среди них план храма, на который нанесены все разобранные пристройки, включая галерею и южные контрфорсы, которые также были впоследствии разобраны (ил. 5). В архиве ННРУ также собрана техническая документация по проекту реставрации церкви: пояснительные записки В. М. Баранова, протокол заседания Научно-Экспертной Комиссии от 25 августа 1949 г. (Архив ННРУ. Р-45).

На еще одной фотографии из научного фотокаталога ГНИМА, датированной 1950-ми гг., представлен вид церкви с запада после первой реставрации. Храм заново оштукатурен, на нем установлен в камне утраченный деревянный барабан. На месте притворов и галереи можно проследить лишь часть кирпичных оснований (ил. 6).

В 1950-х–1960-х гг. в Новгороде проводились масштабные и плодотворные работы по реставрации различных архитектурных памятников (Ядрышников, 2017. С. 105–224), но церковь Георгия на Торгу оказалась вне этих изысканий. В этот период она использовалась как склад.

Следующая реставрация Георгиевской церкви была осуществлена только в 1972–1973 гг. под руководством архитектора-реставратора Т. В. Гладенко. Ее проведение было обусловлено разработкой проекта по приспособлению здания

под магазин сувениров. Результаты обследований Т. В. Гладенко не были опубликованы, а впоследствии — лишь кратко обобщены (*Секретарь*, 2007; 2008; *Ядрышников*, 2017. С. 235–236).

В архиве ННРУ в составе отчетной документации хранятся следующие материалы: отчет об исследовании западного притвора, журнал ведения полевых исследований и полевой дневник Т. В. Гладенко, а также планы церкви, чертежи фасадов и открытых конструкций, обмеры. К сожалению, фотографии отсутствуют (*Гладенко*, 1972а; 1972б; 1973).

В ходе работ 1972–1973 гг. были раскрыты и законсервированы основания притворов, часовни Федора Блаженного, выявлены сохранившиеся на высоту 4,5 м первоначальные части стен храма середины XIV в., расчищены следы внутрстенной лестницы, ведущей на хоры, проведены обследования фундамента, в подцерковье зафиксированы все четыре первоначальных столба. Вокруг церкви был понижен уровень дневной поверхности, впоследствии по периметру ее стен установлен глиняный замок шириной в 0,5 м из плотной светло-коричневой глины.

С учетом необходимости установки главного входа в проектируемый магазин со стороны западного фасада четверика наибольший объем земляных работ был произведен в зоне западного притвора. Он был полностью раскопан. Верхний слой, состоящий из завалов и строительного мусора мощностью до 2,5 м, был снят посредством тяжелой техники до уровня кирпичного пола: размер кирпичей составляет 27(28) × 13(14) × 5,5 см. Т. В. Гладенко относил его к XVI в.

После снятия данного пола была заложена серия шурфов (№ 1–8, 14). Исследование культурных отложений велось уже послойно: были определены разновременные уровни пола, расчищены остатки различных конструкций, изучен их фундамент. Обследования позволили Т. В. Гладенко выделить два строительных периода. Первый соответствовал возведению первоначального западного притвора, установленного вскоре после строительства основного объема храма. Зафиксирован его пол, сложенный из известняковых плит, и определены габариты: он размещался в центральной трети четверика,

Ил. 6. Церковь Георгия на Торгу. Вид с запада. 1950-е гг.
Архив ГНИМА. № НФ-ОФ 1394/245

выступая в западную сторону на 6,3 м, толщина западной стены составила 1,15 м. После его разборки был возведен в конце XIV в. следующий притвор, относящийся ко второму строительному периоду. Притвор занимал всю западную стену четверика и выступал от нее на 8,6 м. От него сохранились три наружные стены, два внутренних пилона и остатки двух квадратных в плане столбов (*Гладенко*, 1973. С. 3–6). В дальнейшем западный притвор был перестроен. Вероятно, это произошло во второй половине XVI — XVII в. К 1541 г. относится запись об его обрушении при пожаре: «... да у Егора святого в торгу притворъ засыпался» (ПСРЛ, XXX. С. 147).

Согласно сведениям журнала ведения реставрационных работ и полевого дневника Т. В. Гладенко шурфы 1972–1973 гг. были посажены нами на план храма. Отметим, что не во всех случаях их контуры определены точно, так как далеко не всегда в отчетной документации указаны их размеры и координаты (ил. 7). Далее частично приведем данные об этих шурфах, так как они содержат подробные стратиграфические наблюдения и описания открытых конструкций.

Шурф № 1 был заложен в северо-восточном секторе западного притвора, между порталом и северной лопаткой четверика. Выкопан на глубину 2,3 м. Под кирпичным полом прослежен слой строительного мусора толщиной 12–14 см, относящийся ко времени возведения свода над подцерковьем. Ниже зафиксирован пол из тесаных известняковых плит. Их размер составляет

Ил. 7. План церкви Георгия на Торгу.
Шурфы Т. В. Гладенко 1972–1973 гг.

69–77 × 10 см. Под уровнем пола открыт слой строительного мусора с известковым раствором мощностью от 20 до 40 см. Он связан с обрушением притвора в 1541 г. Под ним оказался пол из серых известняковых плит, уложенных в первоначальном притворе. Под полом выявлен слой строительного мусора мощностью 8–10 см — слой строительства первоначального западного притвора. Его перекрывал глиняный замок толщиной в 25–35 см. Под глиной зафиксирован слой строительства храма в 1356 г. (5–30 см). Его подстилал «слой черного грунта» — очевидно, культурный слой, отложившийся перед строительством храма в 1356 г., или слой кладбища. На всю глубину заложения фундамента (80 см) прослежен «грунт, перемешанный с серым щебнем». Такая конфигурация культурных отложений в целом характерна и для остальных шурфов, заложенных внутри западного притвора.

Основные конструкции, вскрытые в шурфе № 1: цоколь (плинт) четверика из серой известняковой плиты на известковом растворе кремового цвета, выступающий из плоскости стены на 19–22 см. Его фундамент состоит из трех рядов «булыжного камня, засыпанных грунтом, перемешанным с щебнем из серой плиты» (плитняка). На уровне основания фундамента обнаружены

остатки погребения в «деревянном выдолбленном гробу» (колоде).

В северном секторе шурфа удалось проследить кладку северной стены первоначального притвора. Кладка состоит из четырех рядов плит «красного известняка» (ракушечника) на известковом растворе кремового цвета.

Шурф № 2 — у центральной части северной стены. Он выкопан на глубину 2,35 м. Под кирпичным полом прослежен слой строительного мусора толщиной 40 см, состоящий из серого цвета известкового раствора и обломков известняка и ракушечника, — слой обрушения притвора в 1541 г. Под ним — уровень пола из известняковых плит. Под плитами зафиксирован слой строительного мусора от второго строительного периода. Его перекрывает слой коричневой глины толщиной в 40 см, который сменяют отложения серой глины (ил. 8).

В ходе работ установлено, что северная стена притвора сложена из серого известняка, в некоторых местах — из ракушечника. Фундамент представлен среднего размера булыжным камнем без раствора. В основании фундамента прослежен слой глины. Глубина его залегания составляет 115 см. Выше его основания открыты два погребения в «долбленных деревянных гробах, обложенных внутри берестой».

Шурф № 3 — в центральном секторе притвора. Выкопан на глубину 108 см до уровня фундамента первоначального притвора. При разработке шурфа были расчищены следы портала, а также сохранившаяся кладка его западной стены, сложенная из блоков ракушечника, скрепленных раствором светло-кремового цвета.

Шурф № 4 — заложен к югу от шурфа № 3. Его площадь составила 3,59 × 1,30 м, выкопан на глубину 80 см. При разработке шурфа были раскрыты остатки юго-западного угла первоначального притвора и верх его фундамента, зафиксирован уровень пола притвора второго строительного периода.

Шурф № 5 — в центральной части притвора в направлении южной лопатки в центральной трети четверика. Здесь были расчищены остатки кирпичного столба — прослежена кладка из шести рядов. В ее основании уложена серая известняковая

плита. В шурфе также зафиксированы уровень пола и часть западной стены первоначального притвора.

Шурф № 6 — в центральной части притвора в створе северной лопатки. Выкопан на глубину 58 см. При разработке шурфа было раскрыто основание квадратного в плане столба. Его размер составлял 93 × 97 см, формат кирпичей — 7 × 13 × 27 (28) см. Кирпичная кладка уложена на серую известняковую плиту толщиной 11–12 см. Под нее уложены четыре деревянных лежня диаметром 25 см. Лежни покоились на известняковой плите. Основное заполнение шурфа — слой строительного мусора, образованный от обрушения первоначального притвора.

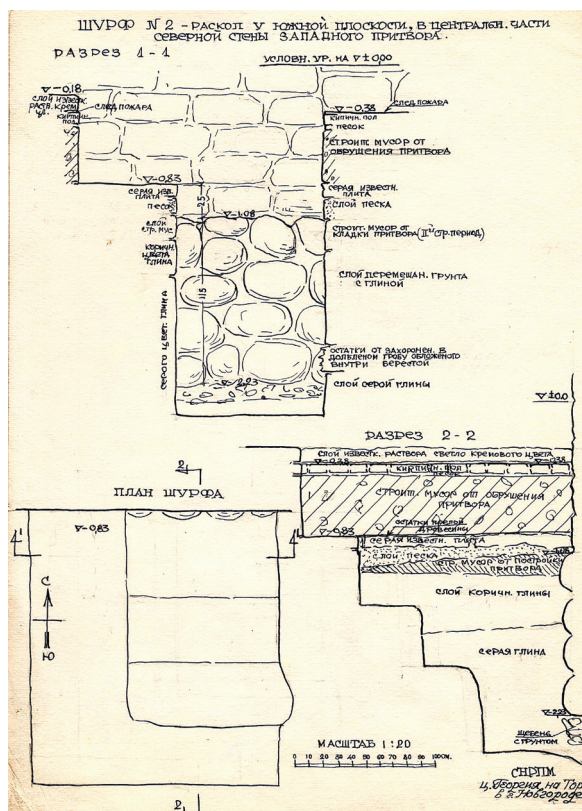
Шурф № 7 — северо-западнее шурфа № 6. Выкопан на глубину 2 м. В ходе работ была расчищена наружная часть северной стены первоначального притвора.

Шурф № 8 — в северо-западном секторе западного притвора. Изучена часть западной стены притвора второго строительного периода. В перевязь с ней открыта часть кладки от внутренней северной поперечной стены или пилона. Прослежен ее фундамент, сложенный из среднего и мелкого булыжника. Обнаружены остатки северной стены первоначального притвора.

Шурф № 14 — у юго-западного угла первоначального притвора. Прослежен фундамент притвора, сложенный из мелкого булыжного камня, обнаружена кладка юго-западного пилона притвора второго строительного периода — два ряда кладки из серого известняка на фундаменте из бутового камня.

В подцерковье был также снят верхний перемешанный слой, заложены шурфы № 9–12а. Зафиксированы участки первоначального пола из известняковых плит, обнаружены остатки кладки столбов XIV в. В шурфах № 9–10 прослежен верх ленточного фундамента из «булыжного камня на известковом растворе» между столбами и стенами храма.

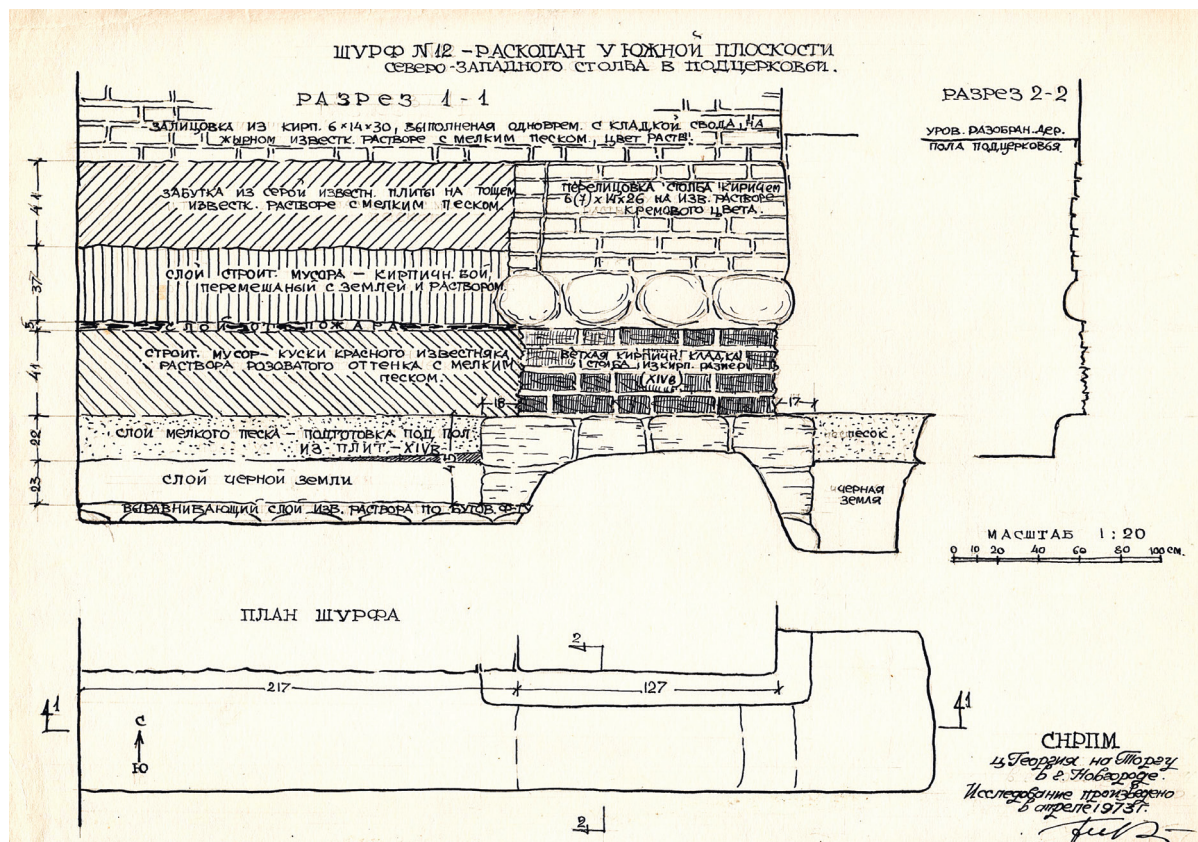
Шурф № 9 — в юго-западном углу подцерковья. Выкопан на глубину 1,2 м. Зафиксированы остатки первоначального пола из серой известняковой плиты, кладка юго-западного столба двух строительных периодов. От первоначальной

Ил. 8. Церковь Георгия на Торгу. Шурф № 2. 1972–1973 гг. Архив ННРУ. № Р-859

кладки столба сохранились четыре нижних ряда, выложенных кирпичом размером 8 × 14 × 28 см на известковом растворе. Выше этой кладки прослежена «подбутка» булыжным камнем. Залицовка столба выполнена из кирпича размером 6 × 14 × 26 см на известковом растворе кремового цвета. Из этого же кирпича выложен свод над западным притвором, что позволило Т. В. Гладенко отнести установку сводов и укрепление столбов к периоду после пожара 1541 г.

Стратиграфия отложений между столбом и южной стеной четверика, открытая в шурфе № 9, следующая: известняковая плита, под ней слой раствора с песком мощностью 38 см. Его перекрывал пласт строительного мусора (35 см). Далее следовал слой пожара толщиной 5–6 см. Его подстилал слой строительного мусора (48 см), состоящий из фрагментов ракушечника, обломков кирпича XVI в. и известкового раствора розового оттенка. Ниже прослежен

Ил. 9. Церковь Георгия на Торгу. Шурф № 12а. 1972–1973 гг. Архив ННРУ. № Р-859

песок (22 см) — подготовка под первоначальный пол храма. Под ней — черный культурный слой мощностью в 22 см. В дальнейшем прослежен выравнивающий слой известкового раствора в 2 см и верх ленточного фундамента из булыжного камня на известковом растворе.

В шурфах № 10–12а также зафиксированы конструкции северо-западного, юго-западного и юго-восточного столбов, кроме того — верхние части ленточных фундаментов, соединявших подкупольные столбы со стенами храма (северо-западный подкупольный столб — с западной стеной и юго-восточный — с южной), а также прослежены аналогичные культурные отложения (ил. 9).

Шурф № 12б заложен снаружи храма у южного портала четверика перпендикулярно южному фасаду с целью определения технического состояния стены. Его длина составила 5 м, а ширина — 0,8 м. Выкопан на глубину 2,3 м. В шурфе были раскрыты конструкции различных строительных периодов.

Непосредственно к южной стене примыкала кладка контрфорса XVIII в., который был разобран в ходе ремонтно-восстановительных работ 1948–1949 гг. От него сохранились четыре ряда кирпичей XIV в. вторичного использования на известковом растворе. Также была прослежена кладка восточной лопатки, сложенная из кирпича — через каждые три ряда тычков был уложен один ложковый ряд.

Шурф № 13 был заложен снаружи у южного фасада четверика, ближе к его юго-восточному углу. Глубина шурфа составила 2,7 м. При его разработке зафиксирован слой кладбища, прослежена кладка и верх фундамента часовни Федора Блаженного и углового контрфорса.

С целью раскрытия первоначальных форм в четверике и западном притворе проведена серия зондажей (№ 1–9, 11–13). В ходе их разработки были расчищены лопатки, остатки сводчатого перекрытия западного притвора, западный портал с арочным завершением, остатки лестницы,

ниша жертвенника. Зондаж № 10 был установлен на северной стене северного притвора с целью выявления следов его первоначального портала (Т. В. Гладенко северный притвор обозначала как придел Козьмы и Дамиана) (Гладенко, 1972а).

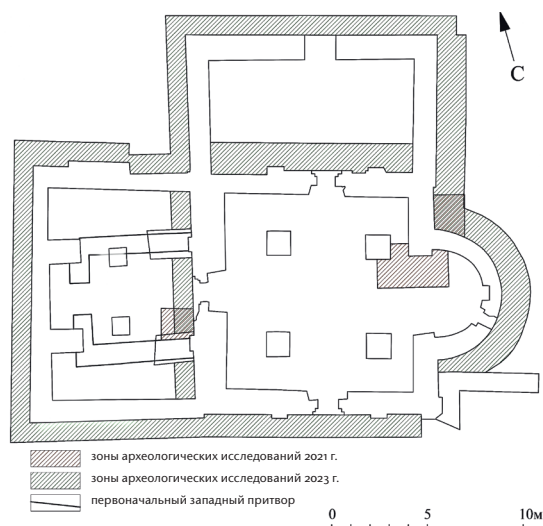
В 1986 г. основания пристроек были повторно законсервированы под руководством Г. М. Штендера, вычинена кладка сохранившихся участков стен (Секретарь, 2008. С. 209).

В рамках проектирования очередных ремонтно-реставрационных работ в 2021 г. М. А. Родионой были заложены три шурфа: один внутри (между стеной абсиды и северо-восточным столбом), два снаружи (у стыка абсиды и восточной стены; в западном притворе). В ходе данных разведочных работ был изучен фундамент западной и восточной стен храма, а также зафиксирован ленточный фундамент между восточными подкупольными столбами и северо-восточным столбом и восточной стеной храма (Родионова, 2021. С. 59–76).

В 2023 г. Новгородским архитектурно-археологическим отрядом Института археологии РАН под руководством А. А. Кудрявцева были проведены археологические исследования по периметру Георгиевской церкви в зоне проектируемых работ по установке гидроизоляции ее фундамента¹. В итоге храм и притворы оказались окаймлены одной траншеей площадью в 130,7 кв. м (ил. 10). Ее ширина составила 1–1,5 м. Согласно техническому заданию раскопки велись до верха фундамента.

В ходе полевых работ был изучен культурный слой мощностью от 0,5 до 3 м, зафиксированы остатки различных пристроек, открыта часть обширного многоярусного кладбища, датированного XIV–XVIII вв. (всего открыто 164 погребения).

При разработке шурфов, окаймляющих абсиду Георгиевской церкви, были расчищены северный фасад часовни Федора Блаженного и верхний ряд ее фундамента из валунов среднего размера, уложенных без раствора. К самой абсиде по ее контуру примыкала прикладка (платформа), поверхность которой проступила уже после снятия дерна. Она представляла собой грубую кладку

Ил. 10. План церкви Георгия на Торгу. Шурфы М. А. Родионовой 2021 г. и зона археологических исследований 2023 г.

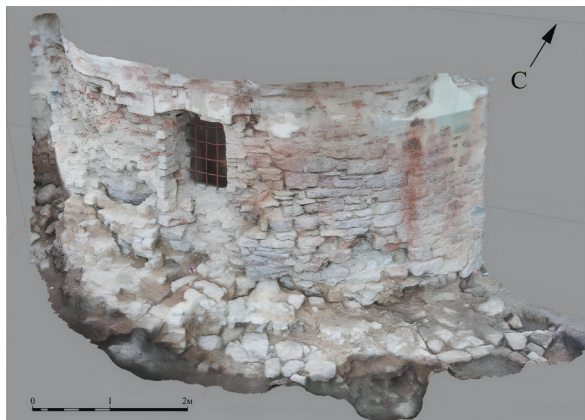
из обломков кирпичей, плитняка, ракушечника, валунов и плит. Сверху кладка была пролита известковым раствором (ил. 11). Ее размер составил 5,6–6,1 × 1–1,15 м.

В дальнейшем были проведены три стратиграфических разреза данного объекта: с юга, с севера и в центральной части с востока. Определено, что он залегал на глубину до 1,4 м. В разрезе № 1, проведенном в центральной части платформы, были зафиксированы крупные валуны, которые покоились на прямоугольной каменной плите (ил. 12). В остальной части платформа представляла собой сплошное скопление из строительных остатков, скрепленных сверху известковым раствором, что прослежено на примере стратиграфического разреза № 2, сделанного в ее северном секторе (ил. 13).

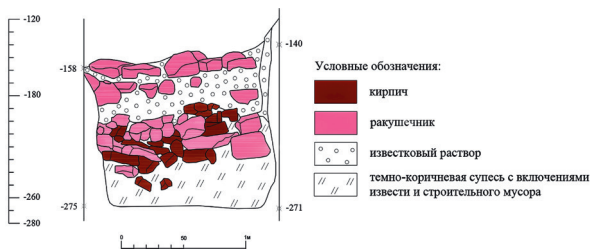
После фиксации разрезов была разобрана северная половина платформы. Под конструкцией был открыт комплекс деревянных свай — ее фундамент платформы в виде свайного поля. Сваи пробивали нижележащие погребения.

Данное сооружение, по всей видимости, было поставлено при перестройке церкви Георгия на Торгу в 1750–1754 гг. с целью укрепления части абсиды, сохранившейся от первоначального храма. Очевидно, что вместе с данной прикладкой

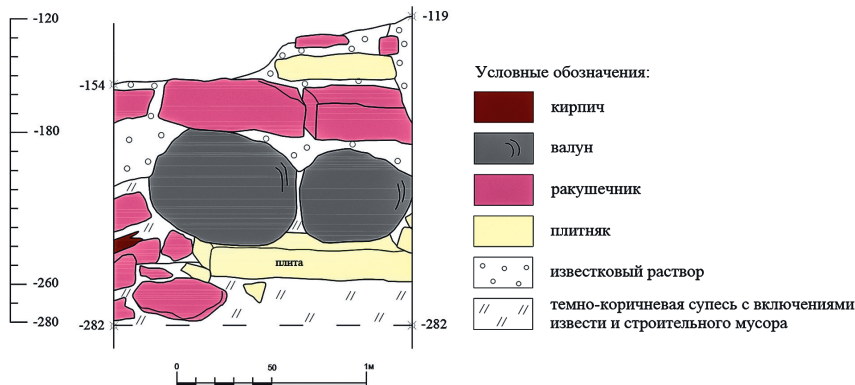
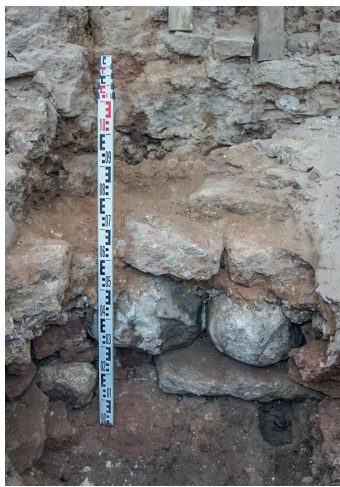
¹ Авторы выражают благодарность за консультации д. иск. Вл. В. Седову и к. иск. М. В. Вдовиченко (ИА РАН).

Ил. 11. Церковь Георгия на Торгу. Платформа (прикладка) абсиды. Вид с северо-востока и 3D-модель. Раскопки 2023 г.

Ил. 13. Церковь Георгия на Торгу. Стратиграфический разрез № 2 платформы (прикладки) абсиды. Вид с северо-запада. Раскопки 2023 г.

Ил. 12. Церковь Георгия на Торгу. Стратиграфический разрез № 1 платформы (прикладки) абсиды. Вид с востока. Раскопки 2023 г.

у абсиды были установлены и два контрфорса, разобранные при последующих реставрационных работах. Для XVIII–XIX вв. характерно использование различных прикладок для укрепления столбов и других конструкций, что прослежено при исследованиях ряда новгородских церквей,

но пока не удалось найти аналогии подобной платформе (прикладке).

При раскопках у северо-западного угла северного притвора была расчищена часть основания стены из массивных валунов, ориентированная по оси запад — восток. Валуны были скреплены

известковым раствором, а сверху на них были выявлены следы советского реставрационного раствора. Остатки данного сооружения, очевидно, были открыты и укреплены при реставрационных работах Т. В. Гладенко. Но в ее дневниках этот объект не отмечен. Он является частью северной стены галереи, примыкающей с запада к северному притвору, а с севера — к западному притвору. В шурфе у северо-западного угла западного притвора открыто скопление валунов, уложенных без раствора, — часть фундамента галереи. В письменных источниках галерея не упоминается. Можно осторожно предположить, что она была возведена в XVII–XVIII вв.

При исследованиях внутри северного притвора в юго-восточном углу была выявлена часть выкладки пола или вымостки из кирпичей двух форматов: конца XIV — начала XV в. и середины XV в. (6–7,5 × 14–15 × 28–29 см; 6,5 × 13,5–15 × 27–30 см)¹. Кирпичи были уложены без раствора (ил. 14).

При полевых работах у абсиды зафиксирован цоколь из известняковых прямоугольных плит. Верх фундамента открыт вдоль южного фасада храма — он представлен валунами среднего размера, пролитыми известковым раствором. Уровень фундамента северного притвора прослежен вдоль его восточного и западного фасадов. Он представлен фундаментным плинтом из прямоугольных блоков ракушечника, который покоится на валунах среднего размера, скрепленных известковым раствором.

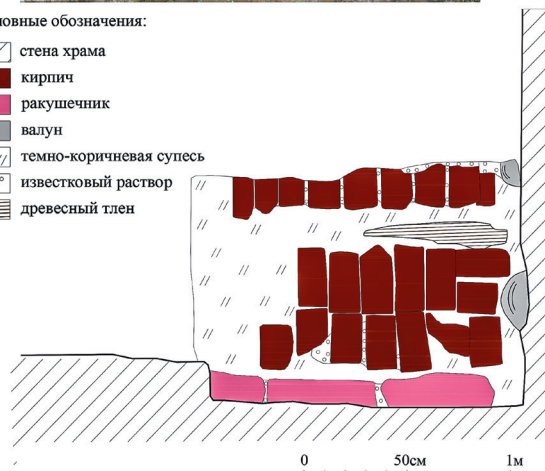
В шурфе, заложенном в западном притворе у западного портала, прослежен стык верха фундамента храма и первоначального притвора. В ходе работ у северо-западного угла основного объема храма зафиксирована перевязь фундамента северного притвора (валуны, пролитые раствором) и западного притвора (булыжники, уложенные без раствора).

К западу и востоку от северного портала четверика на уровне его фундамента расчищены участки фундаментных лент северного

Условные обозначения:

- стена храма
- кирпич
- ракушечник
- валун
- темно-коричневая супесь
- известковый раствор
- древесный тлен

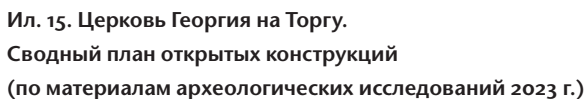

Ил. 14. Церковь Георгия на Торгу. Северный притвор. Кирпичная вымостка (пол). Вид с юга. Раскопки 2023 г.

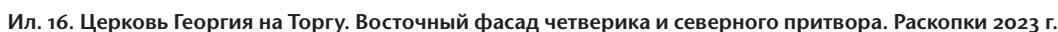
притвора — валуны среднего размера, скрепленные известковым раствором. Если западный притвор предварял главный вход в храм, то северный притвор, предположительно, являлся усыпальницей. В юго-западном углу на уровне фундамента здесь были зафиксированы погребение в гробу, крышка которого была обложена берестой, а также отдельная каннелированная плита саркофага с пазами. Северный притвор является наименее изученной частью Георгиевской церкви, вполне возможно, что внутри него могли сохраниться другие погребения и каменные погребальные конструкции.

Отметим, что ранее погребальный характер северного притвора церкви Георгия на Торгу предположил Вл. В. Седов, приведя его как аналогию южному притвору-усыпальнице церкви Спаса Преображения на Ковалеве вместе с церковью

¹ Исследования строительных растворов и строительной керамики проведены Е. Г. Яновской на базе Центра коллективного пользования ИА РАН. Авторы выражают Е. Г. Яновской благодарность за консультации.

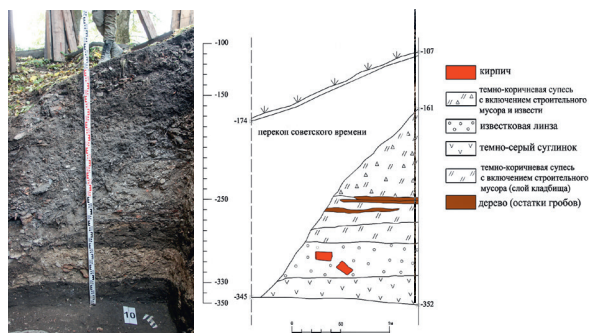
В процессе исследований у северо-восточного угла северного притвора при разборе слоя кладбища между ярусами погребений была зафиксирована известковая линза с небольшим количеством кирпичного боя мощностью в 33 см. Вероятно, она

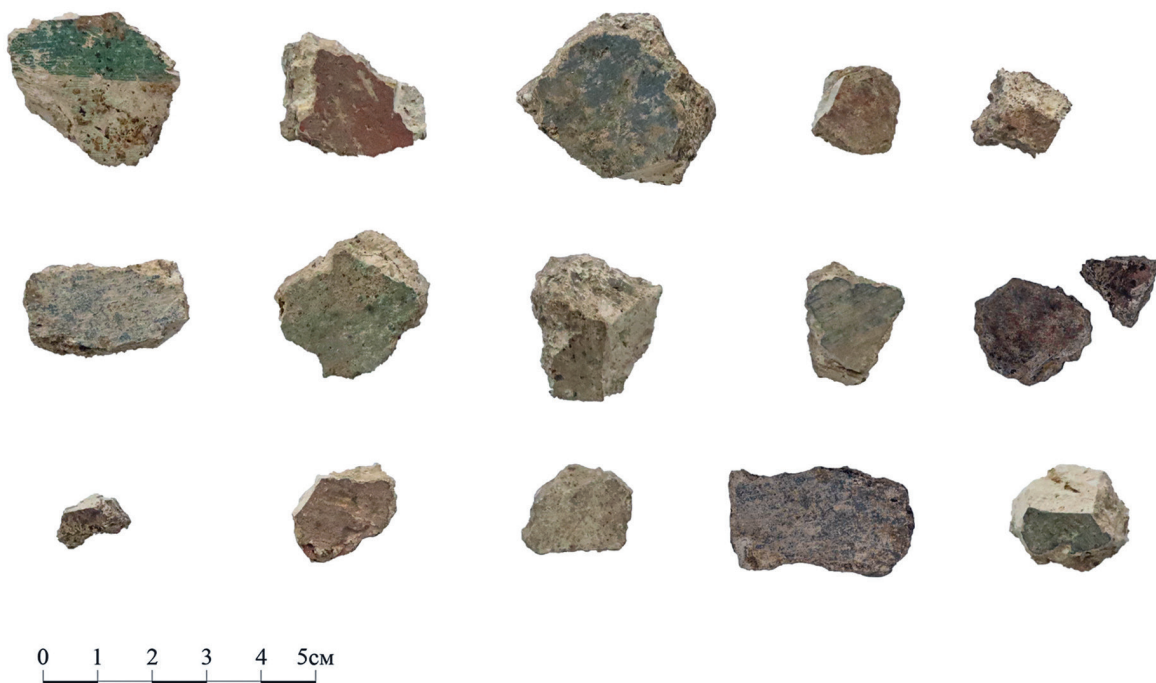
располагалась вдоль северного фасада северного притвора, но впоследствии была разрушена перекопом советского времени (ил. 18).

А. А. КУДРЯВЦЕВ, В. П. МАКАРОВА

белоглиняной керамики XVI–XVII вв., а также девять фрагментов фресок. Еще семь экземпляров было найдено при разборе слоя кладбища в шурфах, расположенных южнее (ил. 19). По всей видимости, данная прослойка является слоем перестройки храма после пожара или ремонта. Сведения о том, что он был расписан, отсутствуют. По совокупности признаков основная группа фрагментов фресок может быть отнесена к XII–XV вв. С учетом археологического контекста данный интервал можно сузить до XIV–XV вв.¹ Отметим, что при работах Т. В. Гладенко внутри основного объема храма над западным порталом

Ил. 18. Церковь Георгия на Торгу. Стратиграфический разрез у северо-восточного угла северного притвора с известковой линзой. Вид с юга. Раскопки 2023 г.

Ил. 19. Церковь Георгия на Торгу. Фрагменты фресок. Раскопки 2023 г.

была открыта ниша со следами фресковой росписи (Гладенко, 1973. С. 3; Секретарь, 2008. С. 207).

При разборе заполнения перекопа советского времени вдоль северного фасада западного притвора было выявлено пять фрагментов

керамических изразцов. Данный комплекс содержит три обломка рельефных безрамочных изразцов. Один из них покрыт глазурью коричневого оттенка, декорирован вазоном с цветами между растительными завитками. Два других фрагмента покрыты глазурью коричневого и зеленого оттенков, имеют декор в виде растительных завитков (ил. 20). В серии также представлены два обломка многоцветных поясковых фигурных изразцов с рельефным растительным узором на изогнутой части и геометрическим орнаментом из точек

¹ Исследование фрагментов стенового письма на базе оборудования Центра коллективного пользования Института археологии РАН проведено Е. Я. Зубавичусом. Авторы выражают благодарность Е. Я. Зубавичусу за консультацию.

Ил. 20. Церковь Георгия на Торгу. Фрагменты рельефных безрамочных изразцов. Раскопки 2023 г.

и треугольников на «полочке». Подобные изразцы датируются второй половиной XVII в. (Маслих, 1983. Ил. 78, 81, 131, 139)¹.

Т. В. Гладенко, описывая работы в четверике, периодически упоминала находки фрагментов изразцов, не приводя их изображений: «с однотонной коричнево-зеленой поливой»; «темно-зеленой поливой и рельефным изображением орнамента»; «остатки неполивных изразцов с рельефным изображением геометрического и растительного орнамента» (Гладенко, 1972б. С. 27–28, 30–31). Можно осторожно предположить, что выявленные в 2023 г. обломки изразцов являются частью этой коллекции. Они могли попасть в зону перекопа у западного притвора при засыпке траншей в период проведения реставрации 1972–1973 гг.

Церковь Георгия на Торгу, возведенная в 1356 г., остается единственным сохранившимся храмом, относящимся к улице Лубянице. Остальные ее церкви, Луки и Дмитрия Солунского на Торгу, были впоследствии разобраны. Первоначальная каменная Георгиевская церковь в нижних частях показывает скромную архитектуру, из-за чего, после капитальной перестройки середины XVIII в.,

она оказалась в тени ряда более ярких и к тому же расписанных новгородских храмов второй половины XIV в.

Сейчас Георгиевская церковь характеризуется как «обычный приходской храм», возведенный уличанами, «не имеющий отличительных черт, известных по другим постройкам времени архиепископа Моисея» (Антипов, 2019. С. 137). Тем не менее введение в научный оборот неопубликованных архивных материалов по реставрации вместе с данными архитектурно-археологических исследований 2023 г. позволяет в полной мере представить развитие плана храма и его строительную историю. На раннем этапе своей истории это был довольно крупный (12 × 12 м) четырехстолпный одноглавый храм с лестницей в западной стене, с запада к нему примыкал притвор. Выделяют этот храм и ленточные фундаменты между столбами и стенами. Через какое-то время (в пределах второй половины XIV в.) к основному храму примкнул широкий северный притвор. Все эти части сложились в заметный комплекс, который сопровождал обширный многоярусный некрополь, исследованный пока фрагментарно.

Список литературы

- Антипов И. В. Архитектура Новгорода и Пскова // История русского искусства. Т. 4. Искусство середины XIII — середины XIV века. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2019. С. 80–147.
- Гладенко Т. В. Журнал ведения научных исследований по памятнику архитектуры XIV–XVIII вв. церковь Георгия на Торгу в г. Новгороде // Архив ННРУ. 1972а. Р-859. 43 л.
- Гладенко Т. В. Церковь Георгия на Торгу в г. Новгороде. Полевой дневник // Архив ННРУ. 1972б. Р-859. 75 л.
- Гладенко Т. В. Научный отчет об исследовании западного притвора ц. Георгия на Торгу в г. Новгороде // Архив ННРУ. 1973. Р-871. 13 л.
- Каргер М. К. Новгород Великий. Архитектурные памятники древнего Новгорода. Л.; М.: Искусство, 1961. 310 с.
- Макарий (Миролюбов Н. К., архим.). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. Древние церкви в Новгороде и его окрестностях. М.: в тип. В. Готье, 1860. 654 с.

¹ Авторы выражают благодарность за консультации Н. И. Иорданской (ГИМ).

Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изобразительное искусство, 1983. 28 с.

ПСРЛ. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 239 с.

Родионова М. А. Отчет об археологических раскопках на территории Ярославова дворища и Торга в г. Великом Новгороде в 2021 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 79101. 210 л.

Седов Вл. В. Церковь Спаса-Преображения на Ковалева // Новгородские древности. Вып. V. М.: О-во историков архитектуры, 2000. С. 47–80. (Архив архитектуры; вып. XI).

Секретарь Л. А. Церковь Георгия на Торгу // Великий Новгород. История и культура: энцикл. слов. / отв. ред. В. Л. Янин. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 482–483.

Секретарь Л. А. Церковь вмч. Георгия на Торгу // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области: каталог / сост. М. И. Мильчик. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», 2008. С. 207–209.

Трифонов А. Н. Великий Новгород в XX веке: к 1150-летию города. М.: Северный паломник, 2009. 390 с.

Ядрышников В. А. Чудо возрождения. История новгородской архитектурной реставрации. СПб.: Крива, 2017. 368 с.

Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 108–117.

References

Antipov I. V. Arkhitektura Novgoroda i Pskova // Istoriya russkogo iskusstva. 4. Iskustvo serediny XIII — serediny XIV veka. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvovedeniya, 2019. P. 80–147.

Gladenko T. V. Zhurnal vedeniya nauchnykh issledovaniy po pamyatniku arkhitektury XIV–XVIII vv. tserkov' Georgiya na Torgu v g. Novgorode // Arkhiv Novgorodskogo nauchno-restavratsionnogo upravleniya. 1972a. R-859. 43 l.

Gladenko T. V. Tserkov' Georgiya na Torgu v g. Novgorode. Polevoy dnevnik // Arkhiv Novgorodskogo nauchno-restavratsionnogo upravleniya. 1972b. R-859. 75 l.

Gladenko T. V. Nauchnyy otchet ob issledovanii zapadnogo pritvora ts. Georgiya na Torgu v g. Novgorode // Arkhiv Novgorodskogo nauchno-restavratsionnogo upravleniya. 1973. R-871. 13 l.

Karger M. K. Novgorod Velikiy. Arkhitekturnye pamyatniki drevnego Novgoroda. Leningrad; Moscow: Iskustvo, 1961. 310 p.

Makariy (Mirolyubov N. K., arkhim.). Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostey v Novgorode i ego okrestnostyakh. 1. Drevnie tserkvi v Novgorode i ego okrestnostyakh. Moscow: v tipografii V. Got'e, 1860. 654 p.

Maslikh S. A. Russkoe izraztsvoe iskusstvo XV–XIX vv. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1983. 28 p.

Polnoe sobranie russkikh letopisey. XXX. Vladimirskiy letopisets. Novgorodskaya vtoraya (Arkhivskaya) letopis'. Moscow: Nauka, 1965. 239 p.

Rodionova M. A. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Yaroslavova dvorishcha i Torga v g. Velikom Novgorode v 2021 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. R-1. № 79101. 210 l.

Sedov Vl. V. Tserkov' Spasa-Preobrazheniya na Kovaleve // Novgorodskie drevnosti. V. Moscow: Obshchestvo istorikov arkhitektury, 2000. P. 47–80. (Arkhiv arkhitektury; XI).

Sekretar' L. A. Tserkov' Georgiya na Torgu // Velikiy Novgorod. Istoriya i kul'tura: entsiklopedicheskiy slovar' / ed. V. L. Yanin. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. P. 482–483.

Sekretar' L. A. Tserkov' vmch. Georgiya na Torgu // Arkhitekturnoe nasledie Velikogo Novgoroda i Novgorodskoy oblasti: katalog / comp. M. I. Mil'chik. St. Petersburg: Fond sodeystviya restavratsii pamyatnikov istorii i kul'tury "Spas", 2008. P. 207–209.

Trifonova A. N. Velikiy Novgorod v XX veke: k 1150-letiyu goroda. Moscow: Severnyy palomnik, 2009. 390 p.

Yadryshnikov V. A. Chudo vrozozhdeniya. Istoriya novgorodskoy arkhitekturnoy restavratsii. St. Petersburg: Kriga, 2017. 368 p.

Yanin V. L. "Semisobornaya rospis'" Novgoroda // Srednevekovaya Rus'. Moscow: Nauka, 1976. P. 108–117.

Illustrations

Fig. 1. Plan of the Church of St. George on the Marketplace, 1356

Fig. 2. Plan of the Church of St. George on the Marketplace, showing the northern and two western narthexes from different periods. Second half of the 14th century

Fig. 3. Church of St. George on the Marketplace. View from the west. Watercolour by D. B. Savitsky, 1944–1945. GNIMA Archive, No. OF 1763/15

Fig. 4. Church of St. George on the Marketplace. View from the south. Watercolour by D. B. Savitsky, 1944–1945. GNIMA Archive, No. OF 1763/11

Fig. 5. Plan of the Church of St. George on the Marketplace, compiled 1949–1950. NNRU Archive, No. 1116

Fig. 6. Church of St. George on the Marketplace. View from the west, 1950s. GNIMA Archive, No. NF-OF 1394/245.

Fig. 7. Plan of the Church of St. George on the Marketplace. T. V. Gladenko's excavation trenches (1972–1973)

Fig. 8. Church of St. George on the Marketplace. Excavation trench No. 2, 1972–1973. NNRU Archive, No. R-859

Fig. 9. Church of St. George on the Marketplace. Excavation Trench No. 12a, 1972–1973. NNRU Archive, No. R-859

Fig. 10. Plan of the Church of St. George on the Marketplace. M.A. Rodionova's trenches (2021) and the archaeological research area (2023)

Fig. 11. Church of St. George on the Marketplace. The apse platform (annex). View from the north-east and 3D model. Excavations of 2023

Fig. 12. Church of St. George on the Marketplace. Stratigraphic section no. 1 of the apse platform (annex). View from the east. Excavations of 2023.

Fig. 13. Church of St. George on the Marketplace. Stratigraphic section no. 2 of the apse platform (annex). View from the north-west. Excavations of 2023

Fig. 14. Church of St. George on the Marketplace. Northern narthex. Brick pavement (floor). View from the south. Excavations of 2023

Fig. 15. Church of St. George on the Marketplace. Composite plan of the exposed structures based on archaeological research materials from 2023

Fig. 16. Church of St. George on the Marketplace. Eastern façade of the quadrangle and northern narthex. Excavations of 2023

Fig. 17. Church of St. George on the Marketplace. Southern façade of the quadrangle. Excavations of 2023

Fig. 18. Church of St. George on the Marketplace. Stratigraphic section at the north-eastern corner of the northern narthex with limestone lens. View from the south. Excavations of 2023

Fig. 19. Church of St. George on the Marketplace. Fresco fragments. Excavations of 2023

Fig. 20. Church of St. George on the Marketplace. Fragments of frameless relief tiles. Excavations of 2023

A. A. Kudryavtsev, V. P. Makarova. The Church of St. George on the Marketplace in Veliky Novgorod: history of restoration and architectural-archaeological research in 2023

Abstract. The main architectural information about the Church of St. George on the Marketplace was gathered during restoration work in 1949–1950 and thorough restoration surveys in 1972–1973. In 2023, architectural and archaeological research was conducted around the church and its narthexes, down to the level of the foundations. Drawing on unpublished archival documents detailing the restoration history (including plans, measurements and diaries), as well as the results of the 2023 excavations, this study characterises the construction history of the Church of St. George on the Marketplace in the context of the development of Novgorod architecture in the 14th century.

Keywords: Veliky Novgorod, Yaroslav's Court and Marketplace, Church of St. George on the Marketplace, 14th-century Novgorod architecture, restoration, foundation.

Kudryavtsev Andrey Alekseevich, candidate of history, research fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, a-kudravtsev@yandex.ru.

Makarova Valeriya Pavlovna, applicant for candidate degree, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, makarova.valeria@gmail.com.

К вопросу о мастерах князя Владимира Мономаха и его сына: результаты технологического исследования фрагментов стеного письма из раскопок в Суздальском кремле

Е. Я. ЗУБАВИЧУС

ВВЕДЕНИЕ. Археологические раскопки последних десятилетий дали богатейший материал для изучения памятников монументальной живописи XII в. Современные методы позволяют извлекать ценную информацию даже из небольших фрагментов, которые регулярно открываются при археологических работах в древних храмах. Многочисленные фрагменты стеного письма были найдены в Новгороде (Росписи ... , 2024. С. 17–21.). В Старой Ладогe собрана обширная коллекция фрагментов из Георгиевской церкви и других храмов (Васильев, 2006; 2017). В Северо-Восточной Руси фрагменты росписей XII в. обнаружены у суздальского Рождественского собора, в церкви Бориса и Глеба в Кидекше, Спасо-Преображенском соборе Переславля-Залесского, в Юрьеве-Польском, при работах во Владимире и в Боголюбове (Гордин, 2004; Зубавичус и др., 2021). Эти и другие раскопки дали множество новых материалов, которые раньше не были доступны. На фрагментированных росписях сложнее исследовать иконографию и стиль, но эти находки хорошо подходят для изучения материалов и технологии живописи с применением современных методов.

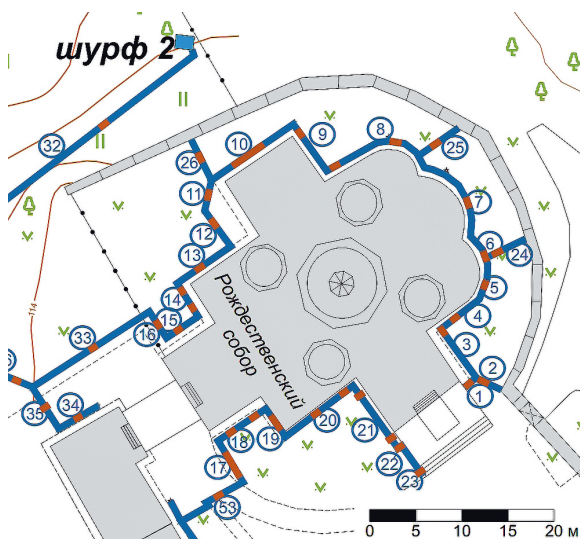
В 2014 г. при раскопках под руководством Ю. О. Данилова рядом с Рождественским собором в Суздале в шурфе № 2 обнаружен слой переложенных остатков плинфы и других материалов разрушенного собора, в том числе фрагментов

[HTTPS://DOI.ORG/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.118-136](https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.118-136)

Аннотация. В статье представлены результаты аналитических исследований фрагментов стеного письма из Суздальского собора Владимира Мономаха. Большинство фрагментов относится ко времени строительства собора на рубеже XI–XII вв. Использовались методы РЭМ-ЭРМ, КР-спектроскопии и оптической микроскопии. Определены состав интонако и используемые пигменты. Аналогии среди материалов и приемов работы говорят о связи с росписями новгородских храмов начала XII в.

Ключевые слова: монументальная живопись, Средние века, фреска, технология, пигменты, КР-спектроскопия, РЭМ-ЭРМ/СЭМ-ЭДС.

Зубавичус Евгений Янович — младший научный сотрудник, аспирант, Лаборатория архитектурной археологии и междисциплинарного изучения архитектурных памятников, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, teremion@gmail.com.

Ил. 1. Расположение шурфа 2. План Ю. О. Данилова
(по: Данилов, 2014)

Ил. 2. Переотложенные остатки собора Владимира
Мономаха в шурфе 2. Вид с севера.
Фото Ю. О. Данилова (по: Данилов, 2014)

стенного письма (ил. 1, 2). Эти остатки, как было установлено, относятся к несохранившемуся собору князя Владимира Мономаха, построенному из плинфы на рубеже XI–XII вв. (Данилов, 2014). Позднее первый собор был разрушен, и в 1222–1225 гг. на его месте был возведен новый (Седов, 2023. С. 261–264). В данной работе рассмотрены материалы и технологические особенности стеновых росписей рубежа XI–XII вв. из разрушенного собора. Цель работы — проверить возможную

Ил. 3. Общий вид образцов (фрагментов стенового
письма)

связь между художниками собора Мономаха и росписями новгородских храмов в начале XII в.¹

Материалы и методы. Для исследований была подготовлена выборка из 28 фрагментов стенового письма (ил. 3). Сначала все образцы изучались на оптическом микроскопе. Затем для определения пигментов был проведен анализ методом спектроскопии комбинационного рассеяния (рамановская спектроскопия). Для изучения элементного состава и микростратиграфии из кусочков всех образцов были подготовлены непрозрачные шлифы по описанной методике (Росписи ... , 2024. С. 70).

¹ Исследование «К вопросу о мастерах князя Владимира Мономаха и его сына: результаты технологического исследования фрагментов стенового письма из раскопок в Суздальском кремле» выполнялось с использованием приборной базы Центра коллективного пользования при ИА РАН (г. Москва). Исследование выполнено в рамках коллективной плановой темы «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье», руководитель В. Ю. Коваль (№ НИОКТР 122011200266-3).

Шлифы повторно исследовались на оптическом микроскопе, а после нанесения токопроводящего углеродного покрытия — на растровом электронном микроскопе (РЭМ). При идентификации пигментов учитывались результаты, полученные разными методами, что существенно повысило точность и достоверность определения.

Оптическая микроскопия. Мы использовали модельный микроскоп ADF W300. Изучение в косом свете позволяет определить последовательность наложения красочных слоев на краях фрагментов и в местах утраты, а осмотр при большом увеличении помогает понять, из каких компонентов состоят краски и их смеси.

Спектроскопия комбинационного рассеяния (КР). Метод спектроскопии комбинационного рассеяния основан на взаимодействии монохроматического света лазера с веществом образца. Регистрируемые спектры отражают изменения длины волны лазера из-за молекулярных колебаний определенных химических связей изучаемого материала. Сопоставляя полученный спектр с эталонными, можно идентифицировать многие неорганические пигменты и минералы, а также некоторые органические вещества. Метод показал высокую эффективность в исследовании произведений искусства и археологических артефактов, поскольку он является неразрушающим и обычно не требует пробоподготовки (Marucci et al., 2018). Исследования проводились на оптическом микроскопе ADF U300M, оснащенный анализатором «Инспектр» R532 с лазером 532 нм. Мощность лазера подбиралась в зависимости от типа образца. Измерения проводились в спектральном диапазоне $160\text{--}4000\text{ см}^{-1}$ с разрешением $4\text{--}6\text{ см}^{-1}$. Идентификация пигментов проводилась с использованием базы спектров RRUFF и научных публикаций спектров исторических пигментов (Marucci, 2018), спектров глауконита и селадонита (Ospitali et al., 2008), оксидов и гидроксидов железа (Hanesch, 2009).

Растровая электронная микроскопия с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом (РЭМ-ЭРМ). В растровом электронном микроскопе используется сфокусированный пучок электронов, который сканирует поверхность и позволяет получать изображения с большим увеличением. При взаимодействии с пучком

электронов образец испускает характеристическое излучение, фиксируемое энергодисперсионным детектором. Это позволяет определять, из каких химических элементов состоит образец. Для получения наиболее точных результатов необходимо, чтобы поверхность образца была плоской и электропроводной. Анализ шлифов дает более точные результаты, чем анализ неподготовленных образцов. Исследования проводились на сканирующем электронном микроскопе TESCAN VEGA Compact LMH с энергодисперсионным детектором Xplore 15 при ускоряющем напряжении 20 кВ и токе пучка 10 нА в режиме высокого вакуума (10^{-3} Па).

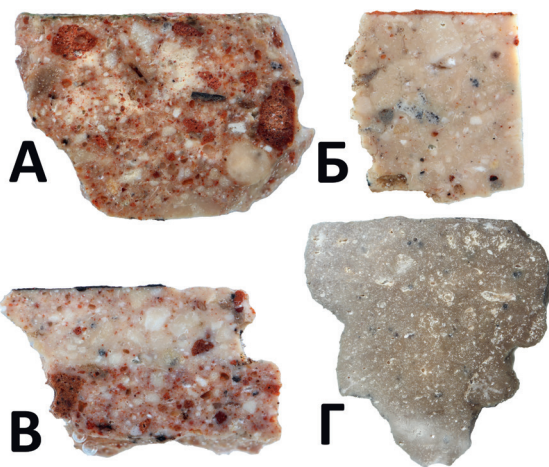
Результаты и обсуждение

Подготовительные слои. В данной работе под термином «интонако» подразумевается верхний (или единственный) слой специальной штукатурки, по поверхности которой велась роспись. Считается, что интонако готовили и наносили художники, а не строители. Л. В. Бетин предполагал, что рецепт знал лишь главный мастер в артели художников, он держался в строжайшем секрете (Бетин, 1976).

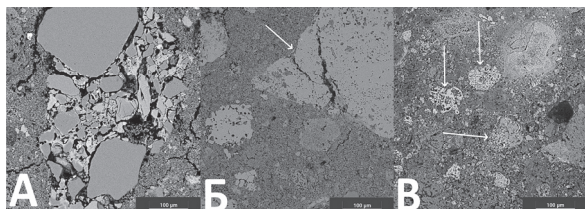
Так или иначе, интонако — важнейший элемент стенного письма. При описании интонако принято выделять основную массу, а также различные включения (фрагменты кирпича, солома, известняк, мрамор и т. д.), которые могли добавляться для улучшения свойств материала.

В рассматриваемой выборке выделяется три типа интонако. Различия четко видны в шлифах (ил. 4).

Интонако типа S1 отличается розоватым цветом, связанным с добавлением цемьянки (ил. 4: А). Основная масса состоит из мелкокристаллического карбоната кальция. На микроуровне наблюдаются множественные поры неправильной формы размером 3–5 мкм (ил. 7–9 (слой 1)). Эти поры равномерно распределены и не создают трещин или дефектов. Такая структура основной массы характерна для большинства штукатурок XI–XII вв. на территории русских княжеств. Именно она обуславливает баланс между легкостью и прочностью материала, способствуя удержанию на стенах. Мы предполагаем, что такая структура может

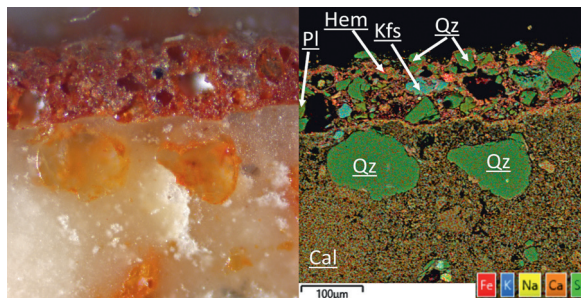
Ил. 4. Поперечные профили фрагментов стеного письма; А — тип S1 (фр. № 201); Б — тип S2 (фр. № 262); В — одновременное использование типов S1 и S2 (фр. № 251); Г — тип S3 (фр. № 251)

Ил. 5. Типичные включения в разных типах интонако. Изображения в обратнорассеянных электронах (BSE): А — цемянка (фр. № 290); Б — известняк (фр. № 218); В — доломит (фр. № 269)

возникать при длительном гашении извести или из-за добавления органического клея. Эти приемы описаны в других статьях (Филатов, 1968; Кукс, Лукьянова, 2012).

Введение твердых наполнителей, таких как цемянка и известняк, необходимо для уменьшения усадки известкового раствора при высыхании. Зерна цемянки непрочные, размером до 5 мм. Цемянка состоит из спекшейся ожелезненной глины с большим количеством неокатанного кварц-полевошпатового песка размерностью 1 мм — 100 мкм (ил. 5: А). Песок встречается также в виде отдельных зерен, но часто на его поверхности присутствуют остатки ожелезненной глины (ил. 6). Эти зерна песка являются остатками мелко перетертых кусков цемянки. Известняк отличается более плотной структурой по сравнению с застывшей известью

Ил. 6. Фр. № 292. Строение красного красочного слоя. Микрофотография и карта распределения элементов.

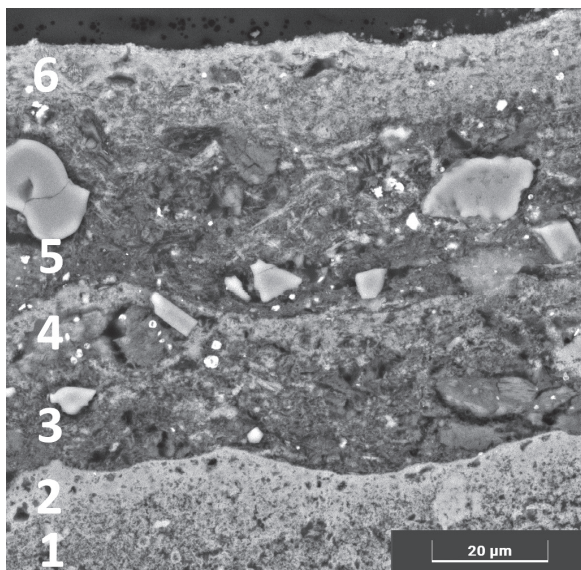
По элементному составу выделены минералы: Hem — гематит, Qz — кварц, Pl — плагиоклазы, Kfs — калиевые полевые шпаты, Cal — кальцит.

(ил. 5: Б). Размер зерен обычно от 100 мкм до 5 мм, сортировка по размерности плохая. Зерна известняка имеют острые углы — следы измельчения. Еще встречаются небольшие (2–3 мм) округлые образования с резко повышенной пористостью — так называемые комки извести (англ. lime lumps). Считается, что эти комки возникают в процессе производства раствора непреднамеренно.

Растительные включения представлены фрагментами стеблей злаковых растений. Они в толщину не превышают 1 мм, а в длину могут достигать 5–7 мм. Эти добавки, вероятно, выполняли армирующую функцию, а также способствовали доступу вглубь интонако углекислого газа, необходимого для затвердевания извести.

Интонако типа S2 имеет светло-серый цвет (ил. 4: Б). Вяжущим компонентом является гашеная известь с той же структурой, что и в интонако типа S1. В качестве добавок использован в основном известняк. Цемянка и песок присутствуют в незначительных количествах. Фрагменты стеблей злаков также присутствуют. Подробное описание включений не приводится, поскольку они имеют те же особенности, что и в типе S1.

Одновременное использование растворов типа S1 и S2 зафиксировано на образце № 251. Отсутствие между слоями четкой границы или зоны карбонизации свидетельствует о том, что оба слоя наносились одновременно или почти одновременно (до застывания нижнего слоя). Таким образом, фрагменты с интонако типа S1 и S2 относятся к одному периоду росписей собора.

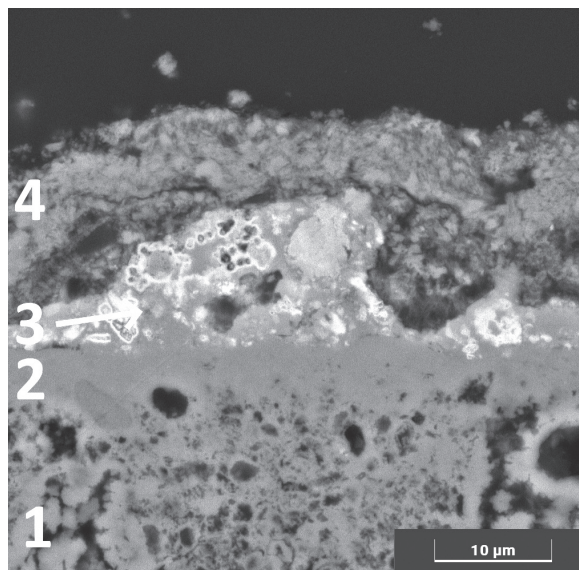

Ил. 7. Фр. № 342. Поперечный профиль красочных слоев. Изображение в обратнорассеянных электронах (BSE): 1 — интонако; 2 — зона пониженной пористости; 3 — первый слой графитовой глины; 4 — прослойка карбоната кальция над первым слоем (зона карбонизации); 5 — второй слой графитовой глины; 6 — слой зеленой земли (глауконит + селадонит)

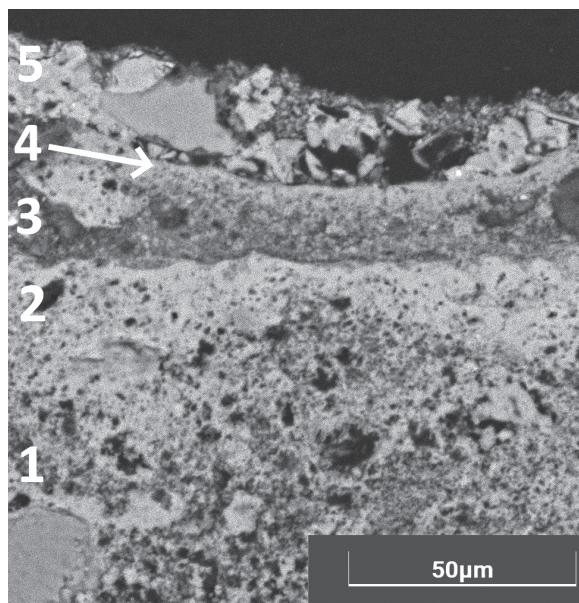
У поверхности интонако типа S1 и S2 (непосредственно под красочными слоями) обычно наблюдается зона пониженной пористости. Мы предполагаем, что она возникает из-за давления инструмента при заглаживании и полировке поверхности интонако (ил. 7–9).

Интонако типа S3 имеет светло-серый цвет и однородную структуру. Визуально никакие включения в растворе не видны (ил. 4: Г). Фрагменты с этим типом интонако отличаются от остальных скругленными, как бы окатанными краями. Вяжущим компонентом является известь. Основная масса отличается меньшей пористостью по сравнению с типами S1 и S2. Из включений присутствуют мелкий известняк и доломит (ил. 5: В). Единично встречаются крупные зерна кварца, размером до 1 мм, который, в отличие от кварца в типах S1 и S2, имеет окатанную форму. Изредка встречаются небольшие растительные волокна и вытянутые полости от них.

Отличия в составе интонако типа S3 свидетельствуют о том, что оно приготовлено с исполь-

Ил. 8. Фр. № 299. Поперечный профиль красочных слоев. Изображение в обратнорассеянных электронах (BSE): 1 — интонако; 2 — зона пониженной пористости; 3 — слой красной охры; 4 — поверхностные загрязнения известью

Ил. 9. Фр. № 325. Поперечный профиль красочных слоев. Изображение в обратнорассеянных электронах (BSE): 1 — интонако; 2 — зона пониженной пористости; 3 — слой графитовой глины; 4 — прослойка карбоната кальция (зона карбонизации); 5 — лазурит

зованием сырья из другого источника и иной технологии производства. Фрагменты S3 связаны с отдельным периодом росписи или поновления. Эти фрагменты будут рассмотрены в отдельной публикации.

Аналогичные типы интонако были выявлены в предыдущем исследовании, однако авторы дали типам другую интерпретацию. Тип 1 с цемянкой был определен как первоначальная штукатурка Мономахова собора, а «известковая штукатурка» (у нас S2) была принята за остатки поновлений первоначальной росписи (Медникова и др., 2000).

Наши результаты указывают, что типы S1 и S2 относятся к одному периоду живописных работ. В обоих этих типах использованы одинаковые компоненты, а различия заключаются лишь в их соотношении. Отсутствие зоны карбонизации между слоями S1 и S2 на образце № 342 указывает на одновременное наложение этих подготовительных слоев (ил. 4: B).

Пигменты в росписях Суздальского собора.

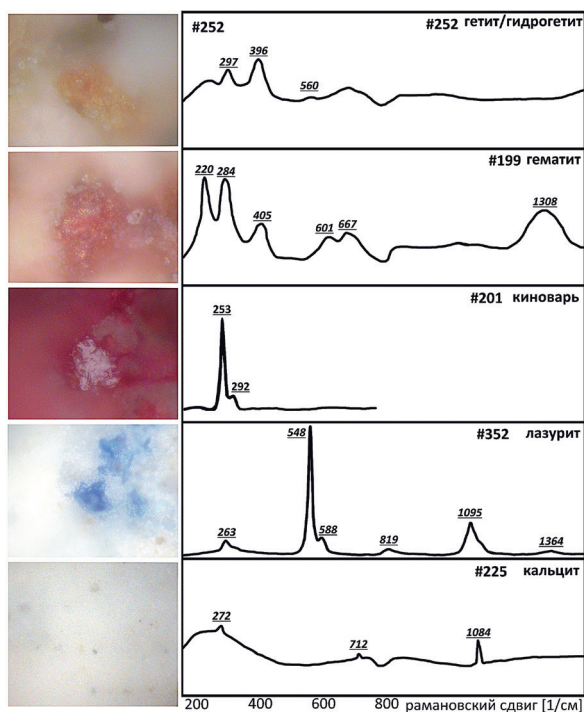
Предыдущие исследования выявили основные пигменты (охру, киноварь, ляпис-лазурь, зеленую

и черную земли), но без учета их связи с типами интонако (Медникова и др., 2000. С. 73). На современном оборудовании (см. **Материалы и методы**) удалось идентифицировать пигменты более детально, а исследование шлифов позволило определить последовательность нанесения красочных слоев и связь набора пигментов с определенным типом интонако.

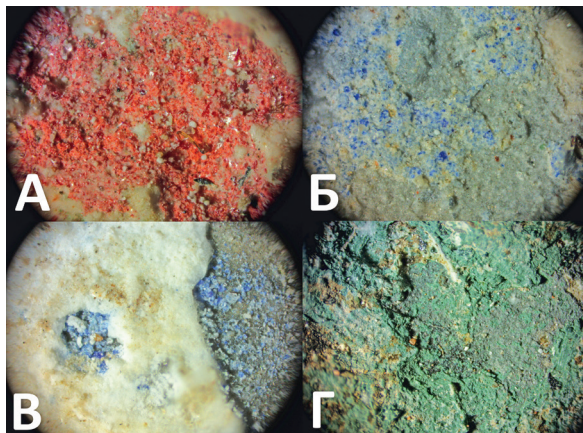
Набор пигментов на интонако типа S1 и S2 оказался схожим, что подтверждает их одновременность. Большинство красных пигментов — это красные охры с тонкозернистым песком. Они состоят из смеси гематита с глинистыми примесями и более крупных минеральных зерен (ил. 10). Крупные зерна представлены тонкозернистым песком (размер частиц до 120 мкм), состоящим преимущественно из кварца, в меньшей степени из калиевых полевых шпатов и плагиоклазов (ил. 6). На фрагменте № 299 использована другая красная охра без песка (ил. 8). В элементном составе всех красных охр преобладает железо, присутствие других элементов связано с различными примесями (глина, песок и др.) Хорошо заметно, что в охре с песком содержится больше кремния (табл. 1).

В небольших количествах отмечается использование киновари на фрагментах № 201, 290, 395, но только на фрагменте № 201 она составляет полноценный красочный слой, а не является единичными зернами (ил. 11: A). Идентификация киновари возможна по сочетанию высокой концентрации серы и ртути (табл. 1), а также по характерному спектру КР (ил. 10). Размер частиц киновари небольшой — до 20 мкм. Она может быть как натуральной, так и искусственной, приготовленной по сухому процессу (Gettens et al., 1972), который в XII в. уже был известен в Новгороде (Колчин и др., 1981. С. 126–127).

Желтый пигмент обнаружен только на фрагментах типа S2. Возможно, художники намеренно старались наносить этот пигмент на более светлую штукатурку, стремясь получить желтый цвет с эффектом внутреннего свечения. Как и в случае с красной, желтая охра состоит из основной глиноподобной массы, содержащей гетит/гидрогетит, а также более крупных частиц неокатанного песка размером до 120 мкм, такого же как в красной охре

Ил. 10. Спектры КР выявленных пигментов в диапазоне 160–1500 см⁻¹

Ил. 11. Поверхность красочных слоев.

Микрофотографии при увеличении X200:

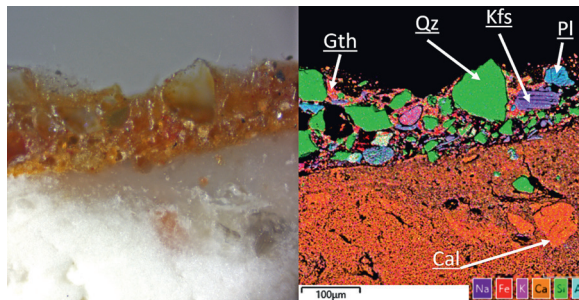
А — киноварь (фр. № 201); Б — лазурит, нанесенный поверх графитовой глины (фр. № 352); В — лазурит, сохранившийся под слоем белил (фр. № 386); Г — зеленая земля, нанесенная поверх графитовой глины (фр. № 421)

(ил. 12). Присутствие гетита/гидрогетита установлено по КР-спектроскопии (ил. 10).

Преимуществом охр с песком, вероятно, был особый оптический эффект, который они давали на стене. Кристаллики кварца и полевых шпатов переливались при определенном освещении, подобного эффекта добивались и мозаичисты, когда намеренно располагали кубики смальты под углом к поверхности.

Зеленый пигмент на образцах № 201, 342, 384, 418, 421, 430 определен как зеленая земля. Этот пигмент в большинстве случаев нанесен тонким слоем поверх серой графитовой глины (ил. 11: Г; 7). Элементный состав зеленой земли характеризуется повышенным содержанием кремния, железа, калия и магния (табл. 1).

Зеленая земля по данным РЭМ имеет довольно однородную структуру и состоит из небольших равномерно распределенных чешуек. Размер чешуек в случае фрагмента № 201 совсем невелик — до 0,5 мкм в длину. А на фрагменте № 384 — несколько больше, до 2 мкм в длину и около 0,3 мкм в толщину (ил. 13). Изображения аналогичных частиц, полученные на РЭМ, были опубликованы (Reolid, Abad, 2014; Nieto et al., 2021). Авторами отмечено совместное нахождение глауконита

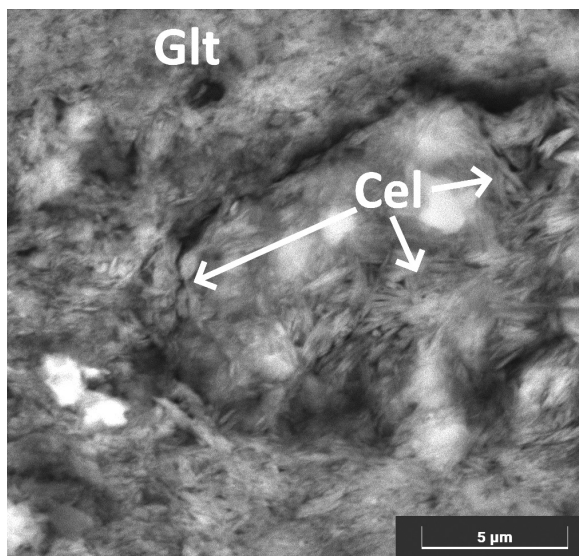

Ил. 12. Фр. № 252. Строение желтого красочного слоя.

Микрофотография и карта распределения элементов.

По элементному составу выделены минералы:

Ght — гетит/гидрогетит, Qz — кварц, Pl — плагиоклазы, Kfs — калиевые полевые шпаты, Cal — кальцит

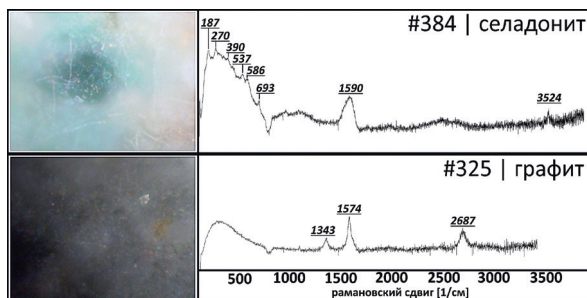

Ил. 13. Фр. № 384. Профиль зеленого красочного слоя.

Комок селадонита с более крупными частицами среди глауконита. Cel — селадонит, Glt — глауконит

и селадонита в морских отложениях, чешуйки глауконита имеют меньшие размеры и в шлифе сливаются в почти однородную массу, в то время как чешуйки селадонита имеют более крупные размеры и хорошо различимы.

По данным РЭМ, в зеленой земле суздальских фрагментов предполагается совместное нахождение и глауконита, и селадонита в перемешанном виде (ил. 13). Однако соотношения глауконита и селадонита в минералогической классификации является дискуссионной проблемой. Встречается подход, при котором глауконит и селадонит

Ил. 14. Спектры КР выявленных пигментов
в диапазоне 160–4000 см⁻¹

рассматриваются как один минерал с различными особенностями в зависимости от условий формирования (*Singh et al.*, 2023). Следует учесть фактор антропогенного измельчения и перемешивания пигмента, что приводит к утрате первоначальной структуры и текстуры и затрудняет определение происхождения.

Спектры КР частиц зеленого пигмента указывают только на селадонит (ил. 14). В них присутствует пик в районе 590 см⁻¹, специфичный для селадонита, который отсутствует в спектрах глауконита и ферроселадонита. Наиболее близким следует признать спектр селадонита из месторождений Италии, опубликованный в статье (*Ospitali et al.*, 2008). Данные Ф. Оспитали и соавторов были дополнительно проверены на нашем приборе на эталонных образцах глауконита из карьера Маарду (Эстония), пигмента селадонита (Kremer 11250) и ферроселадонита из Михайловского месторождения. Наши результаты подтвердили возможность отличать эти три минерала с использованием лазера 532 нм, но только если они были в чистом виде, а не перемешаны. Вероятно, селадонит дает более сильный сигнал, поэтому идентификация селадонита этим методом не означает отсутствия глауконита в составе.

Аналогичные спектры зеленой земли были получены при исследовании новгородских фресок из церкви Благовещения на Городище, в Николо-Дворищенском соборе, в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и в церкви Иоанна на Опоках. Селадонит на новгородских фресках обнаружили и другие исследователи (*Balakhnina et al.*, 2021; *Philippova et al.*, 2022), в том числе на фрагментах из неизвестного памятника, найденных в реке

Волхов¹, однако нельзя исключать, что во всех этих случаях примесь глауконита просто не удалось обнаружить методом КР-спектроскопии.

Синий пигмент, сохранившийся на фрагментах № 290, 325, 386, 392, 395, — это натуральный лазурит (ил. 11: Б, В). Он обнаружен в основном на цемяночном интонако типа S1 и лишь в одном случае — на известковом типа S2 в виде единичных зерен. Лазурит надежно диагностируется по спектру КР (ил. 10). С точки зрения элементного состава он характеризуется повышенным содержанием натрия и серы вместе с менее специфичными элементами — алюминием, кремнием, кальцием и калием (табл. 1). Красочный слой во всех случаях очень тонкий и имеет следы разрушения, возможно, связанного с деградацией органического связующего. На фрагменте № 386 лазурит частично сохранился только под слоем известковых белил, перекрывающим слой лазурита, а на остальной площади фрагмента оказался полностью утрачен (ил. 11: Б). Размер частиц лазурита на всех образцах находится в пределах 10–20 мкм.

В предыдущей работе была верно отмечена необычность темной краски. Исследователи предположили, что серые слои «пигментированы аргиллитом» (*Медникова и др.*, 2000), однако с этим нельзя согласиться. В шлифах хорошо видно, что серый пигмент имеет пелитоморфную структуру без каких-либо следов антропогенного измельчения (ил. 7). В случае использования аргиллита в слое встречались бы обломки этой породы. На самом деле серым пигментом являлась темно-серая графитовая глина с примесью известковых белил. В большинстве случаев она использована в качестве подготовительного темного фона перед нанесением зеленого и синего пигментов (ил. 11: Б–Г).

Данный материал впервые был обнаружен в новгородских росписях Георгиевского собора Юрьева монастыря, где он первоначально был назван «голубой глиной» (Росписи ... ,

1 Балахнина И. А. Сравнение наборов пигментов древнерусской настенной живописи XII века из храмов Великого Новгорода (устный доклад) // Международная научно-методическая конференция «Исследования в консервации культурного наследия», посвященная памяти Ю. И. Гренберга, г. Москва, 26–27 октября 2023 г.

2024. С. 140–142). Этот материал без специальных исследований легко перепутать с обычной рефтью — смесью древесного угля или сажи с белилами.

В элементном составе серой графитовой глины наблюдается повышенное содержание алюминия и кремния, маркирующее присутствие глинистых минералов. Присутствие титана связано с микроскопическими включениями титансодержащего минерала (табл. 1). Темный цвет этой глины обусловлен присутствием графита, который был обнаружен с помощью КР-спектроскопии (ил. 14).

Использование перетертого древесного угля отмечается на фрагментах № 201 и 431. Он обнаружен также на фрагменте № 292, но в виде единичных зерен, так что нельзя исключить случайное попадание. Во всех случаях уголь мелко измельчен, частички угля достигают максимум 20–30 мкм по длинной стороне. Низкое содержание калия свидетельствует о том, что уголь был очищен от золы (табл. 1).

Для белого использованы исключительно известковые белила. Они характеризуются повышенным содержанием кальция и относительно низким — остальных элементов (табл. 1). Характерный спектр КР известковых белил (кальцит) приведен в ил. 10. На ряде фрагментов отмечается использование тонкой известковой прослойки или слоя известковых белил для дополнительного выравнивания и осветления поверхности интонако перед нанесением цветных слоев. Художники сочетали применение темного (графитовая глина) и светлого (известковые белила) фона для достижения различных оптических эффектов.

Связующее и техника живописи. В предыдущем исследовании было высказано предположение о смешанном характере живописи; по данным хроматографии, связующим мог быть казеин (Медникова и др., 2000). Исследования фрагментов XII в. из Георгиевского собора в соседнем Юрьеве-Польском также выявили казеин в красочных слоях (Зубавичус и др., 2021).

В данном исследовании нам удалось проследить способ нанесения краски в некоторых шлифах суздальских фрагментов. Нижние слои (особенно это касается темной подложки из графитовой глины или известковых белил) были нанесены

по влажной штукатурке. Это видно по слою карбоната кальция, запечатавающего красочный слой сверху (ил. 7, 9). Над слоями охр с песком, лазурита, киновари и зеленой земли такие слои не зафиксированы (ил. 12, 6). Таким образом, роспись по сырой штукатурке применялась довольно ограниченно — в основном для нижнего фоновой слоя. Большинство красочных слоев должно было наноситься с дополнительным связующим по высохшей, но не полностью карбонизировавшей штукатурке. Этот метод работы является наиболее типичным для живописи византийского круга указанного периода (Winfield, 1968).

Возможности аналитического определения первоначального связующего пока весьма ограничены, а средневековые способы письма могут сильно запутывать аналитиков, например, если художники наносили пигмент с органическим связующим на влажную штукатурку, или если сама штукатурка содержала органический клей (Щербатова-Шевякова, 2004. С. 52).

Росписи Суздальского собора в контексте эпохи. Набор пигментов в первоначальной росписи Суздальского собора включает следующие: известковые белила, древесный уголь, красная охра (гематит) с песком, красная охра (гематит) без песка, желтая охра (гетит/гидрогетит) с песком, зеленая земля (селадонит + глауконит), графитовая глина, лазурит и киноварь (табл. 2). В целом данный набор пигментов можно достоверно связать с живописью византийского круга (Winfield, 1968), однако специфичным является использование графитовой глины и охр с песком. Наиболее близкими по набору используемых пигментов к Суздальскому собору оказываются росписи новгородских памятников первой половины XII в.: церкви Благовещения на Городище, Николо-Дворищенского собора, Георгиевского собора Юрьева монастыря и церкви Иоанна на Опоках. В таблице 3 представлены сравнительные данные об основном наборе пигментов в росписях Суздальского собора (на интонако типа S1 и S2) и в новгородских храмах с живописью первой половины XII в. Пигменты в росписях новгородской Софии указаны по публикациям (Филатов, 1973; Гренберг и др., 1981; Гренберг, Писарева, 1991; 2004), все остальные данные

**Таблица 1. Элементный состав пигментов по результатам РЭМ-ЭРМ
(в весовых процентах, нормировано к 100 %)**

№	O	Na	Mg	Al	Si	P	S	Cl	K	Ca	Ti	Mn	Fe	Hg	Pb	№ слоя пигмент
201	45,8		2,0	1,9	22,2	0,6		0,2	4,8	11,0			11,6			1 – глауконит/селадонит
	22,2		0,7	0,6	1,9	0,8	7,4	0,5	0,3	19,2			0,8	45,8		3 – киноварь
199	47,7	0,4	0,9	2,5	27,0	0,3		0,2	0,9	10,0	0,2		9,8			2 – красная охра с песком
225	55,0		0,4	0,2	0,5	0,3		0,7		43,0						1 – изв. белила
290	49,2		0,4	2,4	5,2	0,2		0,5	0,3	29,8			10,9		1,1	1 – красная охра без песка, свинцовый сурик (?)
292	46,9	0,4	1,3	4,4	27,3	0,4		0,1	2,7	8,4	0,3		7,9			1 – красная охра с песком
325	51,9	0,1	0,7	8,1	9,1	0,7	0,1	0,3	0,2	27,6	0,6		0,7			1 – графитовая глина
	43,5	14,3	0,1	15,1	16,7	0,1	5,6	0,4	0,6	3,6						2 – лазурит
299	35,3		1,3	1,7	6,1	1,8	0,1	0,3	0,5	7,8	0,2	0,2	44,8			1 – красная охра без песка
392	51,2	0,2	0,4	13,1	15,2	1,0		0,4	0,2	16,3	1,0		1,0			1 – графитовая глина
342	52,2	0,2	0,6	11,7	14,5	1,0		0,4	0,4	16,2	1,1	0,6	1,1			1 и 2 – графитовая глина
	51,2		1,7	3,2	18,3	1,1		1,4	3,7	11,3	0,2		8,0			3 – глауконит/селадонит
DrWn	47,9	0,5	0,6	3,2	21,7	0,5	0,0	0,1	1,2	15,9	1,2	0,6	6,5			2 – красная охра с песком
193	49,5	0,2	1,4	4,1	12,8	0,4		0,4	2,4	22,2	0,2		6,6			1 – желтая охра с песком
218	53,3	0,4	0,3	1,2	14,6	0,2		0,3	0,4	28,2	0,2		1,0			1 – красная охра с песком + изв. белила
252	47,9	0,5	0,8	5,7	26,4	0,2		0,2	1,8	10,5	0,3		5,8			1 – желтая охра с песком
366	52,8	0,5	0,5	0,7	1,8	0,6		0,4		42,5			0,2			1 – изв. белила
	52,5	0,2	0,5	0,8	8,2	0,4		0,4	0,2	35,2	0,5		1,1			2 – красная охра с песком + изв. белила
384	53,3	0,1	0,6	0,2	0,9	0,2		0,2	0,1	44,3						1 – изв. белила
	49,5		1,9	14,4	19,8	0,2		0,3	0,4	9,8	1,0		2,6			2 – графитовая глина
	44,3		5,0	2,5	25,7	0,3		0,2	5,4	3,8			12,8			3 – глауконит/селадонит
395	47,7		2,2	17,3	23,9	0,2		0,3	0,4	5,5	1,0		1,7			1 – графитовая глина
418	41,6		3,3	2,0	24,4	0,1		0,2	6,2	8,6			13,7			1 – глауконит/селадонит (комок)
421	47,7		1,3	16,3	21,1	0,3		0,4	0,5	8,1	1,4		3,0			1 – графитовая глина
	42,9		3,6	2,1	27,3	0,4		0,2	5,7	4,0	0,1		13,6			2 – глауконит/селадонит
430	45,8		1,4	1,0	19,9	0,3		0,2	4,4	16,2			10,7			1 – глауконит/селадонит (комок)

Таблица 2. Итоговые результаты определения пигментов на интонако различных типов

№	Тип интонако	Номер слоя (в порядке работы художника) — пигмент
201	S1	1 – зеленая земля (глауконит/селадонит), 2 – древесный уголь, 3 – киноварь
199	S1	1 – темно-серая графитовая глина, 2 – красная охра (гематит) с песком, 3 – изв. (известковые) белила
225	S1	1 – изв. белила
290	S1	1 – красная охра (гематит) + киноварь (ед. зерна), 2 – лазурит (ед. зерна)
292	S1	1 – красная охра (гематит) с песком, единичные зерна угля
325	S1	1 – темно-серая графитовая глина, 2 – лазурит
299	S1	1 – красная (гематит) охра без песка
386	S1	1 – темно-серая графитовая глина, 2 – лазурит, 3 – изв. белила
392	S1	1 – темно-серая графитовая глина, 2 – лазурит, ед. зерна киновари
342	S1+S2	1 и 2 – темно-серая графитовая глина, 3 – зеленая земля (глауконит/селадонит), 4 – красная охра с песком
DrWn	S1	1 – изв. прослойка, 2 – красная охра (гематит) с песком
193	S2	1 – желтая охра (гетит) с песком
218	S2	1 – красная охра (гематит) с большим кол-вом песка + изв. белила
252	S2	1 – желтая охра (гетит) с большим кол-вом песка
262	S2	1 – красная охра (гематит) с большим кол-вом песка + изв. белила
349	S2	1 – темно-серая графитовая глина
366	S2	1 – изв. белила, 2 – красная охра (гематит) с песком + изв. белила
384	S2	1 – изв. белила, 2 – темно-серая графитовая глина, 3 и 4 – зеленая земля (глауконит/селадонит)
395	S2	1 – темно-серая графитовая глина, 2 – лазурит, ед. зерна киновари
418	S2	1 – зеленая земля (глауконит/селадонит) + изв. белила
421	S2	1 – графитовая глина, 2 – зеленая земля (глауконит/селадонит)
430	S2	1 – изв. белила, 2 – смесь зеленой земли и изв. белил
431	S2	1 – смесь желтой и красной охр, 2 и 3 – смесь зеленой земли (глауконит/селадонит), угля и изв. белил, 4 – древесный уголь
230, 251, 269, 353, 410	S3	*1

1 – Фрагменты с интонако типа 3 будут рассмотрены в отдельной публикации.

были получены в ходе планомерных исследований лаборатории архитектурной археологии ИА РАН. Исследование пигментов Георгиевского собора подробно опубликовано (Росписи ... , 2024), остальные результаты публикуются впервые.

Само по себе использование охры не является чем-то специфичным — наоборот, этот тип пигментов был распространен по всему миру, однако только для Суздальского собора и некоторых новгородских храмов характерно использование красной охры с тонкозернистым кварц-полевошпатовым песком.

Что касается серой графитовой глины, то этот материал также зафиксирован только в новгородских храмах и в Суздальском соборе, что является свидетельством их связи. Различия в составе штукатурок новгородских храмов легко объясняются особенностями местного сырья.

Не только близкие наборы пигментов указывают на сходство росписей. А. М. Гордин отметил стилистическое родство личного письма Суздальского собора с церковью Благовещения на Городище (Гордин, 2004. С. 102). Следует подчеркнуть, однако, что в тот момент еще не были открыты десятки ликов, найденные Вл. В. Седовым только в 2016–2017 гг. (Седов, 2019).

Эта схожесть росписей совсем не случайна. Как известно из сообщения Новгородской первой летописи, именно сын Владимира Мономаха — Мстислав Владимирович — был заказчиком строительства и росписи церкви Благовещения на Городище и строительства Николо-Дворищенского собора (НПЛ, 1950. С. 19–20). Переход мастеров по династическим линиям кажется достаточно убедительным объяснением наблюдаемой картины.

Впоследствии «княжеская» группа художников могла постепенно менять и обновлять свой состав, что отражается в изменении техники росписей. Тем не менее из сравнения набора пигментов видно, что отмеченные особенности продолжают фиксироваться на других новгородских росписях первой половины XII в. Мы предполагаем, что группа художников Владимира Мономаха, расписавшая Суздальский собор, сыграла ключевую роль в формировании новгородской школы монументальной живописи. Однако не следует воспринимать ее дальнейшее развитие как автономный процесс.

Скорее следует говорить о продолжающихся культурных контактах с Византией и о постоянной подпитке новгородской живописи новыми идеями.

Наконец, отдельного обсуждения заслуживает вопрос о происхождении мастеров Владимира Мономаха. Велик соблазн связать их с группой византийских художников, прибывших, по сообщению Киево-Печерского патерика, около 1080 г. (спустя 10 лет после основания Успенской церкви) (Патерик ... , 1911. С. 8–9). Именно эта группа художников могла впоследствии выполнять заказ Владимира Мономаха по росписи собора в Суздале.

Связь Суздальского «Мономахова» собора с киевскими традициями подчеркнута в Патерике, где сказано, что собор в Ростове и Суздальский собор были построены «по образу» Успенской церкви Печерского монастыря (Патерик ... , 1911. С. 9). В Патерике содержатся и другие намеки на связь Печерского монастыря с князем Владимиром Мономахом, такие как легенда об исцелении князя и эпизод с отправкой Георгия Симоновича в Суздаль. Возможно, однако, что эти сообщения не вполне достоверны. Подробнее эта проблема рассмотрена в специальной статье Н. Н. Воронина (Воронин, 1955).

Проблема происхождения пигментов. Накопленные аналитические данные обычно недостаточны для локализации источника пигментов. Сделать это удастся лишь в отдельных случаях. Недавнее исследование лазурита из Георгиевского собора Юрьева монастыря показало, что он добыт в Бадахшанском месторождении в Афганистане (Giumlia-Mair et al., 2024). Учитывая близкие характеристики пигмента-лазурифта в росписях древнерусских храмов XII в., можно предполагать, что во всех них использовался именно афганский лазурит.

В случае с зеленой землей можно предположить, что смесь из глауконита и селадонита свидетельствует об определенном источнике материала, хотя нельзя исключать и возможность смешения зеленых пигментов из различных источников. Глауконит — широко распространенный материал, а вот селадонит встречается в живописи относительно редко. Зеленая земля с селадонитом в средние века добывалась в Вероне

Таблица 3. Сравнительные данные по основному набору пигментов в росписях рубежа XI–XII вв. и первой половины XII в.

Памятник	Дата росписей	Белый	Черный	Красный	Желтый	Зеленый	Синий	Методы исследования
Суздальский собор	рубеж XI– XII вв.	изв. белила	древесный уголь, графитовая глина	красная охра с песком, красная охра без песка, киноварь, свинцовый сурик (?)	желтая охра с песком	селадонит + глауконит	лазурит	Оптическая микроскопия в отраженном свете, РЭМ-ЭРМ, КР-спектроскопия
Церковь Благовещения на Городище	после 1103 г.	изв. белила	древесный уголь, графитовая глина	красная охра с песком, красная охра без песка, киноварь, свинцовый сурик	желтая охра, ванадинит (?)	селадонит + глауконит	лазурит	Оптическая микроскопия в отраженном свете, КР-спектроскопия, РФА портативный
Новгородская София (купол)	около 1108 г.	изв. белила	древесный уголь, сажа	киноварь, свинцовый сурик, «коричневая охра», красная охра	желтая охра	глауконит	азурит (?), лазурит	Оптическая микроскопия, эмиссионный спектральный анализ
Новгородская София (Константин и Елена)	XI–XII вв.	изв. белила с ангидритом	древесный уголь	свинцовый сурик, киноварь, «коричневая железоокисная»	массикот (свинцовая желтая) (?)	нет	нет	Оптическая микроскопия, съемка в УФ и ИК свете, микрохимический, эмиссионный спектральный, рентгеноструктурный, микрорентгеноспектральный анализы, ИК-спектроскопия, тонкослойная хроматография

Никола- Дворищенский собор	после 1113 г.	изв. белила, свинцовые белила (?)	древесный уголь, графитовая глина	красная охра с песком, красная охра без песка, киноварь, свинцовый сурик	желтая охра	селадонит + глауконит	лазурит	Оптическая микроскопия в отраженном свете, РЭМ-ЭРМ, КР-спектроскопия, РФА портативный
Собор Антониева Монастыря	после 1117 г.	изв. белила	древесный уголь, графитовая глина	красная охра с песком, красная охра без песка, свинцовый сурик (?)	желтая охра	глауконит/ селадонит	лазурит	РФА портативный, КР-спектроскопия
Георгиевский собор (наос)	после 1130 г.	изв. белила	древесный уголь, графитовая глина, сажа	красная охра с песком, красная охра без песка, киноварь	желтая охра, оранжевая охра (лепидокрокит)	селадонит + глауконит	лазурит	Оптическая микроскопия в отраженном свете, РЭМ-ЭРМ, КР-спектроскопия, РФА портативный
Церковь Иоанна на Опоках	1130 – 1140 гг.	изв. белила	древесный уголь, графитовая глина, сажа	красная охра с песком, красная охра без песка, киноварь	желтая охра	селадонит + глауконит	лазурит	Оптическая микроскопия в отраженном свете, РЭМ-ЭРМ, КР-спектроскопия

и на Кипре (*Parani*, 2015. Р. 324). Этот пигмент обнаружен в росписях Кипра, Крита, Сербии, Константинополя и северной Италии (*Parani*, 2015; *Cheilakou et al.*, 2014; *Gettens, Stout*, 1958; *Pinna et al.*, 2020). Таким образом, происхождение селадонита в средневековой живописи, скорее всего, следует связывать со Средиземноморьем.

Еще один ценный пигмент — киноварь — тоже являлся привозным. Возможно, его добыча велась на территории Южной Руси или его поставляли из Византии. Определение региона происхождения киновари потенциально возможно по изотопному составу свинца (*Снежко и др.*, 2016), но такие исследования требуют специальной сравнительной базы и весьма трудоемки. Источники киновари известны вдоль северного и южного склонов Главного Кавказского хребта (*Tender*, 1970) в Краснодарском крае и на Донбассе (*Трифонов и др.*, 2015). Крайне экономное использование этого пигмента говорит о его высокой ценности. Шведские исследователи указывают на Русь как возможный источник киновари в росписях церквей Скандинавии (*Nord et al.*, 2017). Киноварь могла поставляться в Скандинавию через Новгородскую землю, но никаких достоверных доказательств добычи минеральной киновари на территории русских княжеств не имеется. Результаты раскопок усадьбы новгородского художника доказывают, что к концу XII в. в Новгороде был освоен сухой способ получения искусственной киновари (*Колчин*, 1981. С. 126–127). Однако ртуть, необходимая для синтеза, все равно обычно получалась из минеральной киновари низкого качества или метациннабарита (*Gettens et al.*, 1972).

Важно еще раз подчеркнуть специфичность использования охр с большим количеством кварц-полевошпатового песка. Эти охры обнаружены в Суздальском соборе и в большинстве новгородских храмов первой половины XII в. То же можно сказать и об использовании графитовой глины серо-голубого цвета, хотя, по нашим последним данным, этот пигмент может иметь более широкие хронологические рамки применения. Специфичность данных пигментов и отсутствие аналогий в Средиземноморье, Европе или Скандинавии позволяют предполагать, что это — местные северорусские материалы.

Заключение. Исследования фрагментов стенового письма, открытых при раскопках Ю. О. Данилова, позволили выявить основные технологические особенности. Зафиксировано три типа интонако: типы S1 (розовый с «цемянкой») и S2 (белый с известняком) относятся к первоначальной росписи собора на рубеже XI–XII вв., а тип S3 (серый с доломитом) — вероятно, к более позднему времени.

На интонако типов S1 и S2 обнаружены известковые белила, древесный уголь, красная охра (гематит) с песком, красная охра (гематит) без песка, желтая охра (гетит/гидрогетит) с песком, зеленая земля (селадонит + глауконит), графитовая глина, лазурит и киноварь. Набор пигментов демонстрирует сходство с пигментами церкви Благовещения на Городище и Николо-Дворищенского собора, а также с другими новгородскими росписями первой половины XII в. Мы предполагаем, что это сходство связано с переходом мастеров, расписавших Суздальский собор по заказу Владимира Мономаха, к его сыну, Мстиславу Владимировичу, княжившему в Новгороде.

Состав набора пигментов подчеркивает широту экономических связей Северо-Восточной Руси и Новгорода. Лазурит поставлялся из Бадахшанского месторождения в Афганистане, а богатая селадонитом зеленая земля, скорее всего, связана с месторождениями в Средиземноморье. Происхождение необычных охр с песком и темно-серой графитовой глины может быть связано с Северной Русью.

Список литературы

- Бетин Л. В. К вопросу об организации работ древнерусских живописцев // Средневековая Русь: памяти Н. Н. Ворониной. М.: Наука, 1976. С. 278–283.
- Васильев Б. Г. Успенский собор XII века в Старой Ладогѣ. Живописное убранство: каталог. Волхов: Музей-заповедник «Старая Ладога», 2006. 250 с.
- Васильев Б. Г. Фрагменты фресок Георгиевского храма в коллекции музея-заповедника «Старая Ладога»: каталог. СПб.: Президентская библиотека, 2017. 264 с.
- Воронин Н. Н. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955. С. 96–102.

- Гордин А. М. Монументальная живопись Северо-Восточной Руси XII–XIII вв.: дис. ... канд. искусствоведения. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2004. 508 с.
- Гренберг Ю. И., Аракелян Ф. Б., Наумова М. М., Писарева С. А., Бирштейн В. Я., Тульчинский В. М., Таскаева Ю. М. Технологическое исследование росписи «Константин и Елена» Софийского собора в Новгороде (комплексное исследование) // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация. Вып. 7 (37). М.: ВНИИР, 1981. С. 5–31.
- Гренберг Ю. И., Писарева С. А. Настенная живопись Древнего Новгорода в аспекте технологического исследования // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. Вып. 14. М., 1991. С. 53–62.
- Гренберг Ю. И., Писарева С. А. Фрагмент настенной живописи с изображением Святых Константина и Елены в Софийском соборе Новгорода. Технологическое исследование // Художественное наследие: хранение, исследования, реставрация. Вып. 21. М., 2004. С. 21–26.
- Данилов Ю. О. Отчет о проведении археологических исследований <...> на территории Владимиро-Суздальского музея-заповедника в 2014 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 55611.
- Зубавичус Е. Я., Вдовиченко М. В., Седов Вл. В., Трунькин И. Н., Светогоров Р. Д., Пожидаев В. М., Терещенко Е. Ю. Фрагменты стенного письма из раскопок в Юрьеве-Польском: первые выводы естественно-научных исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2021. С. 98–111.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII века. М.: Наука, 1981. 168 с.
- Кукс Ю. М., Лукьянова Т. А. Вопросы технологии древнерусской фрески // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. I: Гуманитарные науки. № 4. С. 265–269.
- Медникова Е. Ю., Егорьков А. Н., Гордин А. М. Технологические аспекты росписи Мономахова собора в Суздале // Археометрия та охорона історико-культурної спадщини. Вып. 4. Киев, 2000. С. 71–75.
- НПЛ. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. 276 с.
- Росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря: археология и искусство. М.: ИА РАН, 2024. 656 с.
- Седов Вл. В. Основные результаты раскопок церкви Благовещения на Городище в 2016–2017 гг.: археология и архитектура // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 10–34.
- Седов Вл. В. Суздальский собор Рождества Богородицы XII–XIII вв. Историко-архитектурный очерк // Археология Суздальской земли: в 2 т. Т. 2. Культура, общество, идентичность / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 261–284.
- Снежко В. В., Снежко В. А., Решко С. А. Изотопный состав свинца минералов киновари ртутных месторождений Северо-Западного Кавказа // Вулканизм, биосфера и экологические проблемы. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2016. С. 276–277.
- Трифонов В. А., Шишлина Н. И., Калинин П. И., Алексеев А. О., Богомолов Е. С. Дольмены станицы Царской: красные пигменты как продукт производства и потребления // РА. 2015. № 4. С. 34–49.
- Филатов В. В. К истории техники стенной живописи в России // Древнерусское искусство: Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 51–84.
- Филатов В. В. Манера живописи и первоначальный колорит росписи в куполе Софии Новгородской // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М.: Наука, 1973. С. 211–215.
- Щербатова-Шевякова Т. С. Нередица. Монументальные росписи церкви Спаса на Нередице М.: Галарт, 2004. 256 с.
- Balakhnina I., Anisimova T., Mankova A., Chikishev A., Brandt N. Raman microspectroscopy of fresco fragments from the Annunciation Church at Gorodishche at Veliky Novgorod // The European Physical Journal Plus. 2021. Vol. 136, № 6. 610.
- Cheilakou E., Troullinos M., Kouli M. Identification of pigments on Byzantine wall paintings from Crete (14th century AD) using non-invasive Fiber Optics Diffuse Reflectance Spectroscopy (FORS) // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 41. P. 541–555.
- Gettens R. J., Stout G. L. A monument of Byzantine wall painting — the method of construction // Studies in Conservation. 1958. Vol. 3, № 3. P. 107–119.
- Gettens R. J., Feller R. L., Chase W. T. Vermilion and cinnabar // Studies in Conservation. 1972. Vol. 17, № 2. P. 45–69.
- Giumlia-Mair A. R. G., Dubinina E., Vdovichenko M., Zubavichus E., Riccardi M., Musa M. Lazurite at Novgorod: techniques, mixtures, provenance // Archeometria Műhely. 2024. Vol. 21, № 3. P. 295–306.
- Hanesch M. Raman spectroscopy of iron oxides and (oxy) hydroxides at low laser power and possible applications in environmental magnetic studies // Geophysical Journal International. 2009. Vol. 177, № 3. P. 941–948.
- Marucci G., Beeby A., Parker A., Nicholson C. Raman spectroscopic library of medieval pigments collected with five different

- wavelengths for investigation of illuminated manuscripts // Analytical methods. 2018. Vol. 10, № 10. P. 1219–1236.
- Nieto F., Abad I., Bauluz B., Reolid M. Textural and genetic relationships between glauconite and celadonite at the nanoscale: two different structural-compositional fields // European Journal of Mineralogy. 2021. Vol. 33, № 4. P. 503–517.
- Nord A. G., Billström K., Tronner K., Zerpe B. Analysis of mediaeval Swedish paintings influenced by Russian-Byzantine art // Journal of Cultural Heritage. 2017. Vol. 23. P. 162–169.
- Ospitali F., Bersani D., Di Lonardo G., Lottici P. P. 'Green earths': vibrational and elemental characterization of glauconites, celadonites and historical pigments // Journal of Raman Spectroscopy. 2008. Vol. 39, № 8. P. 1066–1073.
- Philippova O. S., Dmitriev A. Yu., Tsarevskaya T. J., Dmitrieva S. O. Comprehensive study of 12th century wall painting fragments from the St. George Cathedral of the Yuryev Monastery in Veliky Novgorod (Russia) using complementary physico-chemical methods // Heritage Science. 2022. Vol. 10, № 1. 49.
- Parani M. G. Asinou across Time: Studies in the Architecture and Murals of the Panagia Phorbiotissa, Cyprus. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2015. 431 p. (Dumbarton Oaks Studies; XLIII).
- Pinna D., Conti C., Mazurek J. Polychrome sculptures of medieval Italian monuments: Study of the binding media and pigments // Microchemical Journal. 2020. Vol. 158. 105100.
- Reolid M., Abad I. Glauconitic laminated crusts from hydrothermal alteration of Jurassic pillow-lavas (Betic Cordillera, S Spain): a microbial influence case // Journal of Iberian Geology. 2014. Vol. 40, № 3. P. 389–408.
- Singh P., Banerjee S., Choudhury T. R., Bhattacharya S., Pande K. Distinguishing celadonite from glauconite for environmental interpretations: a review // Journal of Palaeogeography. 2023. Vol. 12, № 2. P. 179–194.
- Tender O. V. Gas-liquid inclusions in calcium carbonate crystals from mercury deposits in northern Caucasus // International Geology Review. 1970. Vol. 12, № 8. P. 930–932.
- Winfield D. C. Middle and Later Byzantine Wall Painting Methods: A Comparative Study // Dumbarton Oaks Papers. № 22. Washington, 1968. P. 61–139.
- Annunciation Church at Gorodishche at Veliky Novgorod // The European Physical Journal Plus. 2021. 136, 6. 610.
- Betin L. V. K voprosu ob organizatsii rabot drevnerusskikh zhivopistsev // Srednevekovaya Rus': pamyati N. N. Voronina. Moscow: Nauka, 1976. P. 278–283.
- Cheilakou E., Troullinos M., Kouli M. Identification of pigments on Byzantine wall paintings from Crete (14th century AD) using non-invasive Fiber Optics Diffuse Reflectance Spectroscopy (FORS) // Journal of Archaeological Science. 2014. 41. P. 541–555.
- Danilov Yu. O. Otchet o provedenii arkheologicheskikh issledovaniy <...> na territorii Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika v 2014 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. R-1. № 55611.
- Filatov V. V. K istorii tekhniki stennoy zhivopisi v Rossii // Drevnerusskoe iskusstvo: Khudozhestvennaya kul'tura Pskova. Moscow, 1968. P. 51–84.
- Filatov V. V. Manera zhivopisi i pervonachal'nyy kolorit rospisi v kupole Sofii Novgorodskoy // Vizantiya. Yuzhnye slavyane i Drevnyaya Rus'. Zapadnaya Evropa. Iskusstvo i kul'tura: sbornik statey v chest' V. N. Lazareva. Moscow: Nauka, 1973. P. 211–215.
- Gettens R. J., Feller R. L., Chase W. T. Vermilion and cinnabar // Studies in Conservation. 1972. 17, 2. P. 45–69.
- Gettens R. J., Stout G. L. A monument of Byzantine wall painting — the method of construction // Studies in Conservation. 1958. 3, 3. P. 107–119
- Giumlia-Mair A. R. G., Dubinina E., Vdovichenko M., Zubavichus E., Riccardi M., Musa M. Lazurite at Novgorod: techniques, mixtures, provenance // Archeometriai Műhely. 2024. 21, 3. P. 295–306.
- Gordin A. M. Monumental'naya zhivopis' Severo-Vostochnoy Rusi XII–XIII vv.: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata iskusstvovedeniya. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 2004. 508 p.
- Grenberg Yu. I., Arakelyan F. B., Naumova M. M., Pisareva S. A., Birshteyn V. Ya., Tul'chinskiy V. M., Taskaeva Yu. M. Tekhnologicheskoe issledovanie rospisi "Konstantin i Elena" Sofiyskogo sobora v Novgorode (kompleksnoe issledovanie) // Khudozhestvennoe nasledie: khranenie, issledovanie, restavratsiya. 7 (37). Moscow: Vsesoyuznyy nauchno-issledovatel'skiy institut restavratsii, 1981. P. 5–31.
- Grenberg Yu. I., Pisareva S. A. Nastennaya zhivopis' Drevnego Novgoroda v aspekte tekhnologicheskogo issledovaniya //

References

Balakhnina I., Anisimova T., Mankova A., Chikishev A., Brandt N. Raman microspectroscopy of fresco fragments from the

- Khudozhestvennoe nasledie. Khranenie, issledovanie, restavratsiya. 14. Moscow, 1991. P. 53–62.
- Grenberg Yu. I., Pisareva S. A. Fragment nastennoy zhivopisi s izobrazheniem Svyatkh Konstantina i Eleny v Sofiyskom sobore Novgoroda. Tekhnologicheskoe issledovanie // Khudozhestvennoe nasledie: khranenie, issledovaniya, restavratsiya. 21. Moscow, 2004. P. 21–26.
- Hanesch M. Raman spectroscopy of iron oxides and (oxy) hydroxides at low laser power and possible applications in environmental magnetic studies // Geophysical Journal International. 2009. 177, 3. P. 941–948.
- Kolchin B. A., Khoroshev A. S., Yanin V. L. Usad'ba novgorodskogo khudozhnika XII veka. Moscow: Nauka, 1981. 168 p.
- Kuks Yu. M., Luk'yanova T. A. Voprosy tekhnologii drevnerusskoy freski // Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik. 2012. 1: Gumanitarnye nauki. 4. P. 265–269.
- Marucci G., Beeby A., Parker A., Nicholson C. Raman spectroscopic library of medieval pigments collected with five different wavelengths for investigation of illuminated manuscripts // Analytical methods. 2018. 10, 10. P. 1219–1236.
- Mednikova E. Yu., Egor'kov A. N., Gordin A. M. Tekhnologicheskie aspekty rospisi Monomakhova sobora v Suzdale // Arkheometriia ta okhrona istoriko-kulturnoi spadshchyny. 4. Kiev, 2000. P. 71–75.
- Nieto F., Abad I., Bauluz B., Reolid M. Textural and genetic relationships between glauconite and celadonite at the nanoscale: two different structural-compositional fields // European Journal of Mineralogy. 2021. 33, 4. P. 503–517.
- Nord A. G., Billström K., Tronner K., Zerbe B. Analysis of mediaeval Swedish paintings influenced by Russian-Byzantine art // Journal of Cultural Heritage. 2017. 23. P. 162–169.
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 642 p.
- Ospitali F., Bersani D., Di Lonardo G., Lottici P. P. 'Green earths': vibrational and elemental characterization of glauconites, celadonites and historical pigments // Journal of Raman Spectroscopy. 2008. 39, 8. P. 1066–1073.
- Parani M. G. Asinou across Time: Studies in the Architecture and Murals of the Panagia Phorbiotissa, Cyprus. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2015. 431 p. (Dumbarton Oaks Studies; XLIII).
- Paterik Kievskogo Pecherskogo monastyrja. St. Petersburg, 1911. 276 p.
- Philippova O. S., Dmitriev A. Yu., Tsarevskaya T. J., Dmitrieva S. O., Comprehensive study of 12th century wall painting fragments from the St. George Cathedral of the Yuryev Monastery in Veliky Novgorod (Russia) using complementary physico-chemical methods // Heritage Science. 2022. 10, 1. 49.
- Pinna D., Conti C., Mazurek J. Polychrome sculptures of medieval Italian monuments: Study of the binding media and pigments // Microchemical Journal. 2020. 158. 105100.
- Reolid M., Abad I. Glauconitic laminated crusts from hydrothermal alteration of Jurassic pillow-lavas (Betic Cordillera, S Spain): a microbial influence case // Journal of Iberian Geology. 2014. 40, 3. P. 389–408.
- Rospisi Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrja: arkheologiya i iskusstvo. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2024. 656 p.
- Sedov V. I. Osnovnye rezul'taty raskopok tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche v 2016–2017 gg.: arkheologiya i arkhitektura // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2019. 1. P. 10–34.
- Sedov V. I. Suzdal'skiy sobor Rozhdestva Bogoroditsy XII–XIII vv. Istoriko-arkhitekturnyy ocherk // Arkheologiya Suzdal'skoy zemli: v 2 tomakh. 2. Kul'tura, obshchestvo, identichnost' / ed. N. A. Makarov. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, 2023. P. 261–284.
- Shcherbatova-Shevyakova T. S. Nereditsa. Monumental'nye rospisi tserkvi Spasa na Nereditse Moscow: Galart, 2004. 256 p.
- Singh P., Banerjee S., Choudhury T. R., Bhattacharya S., Pande K. Distinguishing celadonite from glauconite for environmental interpretations: a review // Journal of Palaeogeography. 2023. 12, 2. P. 179–194.
- Snezhko V. V., Snezhko V. A., Reshko S. A. Izotopnyy sostav svintsa mineralov kinovari rtutnykh mestorozhdeniy Severo-Zapadnogo Kavkaza // Vulkanizm, biosfera i ekologicheskie problemy. Maykop: Adygeyskiy gosudarstvennyy universitet, 2016. P. 276–277.
- Tender O. V. Gas-liquid inclusions in calcium carbonate crystals from mercury deposits in northern Caucasus // International Geology Review. 1970. 12, 8. P. 930–932.
- Trifonov V. A., Shishlina N. I., Kalinin P. I., Alekseev A. O., Bogomolov E. S. Dol'meny stanitsy Tsarskoy: krasnye pigmenty kak produkt proizvodstva i potrebleniya // Rossiyskaya arkheologiya. 2015. 4. P. 34–49.
- Vasil'ev B. G. Uspenskiy sobor XII veka v Staroy Ladoge. Zhivopisnoe ubranstvo: katalog. Volkhov: Muzei-zapovednik "Staraya Ladoga", 2006. 250 p.
- Vasil'ev B. G. Fragmenty fresok Georgievskogo khrama v kollektsii muzeya-zapovednika "Staraya Ladoga": katalog. St. Petersburg: Prezidentskaya biblioteka, 2017. 264 p.

- Voronin N. N. Politicheskaya legenda v Kievo-Pecherskom paterike // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. 11. Moscow; Leningrad, 1955. P. 96–102.
- Winfield D. C. Middle and Later Byzantine Wall Painting Methods: A Comparative Study // *Dumbarton Oaks Papers*. 22. Washington, 1968. P. 61–139.
- Zubavichus E. Ya., Vdovichenko M. V., Sedov V. I., Trun'kin I. N., Svetogorov R. D., Pozhidaev V. M., Tereshchenko E. Yu. Fragmenty stennogo pis'ma iz raskopok v Yur'eye-Pol'skom: pervye vyvody estestvenno-nauchnykh issledovaniy // *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli*. 11. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2021. P. 98–111.

Illustrations

- Fig. 1. Location of test pit 2. Plan by Yu. O. Danilov (after: Danilov, 2014)
- Fig. 2. Re-deposited remains of Vladimir Monomakh's cathedral in test pit 2. View from the north. Photograph by Yu. O. Danilov (after: Danilov, 2014)
- Fig. 3. General view of the samples (wall painting fragments)
- Fig. 4. Cross-sectional profiles of wall painting fragments: A — type S1 (fr. no. 201); B — type S2 (fr. no. 262); B — combined use of types S1 and S2 (fr. no. 251); Г — type S3 (fr. no. 251)
- Fig. 5. Typical inclusions in different types of intonaco. Backscattered electron (BSE) images: A — baked clay fragments (fr. no. 290); B — limestone (fr. no. 218); B — dolomite (fr. no. 269)
- Fig. 6. Fr. no. 292. Structure of a red paint layer. Microphotograph and element distribution map. Identified minerals: Hem — haematite; Qz — quartz; Pl — plagioclase feldspars; Kfs — potassium feldspar; Cal — calcite
- Fig. 7. Fr. no. 342. Cross-section of paint layers. BSE image: 1 — intonaco; 2 — low-porosity zone; 3 — first graphite clay layer; 4 — calcium carbonate interlayer (carbonation zone); 5 — second graphite clay layer; 6 — green earth layer (glauconite + celadonite)
- Fig. 8. Fr. no. 299. Cross-section of paint layers. BSE image: 1 — intonaco; 2 — low-porosity zone; 3 — red ochre layer; 4 — surface contamination with lime
- Fig. 9. Fr. no. 325. Cross-section of paint layers. BSE image: 1 — intonaco; 2 — low-porosity zone; 3 — graphite clay layer; 4 — calcium carbonate interlayer (carbonation zone); 5 — lapis lazuli

- Fig. 10. Raman spectra of identified pigments (range: 160–1500 cm⁻¹)
- Fig. 11. Paint layer surfaces. Microphotographs at ×200 magnification: A — cinnabar (fr. no. 201); B — lapis lazuli applied over graphite clay (fr. no. 352); B — lapis lazuli preserved under a lead white layer (fr. no. 386); Г — green earth applied over graphite clay (fr. no. 421)
- Fig. 12. Fr. no. 252. Structure of a yellow paint layer. Microphotograph and element distribution map. Identified minerals: Ght — goethite/hydrogoethite; Qz — quartz; Pl — plagioclase feldspars; Kfs — potassium feldspar; Cal — calcite
- Fig. 13. Fr. no. 384. Profile of a green paint layer. Clump of celadonite among larger glauconite particles. Cel — celadonite; Glt — glauconite
- Fig. 14. Raman spectra of identified pigments (range: 160–4000 cm⁻¹)

E. Ya. Zubavichus. On the painters of Prince Vladimir Monomakh and his son: results of a technological study of wall painting fragments from excavations in the Suzdal Kremlin

Abstract. This article presents the findings of a technological analysis of wall painting fragments from the Cathedral of Vladimir Monomakh in the Suzdal Kremlin. Most of the fragments date from the period of the cathedral's construction at the turn of the 11th and 12th centuries. The study employed scanning electron microscopy with energy-dispersive X-ray spectroscopy (SEM-EDS), Raman spectroscopy and optical microscopy. The composition of the intonaco and the pigments used were identified. Similarities in materials and techniques suggest a connection with the mural paintings of Novgorodian churches from the early 12th century.

Keywords: monumental painting, Middle Ages, fresco, technique, pigments, Raman spectroscopy, SEM-EDS.

Zubavichus Evgeniy Yanovich, junior research fellow, Laboratory of Architectural Archaeology and Interdisciplinary Research of Architectural Sites, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, teremion@gmail.com.

Новгородская икона Богоматери Умиление (Старорусская): опыт художественного, технико-технологического и «археологического» изучения

И. А. ШАЛИНА, Д. Г. ПЕЙЧЕВ

НА ФОНЕ немногих дошедших до нас памятников домонгольского искусства одним из менее изученных остается крупный образ Богоматери Умиление (ил. 1)¹, получивший условное именование «Старорусская», связанное с устным сведением о вывозе этой иконы в конце XIX в. из соответствующего новгородского пригорода (Антонова, 1951. С. 90–92). Факт приобретения ее в 1927 г. Русским музеем в магазине Книжной и киотной торговли Н. С. Большакова в Ленинграде зафиксирован в ярлыке на обороте доски, где рукой принявшего ее Н. П. Сычева также записано предание о происхождении памятника из Влахернского храма Константинополя, явно озвученное при продаже, что наделило образ еще одним топонимом.

Датировка иконы, колеблющаяся в широких пределах от XII до середины XIII в., отразилась в немногочисленных публикациях и зафиксирована в каталоге выставки (Живопись домонгольской Руси, 1974. № 15. С. 73–74). Наиболее раннего времени придерживалась сначала В. И. Антонова, связавшая образ с работой киевского мастера XII в., а впоследствии — О. Е. Этингоф и изучавший технику исполнения живописи С. И. Голубев, видевшие икону в контексте искусства начала XIII столетия (Голубев, 2014а. С. 46; 2014б. С. 164) и, шире, его первой половины и даже середины (Смирнова, 1976. С. 147, 155–156). Г. С. Колпакова

[HTTPS://DOI.ORG/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.137-154](https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.137-154)

Аннотация. Образ Богоматери Умиление из собрания Н. С. Большакова, по преданию, был привезен из Старой Руссы. Редкий иконографический извод с дополнительным платом на главе Марии отразил почитание влахернских реликвий в Новгороде. Манера исполнения живописи с широким применением олова вписывается в технологические особенности иконописи XIII в. На основании изучения всех слоев и их сохранности осуществлена реконструкция первоначального замысла. Художественный стиль иконы продолжает традиции позднекомниновского экспрессионизма и находит близкие параллели в росписи храма на Нередице в Новгороде (1199), что подтверждает ее новгородское происхождение. Однако многие черты искусства мастера свидетельствуют о более позднем создании произведения — в первых десятилетиях XIII в.

Ключевые слова: икона, иконография, техника иконописания, археология иконы, Богоматерь Умиление, Великий Новгород, художественный стиль, XIII век, Русский музей.

Шалина Ирина Александровна — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Отдела древнерусского искусства, Государственный Русский музей, Инженерная ул., 4, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191186, shalina_irina@mail.ru.

Пейчев Дмитрий Геннадиевич — заместитель директора по реставрации музейных предметов, заведующий мастерской реставрации темперной живописи, Международный центр реставрации, Музейная ул., 2, с. Рождествено, Гатчинский р-н, Ленинградская область, Российская Федерация, 188356, dmitrilout@gmail.com.

¹ Инв. № ДРЖ 2107. Размеры: 99,5 × 81,5 × 3 см.

Ил. 1. Богоматерь Умиление (Старорусская).
Начало — первая четверть XIII в. Новгород. ГРМ

сдвигала дату ближе ко второй четверти столетия (Колпакова, 2007. С. 456–458). Ко времени около 1200 г. отнес икону Л. И. Лифшиц (Лифшиц, 2015. С. 303–304), не сомневающийся в ее новгородском происхождении, как и большая часть исследователей (Живопись древнего Новгорода ... , 1974. Кат. № 7. С. 34–35), при этом В. Н. Лазарев отмечал архаичность и преувеличенную экспрессивность стиля (Лазарев, 1947. С. 47; 1954. С. 132, 134). При единодушном признании откровенно грецизирующего или даже восточного типа изображений, подчеркивалась нерусская природа памятника (М. Хадзидакис¹), восходящая к палестино-сирийскому, кипрскому или западному образцу, созданному после 1204 г. (Этингоф, 2005. С. 452–453). С. Н. Радойчич отмечал романские черты и не исключал участия в его создании итальянского мастера, а также предполагал существование древнего прообраза со смешанными восточно-христианскими

традициями (византийскими, палестинскими и синайскими)².

О древности памятника свидетельствует его деревянная основа из двух липовых досок, скрепленных двумя накладными сосновыми шпонками на крупных кованых гвоздях, концы которых загнуты на лицевую сторону до ее грунтовки. Первоначально щит (нижнее поле обрезано и заменено более поздней надставкой) был скреплен еще и торцовыми шпонками, на верхнем поле утраченной (остались гнезда от деревянных гвоздей), на нижнем поле позднее замененной новой. Среднезернистая, ветхая паволока положена крупным цельным куском почти по всей поверхности доски, текстура ее хорошо просматривается за счет чрезвычайно тонкого мелового грунта.

Очевидно, что сегодня икона представляет собой своего рода археологический памятник, поэтому важно проанализировать все живописные слои и определить, как он выглядел в момент создания. Авторская живопись сильно потеряла, верхние моделировки, за исключением лика Спасителя, смыты, в том числе в результате использования сильнодействующих средств во время реставрации Г. О. Чирикова и И. Я. Челнокова, проведенной в ГРМ в 1928 и 1934 гг.³ Она многократно поновлялась, в местах утрат авторского грунта и красочного слоя оставлены поздние вставки, искажающие первоначальный замысел. Полностью переписана вся нижняя часть произведения, поздний грунт положен по стыку и охватывает икону по периметру за исключением правого поля. Вставки с имитацией кракелюра темнее авторской живописи, уцелевшей лишь на ликах и мафории Богоматери и частично на изображении рук.

На полях обнаружены прорисы полнофигурных изображений святых, сейчас видимых лишь справа, но, судя по реставрационным протоколам, они существовали и слева. Такая композиция органично вписывается в традиции новгородской живописи XIII в., почти все произведения которой имеют дополнения в виде палеосных

¹ Устные консультации в ОДРИ ГРМ в 1978 г.

² Устные консультации в ОДРИ ГРМ в 1967 г.

³ Архив ОДРИ ГРМ. Реставрационная мастерская по древнему искусству ГРМ. Протоколы. Кн. II. Л. 169–176.

фигур, причем всякий раз представленных в полный рост¹. На прориси головы святого в верхней части правого поля сохранился фрагмент изображения бороды святого, написанного смесью охры с сажей, по которой лежит полупрозрачная лессировка глауконитом и плотные белильные разделки. Отметим, что решенные в такой же цветовой гамме прически известны и на других новгородских памятниках XIII в., в том числе образах Петра и Павла и пророков в медальонах на полях иконы Богоматери Умиление, происходящей из Белозерска (ГРМ) (Шалина, 2025).

Яркая технологическая особенность основы живописи — широкое использование олова² не только на фоне и полях, но и в качестве подложки в одеждах Младенца и убрусе Богоматери, причем повсеместно она заходит под другие красочные слои и даже личное письмо, что хорошо видно на верхней части левой кисти, где отчетливо читается граница широкого металлического листа (ил. 2) (фактически по левкасу написано только личное и мафорий Богородицы). Обнаруженная на иконе, как мы полагаем, раннего XIII столетия оловянная основа согласуется с результатами изучения других памятников³, созданных после 1204 г., когда этот материал начинает активно использоваться иконописцами, как по причине экономии серебра и золота, так и для достижения определенных художественных

Ил. 2. Изображение руки Богоматери. Богоматерь Умиление (Старорусская), фрагмент иконы

эффектов. Такими были авторские фоны и нимбы на иконе вмч. Димитрия Солунского на престоле из Дмитрова (ГТГ, 2020. Кат. № 14. С. 409) и поясного Спаса Вседержителя первой трети века из села Гавшинка близ Ярославля (ЦМиАР) (Труфанова, 2024), псковского житийного образа пророка Ильи из Выбута середины XIII в. (Першина, Першин, 2023), явленной иконы Богоматери Толгской, ок. 1314 г. (Лелекова и др., 2002). Судя по состоянию сохранности всех этих памятников, мастера не учитывали свойств данного металла, мгновенно окислявшегося при низких температурах после нарушения целостности покровной пленки.

Оловянный фон был обнаружен в процессе реставрации иконы Николая Чудотворца в житии из села Верхние Матигоры (ГРМ)⁴. В настоящее время из-под многочисленных записей раскрыт небольшой участок живописи: на клейме «Обучение св. Николая» и благословляющей деснице святого в среднике (ил. 3), что не позволяет делать окончательных выводов, но при сравнении его с образом Богоматери Старорусской очевидно, что олово здесь также в разрушенном состоянии, окислы от темно-серых до белых оттенков. В результате выполнения живописи в клейме очень тонкими прозрачными лессировками лежащий

- 1 Речь идет об иконе «Свят. Николай Чудотворец со святыми» из Новодевичьего монастыря ок. 1200 г. (ГТГ. 2020. Кат. № 9); обеих сторонах выносного образа первой трети XIII в. из собрания П. Д. Корина (Там же. Кат. № 11); иконах «Свят. Николай Чудотворец» из Духова монастыря середины XIII в. (Смирнова, 1976. Кат. № 1); «Спас на троне» второй половины XIII в. (ГТГ, 1995. Кат. № 18); «Богоматерь на престоле со святыми» (Голубев, Пивоварова, 2014); «Свят. Николай Чудотворец» Алексы Петрова 1294 г. (Иконы Великого Новгорода ... , 2008. Кат. № 4).
- 2 Предыдущие исследования иконы называли белый металл серебром, что послужило распространению этой идеи и в посвященных иконе кратких упоминаниях в каталогах и статьях. В ходе технико-технологического и реставрационного изучения О. В. Голубевой и Д. Г. Пейчевым в ГРМ использование олова подтвердилось.
- 3 Наиболее ранним примером является нимб Еммануила в Устюжском Благовещении (ГТГ, 2020. С. 158).

- 4 ГРМ. Инв. № ДРЖ 3130. Размеры: 139,5 × 92,0 × 3,3 см. Происходит из Воскресенской церкви в с. Верхние Матигоры Холмогорского района Архангельской обл. (Антропова, Пейчев, 2024).

Ил. 3. Изображение благословляющей десницы святого. Фрагмент иконы свят. Николая Чудотворца в житии из села Верхние Матигоры, начало XIV в. (?). ГРМ

почти по всей поверхности металл значительно искажил колорит, сливающийся с потемневшим фоном. Особенно интересны лики родителей святого, выполненные в бессанкирной технике (ил. 4), у Нонны он лежит по белому левкасу, а у Феофана — по слою белил, ставших со временем полупрозрачными. То есть можем наблюдать ту же картину, что и на изображении левой руки Богоматери: лежащая на олове живопись становится на несколько тонов темнее, и первоначальный авторский замысел искажается.

Благодаря интенсивной разбеленности высветлений наилучшую сохранность имеют лик Христа

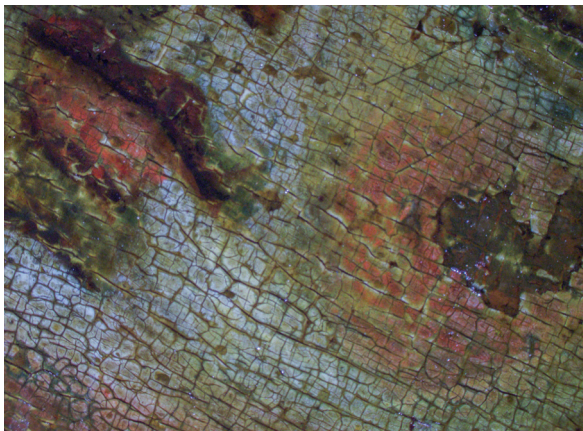
Ил. 4. Изображение ликов родителей святого. Фрагмент клейма иконы свят. Николая Чудотворца в житии из села Верхние Матигоры, начало XIV в. (?). ГРМ

Ил. 5. Лики Богоматери и Младенца. Богоматерь Умиление (Старорусская), фрагмент иконы

(ил. 5) и плотная двуслойная живопись мафория Богоматери, с ярко-красными моделировками, положенными на красно-коричневую подкладку, просматриваемую в тенях. О первоначальной живописи хитона Христа и убруса Богоматери судить трудно, поскольку все видимые остатки живописи — позднейшего происхождения. Однако с достаточной уверенностью можно предположить, что основой для них также служило листовое олово, судя по всему, перекрываемое сверху цветными лаками.

Техника личного письма, сочетающего оба приема — санкирный и бессанкирный, уникальна

Ил. 6. Изображение теневой части лика Младенца. Богоматерь Умиление (Старорусская), фрагмент иконы. Макросъемка

и описана С. И. Голубевым (Голубев, 2014а. С. 46. Ил. 25–27), наблюдения которого теперь можно уточнить последними исследованиями. Лик Младенца написан открытыми белилами по полупрозрачной, уплотненной в тенях подкладке, тогда как остальные участки личного исполнены в классической санкирной технике.

Рассмотрим подробнее оба живописных приема.

Сначала в обоих случаях наносилась полупрозрачная подкладка глауконитом, но уже на первой стадии подготовительные слои разработаны по-разному. На лице Младенца они уплотнялись лишь на теневых участках: оттушеван овал лика, формы рта, носа, глазных впадин, что очень напоминает манеру пластической разработки образа Ангела Златые власы ок. 1200 г. (ГРМ), тогда как у Богородицы по всей поверхности покрывался более корпусно глауконитом и дополнительно прописывался той же краской в смеси с сажей по затемненным частям, что позволяло сохранить проработку объема, но при этом заложить разницу в тоне. В результате получалась своего рода гризайль, где изображение Сына было значительно светлее Матери уже на этапе первоначальной проработки формы. При этом наиболее плотный участок санкиря лежит на «тайной» стороне лика Христа, соприкасающейся со щекой Богородицы, тем самым сближаясь с нею. Дополнительно это подчеркивается рисунком глаз Матери и Младенца,

также переходящих один в другой и объединяющих два образа.

Далее на лице Марии объем набирался охрой с постепенным добавлением белил, в то время как у Христа по полутонам прописывался разбеленной киноварью и многослойными белилами, достигавшими в светах эмалевидной плотности. Описи в обоих случаях выполнены в схожей технике и служат еще одним объединяющим элементом.

Драматургия по-разному написанных ликов, ставшая программным решением мастера, хорошо известна по памятникам комниновского искусства, достаточно вспомнить схожий эффект на иконе Богоматери Владимирской ок. 1130 г. (ГТГ, 2020. Кат. № 1. С. 80–109).

Исследования, проведенные под микроскопом, выявили значительное число правок живописи, незаметных невооруженному глазу, но вносящих существенное изменение в восприятие образа. На лице Младенца это, прежде всего, прописки по всем теневым участкам, делающие изначально полупрозрачные тени плотными и глухими (ил. 6). Также киноварные полутона и румяна в местах потертостей прописаны красной охрой, упрощающей и огрубляющей изначальный колорит иконы. Той же процедуре подверглись все участки описей, «утяжелены» глаза (особенно у Богородицы), брови, полностью переписаны волосы. Дополнительное искажение живописи вносит вставка по стыку досок, идущая по всему лику Марии, к тому же «списанная» (приближенная) к авторской живописи.

Изучение этих изменений привело нас к попытке реконструкции первоначального замысла, выяснению того, насколько изменилась икона за время ее многовекового бытования. Прежде всего, были виртуально исключены глухие теневые участки, а также поздние описи и сильно прописанные изображения глаз, которые очень упрощают живопись. На светах на лице Спасителя в микроскоп можно наблюдать остатки тонко перетертой охры (ил. 7), которой, вероятно, была отчасти пригашена белильная карнация, за счет чего живописный эффект становился сложнее, а образ, особенно вкупе с более прозрачными тенями, — более созерцательным. Той же цели служил и цветной лак, покрывавший все

Ил. 7. Изображение носа Младенца. Богоматерь Умиление (Старорусская), фрагмент иконы. Макросъемка

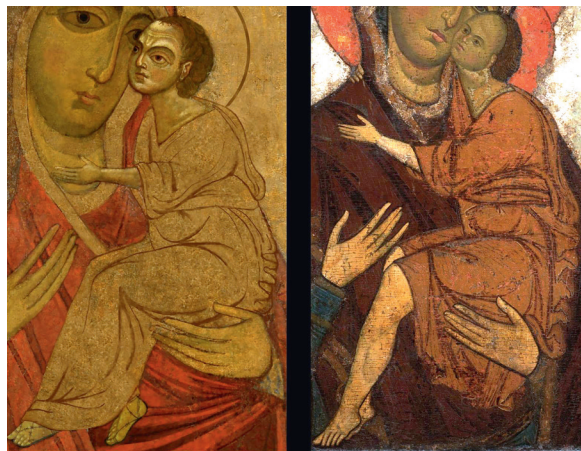
металлизированные поверхности иконы, которые светились мягким, переливчатым светом.

Исходя из этого, нами была выполнена цифровая реконструкция памятника (ил. 8). Виртуально удалив основные поздние вставки и ослабив прописки, мы получили более цельный образ, который позволил дальнейшее сравнение с иконами того периода. Дополнительно изучив прорись на хитоне Спасителя, мы пришли к выводу, что ближайшим к изучаемому произведению образом является «Богоматерь Умиление» Белозерская (ил. 9–10). Анатомически неправильный современный силуэт Христа Старорусской иконы, ставший результатом сохранности этой части поверхности, при наложении на него прориси складок хитона Младенца на произведении из Белозерска обретал логичность и завершенность формы. Попутно отметим, что лики привлекаемого для сравнения образа также изначально отличались друг от друга и их нынешнее состояние — результат бытования и поновлений.

Энергично исполненная живопись Богоматери Старорусской внешне действительно напоминает экспрессивные образы второй половины XII в., но имеет иное содержание, обусловленное новым осмыслением формы и ее роли в структуре живописного произведения. Если ранее белильные света служили конструкцией в построении формы, пронизывая ее светом, преобразовывали материю в нетленную одухотворенную плоть, то есть

Ил. 8. Богоматерь Умиление (Старорусская). Начало — первая четверть XIII в. Новгород. Реконструкция Д. Г. Пейчева

Ил. 9. Младенец. Фрагменты икон Богоматери Умиление: Старорусской (реконструкция) и Белозерской (зеркальный перевод)

способствовали спиритуализации образа, — то широкие и корпусные высветления на лице Христа лишь освещают выступающий рельеф и при этом концентрируются на переднем плане. Выбеливая

Ил. 10. Богоматерь Умиление (Белозерская).
1230-е гг. Новгород. ГРМ

Ил. 11. Лик вмч. Димитрия Солунского. Фрагмент иконы.
Начало XIII в. Владимир (?).
Из Успенского собора г. Дмитрова. ГТГ

лик густыми пастозными мазками, мастер сгущает световые потоки, которые обретают здесь материальность и тяжеловесность и не столько просветляют материю, сколько «выкристаллизовывают» ее, даже подавляют своей эмалевой плотностью. В целом техника его исполнения и последовательность наложения слоев, как и эластичный рисунок крупных черт, чрезвычайно близки манере письма лика Димитрия Солунского начала XIII в. из Дмитрова (ГТГ, 2020. Кат. № 14) (ил. 11).

Сферообразный и светоносный лик Младенца, оттененный словно ушедшей в тень Богородицей, особенно эффектно воспринимался на фоне мерцающего, серебристого сияния оловянного фона, покрытого цветными лаками. Сейчас реконструировать этот эффект очень сложно, но мельчайшие частицы переливающейся оптически заряженной энергией живописной поверхности позволяют предполагать, что пространственная среда, окружающая фигуры, стала активной, пульсирующей,

то есть также изменилась по сравнению с нейтральным фоном предшествующего времени.

Преобразование пространственного построения привело к расширению и укрупнению фигур, массивности их пропорций, округлости и утяжеленности объемов, распластанных параллельно плоскости средника и даже уходящих вглубь, что стало характерной приметой искусства XIII в. Той же тенденции подчиняется еле вписанное в средник изображение торса Богородицы, обтекаемый силуэт которой подчеркивает и плавный эллипсовидный ритм одеяний, поддержанный широкой каймой ризы. Внушительных размеров голова еще более расширяется за счет дополнительного плата, положенного мягкими круглящимися абрисами, надвинутый на лоб мафорий при отсутствии традиционного синего чепца лишь подчеркивает монументальность лика с крупными формами миндалевидных глаз, изогнутого носа, заметно приподнятых углом бровей.

Младенец показан значительным и взрослым — черта, ставшая характерной для искусства XIII в., контур его фигуры неразрывно слит с изображением Богородицы. Довольно неожиданным элементом, усложняющим геометризм рисунка, служит варьирующий мотив треугольных очертаний как части мафория на голове и выреза на груди, так и аналогичного ворота хитона Младенца. Выразительность линейному ритму добавляет драматургия представленных под разным ракурсом рук.

По сравнению с живописью предыдущих десятилетий более плотной и сгущенной становится палитра, несмотря на использование буквально трех основных цветов, массив интенсивно красного с темными тенями мафория подавляет все остальные, занимает половину средника, оставляя другую для мерцающего эффекта покрытого лаком олова, с которым сливались очертания убруса и одежд Христа, уподобляя икону мистическому явлению.

Художественная ткань произведения становится более активной, усиливается декоративная выразительность формы, акцентируется чувственно-эмоциональный аспект восприятия образа, с чем можно связывать размещение строго по центру средника столь редкого жеста ручки Христа, трепетно касающейся шеи Богоматери. Нарастание экспрессивности стиля сказалось в изменении характера рисунка, в котором отчетливо видны элементы стилизации, эластично исполненный контур обретает декоративную каллиграфичность, начинает играть важнейшую роль в конструировании формы, что видно по очертаниям ликов, прядей прически Младенца, контуров глаз и бровей Богоматери. Примечательно, что аналогичные стилистические черты присущи памятникам первых десятилетий XIII в., отчетливо затронутым латинским влиянием, прежде всего иконописи Кипра.

В нарушение традиционной иконографии Умиления, мастер поднял фигуру Иисуса слишком высоко, так что глаза Матери и Сына необычно оказались почти на одном уровне, причем каждая линия их черт находит продолжение в описях другого — бровь Христа перетекает в зрачок Богородицы, его верхнее веко соединено с ее нижним. В результате огромное светящееся миндалевидное око, которое действительно

можно образно назвать Всевидящим (Голубев, 2014б. С. 165), приобретает здесь всеобъемлющий и мистический характер, усиливая экспрессивное начало. При этом сокращенное изображение словно ушедшего в глубину второго глаза на темной стороне оказалось уникальным явлением для древней иконописи, скорее напоминающим рельефный принцип. Неслучайно чрезвычайную близость образ Младенца имеет с изображением воина на мраморной плите 1220-х гг. из Влахернского монастыря в Арте (Греция) (Fundic, 2022. Fig. 7b. P. 35). Не исключено, что этот своеобразный прием был попыткой мастера придать фигуре Христа больший ракурс.

Своеобразный стиль иконы, без сомнения, написанной новгородским мастером (Шалина, 2023а), восходит к художественным особенностям нередицких фресок, причем находит там настолько близкие параллели, что икона кажется исполненной тем же кругом мастеров. На их сходство впервые обратили внимание Т. А. Ананьева¹ и Э. С. Смирнова (Смирнова, 1976. С. 155), эти наблюдения были развиты Л. И. Лифшицем (Лифшиц, 2015. С. 304), предложившим датировать икону тем же временем, что и фрески, концом XII в. Подчеркивая связь этих памятников, исследователь выявляет присущие им «открытость и непосредственность» в выражении чувств, интонацию доверительного общения, рассчитанную на ответную реакцию. В качестве сходного примера эмоциональности образов приводится лик спеленатого Лазаря из праздничной сцены Нередицы, причем Л. И. Лифшиц отмечает не только их типологическую близость, но и общие принципы пластического мышления художников.

Действительно, как и в случае с отмеченным нами ранее разительным сходством Ангела Златые власы с целым рядом образов этой росписи (Шалина, 1997), ликам Старорусской иконы находится немало аналогий, например, среди персонажей сцен Крещения (ил. 12), Сретения, пишущих Евангелистов (Фрески ... , 1925. Табл. XLIII/2, XLV/1, XVI/2), где помимо типажей повторяются графические приемы письма — жесткий рисунок крыльев

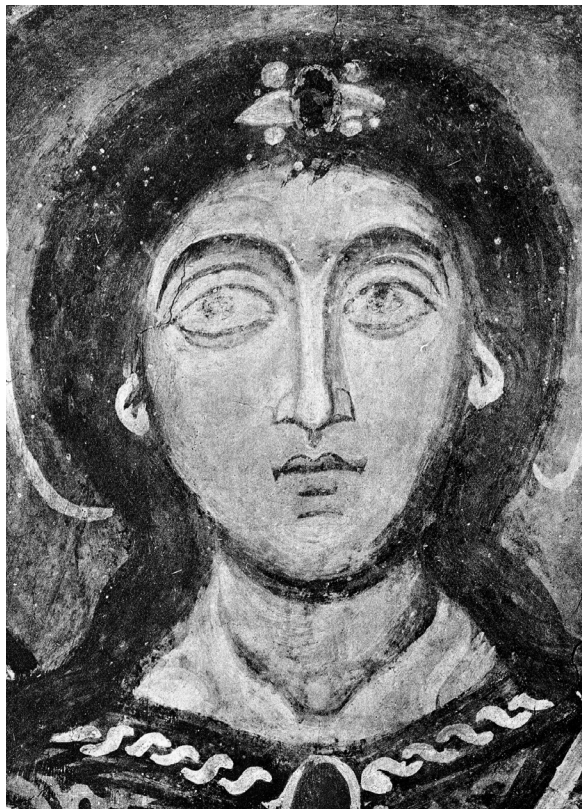
¹ Атрибуционный совет в отделе древнерусской живописи ГРМ, 1969 г.

Ил. 12. Люди, ожидающие крещения. Фрагмент сцены Крещения южной стены наоса. Фреска храма Спаса Преображения на Нередице. 1199 г.

носа и своеобразные очертания ушей. Отметим также сходный прием наложения густых белил, утяжеляющих поверхность рельефа личного и даже рисунок этих пробелов. В росписи Нередицы, созданной в переходный момент изменения стиля от комниновского экспрессионизма к языку цельных и массивных форм XIII в., встречаются и более спокойные, даже невозмутимые лики, лишенные активной графики и ярких пробелов, с мягкими очертаниями бровей и глаз, подобно архангелу Уриилу (Фрески ... , 1925. Табл. XLIX/2) (ил. 13). Вместе с тем там можно найти и угловатый рисунок фигуры Христа с поднятым плечом и представленной почти под прямым углом рукой, например, в сцене Усекновения главы Иоанна Предтечи (Пивоварова, 2002. Ил. 210). Примечателен и часто применяемый фрескистами и используемый автором иконы прием, при котором один лик частично закрывает другой, в результате чего возникает ощущение сильного ракурсного разворота¹.

Однако при сравнении памятников при видимом сходстве использованных приемов и об-

Ил. 13. Архангел Уриил. Фрагмент фрески храма Спаса Преображения на Нередице. 1199 г.

разной близости очевидно, на наш взгляд, более позднее время создания иконы, мастер которой активно использует художественный арсенал средств искусства первых двух десятилетий XIII в. Это и массивность укрупненных форм, и стремление к плавным очертаниям, подчеркивающим усмиренность и открытость образов, слитность единых контуров. По сравнению с одновременной нередицким фрескам иконой Ангела Златые волосы, в Умилении в большей степени проявляется тенденция к диспропорции и гиперболизации, распластанным по поверхности формам, эластичности круглящихся абрисов, утяжелению белильной карнации, обнаженности композиционной конструкции, что, на наш взгляд, выводит время создания иконы за пределы собственно комниновской традиции в XIII столетие. Именно в эту эпоху получает распространение тип взрослого Младенца, киноварный, а не вишневого цвета мафория Богородицы, что демонстрирует кипрская

¹ Евангелист Матфей (ил. 14). Фрагмент фрески юго-восточного паруса (Фрески..., 1925. Табл. XVIII/2); Иоанн Богослов в сцене Распятия (Там же. Табл. XLII/1).

Ил. 14. Евангелист Матфей. Фрагмент фрески храма Спаса Преображения на Нередице. 1199 г.

иконопись времени Лузиньянского правления, испытавшая активное воздействие западной культуры; сдержанность цветовой гаммы с обширными и однородными по фактуре поверхностями.

Представленный вариант Умиления не находит аналогий среди известных памятников и свидетельствует о творческом восприятии извода. Судя по предлагаемой реконструкции позы и одеяния Младенца, фигура в зеркальном отражении почти повторяла образ Христа на новгородской иконе Богоматери Умиление Белозерской 1230-х гг. (ГРМ) (ил. 10), восходившей к памятникам, затронутым латинским влиянием (Шалина, 2023б; Шалина, 2025). Как и там, Еммануил с обнаженной по локоть ручкой облачен в широкую, напоминающую хламиду ризу, также ставшую приметой итальянского искусства первой трети XIII в., и представлен не младенцем, а отроком. Однако в отличие от Белозерской иконы, фигура Христа поднята

Ил. 15. Богоматерь Гликофилуса. Около 1200 г. Из церкви Панагии Епископи (Μέσα Γωνιά) в Санторини, Греция

чрезвычайно высоко, так что лик оказался не на уровне уст Богоматери, что было типично для изображений Елеусы и наиболее ясно выражало символический замысел самого типа, а на уровне ее глаз. Единственный пример близкого, но не аналогичного композиционного решения — икона Богоматери Гликофилуса ок. 1200 г. из церкви Панагии Епископи (Μέσα Γωνιά) в Санторини, Греция (Chatzidakis, 2007. S. 128–129. Pin. 14), где Христос показан привставшим и охватившим шею Матери обеими руками, что и обусловило приподнятую позицию как его фигуры, так и кистей Богородицы (ил. 15). Характерно, что в рассматриваемом памятнике, при сохранении позы сидящего Иисуса, расположение ножек, силуэт гиматия, необычно приподнятая кисть Марии следуют этому греческому образцу, созданному на территории латинского протектората. Это свидетельствует об ориентации новгородской иконы на прототип со сложной, возможно,

испытывавшей западное влияние иконографической схемой, которую мастер был вынужден упрощать, приближая к более понятной схеме Умиления.

Особое внимание надо уделить дополнительному убрусу, накинутому поверх мафория и некогда сиявшему за счет лежащего по всей его поверхности олова, покрытого цветными лаками. Мастер продолжает новгородскую традицию, повторяя аналогичный элемент на более ранней иконе Умиления 1180-х гг. из Успенского собора Кремля (Иконы Успенского собора ... , 2007. Кат. № 2. С. 72–78), видимо, вывезенной в 1487 г. в Москву из Троицкой церкви в Новгороде, где этот образ прославился чудотворениями (Лобакова, 2017) (ил. 16). Происхождение такого убруса явно было связано с византийской иконографией (Шалина, 2004) и известно по камерной иконе последней четверти XII в. с тронным образом Богородицы Киккотиссы, окруженной пророками (ГЭ), с наброшенной поверх мафория киноварной тканью (Синай ... , 2000. Кат. В-90. С. 110–112). Согласно традиции, этот извод восходил к иконе, посланной Алексеем I Комнином в 1092 г. в монастырь Киккос на Кипре и впоследствии почитавшейся там чудотворной (Hadermann-Misguich, 1991). Поскольку живопись в течение столетий скрывали за сплошным окладом, иконография, особенно в раннее время, отличается неустойчивостью и очевидно восходит к разным схемам. Наиболее ранний кипрский пример — «Феоскепаста» из одноименной церкви в Пафосе начала XIII в. (Maniëra Sypria, 2017. III. 19. Р. 87) (ил. 17) — представляет тип Перивлелты, большинство других показывают Младенца отвернувшимся от Богородицы, причем среди них есть как левосторонние, так и правосторонние образы (Ibid. III. 43. Р. 93; III. 86. Р. 105; III. 88. Р. 106), и сходные с иконографией Анапесона, подобно правой створке диптиха Синайского монастыря, созданного в мастерской крестоносцев в 1280-е гг. (Sinai ... , 1990. Pl. 65).

Существует мнение, что киноварный цвет дополнительного плата был связан с текстильной продукцией Кипра, производившего пурпурную ткань с золотым узором, ставшую своеобразным

Ил. 16. Богоматерь Умиление. 1180-е гг. Новгород. Из Успенского собора Московского Кремля. ГММК

символом острова (Carr, 1995. Р. 356). Если для кипрских икон это замечание вполне справедливо, то другие памятники, причем наиболее ранние, по-разному передают колорит убруса, в том числе, как и в нашем случае, серебряным, например, на созданной одновременно со Старорусской миниатюрной мозаичной Агиосоритиссе первой трети XIII в. из монастыря клариссок в Кракове (Этингоф, 2005. С. 364–365) (ил. 18).

Очевидно, что происхождением обсуждаемый головной убор был обязан главной реликвии дворцового комплекса во Влахернах — Ризе Богородицы, покрывалу, известному по видению Андрея Юродивого и хранившемуся там вместе с повоем или скуфьей, о чем свидетельствует Стефан Новгородец (Хождение ... , 1981. С. 38–39). Это тем более вероятно, что обе святыни находились рядом с чудотворными богородичными иконами (Majeska, 1984. Р. 336), зачастую именовавшимися Влахернскими и участвовавшими

Ил. 17. Богоматерь с Младенцем.
Лицевая сторона двусторонней иконы.
Конец XII — начало XIII в.
Византийский музей, Пафос, Кипр

с ними в еженедельных церковных ритуалах императорского двора (Шалина, 2005. С. 289–292). *Риза* (мафорий или омофор), получившая на Руси именование «багряница», как полагали, была либо частью длинной мантии, либо коротким платком, покрывавшим только голову или спадавшим до плеч. Вторую реликвию обычно связывают с *чепцом*, собиравшим волосы, или «повоем», воспроизводившимся на богородичных иконах, который Антоний Новгородский видел в «царских палатах» (Книга Паломник, 1899. С. 19, 54, 80). Исходя из этого, появление предания о происхождении Старорусского образа с драгоценным убрусом Марии из Влахерн выглядит вполне закономерным, возможно, в древности именно так именовали само изображение.

В Новгороде почитание влахернских реликвий было важной частью духовной жизни. Как полагают, частицы их были вложены в двух

Ил. 18. Богоматерь Агиосоритисса. Мозаичная икона.
Первая треть XIII в. Константинополь (?).
Церковь Св. Андрея монастыря ордена клариссок,
Краков, Польша

замастикованных мощевиках на оборотной стороне иконы 'Επίσκεψις («Знамения») второй четверти XII в. между святыми Петром и Анастасией (Стерлигова, 2003. С. 555), что объясняло бы особую роль городского палладиума, как и его прототип, прославившегося чудом защиты Новгорода от врагов (1170). По преданию, в честь этого события был основан Десятинный монастырь, исторически связанный с победой, дарованной граду Богородицей; а в 1195 г. по заказу архиепископа Мартирия на Пречистенских вратах Детинца строится каменная надвратная церковь «во имя святыя Богородица положения ризы и пояса», на следующий год расписанная греком Петровичем (НПЛ, 1950. С. 41–42, 234–235). Впервые упоминавшийся в 1148 г. Богородичный храм Зверина монастыря, впоследствии названный Покровским, первоначально также мог быть посвящен празднику Положения Ризы (2 июля) (Шалина, 2005. С. 311).

Естественно, что каждый из них имел как свои храмовые иконы, иллюстрирующие это событие, так и богородичные образы, варьирующие мотив ризы, плата, убруса.

Осознание непосредственной связи представленного на главе Богородицы живописного убруса с подлинной святыней Влахерн подтверждается богатым ювелирным убранством, золотыми и серебряными очельями, покрывавшими на многих древнерусских иконах эту часть изображения (Стерлигова, 2000. С. 188–192). Собственно, той же традиции следует покрытый оловом и цветными лаками, имитирующими драгоценную ткань, плат на Богоматери из Русского музея.

Помимо двух новгородских икон с дополнительным убрусом, известны повторения этого мотива среди памятников каменной пластики XII–XIII вв. (Николаева, 1983. Табл. 13. Ил. 2 (№ 67); Табл. 18. Ил. 6 (№ 89); Табл. 22. Ил. 3 (№ 124), Ил. 5 (№ 121); Табл. 41. Ил. 1 (№ 233); Табл. 64. Ил. 1 (№ 358)), особенно близок по иконографии Умиления образков из собрания Н. С. Большакова конца XII в. (Там же. Табл. 2. Ил. 9 (№ 13)). В Старой Руссе, с которой предание связывает рассматриваемое произведение, прославился ныне утраченный чудотворный образ Богоматери Старорусской, судя по литографии 1889 г., также имевший верхний убрус (Арсений, 1889). Он неоднократно варьировался в списках (Шевченко, 2022), имевших существенные расхождения в композиции, но неизменно удерживавших этот мотив. Рассматриваемая икона не является повторением ни одного из них, но сам факт широкого распространения в новгородских землях отмеченной иконографической особенности усиливает правдоподобность ее происхождения из этих пределов и лишний раз подтверждает особое внимание местного искусства к изображению богородичного плата.

Не исключено, что в начале — первых десятилетиях XIII в. над созданием иконы трудился тот же круг мастеров, что в 1199 г. — одновременно с монументальным убранством Нередицы, с которым икона имеет очевидное стилистическое сходство, — работал над росписью церкви Преображения в Старой Руссе в монастыре,

основанном тем же Мартирием (НПЛ, 1950. С. 43), по воле которого за три года до того украшали церковь Положения ризы в Новгородском Детинце.

Список литературы

- Антонова В. И. Историческое значение изображения Дмитрия Солунского XII века из г. Дмитрова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1951. Вып. ХLI. С. 85–98.
- Антропова И. А., Пейчев Д. Г. Икона «Святой Николай Чудотворец, с житием» из села Матигоры в собрании Русского музея: материалы предварительного исследования // Сохранение культурного наследия. Изобразительные искусства. Исследования и реставрация. СПб., 2024. С. 12–20.
- Арсений (Усинин, игум.), сост. Торжество перенесения чудотворной иконы Старорусской Божией Матери из г. Тихвина в г. Ст. Руссу и Очерк Старорусского Спасо-Преображенского монастыря Новгородской губ., в котором находится ныне чудотворная икона, с краткими сведениями о жизни блаженного основателя его святого архиепископа Новгородского Мартирия родом из Старой Руссы. СПб.: тип. Ю. Штауфа, 1889. 72 с.
- Голубев С. И. Некоторые проблемы изучения техники древнерусской живописи (иконопись второй половины XIII — середины XIV в.) // Постижение образа. С. И. Голубев — реставратор, педагог, иконописец. СПб.: Европейский дом, 2014а. С. 44–50.
- Голубев С. И. Личное письмо и богословие иконы // Постижение образа. С. И. Голубев — реставратор, педагог, иконописец. СПб.: Европейский дом, 2014б. С. 161–165.
- Голубев С. И., Пивоварова Н. В. Икона «Богоматери на престоле со святыми Николой и Климентом» из собрания Государственного Русского музея: вопросы иконографии // Постижение образа. С. И. Голубев — реставратор, педагог, иконописец. СПб.: Европейский дом, 2014. С. 51–52.
- ГТГ. Каталог собрания. Древнерусская живопись XII–XIII веков / науч. ред. Л. В. Нерсесян. М.: ГТГ, 2020. 608 с.
- ГТГ: каталог собрания. Т. 1: Древнерусское искусство X — начала XV века / отв. ред. Я. В. Брук. М.: Красная площадь, 1995. 272 с.

- Живопись домонгольской Руси: Каталог выставки. ГТГ / авт.-сост. О. А. Корина. М.: Советский художник, 1974. 127 с.
- Живопись древнего Новгорода и его земель XII–XVII столетий: каталог выставки / авт.-сост.: В. К. Лаурина, Г. Д. Петрова, Э. С. Смирнова. Л.: Гос. Русский музей, 1974. 96 с.
- Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. М.: Северный паломник, 2008. 576 с.
- Иконы Успенского собора Московского Кремля. XI — начало XV века: каталог / науч. ред. Л. А. Щенникова. М.: Северный паломник, 2007. 256 с.
- Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 г. / под редакцией Хр. Лопарева // Православный палестинский сборник. Т. 17, вып. 3. СПб.: Импр. Православное Палестинское о-во, 1899. 113 с.
- Колпакова Г. В. Искусство Древней Руси. Домонгольский период. СПб.: Азбука, 2007. 600 с.
- Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.; Л.: Искусство, 1947. 180 с.
- Лазарев В. Н. Живопись и скульптура Новгорода // История русского искусства: в 13 т. Т. 2. М.: изд-во АН СССР, 1954. С. 72–283.
- Лелекова О. В., Наумова М. М., Рузавин Ю. А. Исследование иконы «Богоматерь Умиление» (Толгская) XIV века из Ярославского Художественного музея // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства: VI науч. конф. (27 ноября – 30 ноября 2000): материалы. М.: Объединение «Магnum APC», 2002. С. 18–24.
- Лифшиц Л. И. Живопись второй половины 12 века // История русского искусства: в 22 т. Т. 2, ч. 2. Искусство второй половины XII века / отв. ред. Л. И. Лифшиц. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2015. 576 с.
- Лобакова И. А. «Сказание о чудесах иконы Богоматери Умиление из новгородской Троицкой церкви» в историко-литературной традиции XVII–XVIII веков // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Т. III / отв. ред. С. А. Семячко. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. С. 604–617.
- Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. М.: Наука, 1983. 164 с. (САИ; вып. Е1-60).
- НПЛ. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- Першина Д. С., Першин Д. С. Икона «Пророк Илия в пустыне, с житием и Деисусом» из села Выбуты в свете последних исследований // Между Востоком и Западом. Святой Александр Невский, его эпоха и образ в искусстве: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. (Москва, 15–18 сентября 2021 г.) / отв. ред.: О. В. Овчарова, М. А. Маханько. М.: ГИИ: ЦМиАР, 2023. С. 124–141.
- Пивоварова Н. В. Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: иконографическая программа росписи. СПб.: APC: Дмитрий Буланин, 2002. 256 с.
- Синай, Византия, Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века: каталог выставки / под ред. О. Баддлей, Э. Брюннер, Ю. Пятницкого. London: Фонд Св. Екатерины, 2000. 488 с.
- Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М.: Наука, 1976. 392 с.
- Стерлигова И. А. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. Происхождение, символика, художественный образ. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 264 с.
- Стерлигова И. А. Святыни Успения Богоматери в произведениях древнерусского искусства XII–XIV веков // Восточнохристианские реликвии / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 656 с.
- Труфанова О. Е. Спас Вседержитель XIII века из собрания Музея имени Андрея Рублева: первые результаты технологических исследований // XXVIII научные чтения памяти И. П. Болотцевой (1944–1995): сб. ст. / Ярославский худож. музей. Ярославль, 2024. С. 7–16.
- Фрески Спасо-Нередицы / предисл. Н. П. Сычева; текст В. К. Мясоедова. Л.: Гос. тип. им. И. Федорова, 1925. 31 с.
- Хождение Стефана Новгородца / подгот. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV вв. М.: Худож. лит., 1981. 606 с.
- Шалина И. А. Икона «Ангел Златые власы» и русская художественная культура около 1200 года // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М.: Модус граффити, 1997. С. 188–219.
- Шалина И. А. Иконография «Богоматери Голубицкой». К символике голубя и убруса Богоматери // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки / сост. И. Л. Кызласова. М.: Русский путь, 2004. С. 271–288.
- Шалина И. А. Реликвии в восточнохристианской иконографии = Relics in eastern christian iconography. М.: Индрик, 2005. 534 с.
- Шалина И. А. Икона Богоматери Умиления (Старорусской) начала — первой четверти XIII века и традиции позднекомниновского экспрессионизма // Вестник сектора древнерусского искусства: журнал по истории древнерусского искусства. 2023а. Вып. 1. С. 12–32.

- Шалина И. А. Икона Богоматери Умиления из Белозерска в диалоге восточнохристианской и западной культуры // Между Востоком и Западом. Святой Александр Невский, его эпоха и образ в искусстве: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. (Москва, 15–18 сентября 2021 г.) / отв. ред.: О. В. Овчарова, М. А. Маханько. М.: ГИИ: ЦМиАР, 2023б. С. 38–71.
- Шалина И. А. Атрибуция иконы Богоматери Умиления (Белозерской) из собрания Русского музея // Искусство византийского мира 3: сб. ст. памяти О. С. Поповой / ред.-сост.: О. В. Овчарова, И. А. Орецкая. М.: ГИИ, 2025. С. 318–339.
- Шевченко Э. В. Старорусская икона Божией Матери // ПЭ. Т. 66. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2022. С. 124–129.
- Этингоф О. Е. Византийские иконы VI — первой половины XIII века в России. М.: Индрик, 2005. 768 с.
- Carr A. Byzantines and Italians on Cyprus: Images from Art // DOP. 49. 1995. P. 339–357.
- Chatzidakis N. The Character of the Painting of Icons from Latin-Held Areas of Mainland Greece and the Islands // Byzantine Art in the Aftermath of the Fourth Crusade International Congress March 9–12, 2004 / ed. by P. L. Vokotopoulos. Athens: Academy of Athens, 2007. P. 113–132. (In Greek).
- Fundic L. Art, Power, and Patronage in the Principality of Epirus, 1204–1318. London; New York; Routledge, 2022. 284 p.
- Hadermann-Misguich L. La Vierge Kykkotissa et l'éventuelle origine latine de son voile. // Euphrósynon. Afieromaton Manóle Chatzedake. Athens: Tameio Archaialogikon Poron kai Hapallotrioseon, 1991. V. I. P. 197–204.
- Majeska G. Russian Travellers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington: Dumbarton Oaks studies, 1984. 463 с.
- Maniera Cypria: The Cypriot Painting of the 13th Century Between Two Worlds. Nicosia, Byzantine Museum, 2017. Exhibition catalogue / ed I. A. Eliades. Lefkosia: Archbishop Makarios III Foundation, 2017. 111 p.
- Sinai: Treasures of the Monastery of Saint Catherine / ed. by K. Manafis. Athens: Ekdotike Athenon, 1990. 399 p.
- Instituta istorii material'noy kul'tury. 1951. Vyp. XLI. P. 85–98.
- Antropova I. A., Peychev D. G. Ikona "Svyatoy Nikolay Chudotvorets, s zhitiem" iz sela Matigory v sobranii Russkogo muzeya: materialy predvaritel'nogo issledovaniya // Sokhranenie kul'turnogo naslediya. Izobrazitel'nye iskusstva. Issledovaniya i restavratsiya. St. Petersburg, 2024. P. 12–20.
- Arseniy (Usinin, igum.), comp. Torzhestvo pereneseniya chudotvornoy ikony Starorusskoy Bozhiey Materi iz g. Tikhvina v g. St. Russu i Ocherk Starorusskogo Spaso-Preobrazhenskogo monastyrya Novgorodskoy gub., v kotorom nakhoditsya nyne chudotvornaya ikona, s kratkimi svedeniyami o zhizni blazhennogo osnovatelya ego svyatogo arkhiepiskopa Novgorodskogo Martiriya rodом iz Staroy Russy. St. Petersburg: tipografiya Yu. Shtaufa, 1889. 72 p.
- Carr A. Byzantines and Italians on Cyprus: Images from Art // DOP. 49. 1995. P. 339–357.
- Chatzidakis N. The Character of the Painting of Icons from Latin-Held Areas of Mainland Greece and the Islands // Byzantine Art in the Aftermath of the Fourth Crusade International Congress March 9–12, 2004 / ed. by P. L. Vokotopoulos. Athens: Academy of Athens, 2007. P. 113–132. (In Greek).
- Etinhof O. E. Vizantiyskie ikony VI — pervoy poloviny XIII veka v Rossii. Moscow Indrik, 2005. 768 p.
- Freski Spaso-Nereditsy / pref.: N. P. Sychev; text by V. K. Myasoedov. Leningrad: Gosudarstvennaya tipografiya imeni I. Fedorova, 1925. 31 p.
- Fundic L. Art, Power, and Patronage in the Principality of Epirus, 1204–1318. London; New York; Routledge, 2022. 284 p.
- Golubev S. I. Nekotorye problemy izucheniya tekhniki drevnerusskoy zhivopisi (ikonopis' vtoroy poloviny XIII — serediny XIV v.) // Postizhenie obraza. S. I. Golubev — restavrator, pedagog, ikonopisets. St. Petersburg: Evropeyskiy dom, 2014a. P. 44–50.
- Golubev S. I. Lichnoe pis'mo i bogoslovie ikony // Postizhenie obraza. S. I. Golubev — restavrator, pedagog, ikonopisets. St. Petersburg: Evropeyskiy dom, 2014b. P. 161–165.
- Golubev S. I., Pivovarov N. V. Ikona "Bogomateri na prestole so svyatyimi Nikoloy i Klimentom" iz sobraniya Gosudarstvennogo Russkogo muzeya: voprosy ikonografii // Postizhenie obraza. S. I. Golubev — restavrator, pedagog, ikonopisets. St. Petersburg: Evropeyskiy dom, 2014. P. 51–52.
- Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya. Katalog sobraniya. Drevnerusskaya zhivopis' XII–XIII vekov / ed. L. V. Nersesyan.

References

Antonova V. I. Istoricheskoe znachenie izobrazheniya Dmitriya Solunskogo XII veka iz g. Dmitrova // Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh

- Moscow: Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya, 2020. 608 p.
- Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya: katalog sobraniya. 1: Drevnerusskoe iskusstvo X — nachala XV veka / ed. Ya. V. Bruk. Moscow: Krasnaya ploshchad', 1995. 272 p.
- Hadermann-Misguich L. *La Vierge Kykkotissa et l'éventuelle origine latine de son voile*. // Euphrósýnon. Afieroma ston Manóle Chatzedake. Athens: Tameio Archaiologikon Poron kai Hapallotrioseon, 1991. I. P. 197–204.
- Ikony Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya. XI — nachalo XV veka: katalog / ed. L. A. Shchennikova. Moscow: Severnyy palomnik, 2007. 256 p.
- Ikony Velikogo Novgoroda XI — nachala XVI veka. Moscow: Severnyy palomnik, 2008. 576 p.
- Khozhdienie Stefana Novgorodtsa / transl., comment.: L. A. Dmitriev // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIV — seredina XV vv. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981. 606 p.
- Kniga Palomnik. Skazanie mest svyatykh vo Tsaregrade Antoniia arkhiepiskopa Novgorodskogo v 1200 g. / pod redaktsiei Khr. Lopareva // Pravoslavnyy palestinskiy sbornik. 17, 3. St. Petersburg: Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe obshchestvo, 1899. 113 p.
- Kolpakova G. V. *Iskusstvo Drevney Rusi. Domongol'skiy period*. St. Petersburg: Azbuka, 2007. 600 p.
- Lazarev V. N. *Iskusstvo Novgoroda*. Moscow; Leningrad: Iskustvo, 1947. 180 p.
- Lazarev V. N. Zhivopis' i skul'ptura Novgoroda // Istoriya russkogo iskusstva: v 13 tomakh. 2. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954. P. 72–283.
- Lelekova O. V., Naumova M. M., Ruzavin Yu. A. Issledovanie ikony "Bogomater' Umilenie" (Tolgsкая) XIV veka iz Yaroslavskogo Khudozhestvennogo muzeya // Ekspertiza i atributsiya proizvedeniy izobrazitel'nogo iskusstva: VI nauchnaya konferentsiya (27 noyabrya — 30 noyabrya 2000): materialy. Moscow: Ob"edinenie "Magnum ARS", 2002. P. 18–24.
- Lifshits L. I. Zhivopis' vtoroy poloviny 12 veka // Istoriya russkogo iskusstva: v 22 tomakh. 2. Iskustvo vtoroy poloviny XII veka / ed. L. I. Lifshits. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2015. 576 p.
- Lobakova I. A. "Skazanie o chudesakh ikony Bogomateri Umilenie iz novgorodskoy Troitskoy tserkvi" v istoriko-literaturnoy traditsii XVII–XVIII vekov // Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Materialy. Publikatsii. III / ed. S. A. Semyachko. St. Petersburg: Pushkinskiy Dom, 2017. P. 604–617.
- Majeska G. *Russian Travellers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Washington: Dumbarton Oaks studies, 1984. 463 p.
- Maniera Cypria: The Cypriot Painting of the 13th Century Between Two Worlds. Nicosia, Byzantine Museum, 2017. Exhibition catalogue / ed I. A. Eliades. Lefkosia: Archbishop Makarios III Foundation, 2017. 111 p.
- Nikolaeva T. V. *Drevnerusskaya melkaya plastika iz kamnya. XI–XV vv.* Moscow: Nauka, 1983. 164 p. (Svod arkhelogicheskikh istochnikov; E1-60).
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 642 p.
- Pershina D. S., Pershin D. S. Ikona "Prorok Iliya v pustyne, s zhitiem i Deisusom" iz sela Vybuty v svete poslednikh issledovaniy // Mezhdru Vostokom i Zapadom. Svyatoy Aleksandr Nevskiy, ego epokha i obraz v iskusstve: sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 15–18 sentyabrya 2021 g.) / eds.: O. V. Ovcharova, M. A. Makhan'ko. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya: Tsentral'nyy muzey drevnerusskoy kul'tury i iskusstva imeni Andrey a Rubleva, 2023. P. 124–141.
- Pivovarova N. V. Freski tserkvi Spasa na Nereditse v Novgorode: ikonograficheskaya programma rospisi. St. Petersburg: ARS: Dmitriy Bulanin, 2002. 256 p.
- Shalina I. A. Ikona "Angel Zlatye vlasy" i russkaya khudozhestvennaya kul'tura okolo 1200 goda // Dmitrievskiy sobor vo Vladimire: k 800-letiyu sozdaniya. Moscow: Modus graffiti, 1997. P. 188–219.
- Shalina I. A. Ikonografiya "Bogomateri Golubitskoy". K simbolike golubya i ubrusa Bogomateri // Mir Kondakova. Publikatsii. Stat'i. Katalog vystavki / comp. I. L. Kyzlasova. Moscow: Russkiy put', 2004. P. 271–288.
- Shalina I. A. Relikvii v vostochnokhristianskoy ikonografii = Relics in eastern christian iconography. Moscow: Indrik, 2005. 534 p.
- Shalina I. A. Ikona Bogomateri Umileniya (Staroruskskoy) nachala — pervoy chetverti XIII veka i traditsii pozdnekomninskogo ekspressionizma // Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva: zhurnal po istorii drevnerusskogo iskusstva. 2023a. 1. P. 12–32.
- Shalina I. A. Ikona Bogomateri Umileniya iz Belozerskaya v dialoge vostochnokhristianskoy i zapadnoy kul'tury // Mezhdru Vostokom i Zapadom. Svyatoy Aleksandr Nevskiy, ego epokha i obraz v iskusstve: sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii

(Moskva, 15–18 sentyabrya 2021 g.) / eds.: O. V. Ovcharova, M. A. Makhank'o. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya: Tsentral'nyy muzey drevnerusskoy kul'tury i iskusstva imeni Andrey Rubleva, 2023b. P. 38–71.

Shalina I. A. Atributsiya ikony Bogomateri Umileniya (Belozerskoy) iz sobraniya Russkogo muzeya // *Iskusstvo vizantiyskogo mira 3: sbornik statey pamyati O. S. Popovoy / ed.-comp.: O. V. Ovcharova, I. A. Oretskaya*. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2025. P. 318–339.

Shevchenko E. V. Starorusskaya ikona Bozhiey Materi // *Pravoslavnaya entsiklopediya*. 66. Moscow: TsNTs "Pravoslavnaya Entsiklopediya", 2022. P. 124–129.

Sinai: Treasures of the Monastery of Saint Catherine / ed. by K. Manafis. Athens: Ekdotike Athenon, 1990. 399 p.

Sinay, Vizantiya, Rus'. Pravoslavnoe iskusstvo s 6 do nachala 20 veka: katalog vystavki / eds.: O. Baddley, E. Bryunner, Yu. Pyatnitskiy. London: Fond Sv. Ekateriny, 2000. 488 p.

Smirnova E. S. Zhivopis' Velikogo Novgoroda. Seredina XIII — nachalo XV veka. Moscow: Nauka, 1976. 392 p.

Sterligova I. A. Dragotsennyy ubor drevnerusskikh ikon XI–XIV vekov. Proiskhozhdenie, simbolika, khudozhestvennyy obraz. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 264 p.

Sterligova I. A. Svyatyni Uspeniy Bogomateri v proizvedeniyakh drevnerusskogo iskusstva XII–XIV vekov // *Vostochnokhristianskie relikvii / ed., comp. A. M. Lidov*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2003. 656 p.

Trufanova O. E. Spas Vsederzhitel' XIII veka iz sobraniya Muzeya imeni Andrey Rubleva: pervye rezul'taty tekhnologicheskikh issledovaniy // XXVIII nauchnye chteniya pamyati I. P. Bolottsevoy (1944–1995): sbornik statey / Yaroslavskiy khudozhestvennyy muzey. Yaroslavl', 2024. P. 7–16.

Zhivopis' domongol'skoy Rusi: Katalog vystavki. Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya / auth.-comp. O. A. Korina. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1974. 127 p.

Zhivopis' drevnego Novgoroda i ego zemel' XII–XVII stoletiy: katalog vystavki / auth.-comp.: V. K. Laurina, G. D. Petrova, E. S. Smirnova. Leningrad: Gosudarstvennyy Russkiy muzey, 1974. 96 p.

Illustrations

Fig. 1. The Mother of God Eleousa (Starorusskaya). Early to first quarter of the 13th century. Novgorod. State Russian Museum

Fig. 2. Detail of the Mother of God's hand. The Mother of God Eleousa (Starorusskaya), a fragment of the icon

Fig. 3. The blessing right hand of the saint. Fragment of the icon St. Nicholas the Wonderworker with Scenes from His Life from the village of Verkhnie Matigory, early 14th century (?). State Russian Museum

Fig. 4. The faces of the saint's parents. Fragment of a border scene from the icon St. Nicholas the Wonderworker with Scenes from His Life from the village of Verkhnie Matigory, early 14th century (?). State Russian Museum

Fig. 5. Faces of the Mother of God and the Infant. Fragment of the icon Mother of God Eleousa (Starorusskaya)

Fig. 6. The shaded area of the Infant's face. Mother of God Eleousa (Starorusskaya), detail from the icon. Macrophotograph

Fig. 7. The Infant's nose. Mother of God Eleousa (Starorusskaya), detail from the icon. Macrophotograph

Fig. 8. Mother of God Eleousa (Starorusskaya). Early to first quarter of the 13th century. Novgorod. Reconstruction by D. G. Peychev

Fig. 9. The Infant. Fragments from two icons of the Mother of God Eleousa: the Starorusskaya (reconstruction) and the Belozerskaya (mirror image)

Fig. 10. The Mother of God Eleousa (Belozerskaya). 1230s. Novgorod. State Russian Museum

Fig. 11. Face of St. Demetrios of Thessaloniki. Fragment of an icon. Early 13th century, Vladimir (?). From the Dormition Cathedral in Dmitrov. The Tretyakov Gallery

Fig. 12. Figures awaiting baptism. Fragment of the Baptism scene on the south wall of the naos. Fresco from the Church of the Transfiguration in Nereditsa, 1199

Fig. 13. Archangel Uriel. A fragment of a fresco from the Church of the Transfiguration in Nereditsa. 1199

Fig. 14. Evangelist Matthew. Fragment of a fresco from the Church of the Transfiguration in Nereditsa, 1199

Fig. 15. The Mother of God Glykophilousa. Circa 1200. From the Church of Panagia Episkopi (Μεσα Γωνιά) in Santorini, Greece

Fig. 16. Mother of God Eleousa. 1180s. Novgorod. From the Dormition Cathedral of the Moscow Kremlin. Moscow Kremlin Museums

Fig. 17. Mother of God with Child. Obverse of a double-sided icon. Late 12th to early 13th century. Byzantine Museum, Paphos, Cyprus

Fig. 18. Mother of God Hagiosoritissa. Mosaic icon. First third of the 13th century. Constantinople (?). Church of St. Andrew, Convent of the Order of the Poor Clares (Kraków, Poland)

I. A. Shalina, D. G. Peychev. The Novgorod icon of the Mother of God Eleousa (Starorusskaya): artistic, technical and 'archaeological' analyses

Abstract. The icon of the Mother of God Eleousa from the collection of N. S. Bolshakov is traditionally believed to have originated from Staraya Russa. This rare iconographic variant, distinguished by the addition of a cloth covering the head of the Virgin, reflects the veneration of the relics of Blachernae in Novgorod. The painting technique, marked by the extensive use of tin, corresponds to the technological characteristics of 13th-century icon painting. A reconstruction of the icon's original conception has been carried out on the basis of a detailed analysis of all layers and their state of preservation. The artistic style continues the tradition of late Komnenian expressionism and finds close parallels in the frescoes of the Church of the Transfiguration on Nereditsa in Novgorod (1199), thereby confirming its Novgorodian provenance. Nevertheless, several features of the painter's technique indicate that the icon was created somewhat later — during the first decades of the 13th century.

Keywords: icon, iconography, icon painting technique, archaeology of the icon, Mother of God Eleousa, Velikiy Novgorod, artistic style, thirteenth century, Russian Museum.

Shalina Irina Aleksandrovna, candidate of art studies, leading research fellow, Department of Mediaeval Rus' Art, Russian Museum, 4 Inzhenernaya Street, 191186 St. Petersburg, Russian Federation, shalina_irina@mail.ru.

Peychev Dmitry Gennadievich, deputy director for the restoration of museum objects, head of the Tempera Painting Restoration Workshop, International Restoration Center, 2 Muzeynaya St., 188356 Rozhdestveno, Gatchinsky District, Leningrad Oblast, Russian Federation, dmitrilout@gmail.com.

КОЛЛЕКЦИЯ

С. Н. ВАХТАНОВ

 БЕЛОКАМЕННЫЕ памятники XII–XIII вв., находящиеся в ведении Владимиро-Суздальского музея-заповедника, определяют его особую ценность. В составе Суздальского музея как филиала ВСМЗ — это Борисоглебский храм 1152 г. в Кидекше (самый ранний из сохранившихся) и кремлевский собор Рождества Богородицы XIII–XVI вв. (один из последних представителей этой архитектурной школы).

Оба памятника музеефицированы. Белый камень, происходящий из церкви Бориса и Глеба и Рождественского собора, представлен в их интерьерах, а также в Исторической экспозиции г. Суздаля. Это — белокаменные блоки: как чисто конструктивные, так и несущие на себе различные архитектурные профили и элементы резного декора.

Изучением и публикацией белого камня суздальских памятников в разное время занимались А. Д. Варганов (*Варганов*, 1960. С. 144, 146, 147) и Г. К. Вагнер (*Вагнер*, 1975. С. 84–90). Коллекция белого камня была оформлена в музее-заповеднике в 1980-е гг. Т. П. Тимофеевой были проведены классификация и сравнительный анализ суздальских предметов в контексте Владимиро-Суздальского лапидария (*Тимофеева*, 1988; 1990).

Коллекция белого камня Рождественского собора начала складываться с конца 1930-х годов. Главным источником стали археологические и реставрационные работы. Наиболее значительно она была пополнена в 1990-х гг. — также благодаря археологии и реставрации. К настоящему времени лапидарий собора насчитывает 105 предметов.

Аннотация. Белокаменные блоки и их фрагменты, находящиеся в музейных экспозициях Суздаля и Кидекши, происходят от двух замечательных памятников владими́ро-суздальской архитектуры XII–XIII вв. — церкви Бориса и Глеба в Кидекше и суздальского Рождественского собора. Среди них (кроме обычных в разной степени обработанных кладочных и забутовочных камней) имеется большое количество блоков с различными архитектурными профилями и элементы резного декора. Все они представляют большой научный интерес, несут дополнительную информацию о самих памятниках и позволяют проследить некоторые тенденции и направления развития владими́ро-суздальского белокаменного зодчества.

Ключевые слова: церковь Бориса и Глеба в Кидекше, Рождественский собор в Суздале, владими́ро-суздальское белокаменное зодчество.

Вахтанов Сергей Николаевич — старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Суздальский филиал Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника, ул. Кремлевская, 20, Суздаль, Российская Федерация, 601293, vakhtanov@vladmuseum.ru.

Часть из них (40 предметов) экспонируется в Суздале, а часть находится в Исторической экспозиции г. Владимира. Несколько камней из Рождественского собора хранятся за пределами ВСМЗ: в Эрмитаже — фризовая капитель, в Русском музее — 4 фрагмента аркатурно-колончатого пояса (Тимофеева, 1993. С. 176).

Непосредственно в экспозиции собора выставлены 23 предмета из белого камня, относящиеся к постройке XIII в., и один фрагмент плинфы (В-56263 КБ-386) от здания Успенского собора Владимира Мономаха начала XII в. Блоки с резьбой располагаются в западном аркосолии западного притвора. Их сопровождают графические, фото- и текстовые материалы по истории памятника и соответствующий этикетаж.

Блоки с различными архитектурными профилями демонстрируются в интерьере собора у северной стены с использованием пространства восточного аркосолия и перед ним.

Ступенчатые подиумы для камней изготовлены и установлены таким образом, что не закрывают белокаменные стены, обеспечивая беспрепятственный доступ к ним воздуха, а также работу специалистов по мониторингу состояния стенной кладки, штукатурного и фрескового слоя и возможным реставрационным мероприятиям.

Из находящихся в экспозиции предметов целый ряд соответствует архитектурным деталям и элементам резного декора, сохраняющимся и сегодня на фасадах собора. С белокаменной резьбой представлены: угловой фрагмент порталной капители колонки с остатками тонировки красного и желтого цвета (В-56262 КБ-385), блок полувалякового пояса (В-47565 КБ-312), угловой блок пояса с плетеным орнаментом (В-56261 КБ-384).

В интерьере собора экспонируются также несколько камней с профилями, которые мы встречаем на его фасадах. Это блоки из двух рядов цокольной кладки, то есть ряда с отливом и второго ряда — с так называемым «аттическим» профилем. Любопытно, что оба типа профилей представлены как первоначальной теской XIII в., так и теской второй половины XV века — времени восстановления рухнувшего в 1445 г. храма. Сравнение их показало, что профили разных

Ил. 1. Белокаменный блок цокольной части стены Рождественского собора с «аттическим» профилем XIII в. и XV в. на его противоположных гранях

строительных периодов практически совпадают (ил. 1).

Еще несколько белокаменных фрагментов декоративных поясов, имеющих на соборе, представлены в первом зале Исторической экспозиции. Среди них — фрагмент поребрика (В-6300/10801 КБ-173) от сухарчатого пояса верхней части стен притворов и несколько резных камней от аркатурно-колончатого пояса:

- фрагмент блока с растительным орнаментом (В-33902/8 КБ-174), на котором видна пальметта в круге из двойного жгута;

- фрагмент блок-базы (В-56257 КБ-380) с рельефом птицы на передней грани и полувалом с когтями (которые сохранились не полностью) в верхней части, образующим углубление для колонки;

- девять фрагментов самих колонок (В-25617/1 КБ-343, В-25617/2 КБ-344, В-25621 КБ-350, В-25622 КБ-351, В-25618/1 КБ-346, В-25619 КБ-348, В-25618/2 КБ-347, В-25620 КБ-349, В-25623 КБ-352).

Особый интерес и значение имеют те предметы, которые представляют собой фрагменты полностью исчезнувших форм.

В экспозиции собора находится крупный блок с резным растительным орнаментом (ил. 2), представляющий собой нижнюю часть фасадной капители (В-56259 КБ-382). Высота ее — 34 см, ширина в верхней части — 45 см. Она выступала

Ил. 2. Резная капитель фасадной полуколонны второго яруса Рождественского собора

из плоскости лопатки на 17 см. Книзу грани капители сужаются. В самом узком ее месте — в основании — ширина равняется 33 см. Ниже вырезан полувал с насечкой, который создавал переход от капители к полуколонне. Таким образом, нижняя часть блока капители имеет полную композиционную законченность, чего нельзя сказать о его верхней части. Вверху орнамент не просто не завершен, он буквально обрезан верхней горизонтальной гранью блока. Вероятно, массив

капители продолжался выше, на смежных блоках, и заканчивался абаккой, как это мы видим на капителях порталов.

К несуществующим в настоящее время на соборе элементам относятся также резные фасадные полуколонны, располагавшиеся ранее на лопатках (ил. 3). Сегодня они имеются только в фондовом собрании музея. Диаметр этих полуколонн приблизительно равен 30 см, что вполне соответствует пропорциям названной выше капители. Все фрагменты имеют продольную стеску, затрудняющую более точные обмеры. Они были стесаны в XV в. при вторичном использовании блоков с полуколоннами для восстановления собора.

Полуколонны украшены плоскостным рельефом из переплетений двойных жгутов в виде чередующихся вертикально овалов, внутри которых изображены пальметты и птицы. Именно на суздальском Рождественском соборе в начале XIII в. (в отличие от более ранних белокаменных памятников) впервые появляются резные орнаменты на полуколоннах лопаток и порталов.

В основном эти блоки выставлены в первом зале экспозиции «Истории Суздаля» — четыре предмета (В-56253 КБ-376, В-56254 КБ-377, В-56255 КБ-378, В-33902/16 КБ-172).

Ил. 3. Фрагменты резных фасадных полуколонн Рождественского собора

Ил. 4. Угловой блок с резной трехчетвертной фасадной колонной Рождественского собора

Ил. 5. Угловой блок с резной трехчетвертной колонной Рождественского собора

В экспозиции же собора показан один такой блок (В-50332 КБ-323), найденный в кладке восточного фасада во время реставрации 1998 г. (ил. 4). Его особенность заключается в том, что имеющаяся на нем колонна украшала не плоскую лопатку, а угловую, то есть расположенную между двумя фасадами. Следовательно, этот белокаменный блок в комплексе с несколькими подобными, найденными в то же время, конкретно и однозначно решает вопрос, бывший до этого дискуссионным, о декоре углов здания собора. Угловые лопатки, как мы видим, имели орнаментированную трехчетвертную колонну.

Ил. 6. Остатки окна и резного наличника в нижнем ярусе Рождественского собора

Среди упомянутых выше образцов орнаментированных трехчетвертных колонн, показанных в Исторической экспозиции, очень необычно выглядит подобный угловой блок с резной трехчетвертной колонной (В-33902/4 КБ-171) (ил. 5). Колонна равномерно заходит на обе перпендикулярные плоскости, слегка выступая над их поверхностью и скругляя угол между ними. Причем сам этот угол не является строго прямым, а развернут на 100° , исключая использование блока на углах четверика. С таким развернутым углом этот фрагмент мог быть только частью дверного или оконного проема. По размеру и конфигурации трехчетвертной колонны (ее диаметр — около 25 см) ей не находится места в нижнем ярусе собора. Скорее всего, данная полуколонна могла располагаться на окне второго яруса в виде своеобразного наличника. В пользу сделанного вывода о присутствии оконных наличников в верхнем ярусе собора свидетельствует наличие резных наличников и в нижней части четверика (ил. 6).

Ил. 7. Фрагменты резных фасадных полуколонн Рождественского собора

Информация о белокаменном декоре окон верхнего яруса не исчерпывается только что рассмотренным блоком наличника. Есть и другие материалы, являющиеся первоначальными элементами верхних окон собора (ил. 7). В северном нефе экспонируются одиннадцать камней с фрагментами оформления оконных откосов (В-57017 КБ-389, В-57022 КБ-394, В-57021 КБ-393, В-57023 КБ-395, В-57025 КБ-397, В-57026 КБ-398, В-57027 КБ-399, В-57029 КБ-401, В-57031 КБ-403, В-57032 КБ-404, В-57016 КБ-388). Эти откосы были перспективными. От внутреннего традиционно щелевидного проема окна они расширялись по направлению к его внешнему контуру, украшенному резной колонкой наличника. Откосы были усложнены чередующимися прямоугольными уступами — полочками и валами, обтесанными гладко, без резьбы. Блоки с подобным профилем в коллекции музея многочисленны.

Один из одиннадцати упомянутых блоков особенно интересен, так как представляет собой фрагмент оконного проема с косяком (ил. 8). Косяк образован прямоугольным выступом следующих размеров: наружная грань имеет ширину 10,5 см, внутренняя — 8,5 см, боковая — 11 см. Непосредственно к косяку примыкает четвертной вал радиусом 11 см, за ним идет прямоугольная полочка. На блоке имеется лишь незначительный ее фрагмент. Другие блоки с чередующимися валами и полками чаще всего имеют радиус вала 11 см и ширину грани полки 10–11 см. Каково было количество валов и полок на откосе окна, сказать

Ил. 8. Белокаменный блок с фрагментом оконного косяка

Ил. 9. Фрагмент пояса арок, обрамлявших верх барабанов глав Рождественского собора

пока нельзя. Неизвестными остаются и размеры самих окон.

Два крупных блока, находящиеся в экспозиции собора, позволяют сегодня уточнить предполагаемое декоративное решение барабанов глав. Один из них (В-57028 КБ-400) представляет собой пятю двух примыкающих друг к другу арок (ил. 9). Они рельефно выделяются над плоскостью стены двумя прямоугольными полочками. Радиус внешней наиболее выступающей над плоскостью стены арки — около 45 см. Ширина перемычки между смежными арками в самом узком месте — 14 см. Общая высота рельефа — 16 см. Пояс этих

арок располагался в верхней части барабанов. Арки должны были опираться на капители полуколонн, которые разделяли на прясла плоскость стены. Подобная аркатура с полуколоннами, украшающая барабан, встречается на многих владимирских храмах второй половины XII в. (ил. 10). По существующим аналогиям, прясла, имеющие оконные проемы, чередовались с теми, которые были без окон. Наружная поверхность стен «глухих» прясел могла оставаться гладкой либо иметь резьбу. Однако к настоящему времени версия с резным заполнением прясел барабанов пока не имеет подтверждения.

Второй блок (В-56260 КБ-383) (ил. 11) (27×65×24 см) демонстрирует элемент городчатого фриза, который находился над поясом упомянутых арок. Такой фриз является традиционным элементом белокаменного зодчества Владимиро-Суздальской Руси. На данном блоке зубцы имеют только по три прямоугольных уступа. Вероятно, незначительная ширина фриза указывает на его принадлежность не к центральной большой, а к одной из малых боковых глав. Камень был использован вторично при восстановлении стенной кладки-облицовки нижней части восточного фасада, следовательно, это произошло уже в XV в. и в кладке новых восстановленных в этот период глав он находиться не мог. Таким образом, на Рождественском соборе первоначальное количество глав насчитывало не менее трех.

Не сохранились в архитектуре Рождественского собора и первоначальные водометы, о существовании которых свидетельствует демонстрируемый в его экспозиции крупный блок (В-57024 КБ-396) (ил. 12). Он находился в кладке центральной апсиды, являясь частью полуколонки, и был вынут реставраторами в 1998 г. при укреплении стен собора. На оборотной стороне блока с полуколонной, вытесанной, вероятно, в XV в. при его вторичном использовании в работах по восстановлению храма, обнаружился полукруглый желоб. Он расположен по центральной оси блока по его длине.

Несколько белокаменных блоков происходят из церкви Бориса и Глеба в Кидекше. Пять из них находятся сегодня в экспозиции этого храма. Они были найдены в результате археологиче-

Ил. 10. Северо-западная глава Успенского собора г. Владимира

Ил. 11. Фрагмент городкового орнамента верхней части барабанов глав Рождественского собора

ских раскопок в его интерьере в 1994 и 2011 гг. Экспозицию они дополнили относительно недавно — в 2012 г., после того, как в церкви начала работать система калориферного отопления, нормализовавшая внутренний климат памятника и позволившая демонстрировать в нем подлинные предметы. До этого в экспозиции использовались

Ил. 12. Белокаменный блок с желобом водомета Рождественского собора, перетесанный в полуколонку в XV в.

Ил. 13. Белокаменный блок с небольшими фрагментами фресковой росписи XII в. церкви Бориса и Глеба в Кидекше

лишь текстовые, графические, фото- и копияные материалы. Теперь их дополнили экспонаты из белого камня: прямоугольный блок с небольшими фрагментами фресковой росписи XII в. (В-58765 КБ-515) (ил. 13) и четыре камня со следами тески (В-58761 КБ-511, В-58762 КБ-512, В-58763 КБ-513, В-58764 КБ-514) (ил. 14), демонстрирующие особенности и технологию обработки известняка как строительного материала, применяемого в древнерусском белокаменном зодчестве.

Ил. 14. Фрагменты белокаменных блоков со следами обработки в экспозиции церкви Бориса и Глеба в Кидекше

Информационные стенды и подиумы с белым камнем установлены в позднем западном притворе церкви с соблюдением упомянутых выше требований по сохранности архитектурного памятника — на достаточном удалении от стен, создающем пространство для проветривания, где также может свободно пройти человек. Экспозиционный материал удачно сочетается с сохранившимися в храме и вновь открытыми реставраторами и археологами интереснейшими элементами внутреннего убранства, предметами и следами многовековой истории церкви: это фрагменты фресковой росписи, древние хоры, погребальные ниши с белокаменными княжескими саркофагами, горнее место, омфалий, остатки первоначальных престолов — главного и придельного, средневековые граффити на стенах в виде строительных меток и крестов.

Два камня из церкви Бориса и Глеба находятся в первом зале Исторической экспозиции в тематическом разделе, посвященном деятельности Юрия Долгорукого. Они оба были найдены во время археологических раскопок В. П. Глазова в 1994 г. Первый является блоком из кладки апсиды (В-46899 КБ-296) (ил. 15) (28 × 23 × 31 см) — вероятно, южной, так как происходит из шурфа № 2, заложенного в дьяконнике. Блок находился в заполнении пола, а первоначально (до обрушения восточной части церкви) был в кладке внутренней части стены апсиды, о чем свидетельствует

радиальная стеска слегка вогнутой лицевой поверхности с радиусом примерно 100 см.

От второго блока сохранилась лишь угловая часть (В-47062) (ил. 16) (16,5 × 10 × 12 см) с тремя гладко обработанными гранями и двумя обколотыми поверхностями. На одной из граней имеется фрагмент фресковой росписи. Особенность этой фрески заключается в том, что она нанесена на очень тонкий, всего 2–3 мм, слой известковой подготовки.

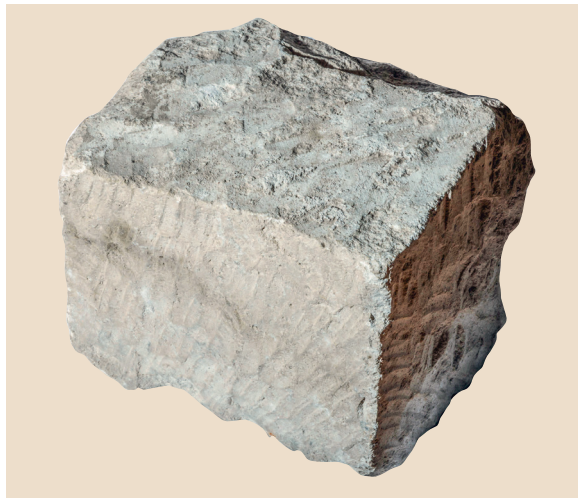
В заключение можно отметить, что комплексы предметов из белого камня, представленные в экспозициях суздальского Рождественского собора, церкви Бориса и Глеба в Кидекше, а также в первом зале Исторической экспозиции Суздаля, с одной стороны, интересны и сами по себе, сообщая дополнительную информацию об этих памятниках, а с другой — дают материал для сопоставления и сравнительного анализа начального и завершающего периодов формирования и генезиса владими́ро-суздальского белокаменного зодчества, позволяют проследить некоторые тенденции и направления его развития.

Список литературы

- Варганов А. Д. Новые данные по архитектурной истории суздальского собора XI–XIII вв. // СА. 1960. № 4. С. 143–151.
- Вагнер Г. К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. М.: Искусство, 1975. 184 с.
- Тимофеева Т. П. К вопросу об орнаменте фризových колонок Владимиро-Суздальских белокаменных памятников XII–XIII вв. // СА. 1988. № 1. С. 198–207.
- Тимофеева Т. П. Владимиро-Суздальский лапидарий и его значение для изучения памятников белокаменного зодчества XII–XIII вв. // СА. 1990. № 1. С. 57–65.
- Тимофеева Т. П. Белый камень древних Владимиро-Суздальских храмов в собрании отечественных музеев // РА. 1993. № 2. С. 171–177.

References

- Timofeeva T. P. K voprosu ob ornamente frizovykh kolonok Vladimiro-Suzdal'skikh belokamennykh pamyatnikov XII–XIII vv. // Sovetskaya arkheologiya. 1988. 1. P. 198–207.

Ил. 15. Белокаменный блок из кладки апсиды церкви Бориса и Глеба в Кидекше

Ил. 16. Белокаменный блок с фрагментом фрески XII в. церкви Бориса и Глеба в Кидекше

- Timofeeva T. P. Vladimiro-Suzdal'skiy lapidariy i ego znachenie dlya izucheniya pamyatnikov belokamennogo zodchestva XII–XIII vv. // Sovetskaya arkheologiya. 1990. 1. P. 57–65.
- Timofeeva T. P. Belyy kamen' drevnikh Vladimiro-Suzdal'skikh khramov v sobranii otechestvennykh muzeev // Rossiyskaya arkheologiya. 1993. 2. P. 171–177.
- Vagner G. K. Belokamennaya rez'ba drevnego Suzdalya. Moscow: Iskusstvo, 1975. 184 p.

Varganov A. D. Novye dannye po arkhitekturnoy istorii suzdal'skogo sobora XI–XIII vv. // Sovetskaya arkheologiya. 1960. 4. P. 143–151.

Illustrations

- Fig. 1. A white stone block from the plinth section of the wall of the Cathedral of the Nativity, displaying 'Attic' profiles from the thirteenth and fifteenth centuries on opposite faces
- Fig. 2. A carved capital from a half-column on the second tier of the Cathedral of the Nativity's façade.
- Fig. 3. Fragments of carved half-columns from the façade of the Cathedral of the Nativity
- Fig. 4. Corner block with a three-quarter-length carved façade column from the Cathedral of the Nativity
- Fig. 5. Corner block with a carved three-quarter column from the Cathedral of the Nativity
- Fig. 6. Remains of a window and its carved surround in the lower tier of the Cathedral of the Nativity
- Fig. 7. Fragments of carved half-columns from the façade of the Cathedral of the Nativity
- Fig. 8. A white stone block with a surviving fragment of a window jamb
- Fig. 9. A fragment of the arched frieze that encircled the upper part of the drum of the domes of the Cathedral of the Nativity
- Fig. 10. The north-western dome of the Cathedral of the Assumption in Vladimir.
- Fig. 11. A fragment of the corbel ornament from the upper section of the drum of the Cathedral of the Nativity's dome
- Fig. 12. A white stone block with a water spout channel from the Cathedral of the Nativity, reworked into a half column in the 15th century
- Fig. 13. A white stone block preserving small fragments of a 12th-century fresco from the Church of SS Boris and Gleb in Kideksha

Fig. 14. Fragments of white stone blocks showing traces of workmanship, from the exhibition at the Church of SS Boris and Gleb in Kideksha

Fig. 15. A white stone block from the apse masonry of the Church of SS Boris and Gleb in Kideksha

Fig. 16. A white-stone block bearing a fragment of a 12th-century fresco from the Church of SS Boris and Gleb in Kideksha

S. N. Vakhtanov. White stone in the exhibitions of the Suzdal Museum

Abstract. The white stone blocks and fragments on display in Suzdal and Kideksha museums originate from two notable examples of twelfth- and thirteenth-century Vladimir-Suzdal architecture: the Church of SS Boris and Gleb in Kideksha and the Suzdal Nativity Cathedral. Alongside masonry and infill stones of varying degrees of surface finish, the collections include numerous blocks bearing distinctive architectural profiles and examples of carved ornamentation. These materials are of considerable scholarly significance as they provide additional evidence concerning the original structures, offering a deeper understanding of the stylistic tendencies and developmental patterns within the Vladimir-Suzdal tradition of white-stone architecture.

Keywords: Church of SS Boris and Gleb in Kideksha; Cathedral of the Nativity in Suzdal; Vladimir-Suzdal white-stone architecture.

Vakhtanov Sergei Nikolaevich, senior research fellow, Research Department, Suzdal Branch of the State Vladimir–Suzdal Museum-Reserve, 20 Kremlyovskaya St., 601293 Suzdal, Russian Federation, vakhtanov@vladmuseum.ru.

**Фрагменты неизвестной композиции,
найденные в 1959 г. «перед входом»
в храм № 1 Довмонтова города**

Т. К. ФЕДОРЕНКО,
А. Н. ЕЛЬПАНТИФОРОВА

РАСКОПКИ на территории Довмонтова города (Белецкий, 1983. Рис. 1) в Пскове были начаты в 1945 г. Экспедиция С. А. Таракановой (Тараканова, 1947. С. 133) вскрыла участок «правильной кладки» с северной стороны церкви (Там же. Рис. 59), получившей впоследствии первый порядковый номер. Г. П. Гроздилов изучал храм № 1 с 1959 по 1962 г. (Гроздилов, 1964. С. 147–149), В. Д. Белецкий — в 1962, 1963, 1969 и 1983 гг. (Белецкий, 1974. С. 141–144; 1983. С. 188). В своих отчетах исследователи зафиксировали пристройку контрфорса к северной стене четверика, появление западного притвора с небольшой палаткой-звонницей и выходом на крыльцо (не сохранилось), южного придела с более поздним притвором (Белецкий, 1980. С. 213, 220). Стены четверика (ил. 1, 2), датированного концом XIV в., сложены из отесанных плит известняка на известковом растворе (Белецкий, 1974. С. 141).

Археологические работы сопровождались извлечением фрагментов руинированной монументальной росписи, площадь живописной поверхности которых составила примерно 46 м² (ил. 3)¹.

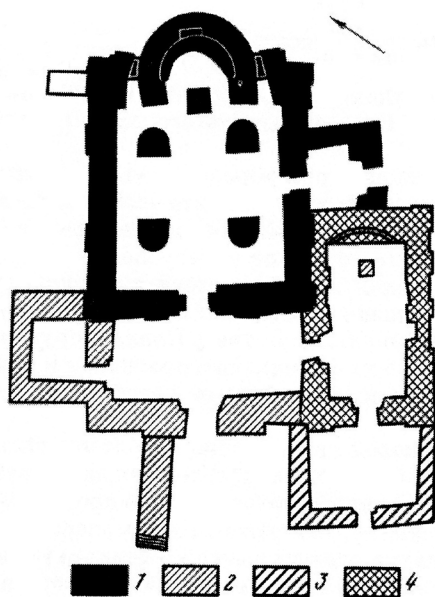
1 За предоставление отсутствовавших у нас данных выражаем искреннюю признательность сотрудникам Государственного Эрмитажа — главному хранителю Отдела архитектурной археологии В. Б. Панченко, хранителю коллекции археологических материалов из раскопок в Пскове А. Ю. Кононович, а также художнику-реставратору Лаборатории научной реставрации монументальной живописи М. Б. Жервэ.

Аннотация. В статье представлены промежуточные результаты работы с коллекцией фрагментов монументальной живописи, собранных в 1959 г. во время раскрытия руин храма № 1 Довмонтова города участниками Псковской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством Г. П. Гроздилова и хранящихся в Псковском музее-заповеднике. В процессе подборки разрозненных фрагментов были определены части композиции «Сошествие во ад», располагавшейся в нише. Место выемки обломков разрушенной настенной росписи позволяет предположить наличие на западном фасаде четверика надпортальной фрески, указывающей на посвящение церкви.

Ключевые слова: Псков, Довмонтов город, храм № 1, церковь Николы с Гребли, Г. П. Гроздилов, фрагменты монументальной живописи.

Федоренко Татьяна Константиновна — кандидат искусствоведения, художник-реставратор первой категории, Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», ул. Некрасова, 7, Псков, Российская Федерация, 180000, info@pskovmuseum.ru.

Ельпантифорова Анна Николаевна — художник-реставратор третьей категории, Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», ул. Некрасова, 7, Псков, Российская Федерация, 180000, info@pskovmuseum.ru.

Ил. 1. Церковь Николы с Гребли в Пскове. XIV в. План: 1 — древнейшая часть храма; 2 — пристройки; 3 — притвор к придельной церкви; 4 — придельная церковь. По: Белецкий, 1980. С. 214.

Ил. 2. Храм № 1. Общий вид основного здания. По: Белецкий, 1974. С. 144.

Происхождение	Место хранения	Площадь	Примечание
Фрагменты из раскопок под руководством С. А. Таракановой, 1945 г.	Псковский музей-заповедник	≈ 2,3 м ²	Часть фрагментов может относиться к росписи другого храма
Фрагменты из раскопок под руководством Г. П. Гроздилова, 1959 г.	Псковский музей-заповедник	≈ 27,5 м ²	+ фрагменты поздней штукатурки (S ≈ 10,5 м ²)
Композиция «Служба святых отцов» («Поклонение Жертве»). Снята со стены центральной апсиды во время раскопок под руководством В. Д. Белецкого, 1962 г.	Псковский музей-заповедник	≈ 5,3 м ²	Смонтирована на новое жесткое основание в ЛНПМЖ ГЭ (общая S композиции ≈ 8,9 м ²)
Фрагменты из раскопок под руководством В. Д. Белецкого, 1962–1963 гг., 1969 г., 1983 г. (доисследование храма)	Государственный Эрмитаж	≈ 10,9 м ²	Некоторые фрагменты смонтированы на новое жесткое основание

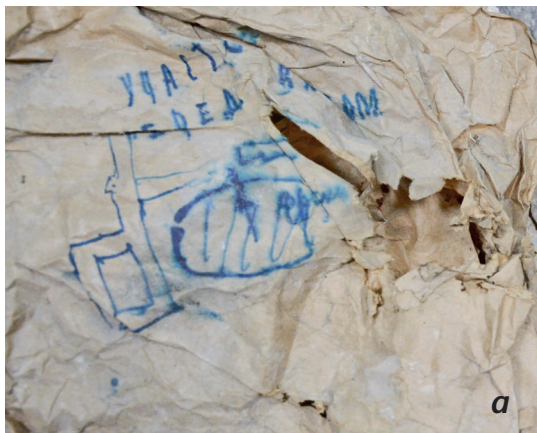
Ил. 3. Площадь живописной поверхности фрагментов стенописи из храма № 1 Довмонта города. Таблица

В 1959 г. находки были упакованы в крафтовую бумагу, надписи на свертках содержали шифр с номером раскопа (Д-1959-II) и дату, указание на место обнаружения, иногда — схематичный план (ил. 4: а, б), номер квадрата разбивочной сетки, глубину залегания. Небольшой листок бумаги внутри свертка дублировал информацию. К сожалению, за давностью лет многие надписи оказались частично повреждены или полностью утрачены. Сведения, отраженные в полевой документации, способствуют осмысленной подборке разрушенных композиций.

В процессе разбора коллекции мы обратили внимание на группу фрагментов, собранных, судя по сохранившимся записям, «перед входом» в храм (ил. 5). Они выделялись красочной гаммой,

представленной лиловыми, красными и серо-синими оттенками, а также небольшим масштабом изобразительных элементов.

Штукатурное основание фрагментов известковое, теплого оттенка, имеет два слоя (ил. 6: а, б). Общая толщина штукатурки — от 3 мм до 2 см. В местах расслоения видна гладкая поверхность тыльной стороны верхнего слоя, т.е. нижележащий был тщательно выровнен. В нижнем слое грунта можно различить входящий в его состав песок, мелкие камешки, недогасившиеся комочки извести. От волокнистого наполнителя сохранились многочисленные отпечатки в виде коротких отрезков и круглых мелких отверстий как на тыльной стороне фрагментов, так и на торцах изломов. По составу раствор визуально не отличается

Ил. 4. Аннотация на свертке с находками: а — до реставрации, б — после реставрации. 1959 г.

Раскопки Довмонтова города (храм № 1) под руководством Г. П. Гроздилова.

Фото А. Н. Ельпантифоровой. 2023 г. Псковский музей-заповедник

Ил. 5. Фрагменты композиции. Конец XIV — XV в. Довмонтов город, храм № 1. Раскопки 1959 г. под руководством Г. П. Гроздилова. До реставрации.

Фото Т. К. Федоренко. 2024 г. Псковский музей-заповедник

от штукатурки фрагментов из четверика храма, но был нанесен как будто более тщательно, возможно, в связи с ограниченностью площади, покрываемой грунтом, или формой участка.

Колорит найденных «у входа» в храм фрагментов напомнил нам колорит росписей, изменившихся под воздействием высоких температур (ил. 7). Однако предварительные физико-химические исследования, проведенные сотрудниками Лаборатории архитектурной археологии

Ил. 6. Штукатурный грунт фрагментов росписи:

а — вид сбоку; б — тыльная сторона. Конец XIV — XV в. Довмонтов город, храм № 1. Раскопки 1959 г. под руководством Г. П. Гроздилова. Фото Т. К. Федоренко.

2024 г. Псковский музей-заповедник

Ил. 7. Фрагменты композиции.

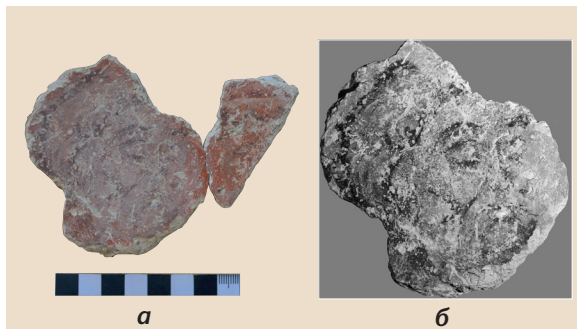
Конец XIV — XV в. Довмонтов город, храм № 1.

Раскопки 1959 г. под руководством Г. П. Гроздилова.

В процессе подборки. Фото Т. К. Федоренко. 2024 г.

Псковский музей-заповедник

и междисциплинарного изучения архитектурных памятников ИА РАН¹ с использованием приборной базы Центра коллективного пользования при ИА РАН (Отчет по результатам аналитических исследований), этого не подтвердили, хотя о пожарах на территории Кремля и Довмонтова города известно из летописей. С «XIII до начала XVI вв. здесь не было ни одного крупного пожара (для 1213/14 г. его можно лишь предполагать), при том, что значительная часть города выгорала в среднем каждые 15–20 лет. Зато во второй половине XVI – начале XVII вв. на этой территории было 4 сильных пожара» (Кулакова, 1994. С. 366). В. Д. Белецкий, анализируя летописное известие о крупном пожаре 1562 г., отмечал, что после этого «мы вправе ожидать какие-то ремонтные строительные работы» (Белецкий, 1980. С. 218), к которым можно отнести забеливание стенописей, а также сооружение в храме последнего пола, объединившего четверик с пристроенными к нему в разное время приделом и притворами (Там же. С. 221). Надо отметить, что в коллекции из раскопок Г. П. Гроздилова очень многие фрагменты из основного объема храма сохранили на живописной поверхности участки со слоями поздних побелок. На подобранных блоках композиции, о которой идет речь, остатки побелок встречаются

Ил. 8. Лик старца: а — съемка в прямом свете;

б — съемка в ИК-лучах. Фрагменты композиции.

Конец XIV — XV в. Довмонтов город, храм № 1.

Раскопки 1959 г. под руководством Г. П. Гроздилова.

В процессе подборки. Фото Т. К. Федоренко. 2024 г.

Псковский музей-заповедник

совсем небольшими и редкими «островками», ближе к разгранкам. Возможно, появление их случайно и связано с побелкой соседних участков стены, но не исключено, что слой поздних напластований когда-то отпал — и именно это является причиной белесого налета на некоторых участках живописной поверхности. Допускаем, что фреска обрушилась или была сбита раньше, чем роспись основного объема.

Изначально наше внимание привлек небольшой фрагмент с изображением в трехчетвертном повороте головы неизвестного персонажа с кудрявыми волосами, бородой и усами (ил. 8: а, б). Основной красочный тон — сероваторозовый, холодного оттенка, рисунок — краснокоричневый. Детали лика плохо читаются, но различимы.

Позже в коллекции был выявлен еще один лик такого же масштаба (ил. 9: а, б), безбородый, с коричневыми волосами и головным убором, похожим на пророческую шапочку, написанную белилами. Губы, нос и круто изогнутые брови намечены графьей. В нижней части этого фрагмента при боковом освещении ясно видны скругления двух соприкасающихся нимбов, также прочерченные графьей и обведенные тонкой белильной линией.

Несколько фрагментов при подборке объединились в изображение группы людей на розоватокоричневом фоне теплого оттенка (ил. 10: а, б).

¹ Благодарим заведующую лабораторией М. В. Вдовиченко, сотрудников: Е. Я. Зубавичуса и М. В. Алексеенко.

Ил. 9. Лик безбородого юноши:
а — съемка в прямом свете;
б — прорись. Фрагменты
композиции. Конец XIV —
XV в. Довмонтов город, храм
№ 1. Раскопки 1959 г. под
руководством Г. П. Гроздилова.
В процессе подборки.
Фото и прорись
Т. К. Федоренко. 2024 г.
Псковский музей-заповедник

Ил. 10. Фрагменты композиции: а — съемка в прямом свете; б — прорись. Конец XIV — XV в. Довмонтов город, храм № 1. Раскопки 1959 г. под руководством Г. П. Гроздилова. В процессе подборки.
Фото и прорись Т. К. Федоренко. 2024 г. Псковский музей-заповедник

Головы стоящих на заднем плане обозначены дугами, выполненными графьей и красным подготовительным рисунком, затем перекрытым (в основном) поверх темным красно-коричневым цветом волос.

На одном из собранных блоков можно видеть части двух соприкасающихся друг с другом красных нимбов на лиловом фоне (ил. 11). Они очерчены двумя параллельными линиями графьи, поверхность внешней проведена узкая белильная полоса. По краю блока четко прослеживается плавный изгиб. В процессе подборки по местам изломов фрагменты образовали внутренний угол. Поверхность

этого блока, с двумя красными разгранками и светлой полосой непрокрашенного грунта между ними, также имеет вогнутость и явно происходит с откоса ниши. Внешняя разгранка сходит «на нет», то есть к внешнему углу. Таким образом, перед нами — часть откоса этой ниши, глубина которой составляла примерно 10,5 см. Подобран еще один блок, образующий внутренний угол, где красная разгранка откоса переходит в серо-фиолетовый фон рассматриваемой композиции.

Постепенно стало понятно, что действие разворачивается на фоне горok с уступами и лещадка-

Ил. 11. Фрагменты композиции. Конец XIV — XV в. Довмонтов город, храм № 1. Раскопки 1959 г. под руководством Г. П. Гроздилова. В процессе подборки. Фото Т. К. Федоренко. 2024 г. Псковский музей-заповедник

ми (ил. 12: а, б). В местах потертостей и утрат верхнего красочного слоя просматривается красный подготовительный рисунок (ил. 13). Треугольные и круглые по форме высветления на лещадках выполнены белилами, которые, по всей види-

мости, смешались с непросохшей (из-за сырой штукатурки) краской основного, темно-розового с холодным оттенком цвета горок. Контурный рисунок — темно-красный. Верхний слой белил, положенный пастоно, сохранился отдельными участками. Цвет фона вокруг горок — от серовато-фиолетового до коричневого с холодным оттенком. Согласно лабораторным исследованиям, в составе красок на образцах с изображением горок и фона присутствуют в смешанном виде: кальциевые белила, мелко растертый древесный уголь, железистые пигменты (красный), следы киновари в качестве примеси, зеленая земля (предположительно), также встречаются синие зерна (эффект «грязной кисти»)¹. На изображении горок графья не обнаружена, но она широко применена при разметке нимбов, ликов, складок красных одежд.

1 Отчет по результатам аналитических исследований, выполненных на приборной базе Центра коллективного пользования ИА РАН. М., 2023.

Ил. 12. Горки: а — съемка в прямом свете; б — прорись. Фрагменты композиции. Конец XIV — XV в. Довмонтов город, храм № 1. Раскопки 1959 г. под руководством Г. П. Гроздилова. В процессе подборки. Фото и прорись Т. К. Федоренко. 2024 г. Псковский музей-заповедник

Ил. 13. Подготовительный рисунок. Фрагменты композиции. Конец XIV — XV в. Довмонтов город, храм № 1. Раскопки 1959 г. под руководством Г. П. Гроздилова. В процессе подбора. Фото Т. К. Федоренко. 2024 г. Псковский музей-заповедник

Один из подобранных блоков объединил горки, очертания еще двух нимбов, но уже частично на светло-зеленом фоне, красные одежды, согнутую в локте руку (ил. 14: а, б). Граница между горками и светло-зеленым фоном прочерчена графьей и продублирована белильной полосой.

На двух подобранных из фрагментов блока просматриваются стопы ног. Одна из них изображена на диагонально развернутой полосе светло-красного цвета (ил. 15: а, б). Проведенная рядом линия графьи (с белильной обводкой) чуть изогнута и, вероятно, относится к границе сферы. Сама нога (ступня) написана красно-коричневой краской. В результате подбора недавно к этому блоку добавился фрагмент с линией нижнего края белых одежд с красными складками. Логично предположить, что это нога Христа, ступившего на створку врат ада. Еще одна нога

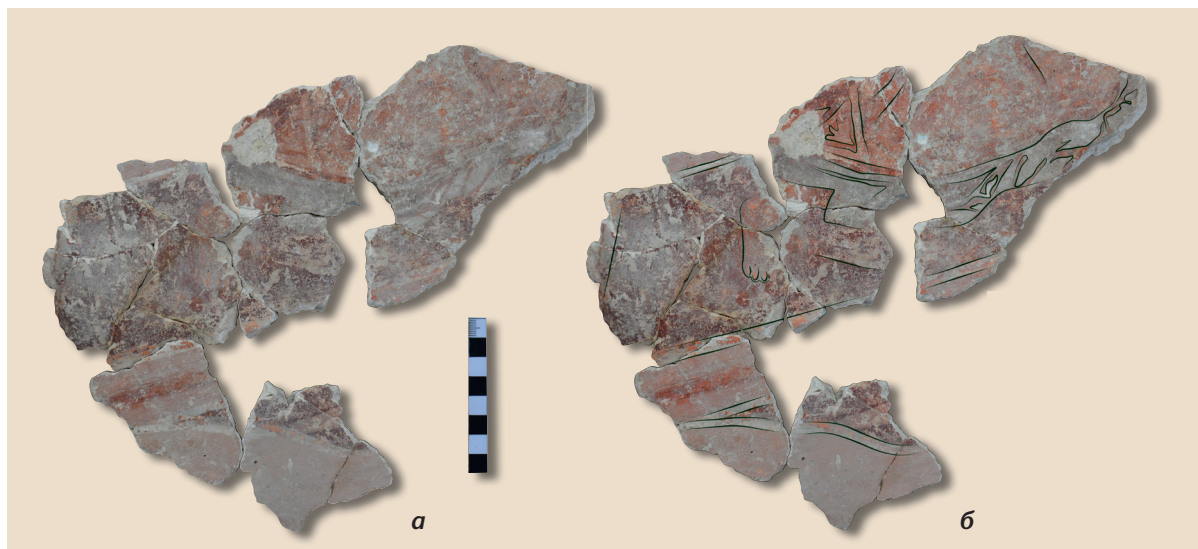
Ил. 14. Фрагменты композиции: а — съемка в прямом свете; б — прорись. Конец XIV — XV в. Довмонтов город, храм № 1. Раскопки 1959 г. под руководством Г. П. Гроздилова. В процессе подбора. Фото и прорись Т. К. Федоренко. 2024 г. Псковский музей-заповедник

Ил. 15. Фрагменты композиции: а — съемка в прямом свете; б — прорись. Конец XIV — XV в. Довмонтов город, храм № 1. Раскопки 1959 г. под руководством Г. П. Гроздилова. В процессе подборки. Фото и прорись Т. К. Федоренко. 2024 г. Псковский музей-заповедник

изображена на темно-красном с холодным оттенком фоне (ил. 16: а, б). Широкие красно-розовые полосы, формирующие подобие прямоугольника вокруг стопы, напомнили нам изображения стенок саркофагов на иконах «Сошествие во ад» (ил. 17). Надо отметить, что в одном месте штукатурка блока утоньшается, сходит «на нет» к внутреннему углу, т. е. к чуть скошенному краю композиции с левой стороны, в таком случае стенки гроба будут иметь направление под углом. Изогнутая полоса розового цвета под гробом может относиться к горкам.

Таким образом, на сегодняшний день мы с уверенностью можем говорить о том, что многофигурная композиция, подбираемая из фрагментов, собранных в 1959 г. «перед входом» в четверик, находилась в нише. Размеры ее пока не определены, известна только ширина проема в западной стене храма, которая составляет 1 м. Соответствие блоков (частей) разрушенной композиции деталям иконографии «Сошествие во ад» позволяет предположить, что в западном притворе (возможно, в надпортальной нише западного фасада) было изображено Сошествие

Ил. 16. Фрагменты композиции: а — съемка в прямом свете; б — прорись. Конец XIV — XV в. Довмонтов город, храм № 1. Раскопки 1959 г. под руководством Г. П. Гроздилова. В процессе подборки. Фото и прорись Т. К. Федоренко. 2024 г. Псковский музей-заповедник

во ад (Воскресение Христово), что подтверждает версию И. К. Лабутиной о посвящении храма № 1 Довмонтова города, построенного в камне в 1395 г. (Лабутина, 2011. С. 267). Составленный ею по псковским летописям Список приходских церквей Пскова XIV–XV вв. сопровождается топографическим комментарием. Для атрибуции храмов И. К. Лабутина привлекает данные письменных и изобразительных источников XVI–XVIII вв. и сравнивает их с материалами археологических раскопок. В северной части Домантовой стены (Там же. С. 66–67) в 1945, 1959–1962 гг. были полностью раскрыты остатки трех рядом стоящих храмов, два из которых, схожие по планам и соответствующие описанию церкви Воскресения в Переписной книге церквей и церковных угодий Домантова городища 1699 г., интерпретировались исследователями по-разному (церковь Воскресения Иисуса Христа, церковь Софии, церковь Николы с Гребли). Археологическими работами подтверждается, что одна из каменных построек к этому времени уже не существовала. Так, на площади разрушенного и разобранного храма № 2 в последний период его существования был выстроен деревянный храм, в храме № 1 следы деревянной постройки под каменным зданием отсутствовали (Там же. С. 267)¹. Также И. К. Лабутиной рассмотрены сведения 1763 г. о приделе св. Георгия в церкви Воскресения (Там же. С. 265–268) и упоминание этого храма во вкладной надписи на пергаменном Апостоле из Духовского монастыря (Там же. С. 265), что позволило ей отнести рассматриваемое сооружение к церкви Воскресения Христова.

Если учесть, что помещаемые в ниши над западными порталами изображения святого или событий священной истории традиционно отсылают нас к посвящению храмов, — в таком случае атрибуция храма № 1, к которой склоняются И. К. Лабутина и некоторые другие исследователи, получает еще одно подтверждение на основании

¹ Согласно отчетам, во время проведения археологических работ фрагменты настенной живописи были обнаружены в обеих постройках, но местонахождение фрагментов из храма № 2 пока не выявлено.

Ил. 17. Икона «Воскресение — Сошествие во ад». Первая половина XVI в. Фото Т. К. Федоренко. 2024 г. Псковский музей-заповедник (ПМЗ КП 1590)

результатов работы с фрагментами руинированной настенной росписи, хранящейся в Псковском музее-заповеднике.

Список литературы

- Белецкий В. Д. Некоторые данные к атрибуции храма № 1 из раскопок в Пскове в 1959–1963 гг. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 16 / ред. А. М. Микляев. Л.: Аврора, 1974. С. 141–154.
- Белецкий В. Д. Живопись в храмах XIV в. из раскопок в Довмонтовом городе Пскова // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI–XVII вв. / отв. ред. О. И. Подобедова. М.: Наука, 1980. С. 210–242.
- Белецкий В. Д. «Храм 1» и некоторые вопросы атрибуции церквей Довмонтова города // Археологическое изучение Пскова / отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1983. С. 163–191.

Гроздилов Г. П. К вопросу о топографии древнего Пскова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. VI / под ред. М. И. Артамонова. Л.: изд-во ГЭ, 1964. С. 139–155.

Кулакова М. И. Пожары в Псковском кремле XIII–XVIII вв. // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994. С. 365–366.

Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М.: Наука, 2011. 344 с.

Тараканова С. А. Раскопки в Пскове // КСИА. 1947. Вып. XVII. С. 133–138.

References

Beletskiy V. D. Nekotorye dannye k atributsii khrama № 1 iz raskopok v Pskove v 1959–1963 gg. // Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. 16 / ed. A. M. Miklyaev. Leningrad: Avror, 1974. P. 141–154.

Beletskiy V. D. Zhivopis' v khramakh XIV v. iz raskopok v Dovmontovom gorode Pskova // Drevnerusskoe iskusstvo. Monumental'naya zhivopis' XI–XVII vv. / ed. O. I. Podobedova. Moscow: Nauka, 1980. P. 210–242.

Beletskiy V. D. "Khram 1" i nekotorye voprosy atributsii tserkvey Dovmontova goroda // Arkheologicheskoe izuchenie Pskova / ed. V. V. Sedov. Moscow: Nauka, 1983. P. 163–191.

Grozdilov G. P. K voprosu o topografii drevnego Pskova // Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. VI / ed. M. I. Artamonov. Leningrad: izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 1964. P. 139–155.

Kulakova M. I. Pozhary v Pskovskom kremle XIII–XVIII vv. // Arkheologicheskoe izuchenie Pskova. 2. Pskov, 1994. P. 365–366.

Labutina I. K. Istoricheskaya topografiya Pskova v XIV–XV vekakh. Moscow: Nauka, 2011. 344 p.

Tarakanova S. A. Raskopki v Pskove // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 1947. XVII. P. 133–138.

Illustrations

Fig. 1. The Church of St. Nicholas on Greblya in Pskov. 14th century. Plan: 1 — earliest part of the church; 2 — later additions; 3 — narthex of the side chapel; 4 — side chapel. After: Beletskiy, 1980. P. 214.

Fig. 2. Church No. 1. General view of the main structure. After: Beletskiy, 1974. P. 144.

Fig. 3. Painted surface area of wall-painting fragments from Church No. 1, Dovmont Fortress. Table

Fig. 4. Label on the bundle containing the finds: *a* — before restoration; *b* — after restoration. Excavations at Church No. 1, Dovmont Fortress in 1959, directed by G. P. Grozdilov. Photo: A. N. Elpantiforova, 2023. Pskov Museum-Reserve

Fig. 5. Fragments of the composition. Late 14th — 15th century. Dovmont Fortress, Church No. 1. Excavated in 1959 under the direction of G. P. Grozdilov. Before restoration. Photo: T. K. Fedorenko, 2024. Pskov Museum-Reserve

Fig. 6. Plaster ground layer of a painted fragment: *a* — side view; *b* — reverse. Late 14th — 15th century. Dovmont Fortress, Church No. 1. Excavated in 1959 under the direction of G. P. Grozdilov. Photo: T. K. Fedorenko, 2024. Pskov Museum-Reserve

Fig. 7. Fragments of the composition. Late 14th — 15th century. Dovmont Fortress, Church No. 1. Excavated in 1959 under the direction of G. P. Grozdilov. During reassembly. Photo: T. K. Fedorenko, 2024. Pskov Museum-Reserve

Fig. 8. Face of an elder: *a* — photographed in direct light; *b* — infrared imaging. Fragments of the composition. Late 14th — 15th century. Dovmont Fortress, Church No. 1. Excavated in 1959 under the direction of G. P. Grozdilov. During reassembly. Photo: T. K. Fedorenko, 2024. Pskov Museum-Reserve

Fig. 9. The face of a beardless youth: *a* — photographed in direct light; *b* — line drawing. Fragments of the composition. Late 14th — 15th century. Dovmont Fortress, Church No. 1. Excavated in 1959 under the direction of G. P. Grozdilov. During reassembly. Photo, line drawing: T. K. Fedorenko, 2024. Pskov Museum-Reserve

Fig. 10. Fragments of the composition: *a* — photographed in direct light; *b* — line drawing. Late 14th — 15th century. Dovmont Fortress, Church No. 1. Excavated in 1959 under the direction of G. P. Grozdilov. During reassembly. Photo, line drawing: T. K. Fedorenko, 2024. Pskov Museum-Reserve

Fig. 11. Fragments of the composition. Late 14th — 15th century. Dovmont Fortress, Church No. 1. Excavated in 1959 under the direction of G. P. Grozdilov. During reassembly. Photo: T. K. Fedorenko, 2024. Pskov Museum-Reserve

Fig. 12. Hills: *a* — photographed in direct light; *b* — line drawing. Fragments of the composition. Late 14th — 15th century. Dovmont Fortress, Church No. 1. Excavated in 1959 under the direction of G. P. Grozdilov. During reassembly. Photo, line drawing: T. K. Fedorenko, 2024. Pskov Museum-Reserve

Fig. 13. Preliminary drawing. Fragments of the composition. Late 14th — 15th century. Dovmont Fortress, Church No. 1. Excavated in 1959 under the direction of G. P. Grozdilov. During reassembly. Photo: T. K. Fedorenko, 2024. Pskov Museum-Reserve

Fig. 14. Fragments of the composition: *a* — photographed in direct light; *b* — line drawing. Late 14th — 15th century. Dovmont Fortress, Church No. 1. Excavated in 1959 under the direction of G. P. Grozdilov. During reassembly. Photo, line drawing: T. K. Fedorenko, 2024. Pskov Museum-Reserve

Fig. 15. Fragments of the composition: *a* — photographed in direct light; *b* — line drawing. Late 14th — 15th century. Dovmont Fortress, Church No. 1. Excavated in 1959 under the direction of G. P. Grozdilov. During reassembly. Photo, line drawing: T. K. Fedorenko, 2024. Pskov Museum-Reserve

Fig. 16. Fragments of the composition: *a* — photographed in direct light; *b* — line drawing. Late 14th — 15th century. Dovmont Fortress, Church No. 1. Excavated in 1959 under the direction of G. P. Grozdilov. During reassembly. Photo, line drawing: T. K. Fedorenko, 2024. Pskov Museum-Reserve

Fig. 17. Icon: 'Resurrection – Descent into Hell'. First half of the 16th century. Photo: T. K. Fedorenko, 2024. Pskov Museum-Reserve (PMZ KP 1590)

T. K. Fedorenko, A. N. Elpantiforova. Fragments of an unknown composition found in 1959 'in front of the entrance' to Church No. 1 in Dovmont Fortress

Abstract. This article presents the preliminary findings of an ongoing study of a collection of fragments of monumental wall paintings recovered during the excavation of the ruins of Church No. 1 in Dovmont Fortress in 1959. This excavation was conducted by members of the Pskov Archaeological Expedition of the State Hermitage Museum, led by G. P. Grozdilov. The fragments are currently held in the Pskov Museum-Reserve. In the course of reassembling the dispersed fragments, parts of the composition 'Descent into Hell', located in a niche, were identified. The location where the fragments were found suggests the presence of an overportal fresco on the western façade of the main structure, which may indicate the dedication of the church.

Keywords: Pskov, Dovmont Fortress, Church No. 1, Church of St. Nicholas on Greblya, G. P. Grozdilov, monumental painting fragments.

Fedorenko Tatyana Konstantinovna, candidate of art studies, artist-restorer (1st category), Pskov State United Museum-Reserve of History, Architecture and Arts, 7 Nekrasova St., 180000 Pskov, Russian Federation, info@pskovmuseum.ru.

Elpantiforova Anna Nikolaevna, artist-restorer (3rd category), Pskov State United Museum-Reserve of History, Architecture and Arts, 7 Nekrasova St., 180000 Pskov, Russian Federation, info@pskovmuseum.ru.

Предметы из погребения в Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора

Н. В. ГОРМИНА

ПРЕДМЕТОМ данной публикации явилось еще одно обращение к результатам археологических исследований в так называемой Золотой (Мартирьевской) паперти Новгородского Софийского собора. Хорошо известны сообщения летописей, письменных источников, свидетельствующих о том, что Софийский собор на протяжении более 800 лет служил местом погребения князей, высших духовных иерархов, если только ими не было сделано «особых распоряжений относительно места своего упокоения» (Романцев, 1914).

Последние архитектурно-археологические раскопки Вл. В. Седова завершили процесс исследования южной паперти главного новгородского храма и принесли богатейший материал (Седов, 1999).

Но предлагаем вернуться к более ранним исследованиям некрополя Софийского собора, проведенным в июне 1955 г. бригадой под научным руководством профессора ЛГУ М. К. Каргера. Организованные по заданию отдела по делам архитектуры Новгородского облисполкома работы для подготовки проекта реставрации интерьера собора выявили группу культовых предметов¹. В результате проведенных археологических раскопок в западной части Мартирьевской паперти археологи открыли поздние кирпичные склепы. Найденные при

[HTTPS://DOI.ORG/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.176-183](https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.176-183)

Аннотация. В данной статье автор возвращается к итогам раскопок в южной (Мартирьевской) паперти Новгородского Софийского собора в 1955 г. перед началом реставрации интерьера. В ходе раскопок были вскрыты склепы и саркофаги. В трех склепах найдены, кроме костей и других останков, драгоценные предметы личного благочестия, погребальная шапка, части кожаной обуви. Автор обращает внимание на наперсную иконку с изображением Спасителя и на престольный крест в драгоценных оправках. Опираясь на топографию отчета М. К. Каргера и публикацию В. Л. Янина, он высказывает предположение о принадлежности предметов новгородскому владыке Варлааму, погребенному в Софийском соборе.

Ключевые слова: Великий Новгород, Софийский собор, М. К. Каргер, раскопки, погребение, предметы личного благочестия, крест на престольный, икона наперсная.

Гормина Наталья Владимировна — советник генерального директора ФГБУК «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник», Кремль, 11, Великий Новгород, Российская Федерация, 173007, nvgormina@mail.ru.

¹ Каргер, 1955. Выражаем большую благодарность заместителю директора ИА РАН П. Г. Гайдукову и научному сотруднику ИА РАН А. А. Кудрявцеву за возможность ознакомиться с материалами.

Ил. 1. Предметы, переданные М. К. Каргером в 1955 г. Новгородский музей-заповедник

их вскрытии артефакты были переданы по актам в Новгородский музей тогда же, в 1955 г.

В процессе исследования находки из погребений были промаркированы бирками, а номера соотнесены с номерами склепов. Предметы обнаружены в склепах № 2, 3, 4, 6. В склепе № 5 были найдены остатки кожаных сапог (Осипов, 2012)¹.

В настоящее время находки с первоначальными бумажными бирками хранятся в собрании декоративно-прикладного искусства музея: это серебряные предметы личного благочестия, деталь утраченного облачения в виде медальона с изображением Христа, наперсный крест из янтаря софийского

чашника, роскошный «корсунчик» из перламутра в окладе, кипарисовая панagia в оправе, сохранившей драгоценные камни, шапка погребальная, сосуд стеклянный, кресты наперсные из серебра, пряжка и медальон подвесной с эмалевым изображением св. Стефана (что позволяет связать вещи склепа № 4 с именем архиепископа Стефана Калиновского, погребенного в 1656 г.) и, наконец, панagia с грузинской надписью, опубликованная ранее (Гормина, 2021) (ил. 1).

В данный момент нас заинтересовали два памятника из склепа № 2, наперсная икона и крест наперестольный, ранее не опубликованные².

1 Фрагменты кожаных сапог были списаны по состоянию сохранности.

2 Крест наперестольный — НГМ КП 10377 инв. ДРМ 604; иконка — НГМ КП 10375, инв. ДРМ 605.

Ил. 2. Икона наперсная «Спас оплечный» (в разобранном виде). Конец XVI в. Новгородский музей-заповедник. НГМ КП 10375 ДРМ 605

Иконка привесная представляет собой образ оплечного Христа (типа Халки) в серебряной оправе, с подвижным оглавием. Миниатюра размером 4,2 × 2,4 см хранится пока в разобранном виде, подвергалась только камеральной обработке. Все части иконки отделены, основа и оправка имеют значительные утраты, крошки эмали, деформации. Но благодаря нынешнему состоянию предмета, появилась возможность детально изучить все компоненты иконки и представить весь процесс изготовления подобных изделий (ил. 2).

Начальник отдела реставрации станковой живописи музея Ю. Ю. Александров провел предварительное исследование, в результате которого установил следующее. Основа иконки — деревянная пластинка, склеенная из двух частей, со значительными утратами, следами красочного слоя. Основа из толстой бумаги, изображение Христа исполнено темперой. Почти всю поверхность занимает лик Христа, что придает образу увеличенный масштаб. Привлекает внимание контраст золотого фона и синего пигмента. Золото положено поверх красочного слоя, и затем нанесен рисунок иглой. Эта техника — «проскребное дело» — была так названа Павлом Флоренским (Флоренский, 1923.

С. 146–147; Николаева, 1960. С. 195). Образ Творца и грозного Судии подчеркивают темные жирные контуры глаз, моделированные пряди волос, клиновидная борода. «И узрит Его всякое око и те, которые пронзили Его; и возрыдают пред Ним все племена земные» (Откр. 1:7). Крестчатый нимб по золоту и крупная монограмма внизу завершают композицию. Иконографический тип Христа восходит к византийским памятникам, известны примеры в живописи домонгольского искусства. Уменьшенные повторения этой композиции православных святых получили распространение с середины XV в.

Живописный образец был помещен в углубление основы. Параллельно серебряник, сканщик-эмальер, готовил оправу, завершая трудоемкий технологический процесс монтажом прозрачной вставки, привезенной на Русь из Европы в готовом виде. Импортные хрустальные кабошоны для мелких изображений служили увеличительными линзами. В нашем случае использован хрусталь низкого качества с неизвестными включениями (ил. 3).

В пользу новгородского происхождения этого памятника говорит немаловажный признак: темно-синий фон, на котором помещен золотой рисунок. Употребление именно такого пигмента известно только в новгородском материале. В древнерусских документах (приходно-расходных и кормовых книгах, описях, духовных грамотах и т. п.) подобные миниатюры под стеклом или хрусталями называются панагиями или иконами с оглавиями, в которые продевали шнур или цепочку. Кроме духовенства, наперсные образки носили на монисте или гайтане женщины великокняжеского или иного высокого рода. В описях такие образки иногда именуются «воротными», так как они носились поверх одежды, у ворота. Такие иконки жертвовались в монастыри, где, как правило, служили привесами, или «прикладами», к чудотворным иконам (Гнутова, 2008. С. 216).

В прикладах к раке с мощами преподобного Антония Римлянина в описи Антониева монастыря за 1696 г. упомянута «понагея серебряная, а в ней под хрусталем архангел Михаил, а в ней четыре вставки раковинны, а пятая в главе жемчужина» (Опись Антониева монастыря ... , 1914. С. 256). В описании прикладов к раке епископа Никиты

Ил. 3. Икона наперсная «Спас оплечный» (лицевая сторона). Конец XVI в. Новгородский музей-заповедник. НГМ КП 10375 ДРМ 605

Новгородского, находившейся в Софийском соборе, есть сообщения о многих хрустальных иконах, в числе которых значится по описи Софийского собора «икона угольчата, обложена серебром, сверху скань, в середине камень хрусталь» (Отрывки из описи ... , 1861. С. 380).

Иконка из погребения № 2 Мартирьевской паперти не одиночна, она существует в широком контексте стилистически близких произведений. В группе новгородских иконок — несколько десятков предметов почти с полутора десятком сюжетов. Большинство таких образков, часто с патрональными изображениями, имели хождение среди мирян и пользовались большим спросом. Как предметы благословения иконки фигурируют в имуществе князей, которое могло передаваться по наследству или служить в качестве приданого. Наиболее распространены изображения архангела Михаила, Богоматери Воплощение, святителя Николая, святых жен, соименных владелицам: великомучениц Екатерины, Варвары и мученицы Параскевы Пятницы.

Предметы с изображениями в новой необычной технике эгломизе, как стали ее называть позднее, начали выполняться русскими мастерами не ранее

Ил. 4. Крест напестольный. Конец XVI — первая половина XVII в. Новгородский музей-заповедник. НГМ КП 10377 ДРМ 604. Первая публикация

второй половины XV столетия. Этот период в равной степени можно отнести и к появлению восьмиугольной формы сканых оправ. Оглавие с утраченным шарниром дутое, с выступающими ушками находит параллели в круге близких по времени произведений. На его лицевой стороне вырезан Голгофский крест на штрихованном фоне с монограммой IC XC. Элементы драгоценного оформления оправы — также один из датирующих признаков рассматриваемой группы панагий. Наиболее близкой аналогией декора панагии являются оклады складней из Софийского собора, наперсные иконы¹. Их оклады украшает наложенная на фон

¹ НГМ КП 2206, инв. ДРМ 1965; КП 2203, инв. ДРМ 2528; КП 614, инв. ДРМ 12.

Ил. 5. Распятие. Деталь креста. Конец XVI — первая половина XVII в. Новгородский музей-заповедник. НГМ КП 10377 ДРМ 604

скань, ячейки которой заполнены темно-синей, голубой и зеленоватой эмалью. Это устойчивое и характерное цветовое сочетание новгородских эмалей. Включенные в декоративно-функциональную программу элементы оправы иконы вызывают ассоциации с памятниками второй половины XVI — первой половины XVII в.

Второй предмет, также с биркой «склеп № 2», — крест напрестольный, его размер 26 × 10,5 см (ил. 4). Предлагаем описание.

Деревянный восьмиконечный крест, обложен с обеих сторон одинаковым басменным серебряным золоченым окладом. В средокрестии было укреплено литое Распятие, без креста и Голгофы. Голова Христа бессильно склоняется на правое плечо, волосы с прямым пробором и прядями-косичками. Нимб небольшой крестчатый с монограммой, торс пластически проработан, лоно углублено, условно изображена мускулатура груди и живота. Лентий завязан крупным узлом, его край выполнен в виде зигзагообразной рельефной

складки, ноги прямые слегка согнуты в коленях. Фигура динамичная с удлинёнными пропорциями. Крупные кисти с фронтально расположенными пробитыми гвоздями ладонями и несколько увеличенные стопы. Общие очертания напоминают греческую букву ипсилон.

На средней перекладине и в центре нижнего перекрестия сохранились каплевидные дробницы с обронной надписью IC и НИКА, фон нижней — залит синей эмалью. Орнамент тисненого оклада выполнен в невысоком рельефе, в основе узора — вьющиеся сдвоенные стебли трав, с трилистниками и четырех- и шестилепестковыми розетками.

Сохранность креста неудовлетворительная. Дерево с повреждениями, среднее перекрестье подвижно. Басма ветхая, ломкая, с значительными утратами, частично отделена, особенно на оборотной стороне; фигура распятого Христа отделена, руки обломаны, накладки над его изображением и справа не сохранились (ил. 5).

Иконография, пластическое решение, техника изготовления Распятия и дробницы с эмалью находят аналоги среди памятников XVI в. Подобные Распятия встречаются не только на крестах, но и на окладах Евангелий работы новгородских мастеров¹. Нельзя не отметить особый индивидуализированный характер пластики Распятий. Повышенная силуэтность, красота формы, рельеф, наметившееся движение демонстрируют определенное влияние образцов позднероманского и готического искусства.

К сожалению, кресту не повезло, Распятие обломано и «живет» отдельно. Однако благодаря этому удалось его сопоставить буквально с двумя десятками средокрестий напрестольных крестов с аналогичными рельефами, вероятно, одной хронологии. Всего выявлено три абсолютно идентичных Распятия, отлитых по одной форме, причем один из крестов датированный и близок по времени кресту из погребения № 2. Речь идет об одной литейной мастерской, изготавливавшей Распятия² (ил. 6).

¹ НГМ КП 1181, инв. ДРМ 285; КП 1238, инв. ДРМ 30.

² НГМ КП 1363, инв. ДРМ 371; НГМ КП 1359, инв. ДРМ 483, НГМ КП 10377, инв. ДРМ 604.

Ил. 6. Кресты напестольные. Детали с Распятием: а — НГМ КП 10377 ДРМ 604; б — НГМ КП 1363 ДРМ 371; в — НГМ КП 1359 ДРМ 483. Конец XVI — первая половина XVII в. Новгородский музей-заповедник

Сохранившийся частично орнаментальный декор оклада креста имеет особенности техники и стиля басмы. Определенное родство находим в окладах икон. Конкретизируя некоторые детали, возможно отнести тип креста ко второй половине XVI — началу XVII в.

Возвращаясь к погребению № 2: если опираться на выводы В. Л. Янина (Янин, 1988. С. 18–19, 193; прилож. 2. С. 195), то склеп мог принадлежать второму новгородскому митрополиту Варлааму. В «Кратком летописце новгородских владык» рассказывается о его кончине: «....преставился митрополит Варлам лета 7109-го (1601), апреля в 15 день, в среду светлая неделя, в память святых апостол Аристарха, Пуда и Трофима, и положен бысть у святых Софеи Премудрости Божии, в большой паперти в сторонней от полуденная страны, яже зовется Мартирьевская» (ПСРЛ, III, 2. С. 149–150; Янин, 1988. С. 14).

Новгородские владыки, удостоенные высокого святительского сана, занимали первую после патриарха ступень в российской иерархии, а в особо важных случаях заменяли его. Владыка Варлаам (Белковский) почти десятилетие (с 20 февраля 1592 г. по 15 апреля 1601 г.) занимал престижную

новгородскую кафедру, до того подвизался в Иосифо-Волоколамском монастыре, хорошо известен связями с представителями церковной элиты. Огромный интерес вызывают его незаурядные вклады, денежные вложения. Имя усердного владыки увековечено в гравированных надписях серебряных богослужебных предметов храма Премудрости Божией: блюдо церковное 1592 г. весом 640 золотников, водосвятная чаша 1593 г., Евангелие 1594 г.

Последняя часть нашей работы, связанная с определением принадлежности погребения № 2 митрополиту Варлааму, весьма гипотетична. Датировка предметов предположительна, бирки также могли быть перепутаны. Но по существу это лишь один из шагов на пути атрибуции и публикации малоизвестных памятников Новгородского собрания.

Список литературы

Гнутова С. В. Новгородские наперсные иконы с изображениями «под хрустальями» // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл

XVI–XVII вв. / ред.-сост. И. А. Стерлигова. М.: Северный паломник, 2008. С. 210–218.

Гормина Н. В. Панагия из погребения новгородского Софийского собора — памятник конца XVII — первой четверти XVIII века. К вопросу о русско-грузинских связях // Россия. Грузия. Христианский Восток: духовные и культурные связи: сб. ст. по материалам VIII науч. чтений, посвящ. памяти Д. И. Арсенишвили / сост. и отв. ред. О. В. Никифорова. М.: [б. и.], 2021. С. 118–125. (Тр. Центр. музея древнерус. культуры и искусства им. Андрея Рублева; т. XIX).

Каргер М. К. Отчет об археологических раскопках в Новгородском Софийском соборе в 1955 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1217.

Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея: каталог. Загорск: Загорский гос. ист.-худож. музей-заповедник, 1960. 338 с. Описание Антониева монастыря за 1696 год // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911 г. Т. I. М.: Синодальная тип., 1914. С. 250–282.

Осипов Д. О. Кожаная обувь из погребений Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора // РА. 2012. № 1. С. 143–151.

Отрывки из описи новгородского Софийского собора первой половины XVII в. / доставлены И. К. Куприяновым // Известия Императорского археологического общества. Т. III. СПб.: в тип. Имп. Акад. наук, 1861. С. 366–386.

Романцев И. С. О местах погребения Новгородских владык в Софийском соборе // Новгородская церковная старина. Труды Новгородского церковного археологического общества. Т. 1. Новгород: губернская тип., 1914. С. 108–121.

Седов Вл. В. Отчет об археологических раскопках в Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора в 1999 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 21767.

Флоренский П. А. Описание панагий Троице-Сергиевой Лавры XII–XVII веков. Сергиев: изд. Сергиевского гос. ист.-худож. музея, 1923. 276 с.

Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: церковная традиция и историческая критика. М.: Наука, 1988. 239 с.

References

Florenskiy P. A. Opis' panagiy Troitse-Sergievoy Lavry XII–XVII vekov. Sergiev: izdatel'stvo Sergievskogo gosudarstvennogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya, 1923. 276 p.

Gnutova S. V. Novgorodskie napersnye ikony s izobrazheniyami "pod khrustalyami" // Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda. Khudozhestvennyy metall XVI–XVII vv. / ed., comp. I. A. Sterligova. Moscow: Severnyy palomnik, 2008. P. 210–218.

Gormina N. V. Panagiya iz pogrebeniya novgorodskogo Sofiyskogo sobora — pamyatnik kontsa XVII — pervoy chetverti XVIII veka. K voprosu o russko-gruzinskikh svyazyakh // Rossiya. Gruziya. Khristianskiy Vostok: dukhovnye i kul'turnye svyazi: sbornik statey po materialam VIII nauchnykh chteniy, posvyashchennykh pamyati D. I. Arsenishvili / ed., comp. O. V. Nikiforova. Moscow, 2021. P. 118–125. (Trudy Tsentral'nogo muzeya drevnerusskoy kul'tury i iskusstva imeni Andrey a Rubleva; XIX).

Karger M. K. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Novgorodskom Sofiyskom sobore v 1955 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. F-1. R-1. № 1217.

Nikolaeva T. V. Proizvedeniya melkoy plastiki XIII–XVII vekov v sobranii Zagorskogo muzeya: katalog. Zagorsk: Zagorskiy gosudarstvennyy istoriko-khudozhestvennyy muzey-zapovednik, 1960. 338 p.

Opis' Antonieva monastyrya za 1696 god // Trudy Pyatnadsatogo arkheologicheskogo s"ezda v Novgorode. 1911 g. I. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1914. P. 250–282.

Osipov D. O. Kozhanaya obuv' iz pogrebeniy Martir'evskoy paperti Novgorodskogo Sofiyskogo sobora // Rossiyskaya arkheologiya. 2012. 1. P. 143–151.

Otryvki iz opisi novgorodskogo Sofiyskogo sobora pervoy poloviny XVII v. / dostavleny I. K. Kupriyanovym // Izvestiya Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva. III. St. Petersburg: v tipografii Imperatorskoy Akademii nauk, 1861. P. 366–386.

Romantsev I. S. O mestakh pogrebeniya Novgorodskikh vladyk v Sofiyskom sobore // Novgorodskaya tserkovnaya starina. Trudy Novgorodskogo tserkovnogo arkheologicheskogo obshchestva. 1. Novgorod: gubernskaya tipografiya, 1914. P. 108–121.

Sedov Vl. V. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Martir'evskoy paperti Novgorodskogo Sofiyskogo sobora v 1999 g. // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. F-1. R-1. № 21767.

Yanin V. L. Nekropol' Novgorodskogo Sofiyskogo sobora: tserkovnaya traditsiya i istoricheskaya kritika. Moscow: Nauka, 1988. 239 p.

Illustrations

Fig. 1. Items donated by M. K. Karger in 1955. Novgorod Museum-Reserve

Fig. 2. Pectoral icon of the Saviour, shoulder-length (disassembled). Late 16th century. Novgorod Museum-Reserve. NGM KP 10375 DRM 605

Fig. 3. Pectoral icon of the Saviour shoulder-length (obverse). Late 16th century. Novgorod Museum-Reserve. NGM KP 10375 DRM 605

Fig. 4. Altar cross. Late 16th to the first half of the 17th century. Novgorod Museum-Reserve. NGM KP 10377 DRM 604. *First publication*

Fig. 5. Crucifixion. Detail of the cross. Late 16th to the first half of the 17th century. Novgorod Museum-Reserve. NGM KP 10377 DRM 604

Fig. 6. Altar crosses. Details of the Crucifixion: *a* — NGM KP 10377 DRM 604; *b* — NGM KP 1363 DRM 371; *c* — NGM KP 1359 DRM 483. Late 16th to the first half of the 17th century. Novgorod Museum-Reserve

N. V. Gormina. Items from the burial in the Martyrievskaya porch of the St. Sophia Cathedral in Novgorod

Abstract. This paper re-examines the findings from the 1955 archaeological excavations at the southern (Martyrievskaya) porch of the St. Sophia Cathedral in Novgorod. These excavations were conducted prior to the commencement of interior restoration works. The excavations revealed multiple crypts and sarcophagi containing human skeletal remains, as well as significant artefacts. Notable discoveries in three of the crypts included precious devotional objects, a burial cap and fragments of leather footwear. Of particular significance are a pectoral icon bearing a representation of the Saviour and an altar cross, both of which are mounted in precious metal settings. Through the analysis of topographical data presented in M. K. Karger's excavation report and V. L. Yanin's subsequent publication, this study proposes that these artefacts can be attributed to Bishop Varlaam of Novgorod, who was buried in the St. Sophia Cathedral.

Keywords: Veliky Novgorod, St. Sophia Cathedral, M. K. Karger, archaeological excavations, burial practices, devotional objects, altar cross, pectoral icon.

Gormina Natalya Vladimirovna, Advisor to the Director General, Novgorod State United Museum-Reserve, Kremlin 11, 173007 Veliky Novgorod, Russian Federation, nvgormina@mail.ru.

К вопросу об атрибуции неизвестного предмета из коллекции архитектурной керамики Государственного исторического музея

Н. И. ИОРДАНСКАЯ

ФОНД изразцов Государственного исторического музея — одно из старейших собраний архитектурной и печной керамики в России. В настоящий момент фонд находится на новом этапе музейной обработки, вследствие чего уточняются атрибуции предметов, выявляются ранее не известные памятники изразцового искусства. Некоторые из них привлекают особое внимание, так как выбиваются из общего ряда, заставляют задуматься о своем происхождении и функциональном назначении.

Целью статьи является введение в научный оборот предмета, выявленного в конце 2023 г., из фонда изразцов ГИМ (ГК № 50825404) (ил. 1). Это керамическое изделие выполнено из светлой глины и покрыто зеленой глазурью; его высота — 46 см, основание — 20 × 20 см, диаметр горла — 16,5 см. Форму предмета можно описать как состоящую из четырех частей: квадратное в плане основание, переходящее в цилиндрическую «шею», которая имеет четыре выступающие килевидные арки и соединяется с раструбом горла при помощи элемента, имеющего вид приплюснутого шара со срезанной верхушкой и диагональным рельефом. Внутри горло перекрыто углубленной перемычкой со сквозным отверстием в центре (ил. 2).

Все выступающие грани и места соединения частей формы имеют «веревочный» рельефный декор. Основание и «шея» украшены рельефными

[HTTPS://DOI.ORG/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.184-189](https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.184-189)

Аннотация. В статье проводится комплексное исследование керамического предмета из фонда изразцов отдела керамики и стекла Государственного исторического музея. Артефакт до сих пор не имел научной атрибуции. Автор применяет методы морфологического, иконографического, стилистического, сравнительного анализа, приводит аналоги из числа произведений декоративно-прикладного искусства XVI–XIX вв. Для определения программы декора предмета автор обращается к изобразительным мотивам в области ювелирного дела, нумизматики и геральдики. Автор делает вывод о принадлежности памятника к церковному интерьеру, выдвигает гипотезу о его функциональном назначении и дает предположительную дату его изготовления.

Ключевые слова: керамика, подставка, декоративно-прикладное искусство, геральдика, нумизматика.

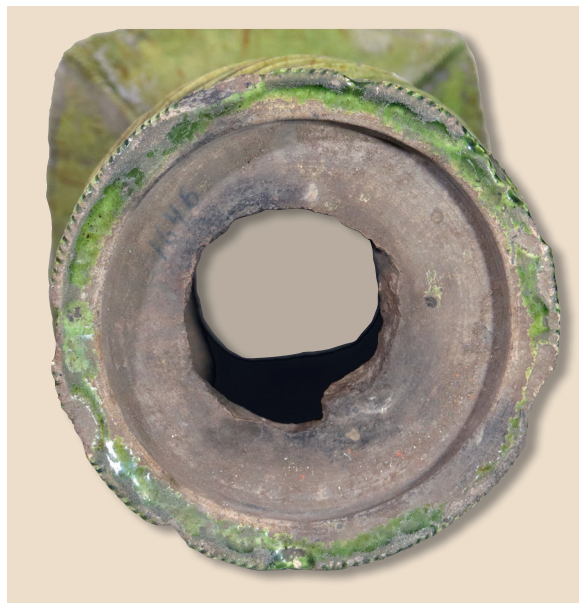
Иорданская Надежда Ивановна — научный сотрудник, Государственный исторический музей, Красная пл., 1, Москва, Российская Федерация, 109012, iordanskaya.n@mail.ru.

Ил. 1. Подставка под запрестольный крест. ГИМ 116601 7572и. Собрание ГИМ. Первая публикация

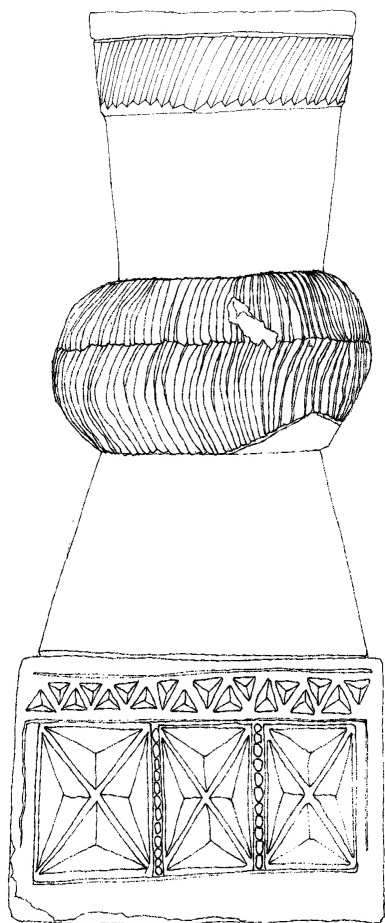
клеймами. По четырем сторонам основания помещен круглый медальон с изображением всадника с копьем. С одной из сторон медальон со всадником является центром фриза, он дополнен еще двумя изображениями: слева — зверь с повернутой назад головой и стоящий рядом с ним человек с копьем, справа — в круглом медальоне шагающий лев, над головой которого расположен предмет, напоминающий топор или секиру. С четырех сторон «шеи», внутри арок, помещено клеймо с изображением трехглавого храма с антропоморфной фигурой внутри.

На сегодняшний день, вследствие отсутствия документальных сведений о данном артефакте, не удастся определить источник его поступления в Исторический музей. Единственная метка на предмете — это номер «1646», проставленный черной краской (возможно, тушью) от руки внутри

Ил. 2. Подставка под запрестольный крест. Внутренность горла. ГИМ 116601 7572и

горла. В отделе керамики и стекла такие номера можно встретить на некоторых предметах в фонде фаянса — они написаны также черной краской и той же рукой. Не удалось выявить очевидной связи между этими экспонатами, они принадлежат разным коллекциям и поступили в разное время (например, в фонде фаянса это предметы из коллекции Бахрушина, переданной в ГИМ в 1905 г., и из бывшего Военно-исторического музея, переданные в 1930 г.). Однако метка способствует уточнению времени поступления экспоната в музей, а именно — до Великой Отечественной войны, и свидетельствует о том, что какое-то время научные сотрудники отдела керамики и стекла причисляли изделие к фонду фаянса. Такая «миграция» предмета из одного фонда в другой говорит о затруднениях с его атрибуцией. Кроме того, необходимо учитывать, что в первые десятилетия советской власти из ликвидированных церквей и монастырей в музей поступали сотни экспонатов. Вследствие недостатка квалифицированных кадров большая часть этих предметов оставалась неразобранной. Коллекция изразцов находилась в таком состоянии на протяжении нескольких десятилетий, так как не имела хранителя, который бы занимался ее систематической обработкой.

Ил. 3. Белокаменное основание запрестольного креста из церкви Бориса и Глеба в Кидекше.

Чертеж Ю. С. Фомичёвой. Из раскопок Вл. В. Седова

Очевидно, в число предметов, неописанных и потерявших информацию о своем происхождении, попал памятник, которому посвящено данное исследование.

Форма артефакта обусловила поиск аналогов среди различных произведений декоративно-прикладного искусства. В первую очередь это керамические изделия, а именно — фигурные колонки, украшенные рельефным декором, с металлическим стержнем внутри, которые служили основанием изразцовых печей, бытовавших в прирейнских областях Германии во второй половине XVI — первой четверти XVII в. (Rosmanitz, 2014). Вторая группа памятников, которые могут служить аналогами для предмета

из Исторического музея, — это белокаменные колонки, элементы храмового интерьера. Одна из таких колонок, происходящая из Белой палаты Ростовского кремля, опубликована известным специалистом в области декоративно-прикладного искусства Н. Н. Соболевым (1874–1966) в 1934 г. (Соболев, 1934. С. 43). В 2011 г. подобный предмет был найден в ходе археологических исследований в церкви Бориса и Глеба в Кидекше, проводившихся под руководством Вл. В. Седова (Седов, 2012. С. 22–23) (ил. 3)¹. Обе каменные колонки датируются XVI в.

Исходя из представленных аналогов, можно предположить, что предмет из собрания Исторического музея является либо деталью печного набора, либо частью церковного интерьера. На наш взгляд, это керамическое изделие слишком крупное, чтобы быть элементом печи. Кроме того, внутри него не обнаружено следов копоти. Ранние европейские печи, служащие аналогами несохранившимся отечественным отопительным сооружениям, демонстрируют отсутствие подобных деталей в печных наборах (Gebhard, 1981; Markovits, 2015). Однако при сравнении экспоната с белокаменными колонками становится очевидной общность их формы и декора. Все три предмета — из Исторического музея, из Ростова и из Кидекши — имеют прямоугольное в плане основание, переходящее в цилиндрическое тулово, во всех трех случаях форма имеет усложнение в виде приплюснутого шара с косым рельефным орнаментом, основание по меньшей мере с одной из сторон декорировано трехчастной рельефной композицией. На резных колонках эта композиция составлена из крестообразного геометрического орнамента, а на керамическом изделии — из трех сюжетных клейм.

Складывающийся типологический ряд удалось дополнить деревянной подставкой для выносного (запрестольного) креста конца XIX — начала XX в. из собрания Великоустюгского государственного музея-заповедника (ГК № 47792235). Несмотря на явные стилистические различия, предметы из ГИМ и ВУМЗ имеют особенности, говорящие

¹ Автор выражает благодарность Вл. В. Седову за консультацию и предоставление изображения находки.

о схожести их функционального использования: форма предметов напоминает фигурную колонку, они полые внутри и имеют сквозное отверстие в верхней части. Вплоть до настоящего времени подставки под выносные кресты, использующиеся в церковном обиходе, имеют такие же морфологические особенности. Поэтому предположение, что керамическое изделие из собрания Исторического музея является подставкой под выносной крест, кажется нам наиболее обоснованным. Сеем надеяться, что новые данные в будущем помогут подтвердить или опровергнуть выдвигаемую нами гипотезу.

Об участии предмета в христианских религиозных обрядах говорят и рельефные изображения, украшающие его со всех сторон. Клеймо на «шее» подставки представляет образ трехглавого храма с человеческой фигурой внутри — устойчивый декоративный мотив Гроба Господня, который получил распространение в Центральном и Северном регионах России в XIV–XV вв. на предметах декоративно-прикладного искусства, в частности на резных иконках (Рындина, 1968. С. 233). Например, двусторонний образок из собрания Исторического музея (Там же. С. 235; ГК № 10811858) принадлежит к группе иконок с трехглавым храмом. К композиции, подобной той, что мы видим на этом предмете, отсылает клеймо на подставке под крест. Изображение храма на керамическом предмете очень упрощено — здесь отсутствуют боковые башни, архитектура представлена декоративно (стены и основание храма слиты в килевидную раму с геометрическим узором), а фигура внутри трактована крайне условно. Несмотря на это, можно заметить детали, как будто перенесенные с резной иконы, например вытянутые вверх шлемовидные купола храма и их чешуйчатый декор. Форма самого клейма напоминает полукруглое оформление образка. Кроме того, клеймо имеет «зубчатый» орнамент по нижнему краю, который мог быть частью рамы, не оттиснутой полностью из-за технологической погрешности. Каменная иконка, в свою очередь, забрана в серебряную оправу, имеющую вид «зубчатого» орнамента.

На керамических изделиях мотив Гроба Господня можно встретить, например, на псковских

нишевых изразцах (Яковлев, 2022. С. 136–138), изразцах-киотах (Там же. С. 152) и декоративных плитах (Там же. С. 145–146) XVI в. Среди терракотовых изразцов из наружного декора церкви Николы Мокрого Афанасьевского монастыря в Ярославле (1665–1672) есть один предмет с изображением городских ворот и башен (Маслих, 1983. Рис. 46). Трактовка архитектуры и стаффажа на этом изразце близка к изображению храма на подставке из Исторического музея — они так же орнаментализированы и условны.

Три клейма, украшающие основание керамического предмета из собрания ГИМ, различны по стилистическому исполнению. Клеймо слева представляет похожего на коня зверя, обернувшегося назад, и стоящего рядом человека с копьем. Композиция не имеет рамки, архаичностью и плоскостностью изображения она составляет пару клейму на «шее» подставки с образом Гроба Господня.

Оставшаяся пара клейм — это изображения всадника и зверя, который имеет сходство со львом, каждое из них помещено в круглую рамку. Фигуры пластичны, детализированы и имеют правильные пропорции. Используя опыт вспомогательных исторических дисциплин, а именно геральдики и нумизматики, можно провести иконографический анализ этих изображений.

В правом клейме фриза помещена фигура зверя, изображенного в профиль, с высунутым языком и занесенным над головой оружием (вероятно, это топор или секира). Животное больше всего походит на льва, но «неправильного», если его оценивать с точки зрения законов геральдики: он стоит на четырех лапах, а не на двух, и обращен вправо, а не влево, как положено геральдическому льву.

Единственным примером среди гербов, несущих изображение «льва с топором или секирой», является герб Норвегии. Этот герб существует с XIII в. и наверняка был известен как в Псковских землях, так и на территории Северо-Восточной Руси. Известно много предметов быта с изображением таких львов. Однако наш лев не держит топор в лапах, оружие как будто является продолжением хвоста. Более близким аналогом выглядит изображение зверя на смоленской монете начала

XV в. (*Douchis, Ivanauskas*, 2004. Р. 16–17, № 22–23). Здесь помещен леопард, хвост которого оканчивается пастью змея. Причем хвост имеет на конце такое же кольцевидное утолщение, как и хвост льва на керамическом предмете.

Все это говорит о вторичности изображения на подставке под крест. Для воплощения программы, заложенной в этом предмете, мастер, очевидно, воспользовался теми источниками, которые имел под рукой. Если использовалось геральдическое изображение, перенос его произошел без учета принципов геральдики, с утратой как изначальной формы, так и изначального смысла. Новое значение клейма на предмете из собрания ГИМ в настоящее время неизвестно.

Композицию со всадником можно назвать главным из трех клейм, составляющих рельефный фриз. Оно расположено в центре и присутствует на всех сторонах предмета. Здесь изображен человек, едущий на лошади (так называемый «ездец») в светском платье и в шапке, в руке он держит копьё острием вверх. Самым близким аналогом нам кажутся изображения на монетах времени правления царя Алексея Михайловича (1645–1676; ГК № 38708661): и поза всадника, и головной убор, и предмет в руке выглядят схожими. Учитывая вторичность изображения на керамическом предмете, что означает изменение деталей и первоначального смысла, можно предположить, что центральное клеймо обозначает русского князя. Принадлежность предмета к церковному обиходу дает основание считать это изображение указанием на состоятельного и облеченного властью дарителя, либо на некоего святого князя, которому был посвящен храм, из которого, вероятно, происходит подставка под выносной крест.

Памятник из собрания Исторического музея имеет некоторые особенности изготовления. Например, предмет выполнен с технологическими погрешностями: имеются вмятины на тулове и выпады наложенного рельефа, которые не были исправлены перед глазурованием и заключительным обжигом. Это может говорить о том, что предмет был сделан или провинциальным гончаром, в удалении от крупных керамических мастерских, или в спешке, либо о том, что образец является

пробным. Близкие по технологии производства предметы можно найти среди отечественных керамических изделий XVII в. Например, одна из керамических фляг из фонда фаянса ГИМ (ГК № 2842055) выполнена так же, как и подставка, из светлой глины, покрыта зеленой глазурью и в качестве декора имеет «веревочный» рельеф.

Проведенное комплексное исследование показало морфологическую схожесть предмета с белокаменными основаниями из Кидекши и Ростова XVI в., иконографическое соответствие рельефных клейм изобразительным источникам времени правления царя Алексея Михайловича и соответствие технологии изготовления русской глазурованной керамике XVII в. Однако для уточнения предложенной датировки и установления места производства экспоната исследование должно быть расширено за счет применения естественно-научных методов и сравнительного анализа теста и глазури керамического изделия с образцами различных производственных центров.

Таким образом, в собрании Государственного исторического музея находится уникальный памятник, не имеющий на сегодняшний день прямых аналогов: керамическая подставка под выносной крест, предположительно второй половины XVII в. Атрибуция этого предмета существенно расширяет и уточняет представления об использовании керамики в отечественном церковном интерьере в XVII в.

Список литературы

- Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. = Russian ornamental tiles 15th–19th centuries / науч. ред. В. И. Балдин. М.: Изобразительное искусство, 1983. 270 с.
- Рындина А. В. Особенности сложения иконографии в древнерусской мелкой пластике. «Гроб Господен» // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода / [ред. В. Н. Лазарев и др.]. М.: Наука, 1968. С. 223–236.
- Седов Вл. В. Отчет об археологических исследованиях на территории архитектурного ансамбля церкви Бориса и Глеба в с. Кидекша Суздальского района Владимирской области в 2011 году. Т. 1. Исследования во внутреннем объеме храма. М., 2012 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 30569. 225 л.

- Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М.; Л.: Academia, 1934. 477 с.
- Яковлев А. В. Нишевые изразцы из Пскова и ранние керами-ды Псково-Печерского монастыря // Археология и исто-рия Пскова и Псковской земли: Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 37. Материалы 67-го заседания (2022 г.). М.; Псков: ИА РАН, 2022. С. 132–154.
- Douchis R. J., Ivanauskas E. Pocket Catalogue of Lithuanian Coins / Kišeninis lietuviškų monetų katalogas / Kieszonkowy katalog monet litewskich / Kišenny katalog lietuviškų ma-net / Карманный каталог литовских монет / 1386–1938. Kaunas: UAB "Judex", 2004.
- Gebhard T. Kachelöfen. Mittelpunkt häuslichen Lebens: Entwicklung. Form. Technik. München: Callwey, 1981. 205 S.
- Markovits K. Tiroler Kachelöfen. Keramische Ofenkultur in Nord-, Süd- und Osttirol. Brixen: Verlag A. Weger, 2015. 327 S.
- Rosmanitz H. Motive: Ein Ofenfuß mit Löwenkopf aus Mannheim [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://furnologia.de/motive/ofenfuss-mit-loewenkopf-aus-mannheim/> (дата обращения 17.02.2025).

References

- Douchis R. J., Ivanauskas E. Pocket Catalogue of Lithuanian Coins / Kišeninis lietuviškų monetų katalogas / Kieszonkowy katalog monet litewskich / Kishenny katalog litovskikh monet / Karmanny katalog litovskikh monet / 1386–1938. Kaunas: UAB "Judex", 2004.
- Gebhard T. Kachelöfen. Mittelpunkt häuslichen Lebens: Entwicklung. Form. Technik. München: Callwey, 1981. 205 S.
- Markovits K. Tiroler Kachelöfen. Keramische Ofenkultur in Nord-, Süd- und Osttirol. Brixen: Verlag A. Weger, 2015. 327 S.
- Maslikh S. A. Russkoe izraztsovoe iskusstvo XV–XIX vv. = Russian ornamental tiles 15th–19th centuries / ed. V. I. Baldin. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1983. 270 p.
- Rosmanitz H. Motive: Ein Ofenfuß mit Löwenkopf aus Mannheim [Electronic resource]. 2014. URL: <https://furnologia.de/motive/ofenfuss-mit-loewenkopf-aus-mannheim/> (accessed: 17.02.2025).
- Ryndina A. V. Osobennosti slozheniya ikonografii v drevnerusskoy melkoy plastike. "Grob Gospoden" // Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura Novgoroda / [eds.: V. N. Lazarev et al.]. Moscow: Nauka, 1968. P. 223–236.
- Sedov V. V. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii arkhitektornogo ansamblya tserkvi Borisa i Gleba

v s. Kideksha Suzdal'skogo rayona Vladimirskoy oblasti v 2011 godu. T. 1. Issledovaniya vo vnutrennem ob"eme khrama. Moscow, 2012 // Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. F. 1. R. 1. № 30569. 225 l.

Sobolev N. N. Russkaya narodnaya rez'ba po derevu. Moscow; Leningrad: Academia, 1934. 477 p.

Yakovlev A. V. Nishevye izraztsy iz Pskova i rannye keramidy Pskovo-Pecherskogo monastyrja // Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: Ezhegodnik Seminara imeni akademika V. V. Sedova. 37. Materialy 67-go zasedaniya (2022 g.). Moscow; Pskov: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2022. P. 132–154.

Illustrations

Fig. 1. Altar cross stand. GIM 116601 7572i. State Historical Museum collection. *First publication*

Fig. 2. Interior view of the altar cross stand's neck. GIM 116601 7572i. State Historical Museum collection

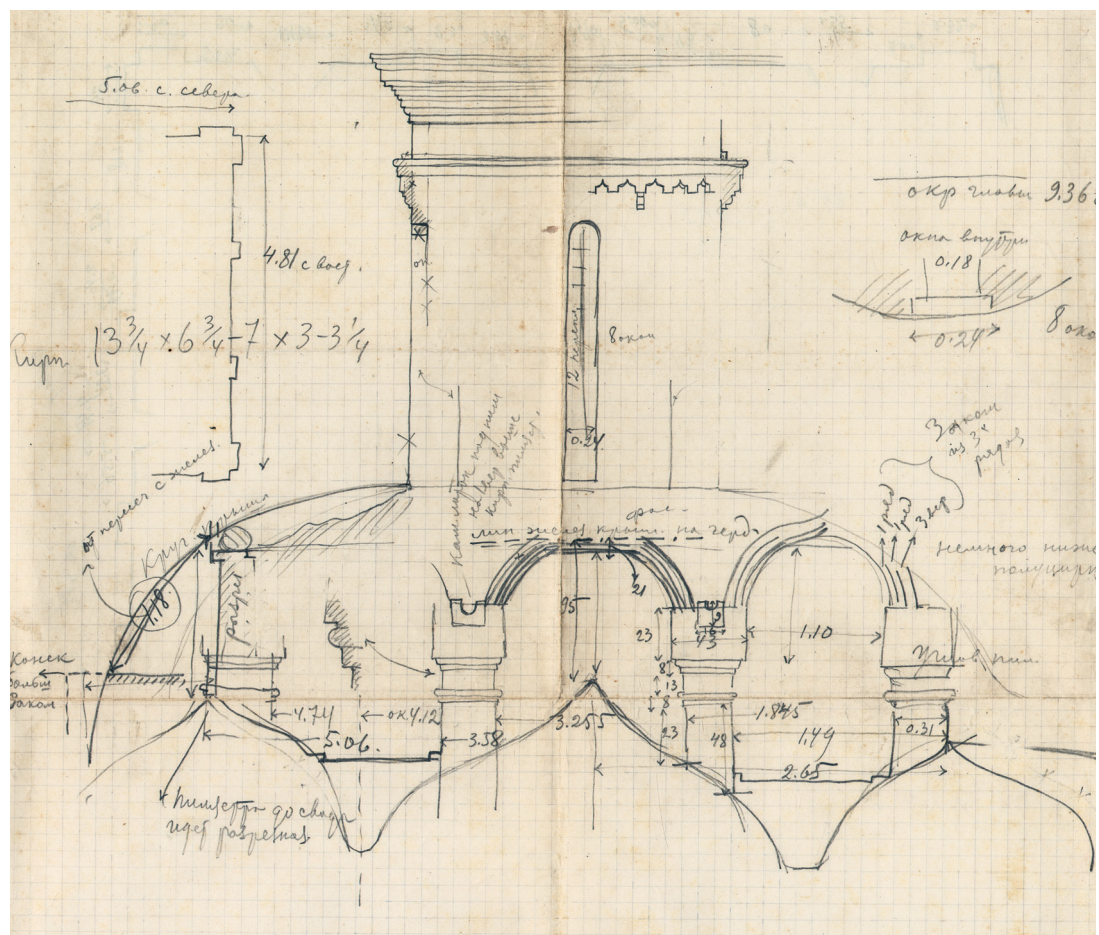
Fig. 3: White stone base of an altar cross from the Church of SS Boris and Gleb in Kideksha. Drawing by Yu. S. Fomicheva. From the excavations of V. V. Sedov

N. I. Iordanskaya. On the attribution of an unknown artefact from the architectural ceramics collection of the State Historical Museum

Abstract. This paper presents a comprehensive analysis of an un-attributed ceramic object from the tile collection housed in the Ceramics and Glass Department of the State Historical Museum. The study employs morphological, iconographic, stylistic, and comparative analytical methods, drawing analogies from the decorative and applied arts of the 16th to 19th centuries. In establishing the object's decorative programme, the author examines figurative motifs derived from jewellery, numismatics, and heraldry. The study concludes that the object was part of an ecclesiastical interior and proposes a hypothesis regarding its functional purpose, offering a provisional date for its manufacture.

Keywords: ceramics, stand, decorative and applied arts, heraldry, numismatics.

Iordanskaya Nadezhda Ivanovna, research fellow at the State Historical Museum, 1 Red Square, 109012 Moscow, Russian Federation, iordanskaya.n@mail.ru.

А. А. Оксенюк

В ПРЕДСТАВЛЕНИИ современников имя Петра Дмитриевича Барановского преимущественно связывается с его деятельностью по защите памятников в Москве (Оксенюк, 2022), с созданием музея в Коломенском, экспедициями на Русский Север (Оксенюк, 2015), организацией работ в Ярославле (Казусь, 2015). В то же время работа по обследованию и изучению региональных памятников, даже знаковых, обычно малоизвестна; исключение составляют, пожалуй, только Пятницкая церковь в Чернигове (Барановский, 1948. С. 13–14) и отдельные памятники Смоленска (Пиляк, 2024; Седов, 2023; Из архива ... , 2020).

На самом деле, как видно при изучении архива П. Д. Барановского, львиная доля его деятельности в 1920–1940-е гг. была связана с региональными памятниками, и даже официально его должность в 1920-е гг. называлась «наблюдающий за работами в провинции и инструктор по охране памятников Северной области»¹.

К сожалению, причины подобной ситуации, когда материалы крупнейшего исследователя и практиковавшего реставратора не были введены в научный оборот, кроются как в личности самого П. Д. Барановского, практически не публиковавшегося и во многом утратившего контакт с коллегами, так и в долгой обработке архива после его передачи в состав коллекции Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева (далее — ГНИМА).

¹ ЦГАМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

Аннотация. Статья посвящена исследованию памятников и реставрационным работам, которые выполнялись П. Д. Барановским во Владимире в 1920–1940-е гг. Главным образом его деятельность сводилась к обследованию состояния памятников и контролю за реставрационными работами, хотя в ряде случаев, как, например, с Успенским собором Княгинина монастыря, решения Барановского существенно повлияли на облик памятника. В 1940-е гг. П. Д. Барановский, будучи сотрудником Главного управления охраны памятников, консультировал проекты других архитекторов, давал заключения и замечания на проекты реставрации таких памятников, как Дмитровский собор, Золотые ворота, палаты Андрея Боголюбского.

Ключевые слова: Владимир, древнерусская архитектура, П. Д. Барановский, реставрация памятников, Княгинин монастырь, Дмитровский собор, Золотые ворота.

Оксенюк Анатолий Анатольевич — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева, ул. Воздвиженка, 5/25, Москва, Российская Федерация, 119019, oksenuk2@yandex.ru.

На протяжении 1920–1940-х гг. одним из важнейших направлений работы П. Д. Барановского были памятники Владимирской губернии (области). В данной небольшой статье мы не станем касаться работ архитектора за пределами Владимира, отметим лишь, что он активно занимался исследованиями памятников в Юрьеве-Польском, Суздале, Киржаче, Александровой слободе, обследовал Муром, Гороховец и другие населенные пункты. Основой статьи являются материалы, хранящиеся в фонде самого П. Д. Барановского в ГНИМА, а также отдельные документы из фонда Централных государственных реставрационных мастерских (далее — ЦГРМ), где в тот момент он работал.

Во Владимире деятельность П. Д. Барановского можно условно разделить на несколько хронологических этапов. Впервые его командироват в город в апреле 1922 г. в целях контроля над изъятием церковного имущества. Судя по его докладу, ему удалось добиться того, что «предметы археологического значения (т. е. древние) оставлены на своих местах». Также им было предложено «в будущем церковные древности перенести в Дмитровский собор, где устроить хранилище»¹.

В дальнейшем, в 1920-х — начале 1930-х гг., его деятельность была сконцентрирована вокруг Успенского собора Княгинина монастыря, Дмитровского собора, памятников Боголюбова. Все это происходило в рамках работ, которые контролировал ЦГРМ.

С 1937 г. и далее, в первой половине 1940-х гг., П. Д. Барановский, после освобождения из заключения, жил и работал в музее Александровой слободы, при этом периодически по заказу Академии архитектуры и Комитета по делам искусств осуществлял выезды во Владимир для надзора за памятниками, главным образом — за Дмитровским собором, состояние которого в этот момент вызвало опасения у специалистов.

Во второй половине 1940-х и в начале 1950-х гг. П. Д. Барановский, как сотрудник Главного управления охраны памятников (ГУОП), в основном осуществлял консультативную работу, связанную с охраной памятников, в том числе и городскими

охранными зонами, а также с проектами реставрации.

Обозначив круг работ П. Д. Барановского во Владимире в целом, пожалуй, необходимо остановиться на нескольких ключевых объектах, в судьбе которых его действия сыграли важную роль.

Одним из таких объектов является Успенский собор Княгинина монастыря, памятник XVI в.

В июле 1924 г. П. Д. Барановский по заданию ЦГРМ совершил поездку по обследованию памятников Владимира и Боголюбова, где фиксировал состояние построек и их текущую эксплуатацию. Во время поездки им было произведено обследование Успенского собора Княгинина монастыря. Обстоятельства этого обследования он докладывал на очередном заседании ЦГРМ, указав во время выступления на необходимость удаления на соборе «главки и шейки позднейшего происхождения, так как они своей тяжестью давят на своды и уже появились трещины»².

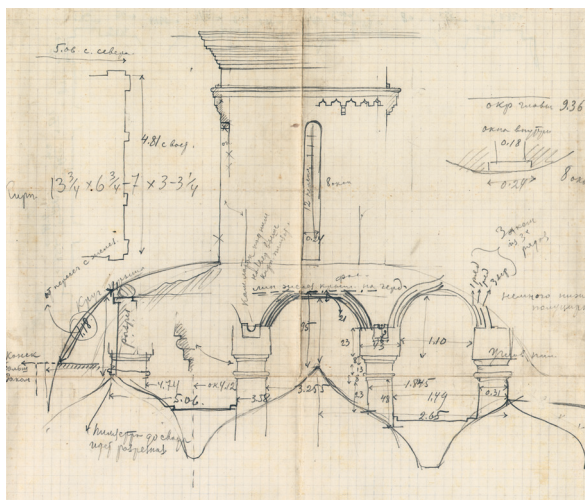
Интересно, что во время этого доклада П. Д. Барановский описывал ситуацию с собором Владимирского Рождественского монастыря, который был занят ГПУ и планировался к разборке, ради строительных материалов. Архитектор предполагал выяснить, что осталось от первоначального памятника, и находил желательным сохранить церковь «ради ее ценности в художественном ансамбле города»³. Причем в целях сохранения этой церкви он находил возможным предложить к разборке некоторые поздние постройки Княгинина монастыря.

Во время натурного обследования П. Д. Барановским были выполнены кроки барабана, купола и фасада в верхней части собора, находившегося под металлической кровлей (ил. 1, 2). Он провел измерения остатков верхнего яруса закомар с каменными лотками и угловыми пилястрами, а также зарисовал и измерил разные виды использовавшейся плинфы. Опираясь на это обследование, он составил подробные рекомендации по работам для заведующего Владимирским Губмузеем Алексея Ивановича Иванова, сохранившиеся

1 ЦГАМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 17–18.

2 ЦГАМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 78.

3 ЦГАМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 79.

Ил. 1. Успенский собор Княгинина монастыря.
Кроки обмера верхней части восточного фасада. 1924 г.
ГНИМА. ОФ 5625/25. Л. 3.

в черновике в фонде самого П. Д. Барановского. В них по пунктам указан следующий порядок действий по разборке поздней главы.

«При разборке надстройки над древней главой сохранить кирпич, годный для реставрационных работ».

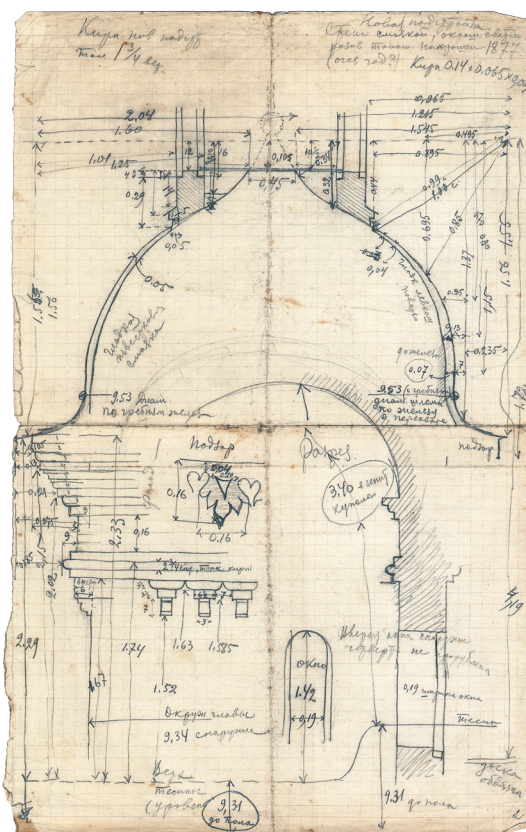
«Разобрав новую главу до уровня одного ряда выше железных связей лежащих на древней части непременно произвести фотографирование древних остатков главы». Отдельно П. Д. Барановский прямо отмечал: «Никаких дальнейших работ до получения хорошего негатива не проводить».

«Произвести кирпичную надкладку древней главы в виде конуса после указанного фотографирования на основании данного чертежа».

«Покрыть железом главу на месте разобранный надстройки и поставить прежний крест, снятый с новой главы».

«В случае производства работ по перекрытию здания по сводам, произвести выравнивание сводов, надложить уничтоженные места кирпичом с выкладкой профилей... но проводить всю работу небольшими участками, не открывая больше одной закомары и начав работы с нижних больших закомар»¹.

1 ГНИМА. ОФ 5625/24. Л. 1.

Ил. 2. Успенский собор Княгинина монастыря.
Кроки барабана. 1924 г. ГНИМА. ОФ 5625/25. Л. 2.

Судя по всему, П. Д. Барановским были выданы чертежи, на основании которых эти работы и должны были выполняться. Разборка кирпичной шеи и главы была выполнена в октябре — ноябре 1924 г. Владимирским отделением Госстроя под наблюдением Губмузея, о чем А. И. Иванов сообщал в ЦГРМ в декабре того же года (ил. 3, 4). Вместе с этим А. И. Иванов просил дать разрешения на дальнейшие работы «по открытию тройного ряда закомар, совершенно закрытых железным покрытием»².

В апреле 1925 г. эта просьба была повторена, однако средств на работы не нашлось.

Уже в 1943 г. П. Д. Барановский вновь осматривал собор, который тогда использовался под склад «Заготзерна», и отмечал ухудшающееся состояние фресок собора.

2 ГНИМА. ОФ 5625/24. Л. 2.

Ил. 3. Успенский собор Княгинина монастыря.
Вид с северо-запада во время работ. 1924 г.
ГНИМА. ОФ 5625/26. Л. 3.

Ил. 4. Успенский собор Княгинина монастыря.
Вид с юго-востока. 1925 г. (?).
ГНИМА. ОФ 5625/26. Л. 4.

Возвращение П. Д. Барановского к вопросам реставрации Успенского собора произошло только в 1946 г., когда ему было направлено письмо из Проектно-реставрационной мастерской Владимирского областного отдела по делам архитектуры: его начальник Киевский (инициалы установить не удалось) просил П. Д. Барановского на основании некоей «договоренности» взять на себя окончание проектных работ с учетом уже имеющихся у него материалов и обозначить сроки его подготовки.

В ответ П. Д. Барановский пишет краткую пояснительную записку «О методе реставрации Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире», где описывает свои исследования и предложения 1920-х гг., которые характеризует как «проект реставрации». В конце он отмечает, что «задачей настоящего времени в реставрации памятника является продолжить работы по открытию ценных в архитектурном отношении завершений памятника дающих документальные

неоспоримые данные для реставрации». То есть по сути предлагает продолжить намеченные двадцатью годами ранее работы и раскрыть ярусы закомар. Вместе с тем П. Д. Барановский призывает аккуратнее относиться к позднейшим пристройкам, провести детальные исследования с зондажами, а затем, на основании решения Ученого совета, уже определить внешний вид собора: будет ли он условно «первоначального» облика или с сохранением части пристроек, которая имеет научный интерес.

Отдельно им указывалось на необходимость проведения мероприятий по конструктивному укреплению памятника, раскрытию и закреплению живописи. Он отмечает теоретическую возможность найти древний иконостас, который был продан из собора в 1821 г. в село Красное, а также необходимость сохранения ансамбля деревянной застройки монастыря при проведении планировки города¹.

¹ ГНИМА. ОФ 5625/24. Л. 8.

После 1947 г. документы об участии П. Д. Барановского в реставрации Успенского собора отсутствуют. Очевидно, что названные им «проектом реставрации» фрагментарные кроки и фотографии 1920-х гг. не могли лечь в основу серьезного проекта, и поэтому он ограничился лишь общими рекомендациями. Тем более что после войны ему разрешают поселиться в Москве, и он начинает активно работать там, главным образом над памятниками Андроникова монастыря.

Следующим владимирским памятником, в судьбе которого поучаствовал П. Д. Барановский, является Дмитровский собор. Впервые он обследует памятник в апреле 1922 г. и рекомендует удалить растущие рядом деревья, вызывающие отсыревание стен, а также предлагает устроить там хранилище ценностей, о чем было сказано выше¹.

В 1931 г. П. Д. Барановский вместе с С. А. Тороповым по заданию ЦГРМ осмотрел состояние собора и подготовил заключение о способах его укрепления и методах реставрации, этапы которой должны были включать:

- подведение серьезной конструкции кружал под своды;
- установку временных связей в верхних частях собора через проемы окон;
- детальный обмер и исследование деформаций памятника;
- установку связей в основание барабана главы;
- установку постоянных связей в пятах подпружных арок;
- укрепление деформированных конструкций путем введения цементирующих растворов;
- реставрацию кровли собора в первоначальном виде при условии нахождения для этого документальных данных;
- реставрацию фасадов с декоративными рельефами и росписей².

Работы по этому плану были начаты в только июне 1937 г., вследствие уже катастрофического положения собора, и были (в июле) подвергнуты П. Д. Барановским резкой критике за низкое качество исполнения. В подробном заключении он

указывал на недостаточную организацию, когда за научное сопровождение работы по сути отвечала «безответственная» комиссия при производителе работ. П. Д. Барановский отмечал отсутствие предварительного анализа деформаций, точных обмеров и детальной фиксации. Отдельно он высказывался о том, что работы не должны строиться на основании «получаемых из Академии художеств старых чертежей». П. Д. Барановский предлагал сначала произвести раскрытие и очистку сводов собора с чердака, а затем их детальное обследование с подробной фотофиксацией. Отдельно им критиковались позднее начало работ, неопытные каменщики и необеспеченность уже начавшейся реставрации стройматериалом. Замечания П. Д. Барановского были подтверждены собранной комиссией в составе Н. Д. Виноградова, П. С. Касаткина, К. В. Полякова, П. В. Щусева, Н. Н. Воронина, А. В. Столетова, Ревякина (в источнике без инициалов)³.

В 1938 г. президент Академии архитектуры В. А. Веснин предложил П. Д. Барановскому принять научно-техническое руководство работами на Дмитровском соборе⁴, но тот был вынужден отказаться, поскольку Наркомпрос, который финансировал работы, потребовал, чтобы они были окончены в том же году — чего П. Д. Барановский, занятый в работах на других памятниках, а также имевший ограничения на передвижения ввиду судимости по 58 статье, не мог принять.

Активная реставрация Дмитровского собора была возобновлена только в 1941 г., когда в начале июня комиссия Академии архитектуры осмотрела памятник и наметила работы, которые решено было продолжить, несмотря на военное время.

В записке о реставрации памятника, написанной в 1945 г., П. Д. Барановский так описывает этот момент: «В летний и осенний период 1941 года после привлечения меня и архитектора А. В. Столетова был решительно изменен и рационализирован прием прокладки связей, составлен проект и утвержден Ученым советом комиссии по охране памятников Академии архитектуры, и этот проект был выполнен на месте

1 ЦГАМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 17–18.

2 ГНИМА. ОФ 5625/16. Л. 27–29.

3 ГНИМА. ОФ 5625/16. Л. 10–11.

4 ГНИМА. ОФ 5625/16. Л. 17–18.

с просверливанием каналов по периметру стен всего собора. Можно считать, что с этого момента наличием прочных связей и подкруженных сводов памятник обеспечен от катастрофы до полного окончания работ. Ныне для вновь созданной организации — Владимирской реставрационной мастерской — остается по намеченному плану и методу работ выполнить цементацию кладки верхних частей, реставрацию крыш, очистку фасадных рельефов»¹.

В этой же записке он указывал на необходимость привлечения только квалифицированных исполнителей, художников-реставраторов, для расчистки рельефов, а не простых каменщиков, как это было ранее.

В дальнейшем, судя по сохранившимся документам, роль П. Д. Барановского в работе над этим памятником была сведена к участию в комиссиях, обсуждавших проводимые работы.

Помимо этих двух зданий П. Д. Барановский ситуативно участвовал в обследовании и подготовке проектов реставрации некоторых других памятников города. Например, начиная с 1920-х гг. он неоднократно докладывал о состоянии палат Андрея Боголюбского, где происходили разрушения колонн северо-восточной угловой башни. А в 1953 г. П. Д. Барановский пишет заключение на проект реставрации палат, где соглашается со всеми решениями А. В. Столетова, кроме устройства стеклянного колпака внутри кивория².

В 1940-е гг. П. Д. Барановский обследовал Золотые ворота, им были сделаны отдельные кроки и условный проект реконструкции. Он выступал за освобождение ворот от поздних пристроек и вывод оттуда архива НКВД³. В июне 1947 г. он докладывал по вопросу о необходимости реставрации этого памятника на Ученом совете Главного управления охраны памятников, где им были предложены срочные работы, связанные со сносом пристроек, и разработка проекта охранных зон.

В 1946 г. П. Д. Барановский пишет отзыв на проект планировки центра Владимира, который

был составлен архитектором А. И. Кузнецовым⁴. Соглашаясь с основными решениями этого проекта, направленными на охрану ансамбля старой части города, П. Д. Барановский предлагает переработать планировку участков у Золотых ворот и Гостиного двора, минимизируя там новое строительство и оставляя возможность для будущего комплексного археологического изучения этих памятников.

Подводя итог краткому обзору исследований П. Д. Барановским памятников Владимира в 1920–1940-е годы, нужно сказать, что его исследования имели в основном задачу ситуативной оценки состояния объектов. И хотя за ним по сути не числится ни одного исчерпывающего исследования или осуществленного проекта реставрации, но, тем не менее, его регулярное вмешательство в судьбу памятников, особенно в то время, когда система охраны архитектурного наследия в СССР фактически отсутствовала, способствовало накоплению нового материала, а самое главное — благодаря его действиям многие объекты сохранились до нашего времени.

Список литературы

- Барановский П. Д. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР: сб. ст. М.; Л., 1948. С. 13–34.
- Из архива архитектора-реставратора П. Д. Барановского. Т. 3. Смоленская ротонда XII в. / сост.: В. А. Буров, А. А. Оксенюк. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 88 с.: ил.
- Казусь И. А. Архитектор П. Д. Барановский: сохранение и реставрация памятников зодчества Ярославля // Архитектурное наследство. Вып. 63. СПб.: Коло, 2015. С. 188–202.
- Оксенюк А. А. Экспедиции П. Д. Барановского на Русский Север в 1920–1930 гг. // Русское деревянное. Взгляд из XXI века. Архитектура XIV–XIX веков. М., 2015. С. 168–177.
- Оксенюк А. А. К истории формирования современного облика Трапезной палаты Андроникова монастыря // Вестник Сектора древнерусского искусства. 2022. № 2. С. 186–199.

¹ ГНИМА. ОФ 5625/16. Л. 27–28.

² ГНИМА. ОФ 5625/28. Л. 24.

³ ГНИМА. ОФ 5625/11. Л. 7.

⁴ ГНИМА. ОФ 5625/10. Л. 7–15.

Пилик С. А. Наследие Смоленской крепости в трудах Петра Дмитриевича Барановского // Смоленская крепость в годы Великой Отечественной войны. Труды Ивана Хозерова, Петра Барановского, Игоря Белогорцева / науч. ред. и авт. предисл. Д. В. Валуев. Смоленск: Свиток, 2024. С. 87–91.

Седов Вл. В. Церковь Петра и Павла в Смоленске по данным чертежей П. Д. Барановского // Московская Русь: археология, история, архитектура: к 75-летию Леонида Андреевича Беляева / отв. ред. И. И. Елкина; сост.: О. Н. Глазунова, Д. Г. Давиденко. М.: ИА РАН, 2023. С. 36–52.

References

Baranovskiy P. D. Sobor Pyatnitskogo monastyrya v Chernigove // Pamyatniki iskusstva, razrushennye nemetskimi zakhvatchikami v SSSR: sbornik statey. Moscow; Leningrad, 1948. P. 13–34.

Iz arkhiva arkhitekтора-restavratora P. D. Baranovskogo. 3. Smolenskaya rotunda XII v. / comp.: V. A. Burov, A. A. Oksenyuk. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 88 p.: il.

Kazus' I. A. Arkhitekтор P. D. Baranovskiy: sokhranenie i restavratsiya pamyatnikov zodchestva Yaroslavlya // Arkhitekturnoe nasledstvo. 63. St. Petersburg: Kolo, 2015. P. 188–202.

Oksenyuk A. A. Ekspeditsii P. D. Baranovskogo na Russkiy Sever v 1920–1930 gg. // Russkoe derevyannoe. Vzgl'yad iz XXI veka. Arkhitektura XIV–XIX vekov. Moscow, 2015. P. 168–177.

Oksenyuk A. A. K istorii formirovaniya sovremennogo oblika Trapeznoy palaty Andronikova monastyrya // Vestnik Sektora drevnerusskogo iskusstva. 2022. 2. P. 186–199.

Pilyak S. A. Nasledie Smolenskoy kreposti v trudakh Petra Dmitrievicha Baranovskogo // Smolenskaya krepost' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Trudy Ivana Khozerova, Petra Baranovskogo, Igorya Belogortseva / ed. D. V. Valuev. Smolensk: Svitok, 2024. P. 87–91.

Sedov Vl. V. Tserkov' Petra i Pavla v Smolenske po dannym chertezhey P. D. Baranovskogo // Moskovskaya Rus': arkheologiya, istoriya, arkhitektura: k 75-letiyu Leonida Andreevicha Belyaeva / ed. I. I. Elkina; comp.:

O. N. Glazunova, D. G. Davidenko. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2023. P. 36–52

Illustrations

Fig. 1. Dormition Cathedral of the Knyaginina Convent. Measurement sketch of the upper part of the eastern façade. 1924. GNIMA. OF 5625/25. L. 3.

Fig. 2. Dormition Cathedral of the Knyaginina Convent. Sketches of the drum. 1924. GNIMA. OF 5625/25. L. 2.

Fig. 3. Dormition Cathedral of the Knyaginina Convent. View from the north-west during restoration works. 1924. GNIMA. OF 5625/26. L. 3.

Fig. 4. Dormition Cathedral of the Knyaginina Convent. View from the south-east. 1925 (?). GNIMA. OF 5625/26. L. 4.

A. A. Oksenyuk. P. D. Baranovsky's study of monuments in the city of Vladimir from the 1920s to the 1940s

Abstract. This article examines the research and restoration activities undertaken by P. D. Baranovsky in the city of Vladimir between the 1920s and 1940s. His work primarily involved surveying the condition of historical monuments and overseeing restoration efforts. In certain cases, such as the Dormition Cathedral of the Knyaginina Convent, Baranovsky's decisions significantly impacted the monument's appearance. During the 1940s, while employed by the Main Directorate for the Protection of Monuments, he provided expert evaluations and comments on restoration proposals for landmarks, including the Cathedral of St. Demetrius, the Golden Gate, and the Chambers of Andrei Bogolyubsky, advising on other architects' projects.

Keywords: Vladimir, Medieval Rus' architecture, P. D. Baranovsky, monument restoration, Knyaginina Convent, Cathedral of St. Demetrius, Golden Gate.

Oksenyuk Anatoliy Anatolievich, candidate of history, deputy director for research, Shchusev State Museum of Architecture, 5/25 Vozdvizhenka St., 119019 Moscow, Russian Federation, oksenuk2@yandex.ru.

Архитектурно-археологические раскопки византийского храма в округе Сугдеи, проведенные Б. Н. фон Эдингом в 1910 г.

В. В. Майко

 ИМЯ историка русского искусства, педагога и музейного работника Бориса Николаевича фон Эдинга и его вклад в развитие и становление архитектурной археологии сейчас достаточно хорошо известны (*Злочевский*, 2013. С. 172–187). Проанализированы причины его увлечения древнерусской архитектурой, связанные с местом рождения в Ростове Великом и школьными каникулами у бабушки, заочным знакомством с И. Э. Грабарем, постоянным контактом со старшим братом Дмитрием, археологом, — все то, что способствовало поступлению юного Бориса в 1908 г. на историко-филологический факультет Московского Университета.

Уже на первых курсах в ходе обучения Борис Николаевич находился в постоянном контакте с И. Э. Грабарем, который стал, по сути дела, его научным руководителем. Именно тогда одним из серьезнейших занятий юного ученого стала не только древнерусская архитектура, но и фресковая живопись.

Нам, к сожалению, не до конца известны причины его командировки Московским Императорским археологическим обществом в 1910 г. в Судак для раскопок христианского храма в урочище Димитраки. Вероятно, ответ может найтись в протоколах заседаний этого одного из крупнейших археологических учреждений России. Очевидно, в 1908 г. об обнаружении этих развалин и большого количества сопутствующей фресковой росписи в Общество поступила соответствующая информация — и, с учетом известной увлеченности юного Бориса христианской архитектурой, было принято такое решение.

[HTTPS://DOI.ORG/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.198-206](https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.198-206)

Аннотация. В 1910 г. студентом Московского университета, впоследствии известным московским историком искусства и знатоком древнерусской архитектуры Б. Н. фон Эдингом были проведены архитектурно-археологические раскопки византийского храма XIII–XIV вв. в урочище Димитраки, расположенного на побережье в 1 км к западу от средневековой Сугдеи. Эти раскопки оказались совершенно забытыми и только коротко упоминались в литературе с ошибочным авторством. Считалось, что проводил их Д. Н. фон Эдинг. Однако сохранившиеся в ОПИ ГИМ дневник исследований и другая экспедиционная документация позволяют восстановить не только историческую справедливость, но и все этапы работы по выявлению плана сооружения. Исходя из тщательности и масштабности работ, можно сделать выводы о методике зачисток в археологическом слое заполнения объекта уникального комплекса дошедшей до нас фресковой росписи. Этот комплекс, сохранившийся в фондах ГИМ, представлен 109 фрагментами. Сделан вывод о значении этих небольших раскопок для становления методических приемов архитектурной археологии, а также для датировки поздневизантийских храмов Таврики.

Ключевые слова: Б. Н. фон Эдинг, 1910 г., монастырь Димитраки, храм, комплекс фресок, периодизация храмов.

Майко Вадим Владиславович — доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН, проспект Академика Вернадского, 2, Симферополь, Российская Федерация, 295007, vadimmaiko1966@mail.ru.

Об этой экспедиции до сего дня практически ничего не было известно. Из опубликованных протоколов заседаний Таврической ученой архивной комиссии мы знали, что на заседании 13 ноября 1910 г. было доложено письмо члена комиссии Л. П. Колли о том, что в 1910 г., как и в 1909 г., студент фон Эдинг проводил раскопки в Судаке на участке Судакской казенной лесной дачи, по поручению Императорского Московского археологического общества. Одной строкой говорится, что были открыты неизвестная христианская церковь и остатки мельницы, а в ходе раскопок собрано три ящика находок, увезенных в Москву (Протоколы заседаний ... , 1911. С. 127).

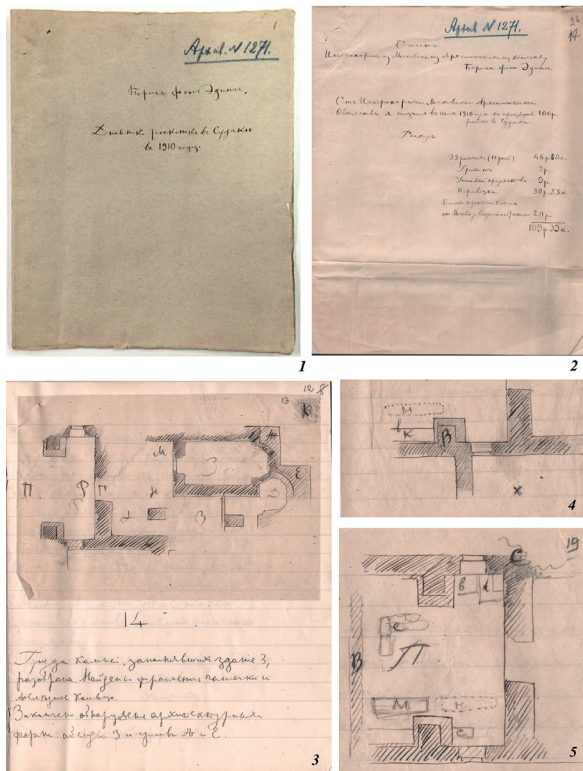
Эта скудная информация без указания имени руководителя работ и точной датировки начала их производства не так давно побудила отечественных ученых совершенно однозначно связывать эти работы с урочищем Димитраки к западу от Судака, считать автором исследований Дмитрия Николаевича фон Эдинга, старшего брата Бориса, и говорить о том, что они продолжались два года, в 1909 и 1910 гг. (Джанов, 2010. С. 569–570). В этом до 2023 г. были уверены все исследователи средневековой Сугдеи и юго-восточного Крыма в целом, в том числе и автор данной статьи (Майко, Джанов, 2015. С. 106–107; Майко, 2019а. С. 255–256). Поскольку имени указано не было, а оба брата в 1909 и 1910 гг. являлись студентами, но Дмитрий — на три курса старше, невозможно было предположить, что такой молодой и менее опытный в сравнении со старшим братом специалист, как Борис, мог осуществить самостоятельные раскопки.

Но действительность оказалась такова. В 2023 г. в отделе письменных источников Государственного исторического музея было случайно обнаружено дело «Отчет Б. Эдинга о производстве раскопок в Судаке и дневник раскопок. 1910 г. 31 л.» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. № ГИМ 86047/68. Арх. 1271). В составе этого дела находятся подробный дневник производства раскопок в Судаке в 1910 г. (ил. 1: 1), опись фресок и предметная опись всех находок, а также финансовый отчет. Появилась возможность не только установить автора первых археологических исследований средневековой Сугдеи, проследить ход раскопок с примененной архитектурно-археологической методикой, в том числе и по

зачистке фрескового материала, но и впервые опубликовать сами фрагменты фресок.

Из дневниковых записей совершенно ясно, что раскопки происходили с 29 июля по 26 августа 1910 г., а ранее, в 1908 г., на этом месте неизвестным лицом была обнаружена стена храма и зафиксированы фрагменты фресок. Важным указанием, данным уже в первых записях, стало описание стратиграфии культурных напластований. Отмечено наличие крупного каменного завала, земли и слоя извести, связанных с разрушением объекта и перекрывших непосредственно сами фрески, залегавшие сплошным тонким слоем. Этот слой фресок был разбит на три участка в зависимости от близости к конкретным стенам, откуда они упали. Б. Н. фон Эдинг, ввиду важности находки, производил разборку фресок самостоятельно и, как он пишет, чрезвычайно тщательно. Скупые строки дневника, тем не менее, однозначно свидетельствуют о том, что следы фресковой росписи фиксировались непосредственно на поверхности стены, отделяющей храм от притвора. Эти фрески были переведены на кальку. Добавим, что в ходе работ в притворе возле входа в храм были обнаружены также три камня с фресками на тонком слое штукатурки. Помимо этого отмечались многочисленные завалы фрагментов фресок в притворе и возле западной стены в самом храме.

Тщательно и с соблюдением масштаба выполненные, хотя и дневниковые, поэтапные чертежи раскрытия церкви позволяют проследить те конструктивные ее элементы, которые при дальнейших раскопках 1926 и 1982 гг. уже не обнаруживались. Не повторяя описание самого храма, довольно подробно опубликованное (Баранов, 2010), сконцентрируем внимание именно на них. Прежде всего, это центральная апсида большой базилики, зачищенные контуры которой имеют полукруглые очертания и с внешней, и с внутренней стороны (ил. 1: 3). Никаких намеков на грани центральной апсиды нет, исходя из чего ее подобная реконструкция, предпринятая И. А. Барановым (Майко, Джанов, 2015. Рис. 38), не имеет аргументации. Во-вторых, совершенно отчетливо видно, что апсида малого храма-часовни перекрывает апсиду большой базилики и никакой церкви, предшествующей возведению большого храма, нет. При этом северная стена поздней

Ил. 1. Раскопки византийского храма в округе Сугдеи в 1910 г.: 1 — титульная страница дневника раскопок; 2 — смета расходов экспедиции; 3–5 — страницы из дневника с описанием хода исследований

часовни четко перекрывает предшествующую северную стену большой базилики. Последняя, с небольшим цоколем на внутреннем южном панцире, выступает в качестве ее основания.

В дневнике тщательно описаны могилы, исследованные в ходе раскопок. Таких могил было раскопано три (ил. 1: 4, 5). В одной из них, с остатками деревянных балок и гвоздей, было зафиксировано бронзовое кольцо, а в другой — монета. Упоминается о находках декоративных крестиков при раскопках северной стены. Не исключено, что речь идет о фиалостомиях, но более конкретно Б. Н. фон Эдинг об этом не пишет.

Помимо этого, автором раскопок упоминались многочисленные фрагменты глиняных сосудов, вероятно кухонных, даже небольшие развалы, а также многочисленные черепки больших глиняных сосудов — все же, вероятно, амфор, но возможно, и пифосов.

Интересной деталью является присутствующий в материалах отчета необходимый финансовый отчет о проведенных работах. Он уместился на половине стандартного листа (ил. 1: 2). Приведем его полностью в современной орфографии.

Отчет
Императорскому Московскому
Археологическому обществу
Бориса фон Эдинга

От Императорского Московского
Археологического общества я получил в июле
1910 года на производство работ в Судак 100 р.

Расход

39 рабочих (11 дней) 46 р. 80 к.

Грохот 3 р.

Упаковка предметов 9 р.

Перевозка 30 р. 55 к.

Билет третьего класса

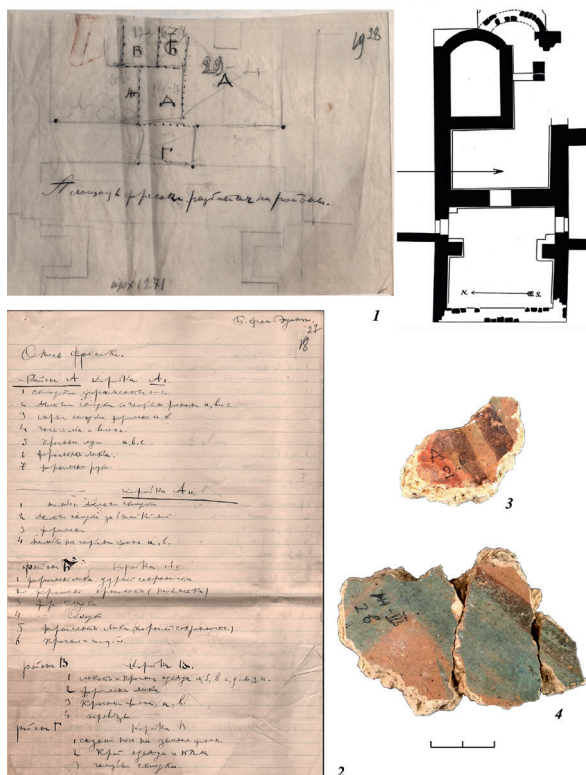
от Москвы до Феодосии и обратно 20 р.

109 р. 35 к.

Важнейшей составляющей отчета является подробная опись всех обнаруженных фресок (ил. 2: 2). Судя по всему, это те фрески, которые были зачищены компактным завалом возле внутреннего панциря западной стены храма и непосредственно в проеме входа на специально разбитых секторах А–Д, Ж (ил. 2: 1). Разбивка на сектора предполагала, очевидно, упрощение процесса склейки и максимально полной реконструкции сюжетов того или иного участка стены.

Подсчитать общее количество фрагментов фресок этого участка непросто. В описи многие из них имели один и тот же номер с буквенным обозначением. Вероятно, склеивающиеся фрагменты, или, как считал Б. Н. Эдинг, относящиеся к одному сюжету, нумеровались одним номером. В итоге в описи значится 84 номера находок, но если учитывать буквенные обозначения, то их уже 142. Совершенно точно некоторые экземпляры были склеены, так что общее количество несомненно сократилось. Судя по этой описи, все они, скорее всего, и были сданы в Государственный исторический музей.

Действительно, в фондах ГИМ под номером ГИМ 17558 Оп. В 2408 значатся 109 фрагментов

Ил. 2. Раскопки византийского храма в округе Сугдеи в 1910 г.: 1 — схема локализации фресковых завалов и их месторасположение на плане храма; 2 — опись фресок; 3, 4 — фрагменты фресок с сохранившимся шифром Б. Н. фон Эдинга, позволившим их идентифицировать

фресок из Таврической губернии (г. Судак, раскопки Б. Эдинга). Однако, исходя из книги поступлений, приняты они были в дар от Императорской Археологической комиссии в 1888 г. и числятся как сборы Б. Эдинга в Судак и Кутлуке глиняных предметов и фрагментов фресок 1886 г. Эта коллекция уже упоминалась в литературе (Майко, 2019а. С. 255–256), но на основании вышеуказанной информации высказывалось сомнение в принадлежности их именно этому храму. Причину этой явной ошибки пока установить не удалось. Тем не менее сомнений в том, что это именно те фрески, которые были обнаружены Б. Н. фон Эдингом при раскопках 1910 г., нет. На некоторых из них сохранились довольно сложные шифры, состоящие из русских прописных и печатных букв, римских и арабских цифр (ил. 2: 3, 4). Эти шифры

полностью соответствуют тем, которые приведены в описи фресок в отчете. К великому сожалению, шифры сохранились всего на нескольких фрагментах, и оттого полностью восстановить состав находок из того или иного сектора (именно то, чего добивался Б. Н. фон Эдинг) сейчас невозможно.

Исходя из этого, в настоящий момент все фрески можно рассматривать только целиком, без какого-либо дробного членения. Попытаемся это сделать, прекрасно осознавая, что действительный искусствоведческий анализ сохранившихся сюжетов и датировка фресок — дело будущих специальных исследований.

Обратим внимание на фрагменты сохранившихся ликов (ил. 3: 1–6), отмечая очень сходные по манере исполнения юношеские (ил. 3: 3, 4), в том числе без нимба (ил. 3: 2). Встречены и довольно многочисленные фрагменты примерно одинаковой цветовой гаммы с остатками нимбов больших или меньших размеров (ил. 3: 7–15). Несколькими экземплярами представлены фрагменты фресок, на которых сохранились изображения пальцев рук святых (ил. 4: 1–3), монограмм имен, в том числе в нимбе, или отдельных букв надписей (ил. 4: 4–6). Многочисленны и довольно крупные фрагменты с разнообразными орнаментальными мотивами (ил. 4: 7–15; 5: 1–8). Выделяется крупный фрагмент, склеивающийся из пяти более мелких, с изображением святого в тунике вправо с простертой правой и согнутой в локте левой рукой (ил. 5: 9).

В полевой документации Б. Н. фон Эдинга сохранилась и предметная опись всех взятых находок, распределенных по четырем ящикам. Из всех находок, включавших и каменные архитектурные детали, в том числе с орнаментами, и керамику, и антропологические, и индивидуальные находки, а самое главное — четыре камня с фресками и четыре крупных фрагмента штукатурки с фресками, не обнаружено пока ничего. Вероятнее всего, сохранились только 8 коробок с фресками из ящика III и ящика IV, а также около десяти мелких фрагментов поливной керамики второй половины XIV — первой половины XV в. (Тесленко, Майко, 2020) и стеклянный поддон сосуда (ил. 6: 3–8). При этом есть все же остатки надежды на то, что остальные находки не были выброшены и еще ожидают своего «открытия» в фондах ГИМ.

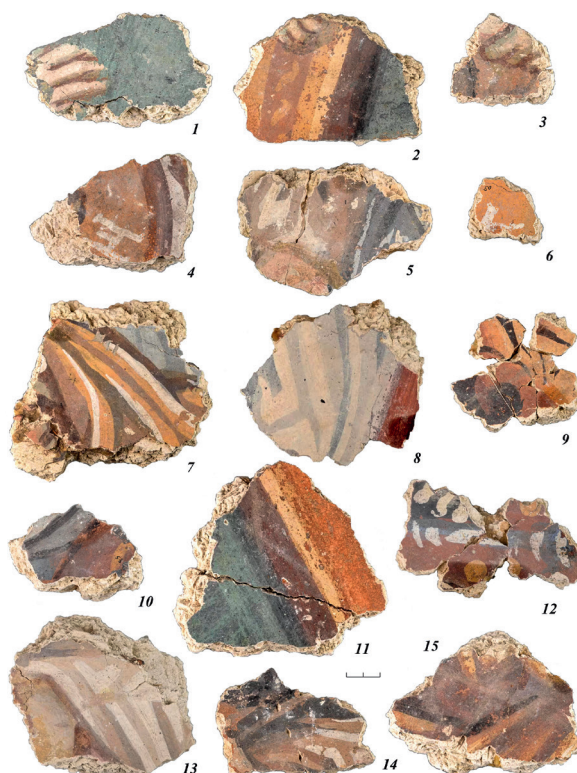

Илл. 3. Раскопки византийского храма в округе Сугдеи в 1910 г.: коллекция фресковой росписи.

1–6 — фрагменты с изображением лиц;
7–15 — фрагменты с изображением нимбов

Сказанное справедливо и по отношению к полевой документации, отсутствующей в проанализированном деле, а именно калькам с прорисовками фресок, зафиксированных на стенах храма. Напомним, что Б. Н. фон Эдинг упоминает их в своем дневнике. Не исключено, что они могут оказаться и в музейных собраниях Москвы или Ростова Великого.

По итогам работ Борисом Николаевичем был составлен план открытого им храма, выгодно отличающийся точностью прорисовок и всеми отмеченными архитектурными особенностями (ил. 6: 1). Точность этого плана полностью подтверждается планом 1926 г., составленным А. А. Фоминым при участии инженера Д. М. Тартаковского (Майко, 2019а. С. 256. Рис. 1) (ил. 6: 2). Становятся понятными большой объем и качество произведенных в 1910 г. исследований и те детали, которые были открыты в ходе зачисток 1926 г.

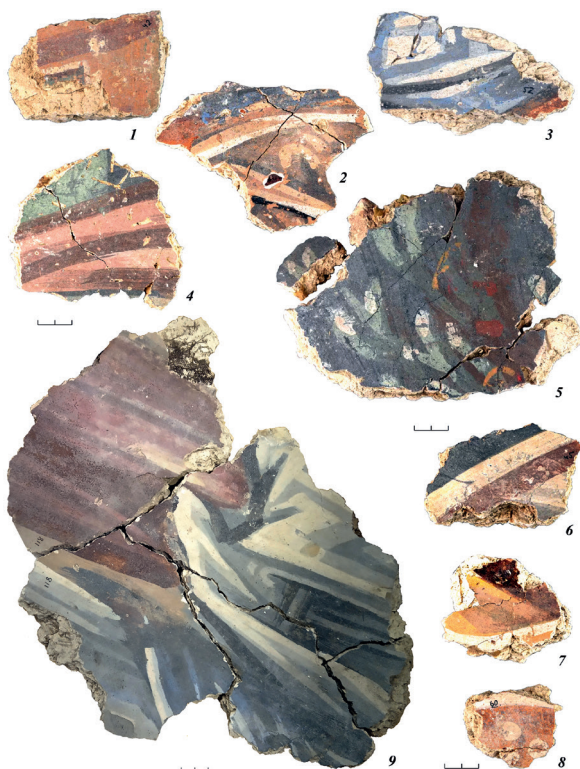
Илл. 4. Раскопки византийского храма в округе Сугдеи в 1910 г.: коллекция фресковой росписи.

1–3 — фрагменты с изображением рук; 4–6 — фрагменты с изображением букв и инициалов святых;
7–14 — фрагменты с орнаментальными мотивами

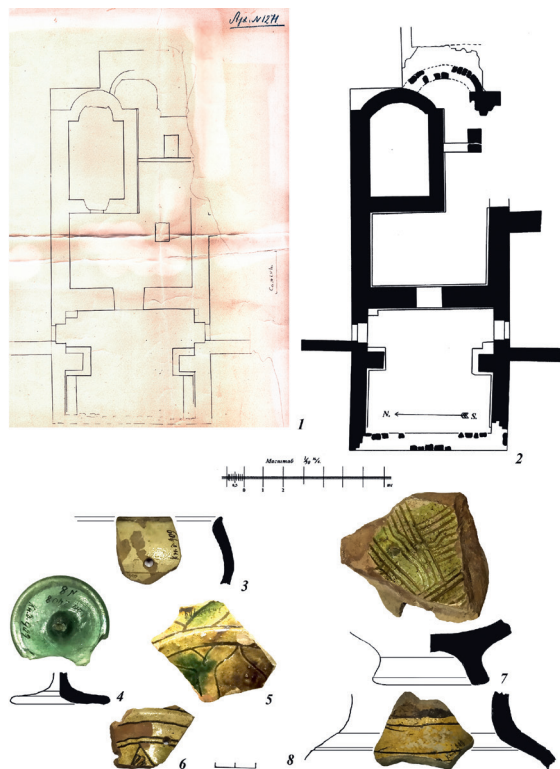
Итоги работ показали Борису Николаевичу чрезвычайно важными. В архиве Ростово-Ярославского архитектурно-художественного музея-заповедника сохранился черновик его письма, датированного, вероятно, 1911 г. и адресованного Московскому Императорскому археологическому обществу (РЯМЗ КП-59765. АД-5659). Приведем его отрывки в современной орфографии.

В Императорское Московское
археологическое общество
от Бориса Николаевича фон Эдинга
прошение

Чсть имею просить Императорское Московское археологическое общество разрешить мне произвести раскопки: 1) в городе Ростове Ярославской губернии на части городской площади, заключенной между задней стеной городской думы ограды

Ил. 5. Раскопки византийского храма в округе Сугдеи в 1910 г.: коллекция фресковой росписи.
1–8 — фрагменты с орнаментальными мотивами;
9 — крупный фрагмент с изображением святого в тунике

Ил. 6. Раскопки византийского храма в округе Сугдеи в 1910 г.: 1 — итоговый план храма 1910 г. Б. Н. фон Эдинга; 2 — план храма, составленный в 1926 г. А. А. Фоминым; 3–8 — археологический материал XIV–XV вв. из раскопок 1910 г.

церквей Борисоглебской и Николаподозерной и невысокой оградой, примыкающей к угловой юго-восточной башне Кремля; 2) в Судак Таврической губернии продолжить и закончить раскопки 1910 г. на 8 участке Судакской казенной лесной дачи.

Следующие соображения побуждают меня предложить Императорскому Московскому археологическому обществу произвести раскопки в Ростове... В виду вышеизложенного имею честь просить Им. М. Ар. Общест. исхлопотать для меня открытый лист для работ в Ростове и Судак и оказать денежную поддержку: в размере ста пятидесяти рублей для работы в Ростове и двухсот рублей для окончания работ в Судак.

С совершенным почт. Борис фон Э.
Адрес.
Подпись.

Поскольку раскопки в Судак в 1911 г. не состоялись, в прошении было отказано частично, так как работы в Ростове Великом все же были произведены. Через год, в 1912 г., Борис Николаевич окончил университет и был оставлен на факультете для подготовки к научной деятельности при кафедре теории и истории искусства. В этом же году и до 1916 г. он был помощником хранителя при Отделении изящных искусств Румянцевского музея. Все мысли и свободное время молодого ученого занимала подготовка трех монографий по истории русских городов: 1) Ростов Великий — Углич; 2) Ярославль — Романов-Борисоглебск (ныне Тутаев); 3) Кострома. Первая из них — «Ростов Великий. Углич: памятники художественной старины» — увидела свет как выпуск первый (к сожалению, единственный) в серии «Русские города — рассадники искусства: собрание

иллюстрированных монографий», задуманной И. Э. Грабарём (Злочевский, 2013. С. 172–187). Книга вышла большим для своего времени тиражом — 8 тысяч экземпляров. Продолжал Борис Николаевич интересоваться и фресками. В 1914 г. в журнале «София» вышла его заметка об открытии фресок XVI–XVII вв. в соборном храме Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде (Там же). Конечно же, сил заняться подготовкой к публикации материалов раскопок Судака не было. Будем откровенны в том, что с течением времени они все меньше и меньше интересовали Б. Н. фон Эдинга. А затем — трагические и страшные годы революции и гражданской войны, когда приходилось выживать, и преждевременная смерть в 1919 г.

Тем не менее память о Борисе Николаевиче фон Эдинге как исследователе византийской храмовой архитектуры Таврики осталась. Блестяще произведенные раскопки 1910 г. позволили разобраться в периодизации храмов монастыря в урочище Димитраки и установить аргументированную хронологию их возведения.

После раскопок 1926 г. А. А. Фомина и, в особенности, масштабных работ 1982 г. И. А. Баранова в литературе утвердилась точка зрения о том, что в данном комплексе культовых построек первоначально сооружается небольшой одноапсидный храм, перекрытый затем большой крестово-купольной постройкой, которую, в свою очередь, перекрывает небольшая часовня. Последняя, исходя из нумизматического материала, четко датировалась первой половиной XIV в. (Баранов, 2010. С. 603, 609; Майко, Джанов, 2015. С. 106–107; Майко, 2019. С. 258). Постройка же первоначальной церкви и большого храма относилась к середине — второй половине XII в. Одним из аргументов в пользу этого были найденные при работах 1982 г. в заполнении привратной башни монастырской ограды многочисленные керамические квадрифолии (фиалостомии) (Баранов, 2010. С. 606, 608. Рис. 7, 8). Анализ этих элементов украшения фасада византийских храмов в Крыму — тема особого исследования. Здесь же коротко отметим, что фиалостомии, как правило, украшающие полуциркульные завершения окон или декоративных ниш, аркады барабанов и других элементов

построек (Заворина, Мальцева, 2021. С. 106–107), были переняты из средневизантийской архитектуры южной и, вероятно, северной Греции. Наибольшее же распространение они получили в некоторых областях Македонии (Там же. С. 110). Специалисты обоснованно считают, что это была провинциальная традиция, которая процветала в поздневизантийский период, после того как Константинополь перестал быть ведущим художественным центром (Maltseva, Zavorina, 2022. Р. 48–49). Среди украшенных фиалостомиями храмов — церковь Св. Николая в Прилепе (Заворина, Мальцева, 2021. С. 107. Ил. 8), которая датируется 1298 г., а окна южного фасада церкви Успения Богородицы Монастыря в Любостины — вообще 1385 г. (Trkulja, 2011. С. 246. Fig. 15).

Раскопки же 1910 г. неопровержимо, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что первоначально сооружается большой крестово-купольный храм с большим притвором и одной полукруглой апсидой. Немногочисленный археологический материал, представленный красноглиняной поливной керамикой группы Nowy Svet Ware (Баранов, 2010. С. 609. Рис. 10: 9), позволяет датировать его строительство третьей четвертью XIII в. Именно так, исходя из современных разработок, определяется время наиболее массового поступления этой импортной, византийской группы керамики в восточную Таврику (Майко, 2016. С. 107–111). Подобное масштабное строительство именно в этот хронологический период не должно удивлять. Напомним, что третьей четвертью XIII в. датируется и величественный трехапсидный храм у подножия горы Килиса-Кая, также в Судакском регионе (Майко, 2019б). Оба этих храма являлись центрами крупных монастырей. Уже позже, возможно, в связи с разрушением первоначального большого крестово-купольного храма, располагавшегося слишком близко к береговой полосе, в его северо-восточном углу сооружается небольшая одноапсидная часовня. Нам остается добавить, что единственным известным нам монастырем, упомянутым в заметках на полях Сугдейского синаксаря, являлся монастырь Богородицы Скутариотиссы (Щитодержательницы), где долгое время и находился этот важнейший для истории Судака пись-

менный памятник (Джанов, 2010. С. 573). Не исключено, что раскопанные Б. Н. фон Эдингом архитектурно-археологические сооружения и являются остатками этого монастыря.

Таким образом, мы попытались показать значимость работ 1910 г., блестяще проведенных совсем молодым, но талантливым специалистом. Они важны, как нам кажется, не только для установления архитектурных особенностей и периодизации монастырского комплекса в урочище Димитраки в восточном Крыму, но и для всей византийской архитектурно-археологической христианской проблематики полуострова. Очевидно, что в анализе результатов работ Бориса Николаевича фон Эдинга 1910 г. рано ставить точку. Необходимо решить еще много важных вопросов, которые мы коротко попытались обрисовать в этой статье.

Список литературы

- Баранов И. А. Раскопки на мысе Димитраки в 1982 г. // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев; Судак: Горобец, 2010. С. 601–617.
- Джанов А. В. Монастырь на мысе Димитраки // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев; Судак: Горобец, 2010. С. 569–573.
- Заворина М. Л., Мальцева С. В. Фасадный декор в Эпирской архитектурной традиции: единство принципов и многообразие средств // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2021. № 2 (17). С. 99–113.
- Злочевский Г. Д. Влюбленный в древнерусское искусство (к 125-летию со дня рождения Б. Н. фон Эдинга) // Альманах библиофила. 2013. Вып. 36. С. 172–187.
- Майко В. В. Керамика Восточного Крыма второй половины X — XIII вв. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. 212 p.
- Майко В. В. Роль А. А. Фомина в становлении археологических исследований средневековой Сугдеи // Коллекции театральной книги: к 150-летию Александра Александровича Фомина / [сост. А. А. Колганова; ред. Е. Н. Глаголева]. М.: РГБИ, 2019а. С. 247–263.
- Майко В. В. Христианский храм у подножия горы Килиса-Кая возле Судак // Византия в контексте мировой культуры. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2019б. С. 281–303. (Тр. Гос. Эрмитажа; т. XCIX).

Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал, 2015. 448 с.

Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии: Заседание 13 ноября 1910 года. // ИТУАК. 1911. № 45. С. 119–130.

Тесленко И. Б., Майко В. В. Керамический комплекс позднесредневековых усадеб в портовой части Судак (по материалам раскопа VI, 2006–2010 гг.) // История и археология Крыма. 2020. Т. XII. С. 291–332.

Maltseva S. V., Zavorina M. L. Late Byzantine Architectural Ceramics of Epirus and Macedonia // Art and Science Applied: Experience and Vision. Thematic Proceedings. Selection of papers from the Second International Conference of the Faculty of Applied Arts in Belgrade. Belgrade: University of Belgrade, 2022. P. 38–58.

Trkulja J. Divine Revelation Performed: Symbolic and Spatial Aspects in the Decoration of Byzantine Churches // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси / под ред. А. М. Лидова. М.: Индрик, 2011. С. 213–246.

References

- Baranov I. A. Raskopki na myse Dimitraki v 1982 g. // Sugdeyskiy sbornik. IV. Kiev; Sudak: Gorobets, 2010. P. 601–617.
- Dzhanov A. V. Monastyr' na myse Dimitraki // Sugdeyskiy sbornik. IV. Kiev; Sudak: Gorobets, 2010. P. 569–573.
- Maltseva S. V., Zavorina M. L. Late Byzantine Architectural Ceramics of Epirus and Macedonia // Art and Science Applied: Experience and Vision. Thematic Proceedings. Selection of papers from the Second International Conference of the Faculty of Applied Arts in Belgrade. Belgrade: University of Belgrade, 2022. P. 38–58.
- Mayko V. V. Keramika Vostochnogo Kryma vtoroy poloviny X — XIII vv. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. 212 p.
- Mayko V. V. Rol' A. A. Fomina v stanovlenii arkheologicheskikh issledovaniy srednevekovoy Sugdei // Kollektii teatral'noy knigi: k 150-letiyu Aleksandra Aleksandrovicha Fomina / [comp. A. A. Kolganova; ed. E. N. Glagoleva]. Moscow: Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka iskusstv, 2019a. P. 247–263.
- Mayko V. V. Khristianskiy khram u podnozhia gory Kilisa-Kaya vozle Sudaka // Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury. St. Petersburg: izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2019b. P. 281–303. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha; XCIX).

- Mayko V. V., Dzhanov A. V. Arkheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym. Simferopol': Arial, 2015. 448 p.
- Protokoly zasedaniy Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii: Zasedanie 13 noyabrya 1910 goda. // Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii. 1911. 45. P. 119–130.
- Teslenko I. B., Mayko V. V. Keramicheskyy kompleks pozdnesrednevekovykh usadeb v portovoy chasti Sudaka (po materialam raskopa VI, 2006–2010 gg.) // Istoriya i arkhologiya Kryma. 2020. XII. P. 291–332.
- Trkulja J. Divine Revelation Performed: Symbolic and Spatial Aspects in the Decoration of Byzantine Churches // Prostranstvennyye ikony. Performativnoe v Vizantii i Drevney Rusi / ed. A. M. Lidov. Moscow: Indrik, 2011. P. 213–246.
- Zavorina M. L., Mal'tseva S. V. Fasadnyy dekor v Epirskoy arkhiturnoy traditsii: edinstvo printsipov i mnogoobrazie sredstv // Voprosy vseobshchey istorii arkhiturnoy. 2021. 2 (17). P. 99–113.
- Zlochevskiy G. D. Vlyublennyy v drevnerusskoe iskusstvo (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya B. N. von Edinga) // Al'manakh bibliofila. 2013. 36. P. 172–187.

Illustrations

- Fig. 1. Excavations of a Byzantine temple in the surroundings of Sugdeja in 1910: 1 — title page of the Excavation Diary; 2 — expedition cost estimate; 3–5 — pages from the Diary describing the progress of research
- Fig. 2. Excavations of a Byzantine temple in the surroundings of Sugdeja in 1910: 1 — scheme for localizing fresco rubble and their location on the temple plan; 2 — inventory of frescoes; 3, 4 — fragments of frescoes with the preserved cipher of B. N. von Eding, which made it possible to identify them
- Fig. 3. Excavations of a Byzantine temple in the surroundings of Sugdeja in 1910: a collection of fresco paintings. 1–6 — fragments depicting the faces of the saints; 7–15 — fragments depicting the halos
- Fig. 4. Excavations of a Byzantine temple in the surroundings of Sugdeja in 1910: a collection of fresco paintings. 1–3 — fragments with the image of hands; 4–6 — fragments depicting the letters and initials of the saints; 7–14 — fragments with ornamental motifs

Fig. 5. Excavations of a Byzantine temple in the surroundings of Sugdeja in 1910: a collection of fresco paintings. 1–8 — fragments with ornamental motifs; 9 — a large fragment depicting the saint in a tunic

Fig. 6. Excavations of a Byzantine temple in the surroundings of Sugdeja in 1910: 1 — the final plan of the temple of 1910 by B. N. von Eding; 2 — the plan of the temple, compiled in 1926 by A. A. Fomin; 3–8 — archaeological material of the XIV–XV centuries from excavations of 1910

Maiko V. V. Architectural and archaeological excavations of B. N. von Eding of a church in the surroundings of Sugdeja in 1910

Abstract. In 1910, a student at Moscow University, later a well-known Moscow art historian and connoisseur of ancient Russian architecture, B. N. von Eding carried out architectural and archaeological excavations of the Byzantine temple of the XIII–XIV centuries in the tract Dimitraki, located on the coast 1 km west of medieval Sugdeja. These excavations turned out to be completely forgotten and were only briefly mentioned in literature with erroneous authorship. It was believed that D. N. von Eding conducted them. However, the research diary and other expeditionary documentation preserved in the Department of Written Sources of the State Historical Museum make it possible to restore not only historical justice, but also all stages of work to identify the construction plan. Based on the thoroughness and scale of the work, conclusions can be drawn about the method of stripping in the archaeological layer of filling the object with a unique complex of fresco painting that has reached us. This complex, preserved in the funds of the State Historical Museum, is represented by 109 fragments. It was concluded about the significance of these small excavations for the formation of methodological methods of architectural archeology, as well as for dating the late Byzantine temples of Taurika.

Keywords: B. N. von Eding, 1910, Dimitraki Monastery, temple, complex of frescoes, periodization of temples.

Maiko Vadim Vladislavovich, doctor of history, director of Institute of Archeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, 2 Vernadsky Ave., 295007 Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation, vadimmaiko1966@mail.ru.

Обзор материалов из домашнего архива Н. Н. Воронина, поступивших в Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник

Т. А. АКИМОВА

В КОНЦЕ 2023 г. собрание Владимиро-Суздальского музея-заповедника пополнилось значительным количеством предметов из домашнего архива нашего земляка — известного советского историка архитектуры, археолога, доктора исторических наук Николая Николаевича Воронина (*Черепнин, 1975; Средневековая ... , 1976; Формозов, 2004; Макаров, 2019*). Эта обширная часть наследия семьи была передана в дар музею Галиной Игоревной Ивановой — наследницей Ворониных.

В состав переданных материалов входят различные группы предметов, такие как мебель, личные вещи, картины и рисунки, книги по истории, истории искусства и архитектуры — многие с автографами авторов, письма, почтовые открытки, фотографии, начиная с 1900-х гг. и по 1970-е гг., а также редкие, весьма старые и совершенно новые (дополненные) издания книг Н. Н. Воронина.

Из мебели следует назвать хорошо сохранившиеся книжный шкаф (ориентировочно конца XIX — начала XX в.) и полки (40–50-е гг. прошлого столетия). Хотя эти предметы малоинформативны с точки зрения формирования образа их владельца, они являются, тем не менее, яркими свидетельствами уже достаточно отдаленного времени. Из личных вещей Г. И. Иванова передала в дар музею шляпу, трость и этюдник Н. Н. Воронина — те, самые, что сопровождали своего владельца в его

[HTTPS://DOI.ORG/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.207-210](https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-483-8.207-210)

Аннотация. Статья посвящена обзору новых материалов, поступивших в Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник из домашнего архива семьи Ворониных. Освещены основные категории предметов и документов, оказавшихся в распоряжении музея благодаря дару наследницы Н. Н. Воронина-старшего — Г. И. Ивановой, рассмотрены основные характеристики и особенности разных предметов и документов этой значимой части наследия ученого.

Ключевые слова: Н. Н. Воронин, ученый, археолог, дар, архив, наследие, архитектура, Боголюбовский архитектурный ансамбль, рисунки.

Акимова Татьяна Александровна — кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, ул. Б. Московская, 43, Владимир, Российская Федерация, 600000, akimova.t@vladmuseum.ru.

Ил. 1. Рисунок без авторского названия, изображающий церковь Бориса и Глеба в Кидекше. Зарисовка деталей: фрагмент фасада и апсиды. Бумага, карандаш. 20 × 15 см. Н. Н. Воронин, 1938 г. Рисунок из домашнего архива Н. Н. Воронина

многочисленных экспедициях и путешествиях, когда он, будучи и талантливым ученым, и художественно одаренным наблюдательным человеком рисовал, чертил, писал красками.

Небольшой складной будильник и портсигар — также неизменные спутники Н. Н. Воронина дома и в поездках. Последний из этих небольших по размеру предметов украшен изображениями животных: гончей собаки с одной стороны и пары куропаток — с другой. Известно, что Николай Николаевич был охотником, поэтому подобные изображения весьма характерны, ибо отражают одно из его пристрастий.

Большая группа поступившего в музей наследия Н. Н. Воронина — это его картины и рисунки разных периодов жизни. Вначале следует отметить пять картин, выполненных приблизительно в тридцатые годы XX в., тех самых, что на-

Ил. 2. «Боголюбовский двор». Реконструкция архитектурного ансамбля XII в. в Боголюбове. Бумага, карандаш. 15 × 19,5 см. Н. Н. Воронин, 1938 г. Рисунок из домашнего архива Н. Н. Воронина

ходились непосредственно над столом ученого и, видимо, имели для него особое значение. Три полотна написаны маслом, два — акварелью. Это пейзажи: виды церкви на фоне природы и изображения золотого осеннего леса и березовой рощи, отражающейся в водах тихой реки, а также сосновой опушки близ озера на фоне туманных оврагов и перелесков.

Значимыми с точки зрения профессиональной деятельности Н. Н. Воронина являются рисунки, сделанные во время его экспедиций 1938 г. по изучению древнерусской архитектуры Владимиро-Суздальской земли. Это общее изображение церкви Бориса и Глеба в Кидекше и прорисовки деталей ее фасада, фиксирующие состояние архитектурного памятника на тот момент (ил. 1). Важен сохранившийся в одной из папок рисунок с прежде неизвестным вариантом реконструкции Боголюбовского ансамбля (тут отсутствует одна из башен боковых галерей) (ил. 2). Интересна и серия зарисовок лета 1921 г., выполненных в Собинском районе Владимирской области. Здесь имеются как изображения церквей на фоне природы, отдельных архитектурных элементов, так и пейзажи, которые привлекли внимание молодого Н. Н. Воронина (можно назвать, в частности, рисунки Волосовского монастыря и его окрестностей).

Замечательны две акварели 1927 и 1929 гг.: с изображением Суздаля и церкви Покрова на Нерли. Обе композиции интересны, помимо их бесспорных художественных достоинств, еще и тем, что отражают состояние природного ландшафта и архитектуры в конце 20-х гг. прошлого века.

В этом же контексте запечатленного в далекие двадцатые годы и уже давно не существующего пейзажа, увиденного глазами наблюдательного и равнодушного человека, стоит упомянуть еще две небольших акварели Н. Н. Воронина, где представлены вид с Козлова вала и Марьянка. Оба городских вида разительно отличаются от того, что можно наблюдать не только сегодня, но и на значительно предшествующих нашему времени photographиях — 40-х, 50-х, 60-х, 70-х годов...

Г. И. Иванова передала в дар музею фотоальбомы семьи Ворониных. Один из них относится к самым ранним годам жизни будущего ученого. Родители фотографировали сына, начиная с рождения и по мере взросления малыша. Этот альбом, названный «Альбом Коли», содержит множество его фотографий от появления на свет до возраста примерно четырех лет. Мы можем видеть на старинных, но очень хорошо сохранившихся качественно сделанных photographиях мальчика на руках у мамы, его с родителями, бабушкой и дедушкой, а также всю семью в саду, за чаепитием, на природе и т. д. Другой альбом, где представлены совсем еще молодой Н. Н. Воронин в окружении родственников и друзей, относится уже к более позднему времени, 1920–30-м гг. Эти photographии, несколько худшие по качеству и сохранности, отражают жизнь и быт иной, советской эпохи.

Пять учебных альбомов для рисования Коли Воронина содержат рисунки самой различной тематики: изображения животных, растений, природы, сказочных персонажей, пейзажей. Некоторые выполнены карандашом, другие — акварелью и маслом. Интересны эти листы не только тем, что отражают талант и интересы будущего известного историка архитектуры и археолога, но и тем, что были выполнены в переломное для страны время, которое запечатлено беспристрастным взглядом совсем еще юного очевидца. Например, октябрём 1917 г. помечена сцена, изображающая

группу крестьянских детей, катающих крашеные яйца на пасху.

Два небольших блокнота и альбом с различными графическими работами Н. Н. Воронина относятся к периоду его студенчества. В это время молодой ученый активно участвует в жизни курса, рисует стенгазеты, дружеские шаржи на товарищей и педагогов. Некоторые работы носят остро-социальный характер, другие — юмористические по характеру, есть серьезные портреты, как правило, изображающие близких друзей и родственников. Зарисовки природы и архитектуры характерны для периода начала 1920-х гг. — богатого на поездки и экспедиции, связанные не только с будущей профессией, но и с личными интересами автора и особенностями студенческой жизни тех лет. Из этих набросков мы можем узнать, к примеру, что учащуюся молодежь Ленинграда в первые годы советской власти отправляли (помимо прочего) на сбор липового цвета в сельскую местность. Все события, иногда курьезные и забавные, Н. Н. Воронин «протоколирует» с интересом и, как будущий археолог и просто внимательный человек, с большой точностью. В университете и в первые годы своей трудовой деятельности молодой ученый создает много остроумных рисунков пером и карандашом, это эскизы для стенгазет и стендов для оформления праздников и общественных мероприятий. Пародийные и веселые, они отражают быт и условия жизни тех лет. Сценка «Проспект совместителей», к примеру, изображает, как служащие из числа «работников умственного труда» мечутся, перебегая в обнимку со своими портфелями из одного учреждения в другое. Эта картинка для начала двадцатых годов была, видимо, очень актуальной: зарплаты, особенно у начинающих ученых и преподавателей, были тогда крайне невелики, и чтобы заработать на жизнь, людям приходилось устраиваться «по совместительству» в несколько организаций сразу.

Еще одна примечательная группа предметов, переданных в этом году музею, — это почтовые открытки и письма самого Н. Н. Воронина и адресованные ему. Они бережно хранились в семье, некоторые раритеты — на протяжении более 110 лет. Есть даже т. н. «открытые письма» начала двадцатого века на французском языке, посланные из-за границы,

а также одна уникальная почтовая карточка, отправленная маленьким Колей на день ангела своему отцу, которая содержит красочное изображение дворца с красной крышей и кипарисов на фоне ночного южного неба с полной луной.

Несколько благодарностей и почетных грамот из семейного архива Ворониных также поступили в музей. Они относятся к разным периодам жизни ученого — и подчас выполнены вручную художниками и оригинально оформлены.

Очень много книг — научных монографий, художественных произведений, путеводителей по городам (Н. Н. Воронин увлекался этими изданиями и коллекционировал их) — были переданы Г. И. Ивановой в дар музею. Как примеры можно привести книги с посвящениями Д. С. Лихачева и В. И. Антоновой. Среди путеводителей встречаются очень ранние (экземпляр, посвященный Мурому 1948 г.).

Завершает состав переданных на хранение материалов другая большая группа книг — принадлежащих перу самого Н. Н. Воронина. Они представлены изданиями начиная с 1940-х годов и заканчивая совсем новыми, вышедшими в свет в начале 2010-х гг. Это не только научные труды, но и сборники стихов, которые были выпущены впервые и очень ограниченным тиражом.

Список литературы

- Макаров Н. А. Николай Николаевич Воронин // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М.: ИА РАН, 2019. С. 242–246.
- Средневековая Русь: сб. ст. памяти Н. Н. Воронина / ред.: Г. К. Вагнер, Д. С. Лихачев, П. А. Раппопорт. М.: Наука, 1976. 367 с.
- Формозов А. А. Роль Н. Н. Воронина в защите памятников культуры России // РА. 2004. № 2. С. 173–180.
- Черепнин Л. В. К семидесятилетию Н. Н. Воронина // Археологический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 218–223.

References

- Cherepnin L. V. K semidesyatiletiiu N. N. Voronina // Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1974 g. Moscow, 1975. P. 218–223.

Formozov A. A. Rol' N. N. Voronina v zashchite pamyatnikov kul'tury Rossii // Rossiyskaya arkheologiya. 2004. 2. P. 173–180.

Makarov N. A. Nikolay Nikolaevich Voronin // Institut arkheologii RAN: 100 let istorii. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2019. P. 242–246.

Srednevekovaya Rus': sb. st. pamyati N. N. Voronina / eds.: G. K. Vagner, D. S. Likhachev, P. A. Rappoport. Moscow: Nauka, 1976. 367 p.

Illustrations

Fig. 1. Untitled drawing depicting the Church of SS Boris and Gleb in Kideksha. Sketch of architectural details: fragment of the façade and apse. Paper, pencil. 20 × 15 cm. N. N. Voronin, 1938. From the private archive of N. N. Voronin

Fig. 2. “Bogolyubovo Court”. Reconstruction of the 12th-century architectural ensemble in Bogolyubovo. Paper, pencil. 15 × 19.5 cm. N. N. Voronin, 1938. From the private archive of N. N. Voronin

T. A. Akimova. A review of materials from the private archive of N. N. Voronin, acquired by the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve

Abstract. This article provides an overview of the recently acquired materials from the Voronin family archive, which are now held by the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve. The study outlines the main categories of items and documents transferred to the museum through the donation of G. I. Ivanova, heir to N. N. Voronin the Elder. It examines the key characteristics and features of the various objects and documents comprising a significant part of the scholar's legacy.

Keywords: N. N. Voronin, scholar, archaeologist, donation, archive, legacy, architecture, Bogolyubovo architectural ensemble, drawings.

Akimova Tatyana Aleksandrovna, candidate of art studies, research fellow at the State Vladimir-Suzdal Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, 43 Bolshaya Moskovskaya St., 600000 Vladimir, Russian Federation, akimova.t@vladmuseum.ru.

Список сокращений

- АА — Архитектурная археология. М.
АДСВ — Античная древность и средние века. Свердловск/Екатеринбург
АН — Архитектурное наследство. М.
АН СССР — Академия наук СССР
БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВНИИР — Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации
ВНИИТАГ — Всероссийский научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства
ВСИАХМЗ — Владимиро-Суздальский историко-архитектурный художественный музей-заповедник
ГИИ — Государственный институт искусствознания
ГКУ ГАСДНО — Государственное казенное учреждение «Государственный архив специальной документации Нижегородской области»
ГМЗ — государственный музей-заповедник
ГМИИ им. А. С. Пушкина — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ГММК — Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева
ГПУ — Государственное политическое управление
ГУОП — Главное управление охраны памятников
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ГЭ — Государственный Эрмитаж
Д. — дело
ДБ — Древности Боспора. М.
ДРИ — Древнерусское искусство
ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИРИ — История русского искусства
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь

- КР-спектроскопия — спектроскопия комбинационного рассеяния
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
- Л. — лист
- ЛНРМЖ ГЭ — Лаборатория научной реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
- МГОПУ им. М. А. Шолохова — Московский государственный открытый педагогический университет имени М. А. Шолохова
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
- НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
- НИИ — научно-исследовательский институт
- НИС — Новгородский исторический сборник. Великий Новгород
- НИЦ — научно-исследовательский центр
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
- ННРУ — Новгородское научно-реставрационное управление
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
- об. — оборот
- ОДРИ ГРМ — Отдел древнерусского искусства Государственного Русского музея
- Оп. — опись
- ПЗГИАХМЗ — Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск
- ПМЗ — Псковский музей-заповедник
- ПЭ — Православная энциклопедия
- РА — Российская археология. М.
- РААСН — Российская академия архитектуры и строительных наук
- РАН — Российская академия наук
- РАХ — Российская академия художеств
- РГБИ — Российская государственная библиотека искусств
- РЭМ — растровая электронная микроскопия
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Свод археологических источников
- СЭМ — сканирующая электронная микроскопия
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.
- Ф. — фонд
- ЦГАМ — Центральный государственный архив г. Москвы
- ЦГРМ — Центральные государственные реставрационные мастерские
- ЦМиАР — Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева
- ЭДС — энергодисперсионная рентгеновская спектроскопия
- ЭРМ — энергодисперсионный рентгеновский микроанализ
- ЯГИАХМЗ — Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
- BSA — British School at Athens
- DOP — Dumbarton Oaks Papers

Правила оформления статей

Материалы пересылаются в редакцию сборника по адресу architectural.archeology@yandex.ru (в качестве дублирующих — zakomara@yandex.ru, jln-arx@yandex.ru, elreserva@ya.ru) в электронном виде с соблюдением следующих правил:

1. Текстовый файл под названием «Фамилия_текст» должен содержать следующие материалы, каждый из которых желательно размещать на новой странице:

- основной текст статьи;
- список литературы (см. ниже, п. 5);
- список подписанных подписей (см. ниже, п. 4);
- аннотация (не более 700 знаков с пробелами);
- ключевые слова (не более 7–10 слов и словосочетаний);
- сведения об авторе (см. ниже, п. 6);
- список сокращений.

Общий объем всех перечисленных текстовых материалов не должен превышать 40 000 знаков с пробелами.

2. Текст должен быть набран с использованием редактора Word: шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — 1,5; форматирование текста должно быть автоматическим. В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается не прописными буквами.

3. Иллюстрации предоставляются в электронном виде, в отдельных файлах формата .tiff или .jpg (они должны называться «Фамилия_автора_1.tiff», «Фамилия_автора_2.jpg» и т. д.), в текст статьи иллюстрации не вставляются. Количество иллюстраций не должно быть больше количества страниц текста статьи, поделенного на 2. Файлы должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. В тексте статьи обязательна разметка (ссылки на номера) иллюстраций. Для иллюстраций дается нумерация арабскими цифрами, в текст вставляются ссылки вида: (ил. 1: а, б), (ил. 2). Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии — с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки — не ниже 600 dpi.

4. В подрисуночной подписи должна содержаться следующая информация: объект, название иллюстрации, автор, дата, для архивных материалов — местонахождение (собрание, город/страна).

Например:

Ил. 1. Знаменская (Пятницкая) церковь во Владимире. Архивная фотография 1958 г. Вид с севера;

Ил. 2. Георгиевский собор Юрьева монастыря. План по уровню промежуточной зачистки пола. Чертеж А. А. Поповой, 2014 г.

В подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. В графический файл подрисуночные подписи и расшифровки условных обозначений не вставляются.

5. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть — издания на кириллице, вторая — на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в общий список. Список литературы составляется в обычном библиографическом порядке. При ссылке на книгу следует указывать количество страниц; при ссылке на статью или раздел в монографии — диапазон страниц данной публикации в издании. Необходимо указывать ответственного редактора книги, а после места издания — издательство. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита.

Например:

Карасев А. Н. Развитие строительно-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья (VII–I вв. до н. э.) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху / отв. ред. А. П. Смирнов. М.: изд-во АН СССР, 1959. С. 126–138.

Масленников А. А. Отчет Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН за 1994 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-И. Д. № 19540. 225 с.

Седов Вл. В. Лестничная башня в Боголюбове (по материалам раскопок 2015 года) // КСИА. 2017а. Вып. 249, ч. II. С. 131–150.

Седов Вл. В. Северный портал собора Рождества Богородицы в Боголюбове // КСИА. 2017б. Вып. 246. С. 56–69.

Böhmer J. F. Regesta imperii. Bd. IV, 2. Wien; Köln: Böhlau Verlag, 1991. 305 S.

Coden F. Sguardo d'insieme all'architettura umbra del Duecento // L'Umbria nel XIII secolo. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 2011. P. 333–420.

Lo Sardo E. E. Kircher's Rome // Athanasius Kircher: The Last Man Who Knew Everything / ed. P. Findlen. New York; London: Routledge, 2004. P. 51–62.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (*Карасев*, 1959. С. 135). Ссылки на источники — оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции — приводятся в скобках в тексте (РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 379. Л. 105) и в список литературы не включаются.

6. К статье прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, ученой степени, полного почтового адреса и полного названия учреждения — места работы, телефонов (для оперативной связи, не для публикации), адреса электронной почты и даты отправления.

Об издании

Издание включено в Единый государственный перечень научных изданий — «Белый список» (2 уровень), в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и в перечень рецензируемых научных изданий (перечень ВАК). В нем публикуются основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

2.1.11. Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия (Архитектура)

5.6.3. Археология (Исторические науки)

5.6.1. Отечественная история (Исторические науки)

5.6.2. Всеобщая история (Исторические науки)

Подписка на издание оформляется по Объединенному каталогу «Пресса России», подписной индекс 79663

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии Российской академии наук

На обложке — крылатая фигурка, найденная в 2023 г. в Успенском соборе г. Владимира (вид спереди). Вторая половина XII в. (к статье И. А. Стерлиговой, стр. 55).

Архитектурная археология = Architectural archeology, № 7 / Институт археологии
А87 Российской академии наук.— Москва: Институт археологии РАН, 2025.— 216 с.

ISSN 2686-6900. ISBN 978-5-94375-483-8

Седьмой номер ежегодника включает материалы конференции «Архитектурная археология — 2024», прошедшей в апреле 2024 г. во Владимире, и ряд статей, подготовленных позднее. В сборник вошли материалы о строительных традициях эллинистического Боспора, эволюции фортификационных сооружений и раннехристианских храмов юга современной территории России, памятниках Северо-Востока и Северо-Запада Древней Руси, архитектуре и археологии Нового времени в России, а также изучении архитектуры и живописи при помощи естественно-научных методов.

УДК 72.025.4:902/904(051)

ББК 85.11я5 + 85.118я5

Главный редактор *Вл. В. Седов*
Заместитель главного редактора *М. В. Вдовиченко*
Редактор *А. В. Меньшиков*
Координаторы *Е. Н. Пророкова* и *М. А. Шахова*
Переводчик *Ю. И. Клушина*
Макет *Н. А. Вознесенского* и *Ю. А. Макусинского*
Верстка и подготовка иллюстраций *А. В. Лазарева*

Подписано в печать 01.12.2025.
Формат 60 × 84 1/8. 25,11 усл.-печ. л.
Заказ № Тираж 100 экз.

Подготовлено в Институте археологии РАН.
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
Тел.: +7 (499) 126-47-98

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ...